САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных статей по материалам всероссийской студенческой научной конференции с международным участием 20 апреля 2022 г.

Под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента ***НАЗАРОВА СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА***

Санкт-Петербург
АНО ВО «СЮА»
2022

ББК 67
А 43

А 43 Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сборник научных статей по материалам всероссийской студенческой научной конференции с международным участием 20 апреля 2022 г. / под общ. ред. к.ю.н., доц. С.В. Назарова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2022. – 404 с.

В сборнике опубликованы научные статьи обучающихся образовательных организаций высшего образования Российской Федерации и Республики Беларусь – участников всероссийской студенческой научной конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной юридической науки и практики», проведённой 20 апреля 2022 года в Санкт-Петербургской юридической академии.

В материалах сборника освещаются актуальные проблемы теории и истории права и государства, публичного и частного права, современное состояние и перспективы развития гражданского и уголовного права и других отраслей юридических наук.

Материалы, опубликованные в сборнике, представляют интерес для преподавателей и студентов юридических вузов и факультетов.

ББК 67

© АНО ВО «СЮА», 2022
© Коллектив авторов, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Павлов В.Г. *Проблемы уголовной ответственности юридических лиц в российском и зарубежном уголовном праве* 7
Абдураимов Ш.С. *К вопросу об интеграции республики Узбекистан в мировую финансовую систему* 12
Автондилов Р.А. *Понятие расчетных правоотношений и их правовое регулирование* 19
Адамчук Д.В. *Процесс цифровизации в странах ЕАЭС* 24
Акимова Д.С. *Проблемы определения правовой презумпции…* 28
Антонова А.А. *Теоретико-правовые аспекты судебного приказа в гражданском судопроизводстве* 32
Балашова К.Д. *Право древнего Китая (историко-теоретический аспект)* 37
Бредгауэр Д.С. *К вопросу об участии законного представителя и защитника в производстве по делам несовершеннолетних* ……..……..... 41
Бредгауэр Д.С. *К вопросу об особенностях допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей* 46
Бровкин А.Р. *Развитие законодательства о виндикационно-правовой защите права собственности …..……..…….* 50
Быконя О.И. *Правовые последствия процедуры мирового соглашения ……..……* 54
Васильева И.А. *Становление и развитие правового регулирования наследования выморочного имущества* 58
Воронкин В.А. *Юридическая доктрина как источник права* .. 63
Городнянская К.А. *Развитие отечественного законодательства о хищении* 66
Городнянская К.А. *Признаки хищения по уголовному законодательству Российской Федерации* …… 72
Губченко О.В. *Сделка по распоряжению долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью требующая одобрения супруга* …… 77
Дементьева Е.В. *Реализация принципов уголовного права в отечественном наказании (признаки уголовного наказания)* .. 81
Дементьева Е.В. *Понятие и значение российской системы наказаний* 85
Дорожко И.В. *К вопросу определения режима оборота оружия как объекта гражданско-правовых отношений* ……. 91
Забелин М.Ю. *Международно-правовая охрана авторских и смежных прав* ….... 95

Зайцева Е.Б. *Вопросы повышения эффективности применения мер административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ст.12.26 КоАП РФ* 99
Зимницкий Д.А. *Проблема уголовной ответственности в законодательстве советского периода* ……... 106
Зубова А.С. *Содержание договора банковского вклада с участием граждан* 110
Зудин Д.С. *Товарный знак: вопросы правового регулирования* 115
Кан А.Р. *Особенности внутрикорпоративных и внешних корпоративных отношений* 120
Кожуркина А.В. *Совместное завещание супругов как новелла российского законодательства* 125
Козлова К.С. *Основные законы Российской империи в контексте современной Конституции РФ* 131
Козлова К.С. *Учение о республике и суверенитете Жана Бодена* 137
Кондрашев Д.Р. *Правовое регулирование отношений по защите аудиовизуальных произведений в сети Интернет* 142
Константинова П.А. *Государственно-правовая проблематика через призму теории и истории естественного права* 147
Крушельницкий Д.А., Барило С.Е. *Форма и порядок совершения завещания в странах англо-саксонской правовой системы* ……..……... 151
Крушельницкий Д.А. *Тестаментоспособность как элемент гражданской правосубъектности* …….. 156
Крылова С.Н. *Ответственность и иммунитет государства* 161
Кузнецов Н.М. *Проблемы использования искусственного интеллекта правоохранительными органами* ……..….. 167
Лабузова А.П. *Понятие и правовое значение завещательных распоряжений* 172
Ламанов Н.Н. *Место необходимой обороны в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния* …..... 177
Леонова Г.В. *Правосубъектность несовершеннолетних родителей* ……..… 182
Литвиненко Я.А. *Нормативно-правовое регулирование общественных отношений, связанных с вынужденными переселенцами в Российской Федерации* 186
Лихоманова В.В. *Окончание гражданского дела без вынесения решения* 190
Лобановский А.А. *Преступность несовершеннолетних в Витебской области Республики Беларусь* 195
Лобановский А.А. *Понятие и современное состояние преступности несовершеннолетних* …… 197

Лотохов Е.А. *Проблемы раздела общего имущества супругов в судебном порядке* 202
Лукашук М.М. *Современное регулирование правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации* 207
Лукошников В.Г. *Условия гражданско-правового договора и принцип свободы договора* ……..…….. 212
Малиновская Е.Г. *Проблемы ликвидации юридических лиц* … 216
Манапова М.М. *Досрочное прекращение полномочий Президента Российской Федерации по состоянию здоровья и в связи с уходом из жизни* 221
Маргулис А.С., Кутина В.П. *Гендерная дискриминация в современном мире* 227
Маркевич Е.В. *Современные проблемы производства по делам, связанным с исполнением судебных актов* 232
Меркушева О.В. *Реализация принципа свободы завещания: концептуальный подход* 235
Михайлова О.П., Анюховская Н.В. *Разграничение понятий дисциплинарного проступка и преступления* 240
Михайлова О.А. *Проблемы регулирования дарения жилых помещений* 243
Мороз О.Л., Мороз И.О. *Действие принципа диспозитивности в суде апелляционной инстанции в гражданском судопроизводстве* 248
Мусатенко А.Э. *Криминалистическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации* 250
Надеин К.В. *История развития законодательства о ничтожных сделках* 256
Ольшевский М.Д., Зуев А.В. *Юридические и нравственные аспекты при регулировании медицинской деятельности* 263
Ольшевский М.Д. *Актуальные проблемы защиты прав граждан в сфере медицинской деятельности* 269
Пацюк А.И., Мазурин С.Ф. *Некоторые аспекты цифровизации отечественной медицины в системе социального обеспечения* 274
Петров О.А. *Правовое регулирование режима коммерческой тайны в зарубежных странах* 279
Плехова С.Л. *Понятие и правовая природа договора на оказание медицинских услуг* ……..... 284
Полин Ю.В. *Внесудебное банкротство как новый институт гражданского права* 288
Прядко А.А. *К вопросу о правовой природе невзаимозаменяемого токена* 294

Савельева А.В. *Правовые основы антимонопольной деятельности в Российской Федерации: общая характеристика* 299
Серикова В.А. *Отдельные вопросы правового регулирования отказа от права в зарубежном законодательстве* 304
Смагин Е.И. *Понятие и сфера применения медиативного соглашения* 310
Смирнова Д.С. *Специфика договора подряда* 315
Строкова А.С. *К вопросу о наказании за кражу* 319
Твердохлебов А.В. *Права участия в имуществе корпорации* .. 324
Терентьева А.Е. *Историко-правовой аспект развития законодательства о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в России* 329
Тиханов П.Г. *Тенденции и перспективы развития современного отечественного гражданского законодательства* 334
Тиханова Ю.Ю. *Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют* 339
Тогулева А.С. *Источники международно-правового и национального законодательного регулирования статуса детей-мигрантов в странах СНГ* 344
Тургаева К.К. *О конституционной модели современного российского государства* 349
Усачёв В.И. *Защита прав и интересов предпринимателей* 353
Фокин С.В. *Особенности развития законодательства о банкротстве в современный период* 358
Ходаковский П.Д. *Информационные войны и способы обеспечения превосходства в них* 364
Хренкова Д.С. *Билингвизм как конституционно-правовое явление в странах постсоветского пространства* 369
Червева А.Н. *Развитие института правосубъектности физических лиц* 373
Черкашина С. *История возникновения договора коммерческой концессии в западных странах и в России* 377
Шматков И.И., Тимофеенко А.Д. *Статус государства-наблюдателя при евразийском экономическом союзе* 382
Шульженко Д.А. *Проблема реализации конституционного права народов на самоопределение* 385
Шустик Ю.О. *Историко-правовой аспект развития норм уголовного законодательства России, предусматривающих ответственность за бандитизм* 391
Ясаков М.А. *Противоправность как условие гражданско-правовой ответственности* 395

ПАВЛОВ Владимир Григорьевич,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерациии, Санкт-Петербургская юридическая академия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин;
pavlovvladimir45@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются проблемы уголовной ответственности юридических лиц в российском и зарубежном уголовном праве.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, юридические лица, уголовное право.*

Уголовная ответственность юридических лиц для уголовного права не нова и достаточно дискуссионна. Она является одной из наиболее сложных и спорных проблем как зарубежного, так и отечественного уголовного права.

В истории отечественного уголовного законодательства известны некоторые случаи уголовной ответственности юридических лиц, которые можно отнести к примерам коллективной ответственности. Если обратиться к Уложению 1845 г., то в ст. 561 данного закона записано, что еврей, укрывавший военного беглеца или рекрута из евреев, не являющегося военнослужащим, подвергается отдаче в рекруты без зачета. Указанная статья предусматривает за это преступление уголовную ответственность всего еврейского общества, в котором укрывался военный беглец из евреев, путем взыскания по 300 рублей за каждого, если оно само его не обнаружило и не представило начальству [1, с. 70].

Такая же коллективная ответственность физических лиц предусмотрена в ст. 530 и ст. 985 Уложения 1885 г. с соответствующими редакционными изменениями и поправками [2, с. 280].

Российское уголовное право и уголовное законодательство традиционно исходят из того, что субъектом преступления, может быть только человек, и это положение прямо вытекает из ст. 19 УК РФ.

Понятие юридического лица определено и в гражданском законодательстве России. Согласно ст. 48 ГК РФ, юридическим лицом признается организация, имеющая обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, которая может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть как истцом, так и ответчиком в суде. К юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют вещные права, относятся и муниципальные унитарные предприятия и учреждения.

Таким образом, наряду с гражданами – субъектами гражданского права – являются и юридические лица, участвующие в гражданском обороте и обладающие рядом специфических признаков. Юридические лица образуются и прекращают свою деятельность в соответствии с законом. Все юридические лица в России проходят государственную регистрацию в обязательном порядке. Как субъекты гражданского права юридические лица отвечают за вред, причиненный в результате своей деятельности в рамках гражданского, административного или таможенного законодательства.

В период наиболее активных дискуссий (1992-1996 гг.) при подготовке проекта УК РФ сторонники уголовной ответственности юридических лиц особо обращали внимание на значительный вред, который причиняется, например, когда совершаются экологические преступления. Особый акцент делался на том, что существующие санкции в гражданском и административном законодательстве неэффективны, поэтому требуется решение данного вопроса в рамках уголовного законодательства.

Сторонники уголовной ответственности юридических лиц не отвергали привлечение к ответственности за совершенные преступления и конкретных физических лиц.

В качестве основных наказаний к юридическим лицам предлагалось применять, например, в виде основных наказаний штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью, а также ликвидацию юридического лица. В качестве дополнительных наказаний в отношении данных субъектов преступления были предложены запрещение заниматься определенной деятельностью и конфискация имущества. Сам же порядок наказания должен определяться уголовно-исполнительным законодательством [3, с. 59].

А вот в опубликованном в 1994 г. Проекте Общей части УК РФ, как отмечал Б.В. Волженкин, запрещение юридическому лицу заниматься определенной деятельностью допускалось и как дополнительное наказание, а при определении основным наказанием ликвидацию юридического лица в качестве дополнительного предлагалось на основании решения суда применять конфискацию как всего, так и части имущества юридического лица [4, с. 9]. Попытки установления уголовной ответственности юридических лиц как субъекта преступления предпринимались и в проектах УК Украины и УК Республики Казахстан. Однако в результате недостаточной проработанности данного института и многочисленных трудностей в его реализации он не нашел своего законодательного оформления в указанных республиках.

Вместе с тем, несмотря, на первый взгляд, на достаточно оригинальные и интересные мысли и идеи об установлении уголовной ответственности юридических лиц, рассматриваемых в качестве субъектов преступления в нашем уголовном законодательстве, они не имели всеобщей поддержки как среди ученых-юристов, так и практических работников. Да и в настоящее время у сторонников непризнания уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления имеется достаточно много веских аргументов против закрепления этого института в действующем уголовном законодательстве.

В данном случае мы можем говорить о принципах личной и виновной ответственности, являющихся основополагающими принципами отечественного уголовного права. Незыблемость и приоритет этих принципов, тесно связанных с другими принципами и различными институтами уголовного права, вряд ли может иметь место при уголовной ответственности юридических лиц. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением А.В. Наумова, что принцип личной виновной ответственности вполне может сосуществовать с принципом ответственности юридических лиц, дополняя последний новым и важным содержанием [5, с. 132].

Уголовный закон всегда связывает ответственность со способностью вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, осознавать свои действия и руководить ими, а само лицо должно достичь установленного законом возраста. Поэтому не случайно в осуществлении правосудия по уголовным делам, как мы уже ранее отмечали, имеет существенное значение установление личной вины и ответственности за совершенное преступление, а в дальнейшем – и индивидуализация наказания.

Вина как основной признак субъективной стороны состава преступления характеризует внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и присуща только физическому лицу, то есть человеку, при установлении которой лицо подлежит уголовной ответственности, а объективное вменение за невиновное причинение вреда, согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ, не допускается. Отсутствие же в уголовном законодательстве ответственности юридических лиц не освобождает от уголовной ответственности конкретных физических лиц, совершивших непосредственно какое-либо преступление в то время, когда они выступали от имени юридического лица. В этом случае в соответствии с принципами личной и виновной ответственности следует говорить об индивидуальной вине каждого субъекта преступления, являющегося членом юридического лица, но не о вине последнего. При ответственности юридического лица речь уже пойдет о коллективной, но не индивидуальной ответственности.

Отказ от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, как отмечают С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, вполне согласуется с принципом персональной, личной ответственности каждого человека за совершенные им преступные действия – одним из основных принципов уголовного права. Каждое лицо отвечает только за то, что совершено его собственными действиями [6, с. 99-100]. С точки зрения целей наказания, которые предусмотрены в отношении физических лиц, являющихся субъектами преступления, к юридическим лицам они не применимы.

Преступление по уголовному праву признается общественно опасным деянием, которое совершается конкретным физическим лицом, обладающим признаками, предусмотренными в законе, являющимся субъектом преступления, способным нести уголовную ответственность и наказание.

Предложение сторонников установления уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления не только подвергалось серьезной критике со стороны противников, но и

не нашло поддержки на законодательном уровне в период перехода государства к рыночной экономике. Не случайно данный институт не нашел своего отражения как в Уголовном кодексе РФ 1996 г., так и в Модельном УК для государств – участников СНГ, да и противников установления уголовной ответственности юридических лиц среди ученых-юристов значительно больше, чем сторонников.

Высказывают свое отношение к данной проблеме и практические работники, к мнению которых следует также прислушиваться. Об этом может свидетельствовать проведенное нами в 1999-2000 гг. анкетирование прокуроров, следователей и судей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В результате анкетирования были получены следующие данные.

Так, на вопрос «Как вы относитесь к установлению уголовной ответственности юридических лиц?» из всех опрошенных 40,5% ответили, что данный вопрос требует изучения; 38,7% – против установления такой ответственности; 15,3% были за установление уголовной ответственности юридических лиц, а 5,5% ответили, что постановка этого вопроса преждевременна. Прокуроры (18%) и судьи (15,3%) считали, что институт уголовной ответственности юридических лиц требует дальнейшего изучения. Аналогичного мнения придерживалось 7,2% следователей.

Итак, проблема уголовной ответственности юридических лиц, как мы уже неоднократно отмечали, до сих пор является дискуссионной в нашем уголовном праве. Не потеряла она своей актуальности и после принятия УК РФ 1996 г., в ст. 19 которого впервые в отечественном уголовном законодательстве записано, что уголовной ответственности подлежит только физическое лицо, достигшее соответствующего возраста, установленного законом.

Вместе с тем следует заметить, что важнейшие институты российского уголовного права (уголовная ответственность, наказание, соучастие, необходимая оборона, крайняя необходимость и другие) традиционно разрабатывались и совершенствовались в соответствии с основополагающим положением, что субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо. Да и понятия, которыми оперирует уголовное законодательство (преступление, вменяемость и невменяемость, вина, мотив, цель, приготовление к преступлению, покушение на преступление и т.п.), практически неприменимы к юридическим лицам. При этом статьи 10-13 УК РФ указывают, что действие уголовного закона распространяется на российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства, то есть физических лиц, совершивших соответствующее преступление.

Все это полностью отвечает задачам уголовного закона (ст. 2 УК) и нашедшим впервые свое законодательное закрепление (ст. 3-7 УК), а также установлению ответственности и неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Однако введение ответственности юридических лиц в российское уголовное законодательство потребует коренной переработки многих его институтов, особенно связанных с понятием преступления и наказания.

Необходимость полного и всестороннего изучения обозначенной проблемы диктуется тем, что в теории существуют спорные вопросы,

связанные с понятием «субъект преступления». Всякая проблема в конечном итоге требует своего разрешения, не исключением является и проблема уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления. Однако для этого необходимы глубокие комплексные исследования и усилия не только специалистов уголовного права, но и ученых в области других наук.

Поэтому, не вступая в противоречие с вышеприведенными доводами, автор как сторонник сохранения существующего положения в уголовном законе считает, что при любых условиях и обстоятельствах этой проблемой надо заниматься, да и сам уголовный закон требует постоянного уточнения, совершенствования на современном этапе развития нашего общества и государства.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. Отд. 1. – СПб., 1846. – 1045. с.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / сост. Н.С. Таганцев – СПб., 1908. – 959. с.

3. Келина, С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового кодекса УК Российской Федерации / С.Г. Келина // Уголовное право: новые идеи: сб. – М., 1994. – С. 59-60.

4. Волженкин, Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Б.В. Волженкин. – СПб., 1998. – 40. с.

5. Наумов, А.В. Перспективы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве. Актуальные проблемы уголовного права. Курс лекций / А.В. Наумов; под ред. О.С. Капинус. – М., 2017. – 488. с.

6. Келина, С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. – М., 1988. – 176. с.

АБДУРАИМОВ Шарифжон Саминжон угли,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент; abduraimovsh@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В МИРОВУЮ ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ

В статье дан анализ процесса, структуры и элементов перехода Республики Узбекистан к международным стандартам финансовой отчетности.

Ключевые слова: *международные стандарты, финансовая отчетность, мировая финансовая система, Узбекистан, интеграция, унификация.*

Современная всемирная универсальная система сотрудничества государств с ее опорой на международное право и систему ООН – это закономерный результат эволюции нашей цивилизации: потребность в собственной защите есть естественная потребность человека и общества. Сложившийся к настоящему времени механизм международно-правового регулирования межгосударственных отношений направлен на решение проблем, связанных с обеспечением международного мира и безопасности и реализацией его субъектами международного права. Создание норм международного права основано на согласовании позиций и воль заинтересованных государств [1, с. 33].

Изучение этих позиций имеет большое значение для конструирования возможных вариантов их сближения, что подчеркивает роль науки международного права в этих процессах. [2, с. 18.]

Вопреки введенным экономическим и политическим санкциям, исключить Российскую Федерацию из международного сотрудничества невозможно, также как невозможно остановить общие процессы глобализации, интернационализации экономических, политических и общественных отношений.

Указанные процессы неизбежно приводят к созданию мирового рынка, для которого не существует национальных границ. Создаются и успешно действуют транснациональные корпорации, имеющие предприятия в различных странах мира. Государства развивают сотрудничество в рамках единого экономического пространства в глобальном и региональном масштабах.

Узбекистан и Россия – это государства, обоснованно считающие друг друга стратегическими партнерами: наше сотрудничество охватывает эффективное политическое взаимодействие, борьбу с транснациональными преступлениями и терроризмом; в последнее десятилетие наблюдается рост экономического сотрудничества между нашими странами как двустороннего, так и регионального. Наблюдается устойчивый рост товарооборота между нашими странами, трудовой миграции, увеличивается количество наших совместных предприятий.

Поэтому анализ процесса, структуры и элементов перехода Республики Узбекистан к международным стандартам финансовой отчетности, несомненно, является актуальным и полезным для последующего экономического сотрудничества наших стран.

Глобализация, интернационализация экономических и финансовых отношений, а также другие объективные причины и потребности послужили предпосылками формирования системы учетной информации на международном уровне – Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). МСФО представляют собой систему правил ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской отчетности, функционирующую на международном уровне. В связи с интеграцией Республики Узбекистан в мировое сообщество возникла объективная потребность унификации бухгалтерского учета и приведения основных принципов бизнеса к международным стандартам.

Опыт практической деятельности в сфере перехода к международным стандартам финансовой отчетности республики Узбекистан, содержание и элементы этого процесса, несомненно, требуют внимания и обобщения.

Введение МСФО в Республике Узбекистан – это новый этап развития бухгалтерского учета, присоединения отечественной учетной практики к англо-американской системе ведения бухгалтерского учета.

Данная система основывается на следующих декларируемых принципах:

- принцип профессионального регулирования;
- принцип приоритета экономического содержания над правовой формой отражаемых хозяйственных фактов и определяющей роли профессионального суждения бухгалтера и др.

Отмечается, что число предприятий и компаний, которые составляют отчетность по международным стандартам за последние нескольких лет, в Республике Узбекистан незначительно. Однозначного и идеального варианта формирования функции МСФО не существует. Несмотря на то, что число специалистов, применяющих, изучающих и интересующихся имеется существенный недостаток квалифицированных кадров. Лишь незначительное число составителей отчетности имеют квалификацию по МСФО, подтвержденные международными сертификатами, а также опыт работы в данной сфере. Это может негативно сказаться на качестве отчетности по МСФО, составляемой организациями, ставит под сомнение ее достоверность, снижает инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность предприятий. [3, с. 113].

Сталкиваясь с необходимостью подготовки отчетности по МСФО, большинство узбекских компаний реализуют ее через процедуру трансформации, не принимая в расчет другой эффективный способ решения этой проблемы – разработку качественной учетной политики, содержащей методологические правила бухгалтерского учета и составления отчетности, нацеленные на реализацию требований МСФО. Если проанализировать содержание корректировок, производимых акционерными обществами при трансформации узбекской отчетности в международную, то окажется,

что большинство из них обусловлено фактическим содержанием учетной политики, а не требованиями НСБУ.

Ведение параллельного учета требует составления плана счетов в формате, соответствующем МСФО, переноса остатков из узбекских счетов на счета нового плана с одновременными корректировками и дальнейшим ежедневным ведением параллельного учета.

В соответствии с той же ст.102 Закона республики Узбекистан «Об акционерных обществах и защите прав акционеров» АО обязаны аудировать финансовую отчетность по МСФО в соответствии с МСА [4, с. 37].

К сожалению, множество аудиторских заключений по МСА, которые должны публиковаться вместе с годовой финансовой отчетностью по МСФО, не соответствуют форме, требуемой стандартом МСА 700 (пересмотренный). Аудиторы продолжают «рисовать» аудиторские заключения по форме, утратившей актуальность.

В подавляющем большинстве аудиторских заключений по МСА по результатам проверки финансовой отчетности компаний, чьи ценные бумаги допущены к организованным торгам, полностью отсутствует раздел «Ключевые вопросы аудита», а в большинстве случаев в аудиторском заключении выражено немодифицированное мнение [5, с. 45].

И в приложении к этому заключению мы видим либо неполный комплект финансовой отчетности; либо комплект финансовой отчетности АО, в котором не соблюдается требование о подготовке консолидированной финансовой отчетности; либо финансовая отчетность отсутствует вовсе.

В данном случае есть ряд участников процесса подготовки отчетности к публикации, которые могут нарушать требования как к ее подготовке, так и к публикации. В этом вопросе необходимо установить контроль ответственности этих участников (как аудиторов, так и руководителей отчитывающихся АО) со стороны регулятора [6, с. 99].

Анализ сложившейся ситуации позволяет выделить следующий список проблем:

1. Отсутствие квалифицированных аудиторов и консультантов по МСФО и МСА.

Первое, что обычно указывают в таких случаях, – отсутствие квалифицированных специалистов.

Фактически финансовую отчетность по МСФО в АО готовят не сотрудники самого предприятия, а в подавляющем большинстве случаев – привлеченные внешние консультанты и даже аудиторы, которые сами же потом ее и аудируют.

Поэтому следует говорить об отсутствии квалифицированных специалистов не только и не столько на самих предприятиях (в подавляющем большинстве предприятий не созданы отделы по подготовке финансовой отчетности по МСФО), а об отсутствии квалифицированных консультантов и аудиторов.

2. Слабое корпоративное управление в АО.

Вторая очевидная причина – слабое корпоративное управление в АО и формальный подход к оценке его качества со стороны регулятора

– государственного органа. В более развитых странах эффективное корпоративное управление предполагает, помимо прочего, и эффективную систему учета, подготовки финансовой отчетности и аудита (как внутреннего, так и внешнего).

3. Главная причина имеющихся в сфере анализа трудностей – отсутствие эффективной системы государственного контроля за качеством финансовой отчетности по МСФО и аудита по МСА.

В отличие от многих развитых и развивающихся стран в Узбекистане нет эффективной системы государственного контроля над качеством финансовой отчетности по МСФО и аудита этой отчетности по МСА. Отсутствие ответственности со стороны предприятий за качество представляемой финансовой отчетности по МСФО позволяет руководству этих предприятий формально относиться к данному вопросу. Поэтому просто наличия квалифицированных специалистов, равно как и системы корпоративного управления, для обеспечения качества финансовой отчетности по МСФО недостаточно. Отсутствие эффективного контроля не позволяет запустить процесс обратной связи между требованием государства о соблюдении качества финансовой отчетности по МСФО и конечным спросом на квалифицированных специалистов по МСФО и МСА [8, с. 97].

Предлагается следующее:

1. Создать эффективную государственную систему контроля за качеством подготовки финансовой отчетности по МСФО на основе передовой мировой практики. Предлагаем создать в структуре Министерства финансов Республики Узбекистан (либо в структуре Агентства по развитию рынка капитала) отдел по мониторингу и проверке финансовой отчетности по МСФО, разработать для него соответствующие положения и наделить его соответствующими полномочиями. Без этого главного системообразующего фактора любые прочие мероприятия будут малоэффективными и ненадежными, как показывает мировой опыт.

2. Создать условия для качественного, глубокого и доступного изучения МСФО и МСА в системе высшего и дополнительного образования, в первую очередь – на узбекском языке.

3. Привлекать международные сертификационные программы в области финансов и бухгалтерского учета (ACCA, CIMA), в том числе – с возможностью локализации на узбекском языке.

4. Законодательно ограничить проведение аудиторской проверки аудиторской организацией и аудитором, оказывающими данному юридическому лицу в период, охватываемый аудиторской проверкой, следующих профессиональных услуг:

- постановка бухучета в соответствии с МСФО;
- восстановление бухучета в соответствии с МСФО;
- ведение бухучета в соответствии с МСФО;
- составление финансовой отчетности в соответствии с требованиями МСФО [6, с. 67].

В настоящее время обязательные требования к прохождению обучения и получению сертификатов (дипломов) МСФО в Узбекистане не установлены, но планируется ввести данное требование для аудиторов и главных бухгалтеров.

В обычной практике все аудиторы проходят добровольное обучение МСФО, так как без такой подготовки сдать экзамены для получения квалификационного сертификата аудитора маловероятно.

В Узбекистане достаточно широко представлены специальные программы обучения МСФО и аттестации специалистов, среди основных программ можно выделить следующие:

• в системе высшего образования: Ташкентский финансовый институт, Ташкентский Государственный экономический университет и др.;

• обучение МСФО бухгалтеров: CIPAEN, ACCA, ДипИФР;

• обучение МСФО аудиторов проводится в ходе подготовки к квалификационному экзамену и специальные программы обучения МСФО аудиторов в системе непрерывного повышения квалификации: CIPAEN, ACCA ДипИФР;

• обучение МСФО преподавателей высших учебных заведений: CIPAEN, ACCA ДипИФР;

Положительно влияет на указанные процессы национальная аттестация специалистов по вопросам МСФО общественными объединениями бухгалтеров и аудиторов в рамках профессиональной сертификации, осуществляемая при поддержке государственных структур [5, с.47].

24 февраля 2020 года Президент Республики Узбекистан подписал постановление № 4611 «О дополнительных мерах по переходу на международные стандарты финансовой отчетности», открывающий новую страницу в истории перехода на МСФО в Республике Узбекистан. Принятый документ предусматривает кардинальный пересмотр процесса координации и подготовки к переходу на МСФО субъектов предпринимательства. Среди новелл, введенных этим документом, можно отметить следующие:

1. Определен перечень лиц, которые будут составлять финансовую отчетность на основе МСФО, начиная с итогов 2021 года в обязательном порядке. В данный перечень вошли акционерные общества, коммерческие банки, страховые организации и юридические лица, отнесенные к крупным налогоплательщикам. Для этого указанные лица должны будут организовать ведение бухгалтерского учета на основе МСФО с 1 января 2021 года, а также обеспечить достаточную для качественного применения МСФО численность работников бухгалтерских служб. Кроме того, начиная с 2020 года Агентство по управлению государственными активами будет ежегодно утверждать и публиковать до 1 июня График перехода хозяйственных обществ с государственной долей и государственных предприятий на ведение бухгалтерского учета и составление финансовой отчетности на основе МСФО.

2. Министерство финансов Республики Узбекистан определено уполномоченным органом по внедрению МСФО с возложением на него соответствующих функций, для выполнения которых в структуре министерства будет создан Отдел координации внедрения международных стандартов финансовой отчетности и внешнего контроля качества [5, с. 22-24, 37].

3. Принимая во внимание необходимость подготовки значительного числа квалифицированных специалистов, владеющих

необходимыми знаниями и навыками, документом предусматривается принципиально новый комплексный подход к подготовке национальных кадров.

4. В период 2020-2025 годов впервые из республиканского бюджета Республики Узбекистан будут возмещаться расходы на обучение, повышение квалификации по МСФО, а также первоначальную регистрацию и регистрацию на экзамен в Республике Узбекистан в рамках международной сертификации бухгалтеров (по программе АССА). Следует особо подчеркнуть, что данный механизм будет распространяться на педагогические кадры по дисциплинам «Бухгалтерский учет» и «Аудит» высших образовательных учреждений, работников государственных органов, а также студентов и выпускников (в течение 6 месяцев после окончания) высших образовательных учреждений.

5. Претенденты, имеющие международный сертификат бухгалтера, имеют право на зачисление без сдачи вступительных экзаменов в магистратуру по специальности «Бухгалтерский учет» и «Аудит» высших образовательных учреждений на платно-контрактной основе [6, с. 99].

Ожидается, что данные меры позволят не только своевременно подготовить необходимое количество квалицированных практикующих специалистов в области МСФО в республике, но и обеспечат создание национальной системы подготовки кадров, что, несомненно, открывает новые перспективы для международного сотрудничества Российской Федерации и республики Узбекистан в сфере образования.

Кроме того, указанным документом даны поручения Министерству финансов.

6. Заключить соглашение с Фондом международных стандартов финансовой отчетности, являюшимся международной независимой организацией по разработке и утверждению единых стандартов финансовой отчетности, а также покрывать расходы, связанные с мероприятиями по переводу текстов МСФО и разъяснений к ним на государственный язык.

7. Совместно с Министерством высшего и среднего специального образования по результатам изучения международной практики подготовки специалистов в сфере бухгалтерского учета и аудита внести предложения о возможности сокращения срока очной формы обучения по направлению образования бакалавриата «Бухгалтерский учет и аудит» [7, с. 117].

Все вышесказанное позволяет нам сделать комплекс выводов о процессе, структуре и элементах перехода одного из ближайших стратегических партнеров Российской Федерации Республики Узбекистан к международным стандартам финансовой отчетности в период 2020-2025гг.

В этой связи можно спрогнозировать основные направления деятельности органов государственной власти республики Узбекистан в связи с ее задачей интеграции в мировую финансовую систему:

1. разработка методов популяризации применения МСФО в практической деятельности предприятий;

2. повышение квалификации специалистов по международной отчетности на государственном уровне;

3. увеличение количества и доступности достоверной информации по МСФО, включающую в себя обобщение и анализ положительной практики применения МСФО компаниями;

4. адаптация зарубежного опыта применения МСФО как на уровне государства в целом, так и положительного опыта иностранных компаний;

5. разработка доступных широкому кругу специалистов программы обучения и повышения квалификации по МСФО, поддерживаемые государством и признаваемых на международном уровне;

6. разработка оптимального порядка составления и состав первичных документов в целях интеграции к международным стандартам финансовой отчетности.

В процессе своего последующего сотрудничества с республикой Узбекистан Российская Федерация будет вынуждена учитывать рассмотренные в настоящей статье процессы и тенденции.

Список литературы:

1. Савченко, М.С. Многополярность и всеобщая безопасность: проблемы теории и практики / М.С. Савченко // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 1 (50).
2. Прохорова, М.Ю. Методологические подходы при изучении правовых аспектов моделей международного сотрудничества / М.Ю. Прохорова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1 (46).
3. Абдувахидов, Ф.Т. Междуна-родные стандарты финансовой отчетности / Ф.Т. Абдувахидов, З.А. Умаров, К.Н. Джураев. – Т.: ТДИУ. 2018. – 220 с.
4. Наврузова, К.Н.. Международные стандарты финансовой отчетности / К.Н. Наврузова, Н.Ф. Каримов, У.Д. Ортиков. – Т.: ТДИУ, 2019. – 106 с.
5. Хабарова, Л.П. Международные стандарты финансовой отчетности: Практич. Пособие / Л.П. Хабарова. – М.: Бухгалтерский бюллетень, 2019. – 320 с.
6. Ибрагимов, А.К. Международные стандарты финансовой отчетности. Конспект лекций. 2-е издание / А.К. Ибрагимов. – Тошкент, Молия, 2019. – 202 с.
7. Маткаримов, Д.М. Международные стандарты финансовой отчетности: Учебник / Д.М. Маткаримов. – Т.: ТДИУ. 2019. – 126 с.
8. Исманов, И.Н. Международные стандарты финансовой отчетности, 2-е изд. / И.Н. Исманов. – Т.: ТДИУ, 2018. – 234 с.

АВТОНДИЛОВ Роман Арсенович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
221548@yandex.ru

ПОНЯТИЕ РАСЧЕТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются особенности расчетных правоотношений и их правовое регулирование.

Ключевые слова: *расчетные правоотношения, денежные средства, наличные расчеты, безналичные расчеты, внутренние расчеты, международные расчеты, платежный механизм.*

Расчетные правоотношения решают задачу надлежащего оформления передачи денежных средств от должника к кредитору и опосредуют осуществление платежей (встречное удовлетворение) в соответствии с условиями различных сделок (за передачу имущества, за выполненные работы, за оказанные услуги и т.д.).

Расчетные правоотношения возникают в том случае, когда исполнение денежного обязательства производится путем перечисления денежных средств, находящихся на банковском счете должника, что предполагает обращение плательщика за услугами обслуживающего его банка по переводу соответствующих денежных средств в банк, обслуживающий кредитора (получателя денежных средств). Только в этом случае возникают специфические правоотношения с обязательным участием банка (банков), требующие специального правового регулирования. Их целью (со стороны плательщика) является погашение денежного обязательства перед кредитором (или выполнение его обязанности по уплате налоговых или иных обязательных платежей в бюджет) путем уменьшения объема своих прав требования по отношению к банку по заключенному с последним договору банковского счета и соответствующего увеличения объема прав требования кредитора или государства (получателя денежных средств) по отношению к обслуживающему его банку на основании такого же договора банковского счета [1, с. 59].

Все расчеты подразделяются на наличные, когда должник вручает кредитору деньги в «натуральной» форме (банковские и казначейские билеты, монеты и т.д.) и безналичные (через кредитную организацию).

Расчетные правоотношения при проведении наличных расчетов, как правило, возникают между субъектами гражданско-правового обязательства, при проведении безналичных – между субъектами гражданско-правового обязательства и кредитной организацией.

Применение наличных или безналичных расчетов зависит от субъектов расчетных отношений и того основания, по которому производится платеж.

Российская юридическая наука уделяет расчётам достаточно большое внимание. И это не удивительно, т.к. человек как существо социальное, живущее по законам общества, не может не являться

субъектом расчётных правоотношений. В течение своей жизни мы бесчисленное количество раз становимся участниками наличных расчётов, и в последнее время всё чаще участниками безналичных расчётов.

Необходимость выделения расчётных правоотношений как самостоятельного правового института вызвана тем, что оборот безналичных денежных средств требует специального правового регулирования, обеспечивающего выполнения «денежными средствами на банковском счёте» денежных функций.

Основы правового регулирования денежных расчетов заложены в Конституции РФ. Согласно п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, гражданское законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации. Таким образом, все отношения, входящие в предмет правового регулирования гражданского законодательства, в том числе и отношения по осуществлению безналичных расчетов, могут быть регламентированы только нормативно-правовыми актами федерального уровня.

Конституция РФ является высшим законодательным актом в Российской Федерации. Согласно ст. 8 Конституции РФ, в Российской Федерации гарантируются свободное перемещение финансовых средств. Это является важной конституционной нормой, определяющей принцип всего законодательного регулирования отношений, связанных с перемещением финансовых средств, включая денежные средства на счетах в кредитных организациях.

Согласно ч. 4 ст.15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Проблема применения международных норм при правовом регулировании безналичных расчетных отношений является достаточно актуальной и на сегодняшний момент не имеющей единодушного разрешения.

Т.А. Иванова приходит к выводу, что международный опыт, безусловно, полезен для нашей страны, но подобные заимствования должны осуществляться последовательно, продуманно, с учетом специфики отечественной правовой системы и сложившейся практики осуществления расчетов [2, с. 51]. С таким выводом трудно не согласиться.

Необходимо отметить, что Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов и Унифицированные правила по инкассо в юридической литературе традиционно рассматриваются в качестве источников международного частного права и, соответственно, регулируют отношения при наличии хотя бы одного из следующих факторов: один из субъектов отношений является иностранным физическим или юридическим лицом; объект отношения находится на иностранной территории; юридический факт, с которым связано возникновение, изменение или прекращение правоотношений, происходит за границей [3, с. 104].

По справедливому замечанию А.А. Кирилловых, при внутренних расчетах «на территории Российской Федерации Унифицированные

правила, даже при наличии на них ссылки в аккредитиве, не применяются, поскольку они не рассматриваются как территориальный обычай» [4, с. 55].

Таким образом, применение международных норм при регулировании безналичных расчетных отношений, на наш взгляд, должно осуществляться в том случае, когда данные отношения осложнены иностранным элементом. А несоответствие положений ГК РФ в сфере безналичных расчетов положениям международных норм, по нашему мнению, не должно рассматриваться как нарушение принципа приоритета международного права перед национальным законодательством, закрепленного ч. 4 ст.15 Конституции РФ.

Следующими по юридической силе после Конституции РФ и международных норм нормативно-правовыми актами являются федеральные законы. Среди наиболее важных в аспекте правового регулирования безналичных расчетных отношений федеральных законов следует назвать ГК РФ. Основные положения касательно осуществления обязательств по безналичным расчетам содержатся в гл. 46 ГК РФ. Глава 46 «Расчёты» является новой для ГК РФ. В ГК РСФСР 1964 г. вопросы, связанные с осуществлением безналичных расчётов, подробно не регулировались и были предметом банковских правил. С введением гл. 46 в ГК РФ законодатель поставил нормы о расчётах в легальное, «узаконенное» положение, когда расчёты стали регулироваться на уровне федерального законодательства.

Отношения, возникающие в сфере безналичных расчётов, регулируются нормами не только ГК РФ, но и специальных федеральных законов.

Концептуальные изменения в правовом регулировании расчетов связаны с вступлением в силу Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [5] (далее – Закон о НПС). Закон о НПС устанавливает правовые и организационные основы национальной платежной системы.

Ряд принципиальных положений относительно осуществления безналичных расчетов содержится в так называемых банковских законах:

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [6] (далее – Закон о банках). В Законе о банках содержится определение банка как кредитной организации; закрепляется право банков при наличии лицензии на осуществление таких банковских операций как открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц, осуществление расчетов по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам и др.

2. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» [7] (далее – Закон о ЦБ) закрепляет полномочия Банка России по выдаче лицензий банкам и иным кредитным организациям на осуществление банковских операций, по надзору за соблюдением банками и кредитными организациями законодательства Российской Федерации (в том числе в сфере осуществления безналичных расчетов), по установлению правил осуществления расчетов в Российской Федерации и др.

3. Нормы, регулирующие осуществление безналичных расчетов с использованием новых информационных технологий, закреплены в ряде других федеральных законов.

Следует отметить, что, несмотря на некоторые недоработки и несовершенства действующего законодательства в отношении денежных расчётов, замечена положительная динамика правового регулирования.

В данный момент ещё нельзя говорить о сформировавшейся системе правовых актов, регулирующих осуществление денежных расчётов в РФ. Несмотря на положительные тенденции правового регулирования, российское законодательство в области регулирования расчетных отношений далеко от совершенства. В последнее время все большей популярностью расчеты с применением банковских карт. В РФ электронные расчеты стали быстро внедряться сразу в двух звеньях системы безналичных платежей: на уровне банк-клиент, а также на уровне банк-банк. Распространение банковских платежных карточек на территории России говорит о бесспорной выгоде данной формы расчётов, однако до сих пор отсутствует единый нормативно-правовой акт, принятый на федеральном уровне который бы содержал основы правового режима электронных расчетов, их виды, круг субъектов, корреспондирующие права и обязанности участников, схему осуществления расчетов и ответственность сторон. Кроме того, существует законодательный вакуум в отношении клиринговой формы расчётов, оказывающий отрицательное воздействие на функционирование кредитно-расчетной сферы. Появились новые способы преступных посягательств на объекты данной сферы, что вызывает необходимость определения системы мер, направленных на борьбу с ними.

Платежный механизм представляет собой важнейший элемент банковской системы и рыночной экономики в целом и должен быть всенепременно урегулирован на высоком уровне, отвечающей его общественной значимости.

Подводя итог рассмотрению современных проблем гражданско-правового регулирования наличных и безналичных расчетов, можно сделать ряд выводов.

Под безналичными расчетами понимаются расчеты по гражданско-правовым сделкам и иным основаниям (например, по уплате налоговых и иных обязательных платежей в бюджет и внебюджетные фонды) с использованием для этого остатков денежных средств на банковских счетах. При безналичных расчетах средством платежа служат не деньги, а права требования к банку.

Понятие «расчетные правоотношения» является родовым понятием и поглощает такие видовые понятия, как «наличные расчеты» и «безналичные расчеты».

Наличные расчеты являются составной частью гражданско-правового обязательства, во исполнение которого они производятся и вне рамок данного обязательства не существуют. Безналичные расчеты выделяются в обособленную группу самостоятельных правовых отношений по следующим критериям: 1) отсутствие физической передачи (перемещения) денег; 2) вовлечение в правоотношения

безналичных расчетов третьих лиц – банков, обслуживающих должника и кредитора денежного обязательства.

Применение международных норм при регулировании безналичных расчетных отношений должно осуществляться в том случае, когда данные отношения осложнены иностранным элементом. А несоответствие положений ГК РФ в сфере безналичных расчетов положениям международных норм не должно рассматриваться как нарушение принципа приоритета международного права перед национальным законодательством, закрепленного ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

На сегодняшний момент не приняты направленные на конкретизацию положений о безналичных расчетах федеральные законы, принятие которых предусмотрены рядом статей ГК РФ: п. 3 ст. 867 ГК РФ и п. 2 ст. 874 ГК РФ установлено, что порядок осуществления расчетов соответственно по аккредитиву и инкассо регулируются законом, принятым в установленном порядке.

Список литературы:

1. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

2. Иванова, Т.А. Международные денежные расчеты во внешнеэкономических отношениях / Т.А. Иванова // Юрист. – 2020. – № 8. – С. 50-53.

3. Барило, С.Е. Актуальные проблемы торгового права: учебное пособие / С.Е. Барило, К.О. Брикса, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 136 с.

4. Кирилловых, А.А. Формы осуществления расчетов в отношениях между продавцом и потребителем: правовые аспекты / А.А. Кирилловых // Право и экономика. – 2018. – № 6. – С. 51-57.

5. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 31.12.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

7. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

АДАМЧУК Дарья Васильевна,
ВГУ имени П.М. Машерова, студент;
adamchukdar1@mail.ru

ПРОЦЕСС ЦИФРОВИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЕАЭС

Статья посвящена рассмотрению процесса внедрения цифровизации в страны ЕАЭС, трудности реализации, и как это повлияло на экономику всех стран-участниц.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая экономика, ЕАЭС, электронное декларирование, технологи, ИКТ.*

В наши дни идет активное внедрение цифровизации в мировую экономике. Использование новых технологий способствует переходу к цифровой экономике во всех странах мира.

Цифровизация – это внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. Другими словами, те функции, которые раньше выполнялись вручную, теперь можно выполнить дистанционно в электронном виде: онлайн-услуги, торговля через интернет, электронные платежи, электронный документооборот. Благодаря цифровизации, можно лучше (а главное – намного быстрее) выполнять любые операции, даже те, которые раньше казались недоступными в использование. Одним из главных плюсов является тот факт, что большую часть функций совершают машины, а не люди, а устройствам выплачивать зарплату не нужно. Роботы могут выполнять монотонную работу, которую раньше делал человек на производстве, организовывают и контролируют производственные и трудовые процессы. Это существенно снижает финансовые и временные затраты. Автоматизация всех сфер жизни так же ведет к активному развитию цифровой экономики.

В современных условиях цифровая торговля вытесняет традиционную. На данный момент уже почти все страны мира либо перешли, либо находятся в процессе перехода на цифровизацию всех функций. В современных условиях это неизбежный процесс, без которого уже невозможен экономический рост. При этом в развитых странах цифровая экономика занимает в среднем 18,4% ВВП (от 10 до 35%), а в развивающихся – от 2 до 18%. И с каждым годом объем цифровой экономики лишь растет. На данный момент США является страной с самым большим объемом цифровой экономики, на втором месте стоит Китай. Например, по оценкам Европейской комиссии, построение единого цифрового рынка ЕС может ежегодно приносить в экономику Евросоюза до 415 миллиардов евро, создавать новые рабочие места, а также формировать общество, основанное на знаниях [2, с. 1].

Страны-участницы ЕАЭС на государственном уровне реализуют стратегические документы по развитию цифровой экономики. Приняты «Стратегия цифровой трансформации до 2030 г.» в Армении, «Декрет о развитии цифровой экономики» в Беларуси, программа «Цифровой Казахстан», в Кыргызстане – программа цифровой трансформации «Таза Коом». Данные инициативы стран-членов ЕАЭС

показывают, что государства принимают активное участие в цифровой трансформации национальных экономических систем [1, с. 33].

По распоряжению совета ЕЭК № 6 от 17 марта 2016 года об формирование цифрового пространства ЕАЭС, а также Заявлением о Цифровой повестке ЕАЭС, подписанным 26 декабря 2016 года главами государств-членов. Цифровая повестка – это программный документ, цель которого – организовать совместное взаимодействие для развития цифровизации, совместное развитие цифровой и национальной экономики и запуск современных инновационных проектов. Также это должно привести к появлению новых видов услуг и рабочих мест, повышению производительности и конкурентоспособности на мировом рынке.

Перед запуском Цифровой повестки Евразийская экономическая комиссия проанализировала опыт Европейского союза, опыт других объединений – выйти на правильный курс действий и достичь лучшего результата.

Благодаря этому смогли выделить следующие приоритеты для развития цифровизации в ЕАЭС:

- образование единого цифрового рынка;
- создание единого цифрового пространства для взаимной торговли;
- создание общей нормативно-правовой базы цифровизации ЕАЭС;
- увеличению занятости в отрасли ИКТ.

Создание единого цифрового рынка стало важнейшей политической задачей, но это не так просто организовать, так как государствам придется столкнуться с рядом проблем: недостаточная техническая развитость во всех странах-участниц, рост киберпреступности и риск снижения доверия к сетям, недостаточный объем инвестиций, еще недостаточный уровень цифровой грамотности в момент реализации проекта.

Особое внимание следует уделить разработке программы ЕАЭС для поддержки совместимости решений и обеспечения технологической совместимости, имеющих решающее значение для успешного развития цифровой экономики, а также усилить требования по обеспечению кибербезопасности в странах ЕАЭС. Важно расширить действующий подход стандартов ИКТ. Эти подходы должны укрепить положение ЕАЭС в цифровизации и гарантировать права и безопасность пользователям.

К сожалению, на данный момент у ЕАЭС нет полноценной законодательной базы и нормативно-юридических регуляторов, что является явным минусом.

Чтобы ускорить процесс в создании общей нормативно-правовой базы, необходима правовая совместимость. Совместимость гарантирует, что законодательство направлено на обеспечение беспрепятственного экономического сотрудничества, а обмену данными придается надлежащий юридический вес.

В 1 октября 2019 г. было утверждено решение Высшего Евразийского экономического совета № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза». Это устранит существующие препятствия для

свободного передвижения капитала и финансовых услуг внутри Союза и повысит доступность и разнообразие инвестиционных, банковских и страховых продуктов для физических и юридических лиц.

Для ЕАЭС приоритетом является «улучшение условий для функционирования внутреннего рынка ЕАЭС», основанное на четырех «свободах»: свободе передвижения товаров, услуг, капитала и труда [6, с. 19].

Внедрение цифровизации в деятельность таможенных администраций, упрощает для участников ВЭД взаимоотношения с представителями таможни, позволяет минимизировать субъективизм при принятии решений, а для таможенных органов – повышает прозрачность и эффективность контроля за перемещением товаров [2, с. 9].

Явным плюсом электронного декларирования в ЕАЭС является роботизация некоторых функций: использование электронных подписей, переход от бумажных документов к электронным, вводятся технологии автоматической регистрации товара и т.д. Это ведет к ускорению внешнеторгового оборота и позволяет производить декларирование товаров без привязи к постам и к месту нахождения товара. Также это является эффективной борьбой против коррупции.

Стоит отметить, что благодаря цифровизации таможенных органов торговые отношения ЕАЭС оставались на плаву даже в период пандемии 2020 года, когда границы между государствами были закрыты и нужно было быстро искать эффективное решение, как минимализировать взаимодействия между рабочими и сохранить торговые отношения между странами.

Одним из результатов стало распоряжение Евразийского межправительственного совета от 10.04.2020 № 6 «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19». Были утверждены следующие меры: создание «зеленого коридора» и упрощение таможенных процедур для импорта критически важного товара, снижение или обнуление на временной основе ввозных таможенных пошлин на материалы для отдельных отраслей с учетом их экономической и социальной значимости, создание необходимых условий для цифровизации торговли, усиление взаимодействия национальных (центральных) банков по вопросам макроэкономической и финансовой устойчивости.

В России для электронного декларирования были созданы сети электронных таможен и центров электронной декларации (ЦЭД). Центры электронного декларирования предназначены для удаленного пропуска товаров через границу. По плану, товар размещается на складах пограничных зон и весь обмен информацией, т.е. сведенья о товаре, идет уже в электронном виде. Первые ЦЭД в России начали работать с 12 января 2011 года и уже существуют во всех федеральных округах.

На данный момент система электронного декларирования в Республики Беларуси и в Республики Казахстане аналогична Российской Федерации. Но стоит отметить, что не все страны ЕАЭС были одинаково социально-экономически подготовлены к переходу на

цифровизацию. Так, например, до 1 января 2020 г. в Республике Армения таможенное декларирование товара осуществлялось по выбору декларанта, в письменном либо в электронном виде в связи с тем, что в стране потребовалось время для унификации законодательства. Республика Киргизия тоже длительное время переходила к электронному документообороту.

По совету ЕЭК были разработаны «дорожные карты» для интеграции республик в Союз.

Ведется активная работа по созданию единой системы электронного декларирования. Во-первых, это экономическая выгода для всех стран-участниц, во-вторых, это введение общего, единого таможенного стандарта, вместо пяти существующих, в-третьих, это существенно ускорит процесс таможенного оформления.

Но стоит отметить, что реализовать единую систему электронного декларирования все еще затруднительно, т.к. государства уже вложили значительные средства на создания собственных систем, к тому же требуется внедрение нового программного обеспечения, изменение национального законодательства, наблюдается цифровой разрыв из-за крайне неравного доступа к ИКТ и т.д. Цифровое неравенство стран-участниц ЕАЭС выражается и в неравномерном доступе к Интернету как фундаменту цифровой экономики: согласно исследованию Евразийского банка развития, в Кыргызстане наблюдается ограниченный доступ к Интернету (имеет всего 3% населения) [3, с. 34].

На данный момент все страны-участницы ЕАЭС активно включены в процесс цифровизации. Страны открывают для себя путь в новый цифровой мир. Конечно, это определенный «стресс» для стран-участниц, но именно этот процесс предоставляет новые возможности в мировой экономике. Лидерами в использовании цифровых технологий из стран-участниц ЕАЭС являются Россия и Казахстан. По индикаторам доступа к Интернету и темпам внедрения цифровых услуг так же лидирует Россия. К сожалению, некоторые страны-участницы ЕАЭС все еще находятся в условиях цифрового неравенства, что влияет на эффективность торгово-экономических отношений. Но благодаря совместным усилиям, созданием общей платформы в решении данной проблемы, ЕАЭС стремительно развивается и укрепляет свои позиции в цифровой экономике. На данный момент можно сказать, что, несмотря на все трудности, ЕАЭС успешно выполняет главные задачи цифровой повестки: ежегодный рост ВВП, увеличение количества рабочих мест, повышение производительности, повышение качества и скорости в экспорта и импорта товара. В дальнейшем предоставление телекоммуникационных сервисов высокоскоростных сетей, высокопроизводительных облачных сервисов, обеспечение кибербезопасности и интероперабельности станут цифровыми составляющими информационной магистрали, связывающей Азию, Евразию и Европу [6, с. 28].

Список литературы:

1. Еременко, М.Ю. Цифровизация как драйвер экономической интеграции стран евразийского экономического союза / М.Ю. Еременко // Вестник университета. – 2021. – № 3. – С. 32-37.
2. Чистякова, Е.А. Цифровизация в рамках ЕАЭС / Е.А. Чистякова // Современные аспекты международного бизнеса. – 2018. – С. 29-32.
3. Цифровой потенциал стран – участниц ЕАБР: доклад ЕАБР – 2019 // URL: https://eabr.org/upload/iblock/551/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf (дата обращения: 07.03.2020).
4. Скляр, М.А. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски / М.А. Скляр, К.В. Кудрявцева // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 3. – С. 103-113.
5. Сальникова, А.В. Центры электронного декларирования как основа электронной таможни / А.В. Сальникова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – Т. 27. – Вып. 3.
6. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации // ЕАК.
7. Слуцкий, Л.Э. ЕАЭС: уроки пандемии / Л.Э. Слуцкий // Сравнительная политика – 2020. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 123-125.

АКИМОВА Дарья Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
akimovadaria@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРЕЗУМПЦИИ

В статье рассматривается сущность правовой презумпции, приводятся мнения специалистов относительного того, что именно представляет данная правовая категория.

Ключевые слова: *презумпция, правовая категория, проблемы правовой презумпции, проблемы права, правовая фикция, виды презумпции, классификация презумпций аксиома, гипотеза.*

На сегодняшний день проблема правовой презумпции вполне обоснованно признается специалистами одной из самых сложных. О.Е. Егорова пишет: сложность правовой презумпции состоит в том, что к ней можно применить абсолютно любые подходы и при этом ни один из них не будет способствовать полному исследованию данного явления [1, с. 12].

Именно поэтому некоторые авторы достаточно негативно оценивают данную правовую категорию. Например, С.С. Шевчук озвучивала мысль, что к презумпции стоит обращаться как к вынужденной мере и только в случае крайней необходимости, то есть при отсутствии иного выхода [2, с. 97].

Несмотря на то, что презумпции находят применение в различных отраслях права и являются предметом исследования представителями различных юридических дисциплин, а также теории государства и права, тем не менее, до сих пор не предложено легального определения в законодательстве, а между специалистами нет единого мнения относительно трактовки данной дефиниции, даже несмотря на то, что она имеет многовековую историю [3, с. 48]. Подобная неопределенность существенно осложняет процесс нормативно-правового регулирования.

Например, Д.И. Мейер полагал, что в качестве презумпции стоит рассматривать «признание факта существующим по вероятности, что он существует» [11, с. 98].

Обращаясь к Е.В. Васьковскому, обнаружим, что презумпцией он называл «обязательные по закону заключения о доказанности известных фактов при наличности других фактов» [5]. Данное определение, как мы видим, учитывает только процессуальное значение презумпции, что является существенным упущением, поскольку имеется еще и материально-правовая сторона изучаемого правового явления.

Как раз из наличия материально-правовой функции исходил В. К. Бабаев, предлагая свой вариант презумпции. Он писал, что это предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, которое основано на связи между фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом [6]. Здесь следует отметить, что до сих пор многие современные ученые это определение считают наиболее удачным и отображающим реальную суть этой категории.

Хотелось бы сделать несколько ремарок, относительно неточности в определении. Первая касается того, что в презумпции не только юридические факты могут быть объектом предположения, но также события, явления, правовые отношения. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на отсутствие упоминания о вероятностном характере презумпций и целях, для достижения которых они закреплены законодательно. Об этом в свое время писал еще И. Либус, указывая на то, что в предположении может быть выражена возможность не только необходимая, но также и вероятная [7].

Достаточно интересное определение презумпции предложено В. Федотовым, который так называл «утверждение о вероятном или конвенционально-достоверном существовании факта, объединенного причинно-следственной либо гипотетической связью с другим достоверно установленным фактом» [8, с. 48].

О.С. Зыбина и А.Е. Толстова считают презумпцию правовой нормой, в силу которой при «наличии одного юридического факта признается существующим другой юридический факт – до тех пор, пока не доказано обратное» [9, с. 74]. Однако данное определение выглядит несколько спорно в силу того, что признаком правовых норм является их отделенность от правосознания (институциональность), а презумпция как раз наоборот тесно сопряжена с правосознанием и в основе ее становления лежит процесс становления правосознания.

С точки зрения Е.О. Зацепиной, правовая презумпция является средством юридической техники, посредством которой в нормах правах закрепляется вероятное предположение, считающееся

истинным априорно, если доказаны некоторые факты, установленные законом, но еще не доказаны опровергающие факты. Она применяется в целях охраны интересов различных субъектов права (личности, государства, общества) [10, с. 39].

Анализируя приведенные понятия, можно прийти к выводу, что презумпция расценивается как предположение, закрепленное нормами права. А само по себе предположение нередко предшествует знанию. Это указывает на значительную вариативность понятия и его изменчивость в зависимости от контекста. В этой связи О.А. Кузнецова говорила, что для выработки точного определения необходимо рассматривать его родовые и видовые признаки. В числе родовых признаков она рассматривала вероятностное предположение и предположение на основе связи явлений в форме статистической закономерности. Среди видовых признаков она выделяла, что презумпция должна содержаться в норме права; презумпции имеют отношение к наличию или отсутствию обстоятельств, фактов, событий, правоотношений; она регулирует общественные отношения [11, с. 20-21].

Следующим проблемным аспектом является выделение видовых разновидностей правовых презумпций. Попытку анализа предпринимали многие ученые, но единство мнений здесь также отсутствует. Они классифицируются по различным основаниям: способу закрепления; возможности опровержения; сфере правового регулирования; основному назначению в охране интересов участников правоотношений и по критерию обязательности для суда. Многие ученые подразделяют правовые презумпции по способу закрепления на прямые и косвенные [12, с. 125]. По отраслевому критерию правовые презумпции можно разделить на материально-правовые и процессуально-правовые.

Правовых презумпций существует огромное количество, но самыми основными являются презумпция невиновности, презумпция вины должника, презумпция происхождения ребенка от родителей, состоящих в браке. Каждая отрасль выделяет свои виды презумпций, в законодательстве о банкроте их насчитывается пять штук [13, с. 69-73].

Помимо проблемы выработки унифицированного определения понятия презумпции есть также еще одна сложность по отношению к правовым фиксациям. Некоторые авторы включают правовые фикции в число правовых презумпций, а некоторые – наоборот. На основании указанного, представляется важным определение общих черт и различий правовых презумпций и фикций.

Во-первых, презумпция – это предположение, основанное на достаточно высокой степени вероятности, а юридическая же фикция – это нечто, что не существует явно, однако в значительной мере возможное и признаваемое возможным в силу закона. Между этими категориями З.М. Черниловский отмечал, что правовые презумпции имеют дело с действительными категориями, а юридическая фикция признает за действительное то, что на самом деле может быть ложным» [14].

Во-вторых, презумпции и правовые фикции по-разному осуществляют процесс доказывания. Правовые презумпции иначе по сравнению с общим правилом распределяют бремя доказывания, а

правовые фикции – «заполняют» правовые пробелы, с помощью чего стороны могут доказывать те обстоятельства, на которые ссылаются как на обоснования своих требований. Для установления смысла правовой презумпции и правовой фикции важно разграничивать указанные категории от иных категорий, например, от таких, как гипотеза или аксиома.

В-третьих, нередко происходит смешение соотношения презумпции с гипотезой и аксиомой. Разница в следующем: презумпция – это предположение, которое принимается за истину и не требует доказательств, гипотеза – предположение, требующее проверки, аксиома – это неоспоримое суждение, которое принимается за истину в случае проведения дальнейших исследований в конкретной сфере. Можно сказать, что аксиома в каком-то смысле сходна с преюдициальными фактами.

Таким образом, понятие презумпции широко используется в правовой науке. Однако, несмотря на длительную историю развития, ее определение до сих пор остается спорным, вызывая множественные дискуссии в ученой среде. На основе изученных концепций презумпцию можно трактовать как вероятное предположение, закрепленное в гражданско-правовой норме и основанное на статистической связи между презюмируемым фактом и фактом действительным.

Список литературы:

1. Егорова, О.А. Презумпции и фикции в жилищном законодательстве РФ / А.О. Егорова // Российская юстиция. – 2015. – № 10. – С. 9-13.
2. Шевчук, С.С. Юридические факты в гражданском праве: теоретические и практические проблемы. Монография / С.С. Шевчук, О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА». 2021. – 292 с.
3. Барабаш, А.С. Понятие «презумпция»: основания появления и использование в правовой деятельности/ А.С. Барабаш // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4 (127). – С. 42-55.
4. Мейер, Д.И. Избранные произведения по гражданскому праву / Д.И. Мейер. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР, 2003. – 389 с.
5. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1917 // Национальная электронная библиотека. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004216266/ (дата обращения: 15.02.2022).
6. Бабаев, В.К. Презумпция в советском праве / В.К. Бабаев. – Горький: Изд-во ГВФ МВД СССР. 1974 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie8148.html (дата обращения: 15.02.2022).
7. Либус, И. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе / И. Либус. – Ташкент: Узбекистан, 1981 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/article1102438.html (дата обращения: 15.02.2022).
8. Федотов, А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций / А.В. Федотов // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 47-52.

9. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА». 2019. – 196 с.
10. Зацепина, О.Е. правовые презумпции и правовые фикции как средства юридической техники / О.Е. Зацепина // Научный вестник омской академии МВД России. – 2021. – № 1 (80). – С. 39-43.
11. Кузнецова, О.А. Презумпция в российском гражданском праве / О.А Кузнецова. – Пермь, 2002. – 163 с.
12. Дудко, Д.А. Виды правовых презумпций и их классификация / Д.А. Дудко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2020. – № 5. – С. 123-18.
13. Шварц, Л.В. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве: презумпции и нюансы привлечения лиц, контролирующих должника / Л.В. Шварц, Э.Т. Майборода // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 69-73.
14. Черниловский, З.М. Презумпции и фикции в истории права / З.М. Черниловский //Советское государство и право. – 1984. – № 1 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/article1005473.html (дата обращения: 15.02.2022).

АНТОНОВА Анна Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, бакалавр;
aaantonova13@gmail.com

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы судебного приказа, значение которого с каждым годом стремительно возрастает.

Ключевые слова: *судебный приказ, приказное производство, мировые судьи, правосудие, гражданский процесс.*

Исторически сложилось так, что традиционная гражданская процессуальная форма, под которой понимается установленный законом определенный порядок осуществления правосудия по гражданским делам, эффективность которого обеспечивается в случае необходимости санкциями, предусмотренными гражданскими процессуальными и иными правовыми нормами, в некоторых случаях сильно затягивала и делала процесс сложнее [2, с. 31]. Данный факт впоследствии привел к поиску как в России, так и в зарубежных странах процессуальной формы, которая бы разрешала гражданские дела быстрее и эффективнее.

Применение различных вариантов, упрощающих и ускоряющих гражданское судопроизводство, с одной стороны, способствует облегчению процесса, с другой стороны, приводит к возникновению отдельных видов неискового производства.

Упрощенное производство с последующей выдачей судебного приказа называют приказным производством, которое существовало в Российской империи с 1864 по 1917 годы, а также применялось и применяется во многих странах Западной Европы.

В приказном производстве выделялось два вида судебного приказа:

1. Неоспоримый (безусловный).

2. Оспоримый (условный).

В первом случае у должника отсутствовало право на обжалование, и на него только возлагалась обязанность исполнить данный судебный приказ. Во втором же случае должник мог оспорить приказ, что приостанавливало его действие [2, с. 191]. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) за основу взят наиболее демократичный вариант судебного приказа – оспоримый (условный).

Заявление кредитора о вынесении судебного приказа при взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества ввиду закрепленной нормами презумпции вины должника, не исполнившего в установленный договором или законом срок определенных обязанностей, в этой связи имеет приоритетное право на упрощенную процедуру. Суд, не разрешая дела по существу, принуждает должника к исполнению обязанностей, но не лишает его при этом возможности представить возражения и рассмотреть дело в порядке искового производства. Таким образом, можно выделить следующие особенности судебного приказа:

1. Обеспечение в принудительном порядке исполнения бесспорного права.

2. Защита права и законных интересов взыскателя в упрощенной процессуальной форме.

3. Повышение ответственности граждан за принятые обязательства.

4. Усиление превентивной функции права [3, с. 226].

Судебный приказ – это неотъемлемый юридический инструмент, который помогает ускорить судебное разбирательство, сократить финансовые затраты, время, и защищающий законные права и интересы граждан России.

Как отмечает доктор юридических наук С.К. Загайнова, судебный приказ является самостоятельным видом судебных актов, в котором реализуются задачи судебной власти. Посредством судебного приказа реализуется право на судебную защиту, выражающееся в оперативном восстановлении нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Специфика судебного приказа как акта суда заключается в том, что он соединяет в себе сразу две сущности: с одной стороны, он является судебным актом, подтверждающим нарушенное право одной стороны спорного материального правоотношения, а с другой – это сразу же исполнительный документ, позволяющий получить реальную защиту такого нарушенного права. Как отмечает Е.С. Попова, именно на стадии исполнительного производства фактически осуществляется достижение заключительной цели гражданского судопроизводства – восстановление нарушенных прав заявителя [9, с. 62]. В целях

максимально быстрой защиты нарушенного права судебный приказ выносится мировым судьей без проведения судебного разбирательства.

Различное понимание сущности судебного приказа обусловило разные подходы и к определению места и сущности приказного производства в системе гражданских процессуальных отношений. В отношении судебного приказа существует две точки зрения:

1. Приказ, будучи по своей сути постановлением суда первой инстанции, является институтом, родственным судебному решению, и, соответственно, актом правосудия. Подтверждение такого подхода – вынесение судебного приказа именем государства. Значит, к нему применимы требования законности и обоснованности, как и к судебному решению.

2. Судебный приказ не является актом правосудия и разновидностью решения суда. Как и решение, приказ имеет силу исполнительного документа, но эта сила иного характера. Приказ, в отличие от решения, отменяется тем же судьей, после чего требование заявителя может быть предъявлено в порядке искового производства. У судебного приказа больше общего с решением комиссии по трудовым спорам (прямое принудительное исполнение; возможность рассмотрения тождественного дела в исковом порядке).

Что касается приказного производства, то существует несколько точек зрения на его природу и сущность: самостоятельный вид гражданского судопроизводства; упрощенное судопроизводство; документарное производство; внепроцессуальная деятельность; досудебная, альтернативная процедура [5, с. 204].

Из года в год приказное производство становиться все более востребованным способом защиты прав и интересов граждан. Исходя из статистики, которая была представлена Судебным департаментом при Верховном суде РФ, общее количество вынесенных судебных приказов мировыми судьями в 2021 году превысило 17 миллионов.

Тем не менее, судебный приказ и приказное производство в целом, имеет и свои существенные недостатки. Анализируя судебную практику по выдаче судебного приказа, можно выделить следующие, важные и актуальные проблемы.

Одна из самых важных проблем связана со статьей 122 ГПК РФ. В данной статье одно из требований, по которым выдается судебный приказ, основанный на сделке, совершенной в простой письменной форме. Следовательно, мировой судья может выдать судебный приказ кредитору, исходя из документа, нотариально не удостоверенного и не зарегистрированного органом государственной власти, т.е. достаточно поставить рукописную подпись, которая не будет никем проверяться.

Таким образом, для того, чтобы получить судебный приказ, достаточно знать паспортные данные гражданина и его подпись. Судебная практика показывает, что незаконопослушные граждане пользуются данным способом для незаконного обогащения. В настоящее время и при таком быстром развитии информационных технологий, нельзя говорить о том, что личные данные пользователей защищены в полной мере, следовательно, получить паспортные данные и подпись гражданина не составляет труда.

Решением данной проблемы может быть исключение из статьи 122 ГПК РФ требования, основанного на сделке, совершенной в

простой письменной форме. При развитии технологий в будущем можно будет быстро подтвердить подлинность подписи, но в ныне существующих условиях исключение данного основания единственное решение проблемы [4, с. 204].

Следующая проблема тесно взаимосвязана с первой. В соответствии со статьей 128 ГПК РФ «Судья в пятидневный срок со дня вынесения судебного приказа высылает копию судебного приказа должнику, который в течение десяти дней со дня получения приказа имеет право представить возражения относительно его исполнения», но в некоторых случаях должники не знают и не могут знать, что в отношении них был вынесен судебный приказ, следовательно, они не могут предоставить возражения относительно его исполнения. Даже при том, что в постановлении Верховного Суда указано, что для отмены судебного приказа лицу достаточно просто высказать свое возражение, не приводя каких-либо аргументов, в ряде случаев должники по независящим от них обстоятельствам, по уважительным причинам не получают копий судебных приказов, следовательно, не могут подать заявление об отмене в десятидневный срок [7, с. 93].

Также гражданин может временно отсутствовать по месту постоянного проживания, имеются в виду случаи нахождения гражданина в пределах России, так как судья откажет в принятии заявления о вынесении судебного приказа, если место нахождения должника находится вне пределов Российской Федерации, либо это может быть связано с неэффективной доставкой писем почтой России. Таким образом, письмо с копией может храниться на почте, которая могла даже не уведомить гражданина, следовательно он не мог узнать о вынесении судебного приказа. Верховный суд, считает, что это является надлежащим извещением должника, и граждане должны постоянно проверять почтовое отделение во избежание подобных ситуаций.

Анализируя судебную практику, можно отметить, что существует большое количество дел, когда граждане доходили вплоть до Конституционного Суда Российской Федерации, пытаясь оспорить положения статей ГПК РФ, но безуспешно.

Позиции высших судебных инстанций справедливы и логичны, но граждане в случае пропуска срока идут обжаловать исполнительный документ в вышестоящих инстанциях. В случаях, когда срок пропущен по уважительной причине, это, к сожалению, все равно очень большие финансовые расходы. Исходя из этого, законодатель мог бы внести изменения, которые смогут помочь исправить данные недостатки и помимо отправления копий судебных приказов, использовать также электронную почту и отправлять сообщения на телефон сотовой связи [6, с. 98].

Можно выделить проблему, касающуюся судебных приказов, которые вынесены после смерти гражданина. Суд не проверяет, жив ли гражданин на момент вынесения судебного приказа, и на взыскателя данная обязанность также не возложена. Часто случается, что только на момент исполнительного производства выясняется, что должник умер. Данная проблема приводит к увеличению количества возбужденных исполнительных производств, что ухудшает работу судебных приставов, тем самым отнимая время у кредиторов по

другим исполнительным производствам, так и у самих судебных приставов, которым приходиться делать запросы в органы ЗАГС.

Таким образом, судебный приказ как форма упрощенного судопроизводства позволяет экономить процессуальное время суда и взыскателя и одновременно с этим обеспечивает гарантии должника путем отмены судебного приказа при наличии от него возражений относительно его исполнения, но приказное производство все ещё имеет пробелы и потребность в корректировке. Также и судам, и законодателю необходимо обстоятельно подойти к решению наиболее значимых вопросов, которые сопряжены с вынесением и исполнением судебного приказа.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Власов, А.А. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. / А.А. Власов. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 470 с.
3. Лебедев, М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. / М.Ю. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 418 с.
4. Лебедев, М.Ю. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. / М.Ю. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 428 с.
5. Барсукова, В.Н. Гражданский процесс: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / В.Н. Барсукова; под редакцией М.Ю. Лебедева. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 388 с.
6. Мамедова, М.К., Даххаева, Н.С. Проблемы приказного производства в российском гражданском процессе / М.К. Мамедова, Н.С. Даххаева // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – № 2. – С. 96-99.
7. Троицкий, О.Э. Актуальные проблемы, связанные с вынесением судебного приказа / О.Э. Троицкий // StudNet. – 2020. – Т. 3. – № 4. – С. 92-96.
8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2021 года: № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» // Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896 (дата обращения: 09.03.2022).
9. Попова Е.С. Эффективность исполнительного производства в гражданском процессе / Е.С. Попова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 3 (44). – С. 61-64.

БАЛАШОВА Ксения Дмитриевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
ksyu_smirnova_00@inbox.ru

ПРАВО ДРЕВНЕГО КИТАЯ (ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются история становления и развития права в Древнем Китае, основные особенности права, анализируются основные его отрасли на примере источников права: «Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений», «Циньское уложение о наказаниях» и «Законодательные акты начала династии Хань».

Ключевые слова: *история государства и права зарубежных стран, право Древнего Китая, периоды Шан, Чжоу, Чжаньго и Хань, отрасли права.*

Актуальность выбранной темы можно сформулировать следующим образом: современный Китай является партнёром России, и изучение его права с древних времён может дать возможность лучше понять эту страну и менталитет её жителей.

Целью написания данной статьи является изучение историко-теоретического аспекта права Древнего Китая, используя его основные источники. Методологическим ориентиром данного исследования стали положения, сформулированные Э.В. Суслиным, о необходимости изучения «взглядов, теорий, концепций и доктрин…, которые оказали наиболее сильное влияние как на развитие того или иного государства…так и на другие государства, их право» [1, с. 4]. Другим важным ориентиром данной статьи явилась точка зрения С.В. Павловой о роли личности: «Действительно, человек, возделывая окружающую действительность, создает все более высокую материальную культуру. При этом, будучи существом духовным, он осмысливает проблематику материи через нормы морали и нравственности. В духовном пространстве своего бытия он создает и духовную культуру» [2, с. 107].

Прежде чем приступать к изучению самих источников, необходимо ознакомиться с историей становления и развития права в Древнем Китае. Древнекитайское право в отличие прошло три основных этапа своего развития, разделение на которые основано на разном понимании роли права в механизме регулирования общественных отношений, его сопоставлению с иными нормами. «Разное отношение к праву было сформулировано в конфуцианстве и легизме, которые стали государственными идеологиями древнекитайского общества и определяли его правосознание на разных этапах политической истории…» [3, с. 159].

Первый этап (период VI-V вв. до н.э. государств Шан и Чжоу) основан на традиционном понимании права, т.е. его основой были обычаи, традиции, этнические нормы и правила ритуалов, которые выступали в качестве социальных регуляторов. «В VI в. до н.э. с

появлением конфуцианства, которое стало идейной основой политической и правовой системы Древнего Китая, сложился механизм социального регулирования… Средством поддержания справедливого порядка у Конфуция является не закон, а соблюдение традиций, моральных норм…» [3, с. 160].

Второй этап (древнекитайское право периода Чжаньго и империи Цинь): «среди социальных норм существенно возрастает роль права…управление народом должно опираться на законы и суровые наказания принадлежат легистам…» [3, с. 160].

Третий этап (право империи Хань III в. до н.э. – III в. н.э.), основывался на обобщении принципов легизма и конфуцианства, которое играло ведущую роль в данный период. Идеологией государства стало ортодоксальное конфуцианство, основным постулатом которого «является идея Конфуция об обусловленности и справедливости неравенства людей, их социальных, сословных ранговых различий в зависимости от места в семье, пола, возраста» [3, с. 161].

Выделяя принципы правосознания, можно сказать следующее: во-первых, древнекитайский народ стремился подчёркивать традицию в праве, ссылаться на эталон справедливости, т.е. естественное право: «Нормы естественного права – те самые установления Неба (воля Неба), в духе которых должны формироваться отношения в семье и поддержание, воспитание которых является едва ли не первейшей обязанностью чиновников администрации…» [10, с. 160]. Во-вторых, естественное право превосходит над формальным правом, но неотъемлемо с ним связано. В-третьих, «это демонстративное приравнивание этико-социо-политических правонарушений к преступлениям…» [10, с. 161], т.е. наказания для тех преступников, которые вводили неположенные идеологические взгляды, и для воров и убийц были одинаково жестоки.

Таким образом, мы можем наблюдать, что право в Древнем Китае прошло длительный и сложный процесс развития, претерпело большие изменения, которые затрагивали непосредственно саму идеологию понимания права как такового.

Далее рассмотрим отдельные отрасли права на разных этапах его развития.

В период Чжоу семейное право предполагало полное господство мужа над женой. «В богатых семьях имело место многоженство, допускались наложницы-рабыни. Правовой статус женщины был принижен – они не имели права личной собственности и могли наследовать имущество только в случае отсутствия родственников – мужчин. Жена могла проживать только в определённой части дома; если она её покидала, то считалась грешницей…» [4, с. 81]. Значит, семейное право в Древнем Китае носило исключительно патриархальный характер.

В наследственном праве действовал принцип наследования имущества старшим сыном от первой жены, а если сыновей не было, то наследство переходило другим родственникам мужа [4, с. 81].

В данный период был создан первый свод уголовного права. Он предполагал использование следующих форм наказания: смертная казнь, оскопление (удаление половых желёз) мужчин, заточение

женщин во дворце, членовредительские наказания, клеймование преступника путём татуажа лица. Однако эти наказания могли заменить на выкуп [4, с. 81].

Суд обязан был учитывать смягчающие (нечаянное или случайное преступление) и отягчающие (умышленное преступление) обстоятельства при вынесении решения [4, с. 81].

В периоды Чжоу Циньской и Ханьской империй «возросла законодательная активность».

Имущественные отношения в данный период имели следующие черты: «упрочнение частной собственности и широкое распространение долгового рабства». Это способствовало концентрации частной собственности в руках небольшого числа людей, а глава семьи мог продавать своих домочадцев в вечное рабство [4, с. 82].

Существовало залоговое право: «в том числе залогу подлежала земля. Ростовщические операции осуществлялись под разные проценты – от 5 до 20% или даже под 50%. Письменные договоры составлялись не только при крупных сделках, но и при мелких. Договор был основным способом доказывания иска…» [4, с. 82].

Уголовное право «характеризовалось регрессивным характером наказания». Основой наказания была идея устрашения. Таким образом, казнь проводилась публично, а за преступления несли ответственность сразу три поколения семей виновного, независимо от возраста. «Традиционным институтом китайского права был институт коллективной ответственности родственников преступника. В глубокой древности истреблялся весь род преступника…» [6, с. 64].

Пример 1: «Простолюдин А. украл козу, на шее которой была веревка стоимостью в 1 монету. Какому наказанию должен быть подвергнут А? А. крал козу, а веревка помимо его желания оказалась привязанной к ее шее. [Поэтому] наказание не должно превышать [того, которое полагается за кражу] козы» [6].

«Всех приговорённых к смерти казнили на рыночной площади; приговорённых к татурированию заставляли охранять дворцовые или городские ворота; приговорённых к отрезанию носа заставляли охранять горные заставы…» [5, с. 476].

Применялись следующие пять видов наказаний уголовных преступлений: 1) Нанесение черных полос (цвет земли) на лоб преступника (клеймение). 2) Отсечение носа. 3) Отсечение ступней. 4) Кастрация. Евнухи использовались для охраны дворцов. Смертная казнь (обезглавливание).

Пример 2: «Тем, кто [подлежит наказанию] татурированием, брить голову, одевать железный ошейник на шею [и отправлять: мужчин] строить городские стены и нести патрульную службу, [женщин] толочь рис [для государственных нужд]» [9].

Пример 3: «Тех, кто [подлежит наказанию] отрезания левой ноги, [карать] пятьюстами ударами бамбуковых палок» [9].

Преступления делились на следующие виды: против государства, против личности, религиозные, против собственности, воинские.

Предварительное расследование и суд были сконцентрированы в руках одного судьи. «Расследование сопровождалось арестом и происходило с применением пыток как обвиняемого, так и свидетелей.

О результатах расследования составлялся обвинительный акт…» [4, с. 83]. Однако у осуждённого было право обжаловать приговор в течение трёх месяцев. Также можно было подать жалобу императору или его инспекторам. Такая организация суда спровоцировать «злоупотребление и произвол, связанный с вымогательством и подкупом», что в современной терминологии принято называть коррупцией. Учитывались также показания обвиняемого и свидетелей. А доказательствами считались свидетельские показания, вещественные доказательства, полученные при осмотре места преступления, клятва [4, с. 83].

Пример 4: «Во время допроса необходимо прежде всего внимательно выслушать показания и записать их, предоставив допрашиваемому излагать суть дела как можно более подробно. Даже если становится ясным, что [дающий показания] лжет, не следует сразу же уличать его. Только после того, как показания полностью записаны и в них обнаруживаются противоречия, следует уличить [допрашиваемого]. После этого вновь выслушивают и записывают объяснения и снова уличают его в том, что составляет противоречие [в показаниях]. Если [допрашиваемый] был полностью уличен и неоднократно давал ложные показания, но тем не менее отказывается признать себя виновным, к нему в соответствии с законом следует применить меры физического воздействия. В этом случае в деле делается запись: «Поскольку имярек неоднократно менял показания и противоречил самому себе, его допросили с применением палок»» [7].

Вывод: самой развитой отраслью права в Древнем Китае можно назвать уголовное право. Основным регулятором общественных отношений выступал принцип устрашения, а наказания можно считать весьма жестокими. По мнению автора статьи, устрашение и мучительные виды наказаний вряд ли поддерживали порядок в стране.

Список литературы:

1. Суслин, Э.В. История политических и правовых учений: учебное пособие / Э.В. Суслин, С.В. Павлова, Е.В. Мишина. – СПб.: НОУ СЮА. – 2016. – 188 с.

2. Павлова, С.В. Культурологический подход в праве / С.В. Павлова // Право – явление цивилизации и культуры. Вып. I. Law – Phenomenon of Civilization and Culture. Vol. I / отв. ред. М.В. Немытина. – М.: РУДН, 2019. – С. 104-109.

3. Мухаев, Р.Т. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров. 3-е изд. / Р.Т. Мухаев. – М.: Изд-во Юрайт, 2021. – 1006 с.

4. Попова, А.В. История государства и права зарубежных стран: учебник и практикум для вузов / А.В. Попова. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 421 с.

5. Суровень, Д.А. История государства и права зарубежных стран. Древний мир: учебник и практикум для вузов / Д.А. Суровень. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 476 с.

6. Вологдин, А.А. История государства и права зарубежных стран Древнего мира: учебное пособие для вузов / А.А. Вологдин. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 64 с.
7. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1. Циньское руководство по расследованию уголовных преступлений / под ред. Н.А. Крашенинниковой. – М.: Изд-во НОРМА, 2007. – 129 с.
8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1. Циньское уложение о наказаниях / под ред. Н.А. Крашенинниковой. – М.: Изд-во НОРМА, 2007. – 128 с.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1. Законодательные акты начала династии Хань / под ред. Н.А. Крашенинниковой. – М.: Изд-во НОРМА, 2007. – 132 с.
10. Васильев, Л.С. История политических и правовых учений: Древний мир / Л.С. Васильев [и др.]. – М.: Наука, 1985. – 349 с.

БРЕДГАУЭР Даниил Сергеевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; messyava@bk.ru

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ И ЗАЩИТНИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматривается вопрос участия законного представителя и защитника при проведении следственных действий в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, законный представитель, уголовное производство по делам несовершеннолетних.*

Действующее российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в отношении несовершеннолетних, а также практика его применения все больше и больше ориентируются на общепризнанные принципы и нормы международного права в сфере ювенальной юстиции. Данные нормы призваны создать условия с целью выявления причин совершения преступлений несовершеннолетними, а также разработки эффективных мер по социальной реабилитации несовершеннолетних.

Этот вывод следует из таких международных правовых актов, как Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 10.12.19851, Конвенция о правах ребенка от 20.11.19892, которые и являются основополагающими международными правовыми актами особой защиты и заботы, определяющими особенности расследования и рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних.

Российское уголовно-процессуальное законодательство в целом отражает требования международных стандартов о повышенной правовой охране интересов несовершеннолетних. Это обеспечивается различными способами, в том числе участием законных представителей, близких родственников в производстве по уголовному делу [4, с. 20-21].

Защиту прав и законных интересов осуществляет предусмотренный в обязательном порядке уголовно-процессуальным законом защитник несовершеннолетнего, а также его законный представитель [5, с. 113].

На основании ст. 48, 426 и 428 УПК РФ «по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители». Законный представитель допускается к участию следователем, дознавателем с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого [6, с. 120-121].

Законными представителями являются родители, усыновители, опекуны или попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, а также органы опеки и попечительства.

Законный представитель вправе знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний, присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе несовершеннолетнего, знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, представлять доказательства, по окончании предварительно расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения (ч. 2 ст. 426 УПК РФ).

Законный представитель в ходе судебного заседания вправе заявлять ходатайства и отводы, давать показания, представлять доказательства, участвовать в прениях сторон, приносить жалобы на действия (бездействия) и решения суда, участвовать в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций (ч. 1, ст. 428 УПК РФ)

Законный представитель может быть допущен к участию в уголовном деле в роли защитника, если нет оснований для его отстранения, а именно:

- законный представитель своими действиями наносит ущерб интересам несовершеннолетнего; в данном случае разрешается замена законного представителя (ч.2 ст. 428 УПК РФ).

- законный представитель ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, помощника судьи, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого (п. 1, ч. 1 ст. 72 УПК РФ);

- законный представитель является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, помощника судьи, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника

уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты (п. 2, ч. 1 ст. 72 УПК РФ);

- законный представитель оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (п. 3, ч. 1 ст. 72 УПК РФ).

В качестве законного представителя невозможно привлечь лицо, если оно является участником данного уголовного дела (например, пособником или потерпевшим).

Как считает большинство процессуалистов, в случае необходимости допроса законного представителя он может быть вызван на судебное заседание и дать показания в качестве свидетеля [4, с. 21].

По поводу участия законного представителя от несовершеннолетнего свидетеля в Комментариях к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации доктор юридических наук Б.Т. Безлепкин называет спорным положение, согласно которому «при производстве следственных действий с участием свидетеля вправе присутствовать его законный представитель» [1, с. 258].

Это обосновывается тем, что законный представитель свидетеля не включен в перечень участников уголовного судопроизводства (раздел 2 УПК РФ). К тому же свидетель не принадлежит к сторонам уголовного процесса, а законный представитель в уголовном процессе может быть на стороне защиты или обвинения.

Следующий субъект уголовного производства – защитник. На основании п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве при участии несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого обязательно. В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ в качестве защитников участвуют адвокаты. Защитником может быть и близкий родственник обвиняемого, но только по ходатайству обвиняемого и определению или постановлению суда.

Участие защитника по уголовным делам в отношении несовершеннолетних обязательно в случаях:

а) когда по уголовному делу в качестве подозреваемого является несовершеннолетний (ст. 46 УПК РФ), т.е. возбуждено уголовное дело; несовершеннолетний задержан; применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо уведомлено о подозрении в совершении преступления;

б) когда по уголовному делу в качестве обвиняемого признается несовершеннолетний (ст. 47 УПК РФ), т.е. вынесено постановление о привлечении несовершеннолетнего в качестве обвиняемого или вынесен обвинительный акт.

В определенных случаях несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) в силу своего характера или иных особенностей его личности отказывается от участия защитника в уголовном деле, ссылаясь на то, что он не будет давать показания в присутствии защитника. В таких случаях необходимо разъяснить несовершеннолетнему, что обязательное участие защитника предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством и проводить расследование без его участия невозможно. Лицо,

проводящее расследование уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, вправе по ходатайству несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) заменить ему защитника на другого [3, с. 29-30].

Защитник-адвокат обязан принимать участие при проведении всех следственных действий, которые проводятся с его несовершеннолетним доверителем, чтобы обеспечить защиту их прав, свобод и законных интересов [6, с. 120-121]. Это также обусловлено и тем, что в ходе производства следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого обвиняемого направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73, 421 УПК РФ) и получение доказательств по уголовному делу. Для обеспечения защиты несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого защитник должен не формально иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса доверителя, а затем присутствовать при проведении допросов, других следственных действий, предъявлении обвинения и т.д., он должен осуществлять качественную защиту, при этом ему необходимо видеть поведение несовершеннолетнего, его психологическое состояние, самостоятельную и свободную дачу показаний. В тоже время формальное присутствие защитника при производстве следственных действий, ознакомление с протоколами следственных действий, проведенных без его участия, ни в коей мере не могут рассматриваться как качественное обеспечение защиты несовершеннолетнего [8, с. 422-423].

Проведенное анкетирование следователей и дознавателей об участии защитника и законного представителя при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, – отмечает В.Н. Жадан, показало, что практически 100% следователей и около 90% дознавателей считают целесообразным обязательное участия защитника-адвоката при проведении всех следственных действий, так как полагают, что в указанной ситуации защитник является гарантом законности производства предварительного расследования. Что касается законного представителя и его участия при производстве следственных действий по делам в отношении несовершеннолетних, то все следователи и дознаватели высказались о необходимости привлечения в качестве законного представителя по делам данной категории – родителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, представителей учреждений или организаций, на попечении которых последние находятся, а также представителей органов опеки и попечительства. В тоже время отдельные следователи и дознаватели высказали мнение, что права несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых с участием законного представителя защищены лучше, чем с участием защитника-адвоката [2, с. 252-253].

Проведение следственных действий в отношении несовершеннолетнего имеет ряд своих особенностей, которые направлены на обеспечение защиты прав и интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса. Российский законодатель ограничивает длительность проведения допроса, а также обязывает следователя (дознавателя) приставлять педагога или

психолога при проведении допроса. Кого из этих специалистов приставлять к несовершеннолетнему – вопрос открытый, но возможность выбора для следователя позволяет создать несовершеннолетнему максимально безопасные и комфортные условия.

Проведение очной ставки с участием несовершеннолетнего также требует от следователя ориентации на безопасность несовершеннолетнего участника уголовного процесса. Задача следователя в данном случае создать максимально подходящие условия для извлечения правдивых показаний и при этом не перейти черту при создании конкурентных обстоятельств очной ставки.

Участие законного представителя и защитника – следующая гарантия несовершеннолетнему участнику уголовного процесса обеспечения безопасности. Законным представителем обычно признают родителей, усыновителей, опекунов или попечителей, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, а также органы опеки и попечительства. И законный представитель, и защитник в обязательном порядке должны присутствовать при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего. Законный представитель имеет широкий перечень прав (например, заявлять ходатайства и отводы, давать показания, представлять доказательства и пр.), защитник обязан присутствовать при проведении всех следственных действий со своим доверителем, что позволяет нам сделать вывод о том, что законодатель всеми силами старается защитить права, свободы и интересы несовершеннолетнего участника уголовного процесса.

Список литературы:

1. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) 14-е изд., перераб. и доп. / Б.Т. Безлепкин. – М.: Проспект, 2018.

2. Жадан, В.Н. Некоторые особенности участия защитника по делам в отношении несовершеннолетних / В.Н. Жадан // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2012. – № 8.

3. Лавдаренко, Л.И. Международно-правовой принцип надлежащего обеспечения интересов несовершеннолетнего и проблемы его реализации в российском уголовном судопроизводстве / Л.И. Лавдаренко, Л.П. Плеснева // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2.

4. Осодоева, Н.С. Допрос законного представителя в судебном заседании / Н.С. Осодоева // Уголовный процесс. – 2015. – № 12. – С. 20-24.

5. Роганов, С.А. Совершенствование правового статуса специалиста в уголовном судопроизводстве / С.А. Роганов // Царскосельские чтения. – 2017. – №. 5.

6. Санеев, С.О. Участие законного представителя, педагога, защитника в досудебном производстве по уголовным делам в

отношении несовершеннолетних в РФ / С.О. Санеев // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 5.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.03.2022).

8. Уголовный процесс: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. / А.А. Усачев [и др.]; под редакцией А.А. Усачева. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 468 с.

9. Уголовный процесс: учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. / Б.Б. Булатов [и др.]; под редакцией Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 567 с.

БРЕДГАУЭР Даниил Сергеевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; messyava@bk.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ, ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ

В статье рассматривается вопрос проведения такого следственного действия как допрос.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, законный представитель, уголовное производство по делам несовершеннолетних.*

Например, Н.И. Порубов под допросом понимает «следственное или иное судебное действие, заключающееся в получении органом расследования или судом в соответствии с правилами, установленными процессуальным законом, показаний от допрашиваемого об известных ему фактах, входящих в предмет доказывания по делу» [10, с. 22].

По мнению А.Б. Соловьева, допрос – «это процессуальное средство собирания и проверки доказательств путем получения и фиксации в установленной уголовно-процессуальным законом форме от свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, а также экспертов показаний об обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания по расследуемому делу» [13, с. 9].

Сложность допроса заключается в том, что он включает в себя различные аспекты, среди которых психоэмоциональный, процессуальный и криминологический. Допрос необходимо строить таким образом, чтобы, не нарушая этические нормы, оказать воздействие на допрашиваемого и достичь саму цель допроса, т.е. извлечь необходимую информацию [2, с. 72-73].

Допрос стабильно применяется при расследовании дел с участием несовершеннолетних. Многие специалисты называют допрос самым распространенным следственным действием, которое может многократно проводиться по уголовным делам [9, с. 24].

Несовершеннолетний – особый субъект уголовно-процессуальных правоотношений. По этой причине существуют

некоторые процессуальные и психологические сложности и особенности при проведении допроса.

Ст. 191 и ст. 425 УПК РФ регламентируют особенности проведения допроса с участием несовершеннолетних. Ст. 191 УПК РФ устанавливает особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а ст. 425 УПК РФ – подозреваемых и обвиняемых.

Процессуальные требования к допросу несовершеннолетнего также имеют особенности.

В соответствии с ч. 2 ст. 191 УПК РФ «потерпевшие и свидетели в возрасте до шестнадцати лет не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показания и за дачу заведомо ложных показаний». Исходя из этого, допрашивающее лицо только имеет возможность указать на то, что необходимо говорить правду [7, с. 60].

Следующая особенность закреплена в ч. 3 ст. 425 УПК РФ, а именно участие психолога или педагога. В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

Однако нет нормы закрепляющей определенные требования, которые предъявлялись бы к педагогу или психологу. В п. 62 ст. 5 УПК РФ имеется только определение педагога. Также нет разделения, в каком случае необходимо привлекать педагога, а в каком – психолога [5, с. 39].

Законодатель различает понятия «педагог» и «психолог», ставя между ними союз «или», что подразумевает взаимоисключение участия этих специалистов одновременно, поэтому следователь должен сделать выбор, кого ему привлечь к участию при проведении допроса [6, с. 82].

Э.Б. Мельникова полагает, что «более полезным будут специальные знания психолога, нежели педагога». Некоторые специалисты считают, что психолог способен более полно и правильно сформулировать вопросы, что, в конечном счете, приведёт к собственно цели самого допроса [7, с. 61]. Для педагога несовершеннолетний – это объект воспитательного воздействия, а для психолога – это личность, «партнер» по решению психологических задач. Психолог способен определить, насколько несовершеннолетний готов психоэмоционально к допросу, насколько серьезно следует воспринимать его показания в данный момент, а также помочь самому несовершеннолетнему чувствовать себя спокойнее на допросе [14, с. 95-96].

Таким образом, правильным считаем мнение С.А. Роганова и Т.Л. Константиновой, которые предлагают «исключить из УПК РФ слово “педагог” в том контексте, в котором оно используется в настоящий момент, так как его участие не отвечает требованиям содержательной и целевой сущности такого его участия при допросе» [10, с. 204].

Также есть точка зрения, что есть смысл привлекать педагога в роли свидетеля, поскольку он может лично знать несовершеннолетнего по специфике своей работы, а значит, сможет дать личностную характеристику несовершеннолетнего, его поведенческие особенности

и привычки. А психолог – это специалист, способный оказать прямое воздействие на ход допроса и помочь достигнуть поставленной цели [14, с. 97].

Третье лицо, участвующее в допросе несовершеннолетних потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, является законный представитель.

В соответствии со ст. 48 УПК РФ «По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители в порядке, установленном статьями 426 и 428 УПК РФ». Допускаются на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Таким образом, своеобразным двойным представительством в лице защитника и законного представителя осуществляется полная гарантия обеспечения прав несовершеннолетних в ходе проведения следственных действий с их участием.

Заключительной третьей особенностью является непрерывность и общее время проведения следственных действий при участии несовершеннолетних. Согласно ч. 1. ст. 191 УПК РФ, «следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день». Что касается несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, то в соответствии с ч. 1 ст. 425 УПК РФ «допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день».

Безусловно, для каждой возрастной категории следователю целесообразно использовать соответствующий подход. Например, если говорить о дошкольном возрасте, то их основной вид деятельности – игра. В связи с этим допрос необходимо сделать в игровой форме, чтобы допрашиваемый находился в максимально комфортной обстановке. Время допроса также играет немаловажную роль. Чем младше допрашиваемый и менее подходящая форма допроса, тем быстрее он утомится.

Также на основании исследования НИИ МВД России И.Е. Рецкой и О.И. Бродченко можно сделать вывод о гендерных особенностях допрашиваемых, например, мальчики зачастую более сконцентрированы на деталях, более четко излагают мысли. То есть в данном случае следователю, дознавателю необходимо спрашивать строго по фактам и кратко. А девушки – более эмоциональные и впечатлительны, что тоже нужно учитывать при проведении допроса [4, с. 41].

Допрос подростка рекомендуется начинать со свободного рассказа, а самому следователю говорить спокойно, чтобы допрашиваемый не чувствовал давления над ним и смог сконцентрироваться на поставленных вопросах [5, с. 40].

Допрос несовершеннолетних следует проводить как можно раньше, чтобы была возможность извлечь как можно больше информации, поскольку такая значительная информация, как, например, приметы преступника, может забыться. Подростки 17-18 лет могут быть допрошены с применением тактических приемов, используемых при применении допроса для взрослых [11, с. 203].

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что законодательством в равной мере предусмотрены гарантии обеспечения прав несовершеннолетних всех категорий: потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого. Особые требования к допросу лиц, не достигших совершеннолетия, обусловлены максимальной защитой их прав и интересов, исходя из личностных особенностей данной категории лиц, а точнее возраста, типа психики и уровня интеллектуального и эмоционального развития.

Список литературы:

1. Аксенова, Л.Ю. Тактические особенности производства очной ставки с участием несовершеннолетних / Л.Ю. Аксенова // Вестник СИБИТа. – 2018. – № 2 (26).
2. Варлова, А.О. Особенности допроса несовершеннолетних / А.О. Варлова, Л.В. Гнетова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – № 7 (33).
3. Зеленин, С. Р. Исследование судом показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля / С. Р. Зеленин // Уголовный процесс. – 2015. – № 12. – С. 24-35.
4. Зорин, Г.А. Руководство по тактике допроса. Учебно-практическое пособие / Г.А. Зорин. – М.: Юрлитинформ, 2001.
5. Крайнова, А.А. Особенности допроса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства / А.А. Крайнова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4.
6. Криминалистическая тактика: учебное пособие для вузов / А.Г. Филиппов [и др.]; под общей редакцией А.Г. Филиппова. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 207 с.
7. Лазарева, В.А. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 268 с.
8. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учебное пособие / Э.Б. Мельникова. – М., 2001.
9. Питерцев, С.К., Тактика допроса./ С.К. Питерцев, А.А. Степанов. – СПб: Питер, 2001.
10. Порубов, Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве / Н.И. Порубов. – Минск, 1973.
11. Роганов, С.А. К вопросу об участии педагога при производстве допроса / С.А. Роганов, Т.Л. Константинова // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2 (40).
12. Собольников, В.В. Юридическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / В.В. Собольников. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 331 с.

13. Соловьев, А.Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии./ А.Б. Соловьев. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002.
14. Фомин, И.А. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего / И.А. Фомин, Е.В. Горбачева // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3.

БРОВКИН Алексей Реджинальдович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
9119119090@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВИНДИКАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассмотрены особенности развития законодательства о виндикационный защите права собственности, исследованы древнеримские истоки владельческой защиты.

Ключевые слова: *право собственности, виндикационно-правовой способ защиты, защита владения, виндикационный иск, добросовестное владение, недобросовестное владение.*

Виндикационно-правовой способ защиты права собственности имеет многовековую историю и представляет собой древнеримский правовой институт защиты собственности. Основы древнеримского института истребования имущества из чужого незаконного владения были заимствованы странами континентальной Европы и впоследствии российской правовой системой. В российском законодательстве на протяжении всех периодов её развития виндикация реализовывалась посредством предъявления виндикационного иска к детентору, указанный способ защиты был заимствован из римского частного права [1, с. 27].

Древнеримские юристы различали два способа истребования имущества из чужого незаконного владения: посредством применения поссесорного способа защиты (защита владения) и петтиторной защиты (защиты права собственности).

Указанные способы защиты были исторически обусловлены особенностями римского законодательства классического и раннего периода. В указанные периоды деление вещей происходило на манципируемые (res mancipi) и неманципируемые (res nec mancipi), позднее в постклассический период деление вещей на манципируемые и неманципируемые было упразднено Юстинианом.

При осуществлении поссесорной защиты своего владения не допускалась ссылка на наличие права на имущество, также бремя доказывания распределялось между сторонами равномерно. Стороны находились в равном положении и в процессе, каждая сторона должна была доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается.

Отечественная система гражданского права заимствовала древнеримский институт частного права – институт защиты владения как факта [2, с. 94].

В российском дореволюционном праве основанием защиты владения составляло предположение о том, что владельцу принадлежит право собственности на оспариваемую вещь. К.П. Победоносцев отмечал: «Владение есть состояние фактическое, наличное, которое говорит само за себя, которому не требуется доказательств, покуда оно продолжается. На чём оно основано – это владение, и действительно ли оно основано на праве собственности, – вопрос сам собою не возникает, если не объявляется другое лицо, объявляющее наличного владельца незаконным и выставляющее своё право на собственность в том же имуществе, стало быть, вопрос этот возбуждается только вследствие иска о собственности. И в этом случае владение предполагается основанным на праве собственности до тех пор, пока противное не будет доказано» [3, с. 165].

Данный подход русские цивилисты того времени обосновывали тем обстоятельством, что в большинстве случаев владение совпадает с правом собственности. Для защиты своих имущественных прав фактическому обладателю вещи (владельцу) необходимо было отстаивать свое владение, не выдвигая при этом своих прав собственности. В подавляющем большинстве случаев такое отстаивание владения было вполне достаточным для защиты интересов собственника, так как у противника не имеется доказательств в пользу защиты его права.

Г.Ф. Шершеневич высказался следующим образом об указанной владельческой зашите: «Владение, когда оно соединено в одном лице с правом собственности, по мнению закона, есть существенная часть самого этого права. Но владение может и не совпадать с правом собственности, и тогда оно представляет собой особый институт. Юридическое его выражается в том, 1) что оно охраняется законом от посягательств третьих лиц само по себе, независимо от вопроса о праве собственности и 2) что продолжалось известное время, оно превращается в право собственности» [4, с. 259].

В отличие от поссесорной защиты, петиторная защита права собственности в древнем Риме подразумевало доказывание наличие права на вещь, а не её фактическая принадлежность кому либо.

Виндикационный иск (rei vindicatio), посредством которого осуществляется виндикационно-правовая защита права собственности, относится к одному из видов петиторного способа зашиты прав. Иными же видами петиторного способа зашиты прав являются негаторный иск (actio negatoria) и так называемый иск о воспрещении (actio prohibitoria). Виндикационный иск относится к группе вещных исков и представляет собой требование собственника вещи, о возврате своего имущества из чужого незаконного владения. Ответчиком при подаче виндикационного иска будет являться любое третье лицо осуществляющее правомочие владения на имущество истца. В.М. Хвостов характеризует виндикационный иск следующим образом: «Это – главный иск для защиты права собственности. Иск дается не владеющего вещью собственнику против владеющего вещью несобственника, если последний отказывается выдать первому его

вещь. Задача судьи – в позднейшем праве – определить, является ли истец действительно собственником вещи и, если он окажется таковым, то присудить ответчика выдать вещь истцу со всеми плодами и приращениями» [5, с. 180].

В римском праве целью виндикационного иска был возврат вещи собственнику – истцу, а предметом иска могла быть только отдельная самостоятельная, индивидуально – определенная, сохранившееся в натуре к моменту рассмотрения спора вещь. Выдающийся древнеримский юрист Павел дал следующую характеристику виндикационного иска: «Если кто-либо предъявит вещный иск, то он должен обозначить вещь и указать, требует ли он эту вещь целиком или в части, и в какой: наименование вещи обозначает не род, но данную вещь (speciem). Октавен даёт такое определение: «следует указать вес необработанного вещества, число опечатанных вещей и вид (speciem) обработанного вещества; но следует указать и меру, если вещь определяется мерой» [6, с. 129].

На истца возлагалась обязанность доказать тождество истребуемой вещи у ответчика по виндикационному иску с вещью, которая когда-то имелась у него во владении. Поскольку ответчик не всегда в досудебном порядке отвечал согласием истцу в требовании предъявить вещь для опознания, то довольно часто перед предъявлением rei vindication прибегали к action ad exhibendum – личному иску против владельца спорной вещи с требованием предъявить спорную вещь для осмотра истцом. Ульпиан называл этот иск иском о предъявлении. Данный иск о предъявлении позволял истцу убедиться в том, что это действительно его вещь, а также в том, что ответчик действительно является фактическим владельцем спорной вещи. Древнеримский юрист Гай отмечал, что необходимо предъявлять виндикационный иск фактическому владельцу спорной вещи, в противном же случае иск «был тщетным» и удовлетворению не подлежал [7, с. 274]. Вместе с тем, в римском праве присутствовал институт фиктивного владельца, позволяющий предъявлять виндикационный иск лицу, не владеющему на момент рассмотрения спора вещью в натуре.

Ответчик признавался фиктивным владельцем в следующих случаях:

1) если лицо владело вещью, но до начала процесса умышленно избавилось от неё или уничтожило вещь;

2) если лицо лоно выдавало себя за владельца и таким поведением побудило собственника заявить против него виндикационный иск.

Основной целью виндикационного процесса в римском праве было присуждение и возврат вещи титульному собственнику. На ответчика возлагалась обязанность возвратить со всеми её приращениями, он также был ответственен за утрату вещи. В римском праве присутствовала определённая защита интересов добросовестного приобретателя, но только в отношении произведенных вещью плодов. Добросовестный приобретатель обязан был возвратить только наличные плоды, недобросовестный же обязан был возвратить все потреблённые и даже недополученные по его небрежности плоды. По этому поводу О.С. Иоффе писал: «следует иметь в виду, что

добросовестность принималась во внимание в решении вопроса о плодах, но не о судьбе самой вещи. Вещь возвращалась собственнику независимо от добросовестности владельца, так как римское право стояло на позициях неограниченной виндикации, провозгласив правило – где бы я не нашёл свою вещь, там её и виндифицирую. Отход от этого правила в интересах добросовестных участников оборота, которые приобретая вещь, не знали и не могли знать о неуправомоченности отчуждателя на совершение отчуждательного акта – дело гораздо более позднего времени» [8].

Ответственность добросовестного и недобросовестного владельца была неодинаковой. Добросовестный владелец отвечал за состояние вещи с момента предъявления виндикационного иска. Добросовестный владелец имел право на возмещение ему издержек вызванных для поддержания нормального состояния вещи, а также на возмещение издержек увеличивающих хозяйственную годность вещи. В случае произведения добросовестным приобретателем затрат «для удовольствия» (impensae voluptuariae) или в случае произведения затрат, направленных приданию вещи роскоши, то добросовестный приобретатель мог произвести отделение произведённых им улучшений, в случае, если это было возможно произвести без нанесения для вещи (снять пристроенную веранду и т.д.).

Недобросовестный владелец в отличие от добросовестного отвечал за гибель вещи, произошедшей по его неосторожности ещё до предъявления к нему виндикационного иска, а за гибель вещи после предъявления к нему виндикационного иска он отвечал независимо от вины с его стороны. Понесенные на вещь расходы недобросовестному владельцу не возмещались, за исключением тех расходов, которые были необходимы для сохранения вещи. Никакие расходы не возмещались вору. Следует отметить, что, несмотря на неограниченный характер виндикационного иска, в римском праве имелись случаи при которых не представлялась возможность удовлетворения иска:

1. При отчуждении манципируемой вещи без проведения необходимых процедур, отчуждатель вещи формально оставался её квиритским собственником и у него, имелась возможность заявить виндикационный иск. «В формулярном процессе процессе данный иск мог быть удовлетворён претором только в том случае, если приобретатель не выдвигал против требований истца exceptio rei vindicate et traditae – возражение о том, что истец сам передал вещь покупателю. Другое название – exceptio doli, т. е. возражение о том, что истец, предъявляющий свою виндикацию, поступает недобросовестно» [9, с. 85].

2. В случае если при предъявлении виндикационного иска ответчик являлся добросовестным приобретателем по давности (узукапирована).

Виндикационный иск предполагал доказательства истцом своего права собственности, а также того факта что ответчик владеет этой вещью. Ответчик мог задержать выдачу вещи пока собственник не возместит всех понесённых ответчиком издержек понесённых им в связи с содержанием вещи (так называемое ius retentionis, право удержания вещи осуществляющееся в форме эксцепции против

виндикационного иска). В виду того, что такое доказательство зачастую было весьма затруднительным собственники спорного имущества прибегали не к виндикационному иску, а к action in rem Publiciana, при которой требовалось доказать лишь добросовестное владение.

Изучение древнеримского института rei vindication имеет огромное значение как для юридической науки, так и для правоприменительной практики. Данный институт по сей день является необходимой базой, моделью, определившей развитие виндикационно-правовой защиты права собственности.

Список литературы:

1. Коренев, П.В. Право собственности и другие вещные права: учебное пособие / П.В. Коренев, И.А. Суслина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА». 2019. – 156 с.
2. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА». 2019. – 196 с.
3. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: в 3 томах. Том 1 / К.П. Победоносцев; под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало. 2003. – 768 с.
4. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спарк. 1995. – 556 с.
5. Хвостов, В.М. Система римского права: учебник / В.М. Хвостов; вступ. ст. Е.А. Суханов, В.А. Томсинова. – М.: Спарк, 1996. – 522 с.
6. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. Ред.: Е.А. Скрипалев. – М.: Наука. 1984. – 456 с.
7. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции ГАЯ. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало. 1997. – 608 с.
8. Иоффе, О.С. Основы римского гражданского права / О.С. Иоффе, В.А. Мусин. – Л., 1974.
9. Гусева, А.А. Объект виндикации: проблемы правоприменения / А.А. Гусева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 76-93.

БЫКОНЯ Оксана Ивановна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
ok.bykonya@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЦЕДУРЫ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

В статье рассматриваются правовые последствия, наступающие после утверждения судом мирового соглашения, в частности, рассматриваются правовые нормы, регулирующие заключение мирового соглашения сторонами гражданского спора,

функции мирового соглашения как примирительного документа, проблемы, вытекающие после утверждения мирового соглашения.

Ключевые слова: *мировое соглашение, договор, определение, правовые последствия, спор, прекращение, исполнение, условия, обязанности, стороны, суд, обжалование.*

Гражданские правоотношения всегда сопровождаются наложением на стороны определенных обязательств и необходимости их исполнения, в результате нарушения условий сделок сторонами возникает спор, который решается в судебном порядке. Глава 14.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [1] (далее – ГПК РФ) посвящена примирительным процедурам, которые сопровождаются заключением мирового соглашения.

Термин «мировое соглашение» не имеет определения в законодательных нормах, что является упущением российского гражданского права [2, с. 89]. В общем понимании мировое соглашение является договором, заключенным между сторонами гражданского спора, содержащим указание на способы разрешения конфликта, условия и обязательства сторон, при реализации которых они достигают своих интересов [3, с. 301].

Для прекращения спора стороны должны прийти к общему итогу, определить обязанности, которые каждая сторон должна выполнить и таким образом, спор становится закрытым. Но основой разрешения споров является непосредственно придание примирительным переговорам сторон юридической силы через заключение мирового соглашения [4, с. 85].

Статья 153.8. ГПК РФ устанавливает, что заключение мирового соглашения доступно на любой стадии судебного разбирательства и должно быть утверждено судом, который сначала в обязательном порядке изучает договор, составленный сторонами спора, условия, которые они выдвинули друг против друга, сроки исполнения требований сторон и другие сведения, указанные в документе.

Если судом не установлено, что эти сведения противоречат законам РФ и нарушают чьи-либо интересы, то мировое соглашение утверждается. Суд не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ).

Функции мирового соглашения как примирительного документа:

- правовая, позволяющая обеспечивать гарантии исполнения сторонами соглашения указанных в нем условий и требований, посредством наделения мирового соглашения юридической силой;

- примирительная, когда стороны в ходе судебного заседания или до начала судебного разбирательства могут составить мировое соглашение, тем самым разрешают спор в кратчайшие сроки, чем длилось бы судебное разбирательство, а также учитываются интересы обеих сторон спора, тогда как при судопроизводстве выигрывает только одна сторона;

- образовательная, когда стороны учатся самостоятельно составлять мировые соглашения, приходят к взаимопониманию, что способствует повышению правовой образованности граждан [5, с. 57].

Больший интерес представляют правовые последствия утверждения мирового соглашения, в частности:

1. Пунктом 13 ст. 153.10 ГПК РФ установлено, что при утверждении судом первой инстанции мирового соглашения, составленного сторонами гражданского спора, спор прекращается, как и производство по делу в судебном органе.

Если мировое соглашение утверждено судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, то спор сторон так же прекращается через отмену судебного акта суда первой инстанции и прекращение производства по делу. Если стороны решили прийти к мирному урегулированию спора после вынесения судом решения по спору, то данное решение прекращает свое действие.

2. Пункт 2 ст. 153.11 ГПК РФ устанавливает, что после утверждения судом мирового соглашения стороны обязаны исполнить условия и требования, которые в нем указали. При неисполнении обязанностей сторон по исполнению мирового соглашения оно исполняется в принудительном порядке посредством выдачи судом исполнительного листа по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение, и в отношении которого другая сторона не исполнила указанные в договоре обязательства.

3. Пунктом 11 ст. 153.10 ГПК РФ установлено, что определение суда об утверждении мирового соглашения может быть обжаловано, в результате данной нормы вытекают следующие правовые проблемы:

- нарушаются положения статьи 153.10 ГПК РФ, устанавливающие, что при утверждении мирового соглашения спор по делу прекращается, в частности, право сторон на обжалование определения суда, утверждающего мировое соглашение, приводит к возобновлению спора, и к отсрочке его разрешения сторонами, которые не выполняют свои обязательства в период обжалования судебного определения;

- нарушаются нормы ст. 173 и 221 ГПК РФ, в которых указывается запрет на повторное обращение в суд с иском рассмотреть спор, по которому уже вынесено определение об утверждении мирового соглашения.

При обжаловании определения суда об утверждении мирового соглашения спор остается открытым и не может быть прекращен до того, пока суд не пересмотрит мировое свое определение, таким образом, пересмотр определения приравнивается к пересмотру самого спора, что является недопустимым по нормам гражданского права.

Д.Е. Кравченко указывает, что основная проблема мировых соглашений это произвольный характер, и когда стороны заключают договор, зачастую суду приходится устанавливать соответствие указанных в нем условий, требований и обязательств сторон законодательным нормам РФ. В Российском праве существует проблема отсутствия четкого определения понятия мирового соглашения, нет стандартов составления мирового соглашения, и суды, рассматривающие данные договора, вынуждены выполнять

дополнительную работу, исследуя составленные сторонами спора документы [6, с. 550].

О.В. Турчина указывает, что после утверждения мирового соглашения возникают следующие проблемы:

- стороны могут не исполнить свои обязательства;
- принудительные механизмы исполнения обязательств в особенности материальных посредством исполнительных листов и привлечения приставов-исполнителей в условиях коррупции и произвола в органах власти и учреждениях приводит к проблемам ущемления прав стороны, в отношении которой исполнительный лист выдан;
- неэффективность правовых норм, регулирующих вопросы составления, исполнения, изменения и отмены мирового соглашения;
- отсутствие стандартов составления мировых соглашений;
- отсутствие специализированных судебных органов, рассматривающих мировые соглашения;
- отсутствие органов, производящих толкование правовых норм в вопросах составления, изменения, отмены мировых соглашений, производящих так же консультации для спорящих сторон и т.д. [7, с. 552-553].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что проблем исполнения мировых соглашений множество, в основном они упираются на несовершенство правовых норм Российского государства, неэффективность практических механизмов регулирования сферы примирительных процедур.

Эти проблемы требуют изменения уже существующего законодательства, и создания новых правовых норм, создания стандартов, инструкций, специализированных органов судебной власти, консультационных органов. Так как все проблемы находятся в тесной связи друг с другом, то решение одной проблемы сможет полностью или частично привести к разрешению другой [8, с. 154].

Несмотря на то, что мировое соглашение в гражданском процессе является наиболее эффективным инструментом мирного урегулирования разногласий между участниками разбирательства по делу, необходимо иметь в виду, принимая решение завершить дело миром, истцу и ответчику нужно осознавать, что повторное рассмотрение дела по таким же основаниям, о том же предмете спора и между теми же сторонами невозможно, и после утверждения мирового соглашения, сторонам придется исполнить указанные в нем обязательства и условия.

Поэтому составление мирового соглашения должно вестись в соответствии с нормами права, которые не имеют на данный момент конкретизации, что способствует необходимости изменения мировых соглашений, их отмены ввиду несоответствия нормам права. Современная система гражданского права и судопроизводства в РФ характеризуется отсутствием полноты сведений, а сама судебная практика – отсутствием механизмов привлечения сторон спора к ответственности и добровольному исполнению указанных в мировом соглашении условий и обязательств.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Анищенко, В.Г. Процедура мирового примирения – новелла российского права / В.Г. Анищенко // Юридическая наука. – 2020. – № 2. – С. 89-93.
3. Толстова, А.Е. Интеграция примирительных процедур в отечественную нотариальную практику / А.Е. Толстова // Наследственное и семейное право: теория и правоприменительная практика. Материалы международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2015. – С. 298-304.
4. Асатурян, Д.Р. Правовые последствия неисполнения и расторжения мирового соглашения / Д.Р. Асатурян // Ростовский государственный экономический университет. – 2019. – № 12 (48). – С. 85-86.
5. Толстова, А.Е. Медиативное соглашение как гражданско-правовая сделка / А.Е. Толстова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 2 (47). – С. 56-62.
6. Кравченко Д.Е. Проблемы исполнения мировых соглашений // Вопросы российской юстиции. 2020. – № 10. – С. 548-556.
7. Турчина, О.В. Мировое соглашение в гражданском процессе / О.В. Турчина // Правовая охрана окружающей среды: материальные и процессуальные аспекты. – 2016. – С. 92-96.
8. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

ВАСИЛЬЕВА Ирина Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
virinaa@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА

В статье исследуются отдельные особенности становления и развития правового регулирования наследования выморочного имущества.

Ключевые слова: *выморочное имущество, наследование, оккупация, публичное образование, «безнаследность», бесхозяйное имущество.*

Наследование выморочного имущества – институт наследственного права, который имеет весьма длительную историю становления и развития. Обращает на себя внимание и тот факт, что

российская цивилистическая доктрина уже довольно длительный период оперирует понятием «выморочное имущество».

Термин «выморочное» происходит от слов «вымирание» и «мор», подразумевающих большое количество смертей, однако в юриспруденции данный термин, безусловно, лишен какого-либо трагизма, поскольку наследники могли, например, не принять наследство или отказаться от него, но и могли быть лишены наследодателем права наследования путем совершения завещания и т.д.

Сразу оговоримся, что в современных правовых системах сформировалось несколько подходов относительно имущества, оставшегося «без хозяина»: (а) предоставление права «оккупации» одному или нескольким публичным образованиям; (б) призвание одного или нескольких публичных образований к наследованию принудительно; (в) передача выморочного имущества благотворительным и иным организациям. Причем выбор концепции относительно правовой судьбы не наследуемого имущества связан с выбором наиболее достойного правообладателя, обеспечением интересов кредиторов наследодателя, поскольку в независимости от способа определения «судьбы» выморочного имущества национальным законодательством за кредиторами должно сохраняться право удовлетворения своих требований.

Свод законов Российской империи (ст. 1162-1166, часть 1, том X), как и проект Гражданского уложения (ст. 107-112, книга четвертая, «Наследственное право») придерживались идеи «оккупации» в пользу местных публичных образований. По Своду законов, наследственное имущество, не принятое наследниками по закону или по завещанию, после истечения шести месяцев с момента вызова наследников в рамках охранительного производства, поступало в опекунское управление, а спустя десять лет со дня открытия наследства признавалось выморочным. Характерно, что до истечения десятилетнего срока объявившийся наследник мог вступить в права наследования [1]. Как видим, нельзя сказать, что термин «выморочное имущество», на законодательном уровне, впервые был закреплен в ст. 1151 ГК РФ, хотя на это часто указывают отечественные правоведы. Что касается советского периода истории отечественного наследственного права, Гражданским кодексом РСФСР (1922 г.) предусматривался факт возможности выморочного имущества, а в Правилах перехода к государству наследственных имуществ, приятых Советом Народных Комиссаров РСФСР 28.12.1943 регламентировался порядок его выявления, учета, оценки и продажи, то есть, в указанные периоды наследование выморочного имущества было известно отечественному внутреннему законодательству [2, с. 18-21]. Наследование выморочного имущества регулировалось и международными договорами, например, договорами о правовой помощи, заключенными СССР с такими странами, как КНДР, Румыния, Югославия и рядом других стран. Эти термины использовались и в договорах о правовой помощи, заключенных Россией, например, с Литвой, Киргизией, Египтом, Латвией и рядом других стран [3, с. 115-116].

В Гражданском кодексе РСФСР (1964 г.) термин «выморочное имущество» отсутствовал, т.к. он был заменен понятием «переход наследства к государству». Эта замена отразилась и на конструировании соответствующих предписаний в ряде международных договоров о правовой помощи, которые заключил СССР с такими странами, как Болгария и др.

Анализируя положения действующего законодательства советского периода, мы видим, что советское наследственное право избрало модель наследования выморочного имущества государством. Выбор данной модели преемства обосновывался тем, что при отсутствии наследников как по закону, так и по завещанию, или если имеющиеся наследники не наследовали в силу тех или иных обстоятельств, предусмотренных действующим законодательством, гражданин оставлял свое имущество государству, в котором он жил, работал, пользовался его благами.

В советский период в течение определенного времени доктрина и правоприменительная практика не могли достигнуть единого мнения в вопросе принятия наследства, важном с точки зрения ответственности государства по долгам наследодателя. И только в 1952 г. было признано, что «выморочность» означает переход наследства государству ipso iure, а документ, выдаваемый нотариусом (свидетельство о выморочности, с течением времени нотариусы стали выдавать свидетельство о праве на наследство по закону), является документом, подтверждающим право государства на выморочное имущество.

В большинстве своем термин «выморочность», содержащийся в ст. 433 ГК РСФСР 1922 г., характерный для определения условий «оккупации» подвергался критике отечественными цивилистами за некорректность использования [4, с. 235-238]. Что касается замены термина «выморочное имущество» на понятие «переход наследства к государству», то, по мнению Ю.Н. Денисовой, мотив такой замены основывался на том, что «выморочность» следует понимать, как «безнаследность» имущества, в то время как обладатель такого имущества даже в случае его выморочности известен в силу прямого указания закона [5, с. 42]. По мнению же М.С. Абраменкова и П.В. Чугунова, подобная аргументация не является достаточно «фундированной», так как имущество может прейти к государству как по закону, так и по завещанию. Кроме того, утверждают ученые, хотя состояние «выморочности» означает именно «безнаследность» как результат действия норм наследственного права, ее не следует понимать, как абсолютное отсутствие обладателя имущества, оставшегося после умершего лица [6, с. 309].

Характерно, что современные правоведы, исходя из общих оценок качества и сути правовой регламентации общественных отношений, непосредственно связанных с наследственным правопреемством, рассматривают наследование выморочного имущества как новый по форме и содержанию институт российского наследственного права [7, с. 247]. Что же касается новизны формы и содержания, то новизна формы заключается в использовании правовой категории выморочного имущества и восстановление этого понятия для теории собственности и наследственного правопреемства, впрочем,

как и для действующего гражданского законодательства в целом; новизна же содержания института выморочного имущества заключается в том, что определяется понятие «выморочное имущество», и как подчеркивают некоторые цивилисты, разграничивается наследование государством и наследование выморочного имущества, а предмет регулирования перехода выморочного имущества к государству должен определяться специальным законом [8, с. 216].

Надо сказать, что в науке как отечественной, так и зарубежной, вопрос относительно правовой сущности перехода имущества умершего гражданина к государству, иным публично-правовым образованиям, однозначно так и не решен, основными теориями являются следующие:

• приобретение государством имущества на основании и по праву «оккупации» бесхозяйного имущества [9, с. 12];

• приобретение данного имущества на основании и по праву наследования [10, с. 39].

Не решен этот вопрос однозначно и законодательствами различных государств. Внутренним законодательством зарубежных государств и в международном частном праве по-разному решается вопрос, по какому основанию и по какому праву государство становится обладателем имущества умершего. Например, в странах «общего права» (Англии, США и ряде других) имущество становится бесхозяйным и переходит к государству на праве «оккупации», т.е. завладения по праву верховной власти, территориального верховенства, осуществляемого государством, на территории которого находится указанное имущество. В государствах континентальной правовой системы (Швейцарии, Испании, Италии, Германии и ряда других) переход к государству права собственности на выморочное имущество признается наследственным правопреемством [11, с. 421].

Если говорить о России, то отечественная доктрина, как и действующее российское законодательство (ст. 1151 ГК РФ) придают передаче выморочного имущества государству, иным публично-правовым образованиям (городам федерального значения, муниципальным образованиям) статус наследования, и, конечно же, наследование указанными субъектами выморочного имущества имеет свою специфику.

Сопоставляя соответствующий понятийный аппарат, используемый ранее нормативными правовыми актами, с ныне действующим законодательством, регулирующим условия и порядок наследования выморочного имущества, нельзя не отметить, что современные формулировки, к сожалению, далеки от совершенства. Некоторые правоведы указывают и на уязвимость, и прежде всего с юридической точки зрения, формулировки самого названия ст. 1151 ГК РФ «Наследование выморочного имущества», подчеркивая при этом, что современной тенденцией в отечественном наследственном праве является ограничение числа случаев признания имущества выморочным в силу увеличения количества очередей наследников по закону, призываемых к наследованию [12, с. 92].

Как явление, явление «выморочности», будучи сугубо юридическим, правовым, обусловливается различными правовыми

основаниями, например, отсутствием наследников как по закону, так и по завещанию в физическом понимании, их недостойностью в силу ст. 1117 ГК РФ, лишением права наследования путем совершения завещания наследодателем, отказом наследников от наследства или непринятием ими наследства, но в любом случае оно связывается с категорией наследования и является институтом, производным от общих принципов правового регулирования перехода прав на имущество от одного субъекта наследственного правоотношения к другому (другим).

Речь идет о результатах действия права в сфере наследования, о правовых последствиях соответствующих юридических норм, регулирующих наследственные отношения, в том числе и в каждом конкретном государстве. Это означает, что регулятивная функция и эффект указанных правовых норм уже состоялись.

Анализируя положения нормативно-правовых актов и правоприменительную практику, можно с уверенностью утверждать, что действующее отечественное законодательство, регулирующее рассматриваемую сферу отношений, сохранило принципы, заложенные советским наследственным правом. Выморочное имущество наследуется публично-правовыми образованиями, согласно ст. 1151 ГК РФ, которые являются «принудительными» наследниками, поскольку принятия ими наследства не требуется, а отказ от наследства не допускается; публично-правовые образования, которые унаследовали выморочное имущество, несут ответственность по долгам наследодателя на общих основаниях.

Список литературы:

1. Свод законов Российской Империи. В 5-и книгах / под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского. Книга 3 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Смирнов, С.А. Теория и история наследственного права России: вопросы развития / С.А. Смирнов // Наследственное право. – 2014. – № 3. – С. 18-21.

3. Алешина, А.В. Наследственные отношения в Российской Федерации и международном частном праве: учебное пособие / А.В. Алешина, В.А. Косовская; под общ. ред. О.С. Зыбиной. – СПб.: НОУ «СЮА», 2015. – 198 с.

4. Серебровский, В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В.И. Серебровский. – М.: Статут, 2003. – 558 с.

5. Денисова, Ю.Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения / Ю.Н. Денисова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 4 (45). – С. 41-46.

6. Абраменков, М.С. Наследственное право / М.С. Абраменков, П.В. Чугунов. – М.: Юрайт, 2013. – 423 с.

7. Черемных, Г.Г. Наследственное право России: учебник / Г.Г. Черемных. – М.: Юрайт, 2003. – 516 с.

8. Гончарук, Л.В. Наследственное право // Л.В. Гончарук. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 346 с.

9. Гибадуллина, А.А. Эволюция понятия выморочного имущества в Российской Федерации / А.А. Гибадуллина // Наследственное право. – 2020. – № 2. – С. 11-14.
10. Сауткина, Е.А. Некоторые проблемы правопреемства при приобретении выморочного имущества / Е.А. Сауткина // Нотариус. – 2020. – № 6. – С. 38-41.
11. Абраменков, М.С. Основные положения наследственного права зарубежных стран / М.С. Абраменков // Наследственное право. – 2018. – № 1. – С. 40-44.
12. Бейн, А.К. Наследование выморочного имущества в Российской Федерации: историко-правовой аспект / А.К. Бейн // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 2. – С. 87-94.

ВОРОНКИН Владислав Анатольевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
genosenpai@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

В статье рассматривается такой известный источник права, как юридическая доктрина, которая в современном правоведении оценивается с позиции многомерности права.

Ключевые слова: *правовая доктрина, правовая культура, правовая семья.*

Среди формальных источников права и по сей день в правовых системах государств встречается такой источник права, как юридическая (правовая) доктрина.

Юридическая, иногда ее называют научная доктрина, известна со времен Древнего Рима, того периода, когда юридическая наука подошла к пику своего развития и на передний ее план вышли юристы-практики. Это такие известные юристы древности, которые оставили свои имена как корифеи юриспруденции на закате Римской империи. Наиболее известны из них Гай, Папиниан, Павел, Модестин, Ульпиан. Исходя из своего практического опыта, они выводили правовые постулаты, которыми руководствовалась практика как принципами судопроизводства. Пожалуй, главным выводом римских юристов стало определение права как «искусства добра и справедливости», что отражает известную античную теорию естественного права.

В современной юриспруденции самым распространенным подходом к юридической доктрине служит ее трактовка, встречающаяся почти в каждом учебнике по теории государства и права. Под юридической доктриной обычно понимают положения из работ известных учёных, которые используют в определённых странах при наличии неточностей или пробела в законодательстве или

отсутствии соответствующего прецедента для юридического решения возникшего спора, имеющего правовое значение.

В постсоветский период развития отечественной юриспруденции появились нестандартные подходы, обусловленные признанием права феноменом духовной природы человека, учитывающим многомерность права и его человекоразмерность. Например, юридическая доктрина определяется как гармоничная и целостная система моральных норм, представлений, принципов, взглядов и идей, обусловленная духовным и интеллектуальным развитием, моральными принципами общества и политико-правовой культурой. В одной из своих статей кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Евгений Олегович Мадаев дал правовой доктрине такое определение: «Правовая доктрина – это относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно-обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности» [1].

Представляет интерес классификация правовых доктрин по различным критериям. По форме выражения они могут быть письменными и неписьменными; по отношению к религии – являться религиозными и светскими; по сфере применения различают доктрины международные и национальные; в зависимости от способа санкционирования – обязательные для исполнения и рекомендуемые; по содержанию – копирующие иные правовые источники или носящие самостоятельное юридическое значение.

Современные правовые системы, за некоторым исключением, не содержат правил о применении доктрины в качестве источника. Примером может служить Швейцария, в гражданском праве которой предусмотрена возможность в случае возникновения пробела в правовой практике ссылаться на мнения авторитетных ученых-юристов.

Иначе обстоит дело в мусульманской системе права, где труды видных ученых правоведов всегда были и до сих пор остаются обычным источником права, на который всегда может сослаться суд. Это обуславливается тем, что все труды мусульманских учёных в большинстве своём ссылаются на основной источник права мусульманских стран – Коран или любые другие основные источники мусульманской системы права, такие как сунна, иджма, кияс, фетва. К дополнительным источникам относятся истихсан, истислах, урф, истисхаб и садду з-зараи.

В странах общего права, и в особенности в Англии, где право изначально создавалось судьями-практиками, роль правовой доктрины традиционно недооценивалась, ей уделялось значительно меньше внимания, чем в странах романо-германского права. Но, так как правовая доктрина считается характерным источником права для англосаксонской правовой семьи в Великобритании, обращаются к мнениям наиболее известных учёных-юристов в случае, если пробел в праве не может быть заполнен статутом или судебным прецедентом.

В России существуют такие нормативно-правовые акты, как военная и экологическая доктрина, доктрина об информационной

безопасности, которые не имеют ничего общего с мнением авторитетных ученых-юристов, так как носят нормативный характер.

В то же время место данных нормативных актов в общей иерархии законов страны строго не установлено и фактически остается неясным. Гражданский, Семейный, Арбитражно-процессуальный Кодексы РФ признают, что нормы иностранного права определяются при помощи их официального толкования доктриной соответствующего иностранного государства. В статье 38 Статута Международного Суда источником права, который может применять Международный Суд, является доктрина («1. Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет: d) с оговоркой, указанной в статье 59, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм») [2], то есть мнение наиболее квалифицированных юристов в сфере публичного права. Другими словами, в такой ситуации российским правом признаётся правовая доктрина как источник международного права. Так или иначе, остается неопределённым место правовой доктрины в единой системе источников российского права.

В наше время в Российской Федерации действуют следующие доктрины:

1. Доктрина развития российской науки.
2. Доктрина информационной безопасности РФ.
3. Морская доктрина РФ.
4. Климатическая доктрина РФ.
5. Доктрина продовольственной безопасности РФ.
6. Военная доктрина РФ.
7. Национальная доктрина образования в РФ.
8. Экологическая доктрина РФ.

Все они, за исключением Морской доктрины РФ, введены в действие правовым актом субъекта правотворчества, либо Президента, либо Правительства РФ.

Правовая доктрина играет важную роль и может косвенно признаваться в качестве источника права только в силу её фактического признания при создании и формально-юридическом закреплении в законах таких явлений, как:

- принцип права (руководящие нормы права, определяющие содержание и направления правового регулирования);
- юридическая дефиниция (дефиниция юридическая является нетипичным нормативным предписанием и, закрепленная в законе, выполняет регулятивную функцию; соблюдение требований, закрепленных в дефиниции юридической, обязательно, и нарушение их влечет наступление неблагоприятных последствий);
- толкование норм права Высшей судебной инстанцией;
- порядок разрешения коллизий (юридическая коллизия – разногласия или противоречие между нормативными правовыми актами, регулирующими одни и те же или смежные правоотношения, а также между компетенцией органов власти);
- способы оформления юридических документов;

- юридические презумпции (предположение, которое подтверждено правоприменительной практикой; она касается наличия или отсутствия явлений, которые имеют юридическое значение; самая старая юридическая презумпция – презумпция знания права и закона).

Таким образом, правовая доктрина является одним из приоритетных источников права в определённых странах, таких как Арабские эмираты, так как правовая доктрина (труды учёных-юристов) в основном связана с положениями в Коране и другими основными источниками права этой страны, но она недостаточно авторитетна в среде российской правовой системы, чтобы стать одним из основных источников права в РФ, который будут использовать наравне с законами, указами, распоряжениями и т.д.

Заметим, что особое значение на сегодня приобретает Стратегия национальной безопасности России. Дополняющая Конституцию новая Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ 2.07.2021 г., стала расширенным комментарием ее норм о фундаменте государственности [3]. Стратегия рассматривает духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы нравственности и морали в качестве основы российского общества, что свидетельствует о торжестве культурологического подхода к политико-правовым явлениям, заданным еще в XIX в. выдающимся отечественным культурологом Н.Я. Данилевским.

Список литературы:

1. Мадаев, Е.О. Место и роль правовой доктрины в правовой системе Российской Федерации / Е.О. Мадаев // Вестник БГУ. – 2015. – № 2. – С. 193-197.

2. Устав Организации объединенных наций и Статут Международного суда. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1945. – 60 с.

3. Павлова, С.В. Церковная реформа Петра I и ее последствия / III Международный научный конгресс «Правовые традиции становления российской государственности»: сборник научных трудов / С.В. Павлова; под общей ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2022.

ГОРОДНЯНСКАЯ Кристина Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; Kri1553@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ХИЩЕНИИ

В статье рассматриваются исторические предпосылки формирования законодательства об уголовной ответственности за преступления против собственности.

Ключевые слова: *хищение, законодательство о хищении, имущественные права, защиты имущественных прав, уголовное законодательство, уголовно-правовая норма.*

Для правильной оценки уровня и определения тенденций развития современного законодательства, устанавливающего ответственность за преступления против собственности, важно изучать исторический опыт уголовно-правовой защиты имущественных прав. Теоретическое познание заставляет нас признать, что каждое явление находится в самых многообразных зависимостях и принуждает рассматривать одно и то же явление со стороны самых различных условий [13, с. 73].

Понимание предпосылок и складывающегося отношения к хищению в разные периоды существования государства дает возможность эффективно совершенствовать нынешнее законодательство и своевременно вносить необходимые корректировки. Как справедливо высказывался по этому поводу М. Таганцев, любое правовое положения в государстве имеет свои корни из истории народа и для верного интерпретирования юридического института настоящего времени, поэтому необходимо проследить причины появления и трансформации во времени [14, с. 37].

Особую значимость изучение данного вида преступлений приобретает в свете их растущей распространенности по всему миру. Хищение возникло одновременно с обществом, что обусловлено изначально существовавшим социальным неравенством и желанием обладать чужими вещами без приложения усилий к их честному приобретению. По мере того, как усложнялись социальные связи, развивались сначала общинно-родовые, а потом и государственные отношения, менялось и мера наказания за данные виды преступлений. Это неизбежно, поскольку уголовно-правовая система живо откликается на потребности общества в силу своей динамичности и формируется наравне с ним под влиянием территориальных, культурных, социальных, политических факторов, имеющихся обычаев и т.д. Разработка тех или иных норм уголовного права определяется необходимостью запрета на совершение определенных действиях; исходя из этого, потребность обращается в уголовно-правовую норму [10, с. 64].

Российское законодательство имеет очень длительную историю уголовной ответственности за хищение чужого имущества, насчитывающее более тысячи лет. Одними из самых первых письменных источников, содержащими положения об ответственности за такие деяния, являются договоры киевских князей с Византией, заключенных в X веке [5, с. 198-203]. Схожие нормы были обнаружены в Краткой редакции Русской правды – документе начала XI века, который был составлен во времена правления Ярослава Мудрого. По мнению А.В. Архипова, отсутствие более ранних письменных источников может свидетельствовать о том, что до начала X века на всей территории Киевской Руси имели распространение только устные

обычаи, регулировавшие социальные отношения [3, с. 5]. В пользу версии о наличии обычного права у народов Древнерусского государства говорит и Нестор в «Повести временных лет», указывая на то, что в случае кражи у греков русский должен понести наказание «по русскому закону». Это запись относилась к договору киевского князя Игоря, датированному 945 годом [11, с. 35].

В последующих редакциях «Русской правды» нормы об уголовной ответственности за кражу также присутствовали. Подобные преступления определялись как «татьба». Пространная редакция «Русской правды» содержала ряд статей с дифференцированными признаками предметов хищения. В статьях 35, 41-46, 69, 70 можно было обнаружить упоминания об ответственности за кражу меда, коня, бобра, скота, зерна, пчел[1]. Каждый вид имущества имел различную ценность, поэтому кража подробно регламентировалась по предмету и объекту хищения. Помимо этого, в изучаемом документе содержалось понятие «поток», которое представляло собой наказание в виде лишения преступника, его семьи и имущества со стороны государства и верви [7, с. 81].

Дальнейшее развитие ответственности за кражу в русском уголовном праве связывают с Псковско-судной грамотой 1467 года. Это был нормативный акт, который регулировал преимущественно гражданско-правовые отношения. В ст. 8 говорится о том, что человека, дважды уличенного в краже, следует наказать сообразно степени вины, а на третий раз его надлежало предать казни [9, с. 40]. Как мы видим, уже появляется градация наказания по степени тяжести совершенного преступления.

Можно судить о том, что Псковска судная грамота является первым официальным свидетельством зарождения института неоднократности и рецидива преступлений. В 1549 году Двинская Уставная грамота уточнила нормы ответственности за кражу с применением усиления наказания в зависимости от количества преступлений. Так, в соответствии с данным актом тать, пойманный в первый раз получал штраф, исчисляющийся соразмерно украденному; во второй раз сумма назначалась потерпевшей стороной, и если она оказывалась слишком велика для вора, то он должен был отработать эту сумму в счет долга; в третий раз налагалось наказание в виде смертельной казни через повешение (ст. 5).

Судебники 1497 и 1550 гг. значительным образом расширяли круг уголовно наказуемых деяний, связанных с хищением чужого имущества. Для дифференциации уголовной ответственности устанавливались различные признаки: место преступления, форма хищения, вред для собственника, множественность преступлений, способ причинения ущерба и пр. Принцип наказания был схож с предлагаемым в Двинской грамоте. Первая кража обязывала возмещение ущерба собственнику имущества. В том случае, если

[1] Российское законодательство X-XX веков. В 9 томах. Т. 1 / под общей редакцией О. И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 66-69.

виновный не имел возможности рассчитаться с потерпевшим, то он отправлялся в холопство для отработки нанесенного вреда. Кроме того, могла применяться так называемая «торговая казнь», состоявшая в публичном телесном наказании.

Соборное уложение от 1649 года значительно расширяет уголовно-правовую охрану объектов собственности. Хищение имущество подразделялось на разбой, татьбу и мошенничество. Кража могла быть простой и квалифицированной. Ко второй относилось конокрадство, кража овощей из огорода, рыбы из садка, церковного имущества и государственного. Среди всех видов такого рода преступлений наиболее серьезными считаются церковная и с государева двора. Кража церковного имущества наказывалась смертью, и имение вора отдавалось церкви. За обычную кражу в первый раз виновный побивался кнутом, во второй раз лишался левого уха, отправлялся в тюрьму на два года, а потом ссылался в Украину. Третья татьба всегда наказывалась смертью. Мошенничество приравнивалось к первой татьбе. Первый разбой наказывался отрезанием уха, тремя годами тюрьмы и ссылкой. Второй разбой влек за собой смертную казнь [4, с. 84-85].

В 1715 году был введен в действие Артикул Воинский Петра I и некоторое время он действовал наравне с Соборным уложением. Это документ фактически являлся Военно-уголовным кодексом и включал в себя наказания за военные и имущественные преступления. Интересен он не только тем, что содержал в себе главу «О зажигании, грабительстве и воровстве», но и тем, что указывал на смягчающие основания для данного вида преступлений. Так, согласно ст. 195 Артикула, если кража была совершена с целью удовлетворения чувства голода, то в таком случае не подлежали наказанию умалишенные и малолетние дети [1, с. 52-58]. По ст. 185, если «вор во время совершения кражи будет пойман, отогнан или помешает ему кто, вследствие чего он не сможет довести преступное деяние до конца, то его следует наказать помягче».

Первым для Российского права кодифицированным документом стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Кража фигурировала в этом акте в ст. 2146 и определялась в качестве тайного хищения чужих движимых вещей и денег без насилия, угроз, а также других обстоятельств. Следовательно, здесь происходит отграничение кражи от признаков грабежа и разбоя. Уложение действовало на территории Российской империи вплоть до событий 1917 года с некоторыми поправками. В течение периода с 1917 года по 1922 уголовные нормы, наказывающие хищения практически отсутствовали. Введенный Уголовный кодекс в 1922 году изменил положение, введя главу VI «Имущественные преступления», охраняющую частное и государственное имущество. Она содержала такие посягательства на собственность: кража; грабеж; разбой; присвоение вверенного имущества; мошенничество; вымогательство; повреждение имущества. В 1926 году вводится новый Уголовный кодекс РСФСР, по которому ответственность за кражу

предусматривалась статьей 162. Курс на охрану государственной и частной собственности был продолжен.

В военный период Уголовный кодекс не понес каких-либо поправок, но широко распространялись отдельные законы, содержащие нормы уголовной ответственности за кражу. Подобный подход обуславливался нуждами военного времени. Например, можно было получить наказание на срок от 3 до 5 лет за хищение горючего в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 года «Об ответственности за хищение горючего в МТС и совхозах».

Начиная с 1960 года, основное место в Уголовном кодексе отводилось охране социалистической собственности, что нашло отражение в главах 2 и 5. Охрана имущественных прав граждан не рассматривалась в качестве приоритетной задачи. Указанный акт криминализировал как умышленное, так и неосторожное повреждение государственного имущества. При этом к неосторожному деянию относилось даже недобросовестное выполнение гражданином своих обязанностей по охране имущества, если в результате был нанесен вред или допущено хищение [2, с. 5-8].

Сам термин «хищение» был закреплен законодательно только в 1994 году в ст. 144-147 144-147 УК РСФСР, где под ним понималось совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб. Именно с этого времени наблюдается поглощение понятием «хищение» всех различий родовых объектов корыстных обстоятельств. В дальнейшем аналогичная трактовка нашла отображение в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года.

Современное уголовное законодательство, которое регулирует преступления, связанные с имущественной сферой, многократно усложнилось, предусматривая ответственность за различные виды и формы хищений [4, с. 64-68]. Это обусловлено стремительно развивающимися технологиями, разработкой огромного количества гаджетов, глобализацией и тотальной информатизацией. Данные явления влияют одновременно как позитивно, так и негативно. С одной стороны, это все двигает вперед общество и научный прогресс, с другой стороны, порождает новые формы преступлений, связанных с хищением собственности.

Новые информационные технологии помогают достаточно результативно лишать людей материальных благ незаконными методами, и расследование таких преступлений нередко весьма затруднительно из-за неповоротливости законодательства. С.Ю. Косарев пишет, что «развитие нормативно-правовой базы и законодательства в целом запаздывает и не движется синхронно с развитием и появлением различных новых способов хищений» [8, с. 82]. Несмотря на запаздывание, законодательство постоянно совершенствуется, и на сегодняшний день в Уголовном кодексе РФ содержится целая глава 21 «Преступления против собственности». Правда, некоторые авторы не согласны с такой формулировкой и

предлагают ее видоизменить. Например, Н.С. Третьякова полагает, что для обеспечения соответствия сути норм данной главы названию ее следует переименовать в «Преступления против чужого имущества» [15, с. 46-47].

Помимо Уголовного кодекса, преступления, связанные с хищением чужой собственности, затрагиваются в Конституции, Гражданском кодексе, Кодексе об административных правонарушениях, различных отраслевых Федеральных законах («О связи», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О национальной платежной системе», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и др.), кроме того, толкование норм УК РФ приводится в материалах судебной практики.

Таким образом, нормы уголовной ответственности за хищение чужого имущества существуют в нашей стране более тысячи лет. На протяжении всего периода формирования данного института происходило уточнение предмета хищения, его признаков и проводилась дифференциация уголовной ответственности. На современном этапе такого рода преступления усложняются, что требует от законодательства более быстрого и своевременного реагирования.

Список литературы:

1. Анисимов, В.Ф. История законодательства России о преступлениях против собственности с признаками хищения / В.Ф. Анисимов // Вестник Югорского государственного университета. – 2009. – № 4 (15). – С. 52-58.

2. Анисимов, В.Ф. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному кодексу / В.Ф. Анисимов // Вестник ЮГУ. – 2008. – № 4 (11). – С. 5-8.

3. Архипов, А.В. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за хищения в период правления династии Рюриковичей (IX-XVI века) / А.В. Архипов // Уголовная юстиция. – 2017. – № 2 (10).

4. Верченко, Н.И. К вопросу о понятии хищения / Н.И. Верченко // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: Сб. материалов конференции. – Омск, 2017. – С. 64-68.

5. Вершинина, Ю.А. Развитие уголовного законодательства об ответственности за хищение / Ю.А. Вершинина. – 2020. – № 49 (339). – С. 198-203.

6. Исаев, И.А. История государства и права России / И.А. Исаев. – М.: Юристъ, 1996. – С. 84-85.

7. Исаев, М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов / М.А. Исаев. – М.: Спарк, 2001.

8. Косарев, С.Ю. Электронная подпись как средство хищений / С.Ю. Косарев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2015. – № 4 (29). – С. 82-87.

9. Кутьина, Г.А. Отечественное законодательство XI-XX веков: Пособие для семинаров. Часть I. XI-XIX века / Г.А. Кутьина, Т.Е. Новицкая, О.И. Чистяков. – М: Юристъ, 1999.

10. Мангир, А.В. Особенности криминальной мотивации несовершеннолетних при совершении корыстно-насильственных преступлений / А.В. Мангир // Проблемы юриспруденции: Сб. материалов конференции. – Новосибирск, 2015.

11. Повесть временных лет / пер. с древнерусского Д.С. Лихачева. – СПб.: Вита Нова, 2012.

12. Российское законодательство X-XX веков. В 9 томах Т. 1 / под общей редакцией О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 66-69.

13. Суслин. Э.В. Философские основы причинной связи в уголовном праве / Э.В. Суслин, В.Б. Малинин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – № 4 (21). – 2013. – С. 72-75.

14. Таганцев, Н.С. Уголовное уложение. 22 марта 1903 г. / Н. С. Таганцев. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1911.

15. Третьякова, Н.С. Содержание понятия «корыстная цель» в уголовно - правовых нормах об ответственности за хищения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями / Н.С. Третьякова. – 2017. – № 15-2. – С. 46-47.

ГОРОДНЯНСКАЯ Кристина Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; Kri1553@yandex.ru

ПРИЗНАКИ ХИЩЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается динамика совершения преступлений против собственности на территории России.

Ключевые слова: *хищение, признаки хищения, имущественные права, противоправные действия, уголовное законодательство, уголовно-правовая норма, изъятие имущества, корыстная цель.*

На современном этапе наша страна сталкивается с множеством негативных факторов (безработица, санкции, политическая и социально-экономическая нестабильность, сложная эпидемиологическая обстановка и пр.), что отрицательным образом сказывается на динамике развития преступности. Указанные причины значительным образом влияют на стабильность, ощущение чувства безопасности и материальное положение граждан, ставя его под угрозу. Это толкает некоторых граждан на совершение противоправных действий в отношении чужого имущества для восполнения денежного и ценностного дефицита.

С учетом того, что такие преступления, как хищение, представляют серьезную опасность, то это еще больше осложняет и без такого сложные отношения в социуме. Несмотря на то, что Министерство внутренних дел РФ заявляет о сокращении зарегистрированных деяний, все-таки следует признать, что количество преступлений против собственности на территории Российской Федерации продолжает оставаться значительным, составляя 54,7% от всех зарегистрированных преступлений [7, с. 7].

Как видно из рисунка 1, хищение чужого имущества путем кражи составляет 620,1 тыс., мошенничества – 281,9 тыс., грабежа – 26,8 тыс., разбоя – 3,7 тыс. Число краж снизилось по сравнению с 2020 годом на 2,4%, мошенничеств – на 0,4%, грабежей – на 19,5%, разбоев – на 17,3%. Каждая шестая кража (16,5%), каждый двадцать шестой грабеж (3,9%) и почти каждое девятое разбойное нападение (10,8%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

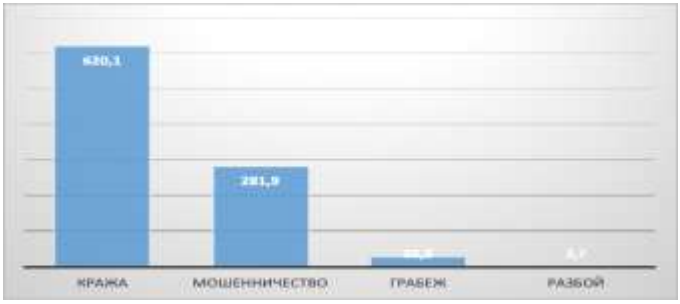

Рисунок 1. Виды преступлений против собственности (тыс.)

Анализируя приведенные данные, можно заметить, что преступления против собственности как никогда становятся актуальными и требуют пристального внимания со стороны уголовного законодательства. Среди всех преступлений, направленных против собственности, хищение составляет особую группу, которая включает в себя совокупность как субъективных, так и объективных факторов. Это в равной степени присуще всем без исключения его видам и формам.

В соответствии со ст. 158 УК РФ под хищением понимается совершение с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Современная юридическая литература рассматривает вопрос признаков хищения как дискуссионный, поскольку среди специалистов отсутствует единая однозначная точке зрения по этому поводу. Различными авторами выдвигаются и разные версии относительно количества признаков, которые подлежат выделению. В частности,

например, Л.Д. Гаухман считает, что речь идет о шести признаках: чужое имущество; изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц; противоправность; безвозмездность; причинение ущерба собственнику или иному владельцу; корыстная цель [3, с. 23]. С этой позицией соглашается А.И. Рарог, но полагает, что ее необходимо дополнить таким значимым признаком, как незаконность и противоправность деяния [6, с. 85-86]. Но, исходя из того, что любое преступление содержит в себе данный признак, то рассматривать его как дополнительный признак именно хищения не целесообразно.

Автор данной публикации находит классификацию признаков, предложенную Л.Д. Гаухманом исчерпывающей, и потому именно она будет рассмотрена более предметно.

1. Противоправность действий виновного при изъятии чужого имущества состоит в завладении чужой собственности незаконным путем и заведомо помимо воли владельца. В данном случается нарушение правомочия собственника в части свободы распоряжения имуществом.

Законодательство одинаково строго оценивает противоправность хищения имущества в отношении любой категории граждан. Это относится даже к тем лицам, которые в силу своего душевного или физического состояния не могут выразить свою волю (ребенок, опьяненный или одурманенный, душевнобольной человек). Помимо того, любое изъятие вещи против желания человека, например, путем угроз или под влиянием обмана, также, с точки зрения закона, расценивается как хищение. Дело в том, что, даже если человек согласился отдать свое имущество, но при этом в отношении него были применены выше указанные действия (мошенничество, обман, угрозы), то это свидетельствует об отсутствии подлинной воли.

Обман заключается в сообщении ложных сведений с целью введения в заблуждение лиц, обладающий той вещью, которую преступники хотят похитить [2, с. 6-7]. Для противоправности хищения Н.А. Лопашенко выделяет три признака: хищение запрещено законом; виновным не обладает правами на похищенное имущество; завладения чужим имуществом происходит против воли собственника. Как полагает изучаемый автор, только совокупность всех трех рассмотренных признаков может образовывать противоправность [5, с. 216].

Противоправность хищения имеет объективную и субъективную стороны. В первом случае имеется в виду запрет со стороны уголовного законодательства на совершение хищения за счет наложения наказания, а во втором – в понимании виновником преступления противоправности своих действий в отношении чужого имущества. Субъективная противоправность сопряжена непосредственно с чужим имуществом и не важно, где оно находилось в момент хищения (у собственника или же была передана по праву владения, пользования и распоряжения иному лицу) [3, с. 27].

2. Безвозмездность изъятия чужого имущества выступает по уголовному законодательству РФ в качестве обязательного и объективного признака. Безвозмездность обозначает отсутствие должного возмещения владельцу имущества за его изъятие. Должное возмещение может быть реализовано любым способом, который бы

устроил все стороны взаимоотношений (материальным, натуральным, трудовым).

Даже если оплата была произведена, но она была частичной или заниженной, то тогда это все равно признается хищением, а сам ущерб будет определен разницей между фактически причиненным ущербом и размером имеющегося возмещения.

3. Объективная сторона хищения выражена в изъятии и (или) обращении имущества в пользу других лиц, помимо воли собственника такого имущества. Согласно уголовному закону, чтобы преступление стало рассматриваться как хищение, необходимо его изъять у владельца и обратить в собственную пользу или иных лиц. Присутствие в формулировке союзов и/или предполагает, что хищение может быть реализовано и без изъятия имущества, а только посредством его обращения [2, с. 161-163].

В уголовно-правовой практике применяется понимание обращения в качестве процесса обмена, оборота движения товаров или ценностей в пользу субъекта преступления или иных лиц. По сути дела, изъятие и обращение в составе хищения образуют единый комплекс действий, в ходе которого происходит отобрание и присвоение чужого предмета. Поэтому важно правильно установить предмет и объект хищения.

Объект хищения – общественные отношения, определяющие право собственности физического или юридического лица. Предметом хищения выступает конкретное движимое или недвижимое имущество, или вещи, находящиеся в фактическом владении у того или иного лица. Доктрина уголовного права наделяет вещь четырьмя основными признаками: вещь должна находиться в собственности или владении потерпевшего лица; быть материальной; выступать результатом человеческого труда; иметь ценн.

4. Чужое имущество как предмет посягательства. Отечественное уголовное законодательство предметом хищения расценивает чужое имущество. Но оно не дает самостоятельного определения понятию «имущество», делая отсылку к гражданскому праву. В соответствии с ним имуществом считается совокупность вещей и имущественных прав, находящихся в собственности у какого-либо физического, юридического лица или публичного образования.

Однако уголовное право отсекает часть указанных элементов и рассматривает только некоторые из них, относящихся характеристикам движимых и недвижимых вещей. В качестве исключения можно отметить только ст. 159, которая, рассматривая мошенничество в качестве предмета выделяет и право на имущество [10, с.182-187].

5. Причинение реального ущерба во время изъятия и (или) обращения чужого имущества. Причинение ущерба является видом общественно опасных последствий преступления собственнику имущества. Ущерб как обязательный признак хищения видится Г.С. Шкабиным одной из форм материального вреда, что означает связь между ними в виде соотношения как между целым и частью [9, с. 66]. Здесь важно значение имеет размер ущерба, который определяется, согласно п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда 27 дек. 2002 г. № 29, его фактической стоимости на момент совершения преступления. Размер ущерба является одним из оснований

разграничения преступлений в имущественной сфере и дифференциации уголовной ответственности за них. Имущество как признак хищения должно иметь материальную и хозяйственную ценности.

6. Корыстная цель является непреложным аспектом хищения. Она (наравне с прямым умыслом по примечанию к ст. 158 УК РФ) составляет субъективную сторону любой формы хищения. Законодатель не относит мотивы хищения к конструктивным признакам в виду того, что они не играют роли для принятия решения о противоправных действиях в отношении имущества другого лица. Постановления Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дает толкование корыстной цели в п. 26, где говорится, что это «стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц». С мнением законодателя о несущественности мотива сложно согласиться, так это определяющий фактор для любого вида преступлений. Как пишет по этому поводу А.А. Герасимова, для законодателя мотив поведения лица представляется признаком трудно распознаваемым правоприменителем и потому неудобным для построения состава хищения [4, с. 81-85]. Считаем такой подход неоправданным, поскольку установление корыстного мотива для квалификации деяния в качестве хищения является обязательным. Именно мотив побуждает лицо к тем или иным действиям, а также подталкивает его к выбору варианта противоправных действий, которые необходимо совершить для завладения чужим имуществом.

Таким образом, в структуре преступности Российской Федерации преступления против собственности остаются сами распространенными и составляют больше половины всех зарегистрированных деяний. Хищение имеет субъективные (осознание виновным противоправности собственных действий) и объективные признаки (уголовный запрет хищения под страхом наказания). На сегодняшний день нет единого представления о перечне всех признаков, присущих хищению. Однако большинство специалистов сходятся во мнении, что следует выделять шесть: противоправность действий виновного при изъятии чужого имущества; безвозмездность изъятия чужого имущества; обращение имущества в пользу других лиц, помимо воли собственника такого имущества; чужое имущество как предмет посягательства; причинение реального ущерба во время изъятия и (или) обращения чужого имущества; корыстная цель.

Список литературы:

1. Безбородов, Д.А. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 124 с.

2. Вишняков, А.С. Признаки хищения чужого имущества / А.С. Вишняков // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сборник материалов конференции. – Пенза, 2020. – С. 161-163.

3. Гаухман, Л.Д. Понятие, формы и виды хищений имущества / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М.: ЮрИнфоР, 1997. – 320 с.

4. Герасимова, А.А. Корыстный мотив как обязательный признак субъективной стороны состава хищения / А.А. Герасимова // Социально-экономические, гуманитарные науки и юриспруденция: вопросы теории и практики: Сб. материалов конференции. – Новосибирск. 2018. – С. 81-85.

5. Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н.А. Лопашенко. – М.: ЛексЭст, 2015. – 408 с.

6. Рарог, А.И. Обозначение насилия в особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой / А.И. Рарог // Юридические программы. – 2014. – № 5. – С. 85-86.

7. Состояние преступности в России за январь-октябрь 2021 года по данным Министерства Внутренних дел РФ. – Москва, 2021. – 67 с.

8. Степанов, М.В. Характеристика признаков хищения / М.В. Степанов // Уголовная политика, уголовное законодательство: правоприменительная практика: Сб. материалов конференции. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 112-129.

9. Шкабин, Г.С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование / Г. С. Шкабин // Lex Russica. – 2016. – № 8 (117). – С. 66.

10. Шмытов, И.М. Уголовно-правовой анализ понятия и признаков предмета хищения по действующему законодательству / И.М. Шмытов // Устойчивое развитие науки и образования. – 2017. – № 5. – С. 182-187.

ГУБЧЕНКО Олеся Викторовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
leksandra_@mail.ru

СДЕЛКА ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ДОЛЕЙ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ТРЕБУЮЩАЯ ОДОБРЕНИЯ СУПРУГА

В данной работе проводится анализ проблемы одобрения вторым супругом сделки по отчуждению доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Ключевые слова: *сделка, собственник, доля, общество с ограниченной ответственностью, супруги, право, нотариальная*

форма сделки, преимущественное право покупки доли, отчуждение доли.

Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ [1] (далее – СК РФ) в ст. 35 предписывает, что доля в обществах с ограниченной ответственностью входит в понятие общей собственности. В общеправовом смысле под совместной собственностью супругов понимается общая собственность, в которой само имущество не разделяется на доли. Однако правовой режим совместной собственности может быть установлен вследствие прямого указания на это в законе, в частности у супругов и в крестьянском (фермерском) хозяйстве. Режим же долевой собственности может быть установлен в связи с поступлением вещи в порядке правопреемства или при купле-продаже двум и более лицам. В отличие от долевой собственности, где сособственники несут расходы и пользуются общим имуществом в объеме равном своей доле в совместной собственности лица сообща, по своему усмотрению владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащим им имуществом, без определения долей, однако если иное не определенно соглашением между ними [2, с. 43].

Отчуждение имущества, находящегося в общей совместной собственности, происходит по соглашению всех сособственников, независимо, кем из участников общей совместной собственности осуществлена сделка. Согласие остальных сособственников презюмируется. Кроме того, лицо, отчуждающее имущество, должно действовать в общих интересах, а не только в личных. Следует обратить внимание, что в некоторых случаях сделка подлежит государственной регистрации или нотариальному удостоверению, при этом также нотариальному удостоверению подлежат и согласия иных собственников [3, с. 39].

Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4] (далее – Закон об ООО) в статье 21 четко говорит о том, что сделка по распоряжению долей в ООО должна пройти процедуру нотариального удостоверения. Таким образом, согласие супруга как сособственника необходимо нотариально удостоверить. В рассматриваемом случае возникает вопрос, считается ли сделкой по распоряжению имуществом выход лица из ООО, и необходимо ли согласие супруга на это?

Статья 26 Закона об ООО устанавливает порядок выхода из ООО путем отчуждения доли самой организации или третьему лицу при соблюдении преимущественного права покупки остальных членов ООО.

Таким образом, можно говорить о том, что процедура выхода из ООО сопровождается осуществлением сделки по распоряжению долей ООО. Кроме того, статья также предусматривает, что выход участника подлежит нотариальному удостоверению, вследствие чего согласие второго супруга является необходимым.

При анализе научной литературы по рассматриваемой нами теме, можно сделать вывод о сформировавшихся двух подходах. Выход участника из ООО – это, во-первых, сделка по распоряжению долей в ООО, а именно сделка по распоряжению общей совместной собственностью [5, с. 15]; во-вторых, это гражданское, субъективное

право лица, которое он может осуществить без согласия третьих лиц, а нотариальное удостоверение лишь подтверждает его волю [6, с. 65].

Указанный подход мы можем проследить в Постановлении ВАС РФ от 21.01.2012 № 9913/13 [7], которое, ссылаясь на ст. 35 СК РФ, устанавливает, что выход одного из супругов из ООО может быть признан недействительным вследствие выдвижения иска иным супругом, так как это сделка по распоряжению долей в общем имуществе. Кроме того, в случае смерти супруга его наследник вправе потребовать получения соразмерной доли или выплаты действительной стоимости доли, а также восстановления корпоративного контроля.

Следует упомянуть, что данный подход, как и само Постановление Высшего Арбитражного суда РФ, подверглись большой критике вследствие того, что оно имело акцент в сторону ситуативности и недобросовестных действий лиц по распоряжению и приобретению долей. Во множестве научных публикаций критике повергается именно положение о «восстановлении корпоративного контроля», так как данный способ защиты, предусмотренный ст. 65.2 ГК РФ установлен для участников корпорации, которые утратили права участия помимо своей воли [8, с. 50].

Действия супруга, совершающего сделку по выходу из состава ООО (на основании ст. 173.1 ГК РФ) можно оспорить, если отсутствовало согласие второго лица (супруга). Таким образом, суд может применить реституцию, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что лицо, приобретающее долю, знало или должно было знать об отсутствии данного согласия. Однако это говорит об опрометчивости данного подхода, так как после применения реституции лицо становится участником ООО, и без согласия супруга не может выйти из организации.

Другой подход заключается в том, что, выход из ООО – это использование субъективного права, которое осуществляется в рамках корпоративного правоотношения. В таких случаях на совершение действий по выходу из ООО не требуется согласия третьих лиц. Нельзя даже косвенно принудить лицо быть участником организации, так как право на выход предусмотрено ст. 8 Закона об ООО. Данная позиция изложена в Постановлении Десятого Арбитражного Суда РФ № А41-11823/11 от 22.11.2011 [9], которое отсылает к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» [10] так п. 1 ст. 26 Закона об ООО предусматривает, что участник имеет право в любой момент выйти из общества независимо от согласия остальных участников, указывая на то, что это односторонняя сделка для совершения которой достаточно волеизъявления одного лица. Также было отмечено, что право участия и право на выход возникают из личного участия в организации и регулируется корпоративным правом. Однако данное постановление было отменено вышестоящей инстанцией.

Второй подход отражается, Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [11] и Законе РФ от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации» [12], которые не содержат

указаний на обязательное одобрение вторым супругом выхода из состава пайщиков или акционеров. В данном случае представляется возможным говорить о некоторой дискриминации супруга, которому необходимо получить согласие, так как получается, что один супруг управляет правовым положением другого, тем самым ставя его в неравное положение с остальными пайщиками или акционерами.

Таким образом, подводя итог анализу двух подходов, можно сделать вывод, что буквальное (или же грамматическое) толкование закона говорит о том, что для выхода из состава участников ООО лицу требуется согласие супруга. Однако следует обратить внимание, что использовать лишь буквальное толкование закона, представляется не верным, необходимо учитывать комплексное значение норм права, сопоставляя их с другими нормами, т.е. прибегать к использованию метода теологического толкования.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Шеншин, В.М. Некоторые ограничения прав членов семей участников накопительно-ипотечной системы / В.М. Шеншин // Право в вооруженных силах. – 2017. – № 5. – С. 42-46.
3. Шеншин, В.М. Актуальные вопросы банкротства бывших участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих / В.М. Шеншин // Право в вооруженных силах. – 2016. – № 6. – С. 38-45
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
5. Илюшина, М.Н. Сделки, опосредующие оборот долей в ООО: современное состояние законодательства и правоприменения / М.Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 4. – С. 13-18.
6. Толстова, А.Е. Способы защиты нарушенных прав при совершении крупных сделок / А.Е. Толстова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 63-68.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.01.2014 № 9913/13 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Коренев, П.В. Нормативно-правовые основания действия корпоративного договора / П.В. Коренев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 48-51.
9. Постановление Десятого Арбитражного Суда РФ № А41-11823/11 от 22.11.2011 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона об обществах с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ. – 2000. – № 3.
11. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 25.02.2022) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

12. Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2013) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1788

ДЕМЕНТЬЕВА Екатерина Валерьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
e.v.dement20@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАКАЗАНИИ (ПРИЗНАКИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ)

В статье рассматриваются вопросы реализации принципов уголовного права в наказании (согласно УК РФ), а также выявляются основные признаки уголовного наказания.

Ключевые слова: *принципы уголовного права, уголовное наказание, признаки уголовного наказания.*

Как острейшая мера государственного принуждения наказание заключается в предусмотренном Уголовном кодексом лишении или ограничении определенных прав и свобод осужденного, что означает принудительное причинение ему страданий, ущемлений, стеснений морального, физического и имущественного характера. Это полностью отвечает требованиям ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой каждый член общества может быть подвергнут ограничениям, установленным законом в целях обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [1].

В России наказание должно отвечать всем тем принципам уголовного права, которые сформулированы в 1 главе УК РФ (принципам законности, равенства, вины, справедливости, гуманизма) [3].

Принцип законности реализуется в наказании тем, что виды наказаний предусмотрены исключительно в уголовном кодексе. Ч. 1 ст. 3 УК РФ «принцип законности» прямо гласит, что наказуемость деяния «определяется только настоящим Кодексом». Законность в наказании реализуется и в том, что единственным основанием его служит состав преступления (ст. 8 УК РФ). Требование принципа законности о полной кодификации уголовно-правовых норм целиком распространяется на регламентацию наказания. Никакой иной закон, кроме Уголовного кодекса, не может вводить наказание. При этом применяются санкции того Уголовного кодекса, который действовал во время совершения преступления. Исключения допускаются (согласно статье 10 УК РФ) в случаях обратной силы уголовного закона.

Принцип равенства применительно к наказанию означает, во-первых, требование установления санкций за преступления независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ст. 4 УК РФ). Во-вторых, реализация принципа равенства означает неотвратимость наказания как решающего этапа уголовной ответственности. Принцип равенства в системе видов наказания и в санкциях норм сочетается с принципами справедливости, вины, гуманизма. Так, принцип справедливости предполагает при применении судом наказания учета обстоятельств совершения преступления и личности виновного. Например, пол и возраст виновного законодатель учитывает в норме о пожизненном лишении свободы. Оно не назначается несовершеннолетним, совершившим преступление в возрасте до 18 лет, мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора 65-летного возраста, а также женщинам (ст. 57 УК РФ). Система наказаний для несовершеннолетних ограничена шестью видами, их размеры понижены по сравнению с взрослыми осужденными. Социально-ролевые свойства личности обуславливают применение к ней таких видов наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части.

Принцип вины в наказании воплощается таким образом, что наказание за невиновное причинение вреда не допускается, наказание всегда носит личный характер, то есть несет в себе лишение и ограничение прав и свобод только осужденного. Это требование виновной и личной ответственности распространяется как на наказание лица, совершившее преступление индивидуально, так и соучастников. Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику. «Умысел и неосторожность, в которых проявляется вина, характеристика преступлений с двумя формами вины, признаки невиновного причинения вреда определены в ст. 24-28 УК, ... Виновный определенным образом (в зависимости от формы вины) относится не просто к общественно опасному деянию и наступившим последствиям, а к деянию, образующему нарушение порядка исполнения наказания в виде лишения свободы, и к последствиям, выражающимся в причинении вреда нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, то есть порядку управления в области исполнения уголовного наказания» [6, с. 107].

Принцип справедливости полностью обращен к наказанию. Он требует точной соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности преступлений, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Не допускается двойное наказание за одно и то же преступление (ст. 6 УК РФ).

Принцип гуманизма наказания выражен в части 1 ст. 60 УК РФ: «Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за

совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания». Принцип гуманизма применительно к наказанию означает также, что целью наказания не является причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (часть 2 ст. 7 УК РФ).

Помимо перечисленных общеправовых принципов, существуют также выработанные теорией права принципы демократизма, неотвратимости уголовной ответственности, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания [5, с. 5].

Основные признаки, характеризующие наказание в качестве уголовно-правового:

1. Наказание это мера государственного принуждения, предусмотренная уголовным законом, применяемая только к лицам, совершившим преступления. Этим оно отличается от иных мер, применяемых, например, за административные, дисциплинарные, гражданско-правовые правонарушения. Наказывая, государство принуждает преступника к законопослушному поведению. Исчерпывающий перечень уголовных наказаний, которые только и могут быть назначены судом за совершенные преступления, содержит ст. 44 УК РФ.

2. Наказание назначается только судом и носит публичный характер, т.е. назначается от имени государства и в интересах всего общества. Иные государственные органы таким правом не обладают. Публичность проявляется и в том, что освобождение от наказания по основаниям, установленным в законе, за исключением амнистии и помилования, также осуществляется только судебными органами.

3. Наказание может быть назначено только при наличии вины лица в совершенном преступлении. Невиновное причинение вреда в соответствии со ст.49 Конституции РФ исключает уголовную ответственность и наказание. «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Обвинительный приговор суда является процессуальной формой применения наказания. Только суд в России вправе давать уголовно-правовую оценку содеянному и личности виновного.

4. Наказание обязательно причиняет осужденному определенные лишения и ограничения прав и свобод, зависящие от вида наказания, например: права выбора места жительства, передвижения, выбора рода деятельности, лишение воинского звания и т.п. Применением перечисленных лишений, ограничений, стеснений уголовное наказание и отличается от иных наказаний.

5. Наказание всегда носит личный характер и не должно затрагивать интересы других лиц.

6. Наказание в отличие от иных наказаний обязательно влечет последствие общеправового и уголовно-правового характера судимость. Исполнение наказания регламентирует Уголовно-исполнительный кодекс РФ [4].

В УК РФ предусмотрены помимо наказаний меры уголовно-правового характера. К ним относятся принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф, а также – принудительные меры воспитательного воздействия (для несовершеннолетних). Принудительные меры воспитательного воздействия отличаются от наказания по содержанию (ст. 90 УК РФ). Они не носят карательно-репрессивного характера. Их принудительность несравненно меньшая, нежели в наказаниях. В случае систематического невыполнения принудительных мер воспитательного воздействия они отменяются, а материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. К мерам уголовно-правового характера относится также принудительное помещение подростка, совершившего преступление средней тяжести, а также тяжкое преступление в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ст. 92 УК РФ и ст. 432 УПК РФ). Сходство наказаний и принудительных мер воспитательного воздействия в основаниях их назначения – совершение преступления.

Принудительные меры медицинского характера представляют собой, согласно ст. 99 УК РФ, амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, а также принудительное лечение в психиатрическом стационаре трех типов.

От наказания принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых отличаются по основаниям. Невменяемые не совершают преступления. Поэтому целью этих мер является излечение или улучшение психического состояния лица, совершившего, объективно не виновно, общественно опасное деяние, а также предупреждение совершения им нового общественно опасного деяния (ст. 98 УК РФ). Их назначает суд своим определением.

Принудительные меры медицинского характера определяются судом и в отношении лиц, которые после совершения преступления заболели психическим расстройством, а также к ограниченно вменяемым и наркоманам. Здесь различие проходит по содержанию: они лишены карательного наказания, но являются принудительными. Оснований назначения три: совершение преступления, наличие психического расстройства, либо наркомании, а также наличие опасности для себя или других лиц. Они преследуют также две цели: излечение и предупреждение новых уголовно наказуемых деяний.

Наказание следует отличать также от иных правовых санкций (административных, гражданских, дисциплинарных). Различие проходит по основаниям ответственности, содержанию и последствиям. Имеются также процессуальные отличия.

Основанием наказания является преступление. Основанием иных правовых санкций служат соответствующие непреступные правонарушения. Содержание наказания – ограничение или лишение прав и свобод осужденного. Иные правовые санкции также содержат определенные правоограничения (гражданские, имущественные и личные), административные наказания: штраф, арест, обязательные работы. Дисциплинарные взыскания – это выговор, увольнение и т.п. Однако по порицаемости, суровости и судимости они всегда отличны от уголовного наказания.

Безусловно, что любое уголовное наказание при его исполнении объективно приносит осужденному физические и нравственные страдания, однако, согласно ст. 5 Всеобщей Декларации прав человека и ст. 7 Международного Пакта о гражданских и политических правах, устанавливается, что наказание не ставит перед собой цель причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства [2].

Можно сделать вывод, что под наказанием по российскому уголовному законодательству следует понимать особую юридическую меру государственного принуждения, назначаемую судом лицу, виновному в совершении преступлений и влекущую судимость. Наказание выражает от имени государства и общества отрицательную правовую, социальную и моральную оценку преступного деяния и преступника.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 28.02.2022).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 28.02.2022).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 28.02.2022).

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 28.02.2022).

5. Научные основы квалификации преступлений: учебное пособие / Г.В. Пусурманов. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. – 136 с.

6. Пенитенциарная криминология: учебное пособие / С.В. Назаров, А.А. Варушкин. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 304 с.

ДЕМЕНТЬЕВА Екатерина Валерьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
e.v.dement20@gmail.com

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

В статье представлен краткий анализ определения системы наказаний в соответствии с УК РФ и рассмотрено значение уголовного наказания.

Ключевые слова: *уголовное наказание, значение наказания, система уголовных наказаний.*

Система наказаний – это установленный уголовным законом целостный и исчерпывающий перечень видов наказаний, строго обязательных для судов и расположенных в определенной иерархической последовательности в зависимости от их функционального назначения, а также характера и сравнительной тяжести. Однако система наказаний – это не простой перечень видов наказаний, который представлен ст. 44 УК РФ «Виды наказаний». Как всякая система она охватывает подсистемы, т.е. группы видов наказаний, классифицируемых по различным основаниям. Поэтому характеристика наказаний как их системы, требует такого подхода, при котором все множество видов наказания рассматривается в качестве единства, выступающего частью более общей системы и состоящего из совокупности определенным образом связанных между собой подсистем и элементов.

По мнению В.Г. Павлова, наиболее полно и убедительно сформулировал понятие системы наказаний в действующем уголовном законодательстве С.Ф. Милюков, который считает, что систему наказаний можно определить «как совокупность предусмотренных уголовным законом видов государственного принуждения, которые находятся в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости и взаимозаменяемости, способные обеспечить достижение целей кары (восстановления социальной справедливости), общего и специального предупреждения, а также исправления преступника, назначаются судом за конкретные преступления, исходя из принципов уголовного права» [4, с. 56].

Итак, УК РФ предусматривает следующую систему наказаний:

а) штраф;

б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;

г) обязательные работы;

д) исправительные работы;

е) ограничение по военной службе;

ж) конфискация имущества - исключена с 11.12.2003 г. (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).[1]

з) ограничение свободы;

[1] Исключение конфискации имущества из системы наказаний (Федеральный закон от 08 декабря 2003 года № 162-ФЗ) и отнесение ее к иным мерам уголовно-правового характера (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ) «вызвало справедливую критику со стороны законодателей, выступавших против такого решения, а также руководителей правоохранительных органов. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин еще в 2014 году на расширенной коллегии Комитета заявлял, что необходимо вернуться к вопросу о возвращении в российское уголовное законодательство конфискации имущества как меры наказания» [2; с. 98].

з.1) принудительные работы (п. «з. 1» введен Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ)

и) арест[1];

к) содержание в дисциплинарной воинской части;

л) лишение свободы на определенный срок;

м) пожизненное лишение свободы;

н) смертная казнь.

Уголовный кодекс отдельно устанавливает систему и перечень наказаний, назначаемых несовершеннолетним. В нее входят штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы (п. «д» в ред. Федерального закона от 27.12.2009 № 377-ФЗ), лишение свободы на определенный срок (ст. 88 УК РФ).

Гуманизм в российской системе наказаний проявляется в видах и размерах наказания. Из 12 (фактически действующих) мер наказания 8 не связаны с изоляцией от общества. На 13 меру смертную казнь наложен мораторий: согласно решению Конституционного Суда Российской Федерации, с марта 1999 г. суды не могут выносить приговоры с наказанием в виде смертной казни.

Принцип гуманизма из законодательной сферы постепенно переходит в исполнительную, так, вероятно, «уголовно-исполнительная система под воздействием правовых реформ, происходящих в обществе, неуклонно должна прийти к ограничению в применении наказания, связанного с лишением свободы. В учреждениях тюремного типа, обеспечивающих изоляцию осужденных от общества, должны отбывать наказание лишь: во-первых, преступники с явной общественной опасностью личности, выраженной в факте антиобщественного поведения, для защиты от которого общество вынуждено подвергнуть виновного наказанию в виде лишения свободы; во-вторых, при совершении лицом тяжкого преступления, в результате чего был причинен невосстановимый вред основным охраняемым законом ценностям; в-третьих, в случае замены более легкого наказания тюремным заключением в связи с невыполнением или нарушением правил и требований отбывания первого» [1, с. 10].

[1] Для исполнения наказания в виде ареста предполагалось создать соответствующую инфраструктуру, т.е. специальные учреждения в виде арестных домов изоляционного направления. Однако до настоящего времени арестные дома в России не созданы, (т.к. строительство такого рода учреждений пенитенциарной системы требует выделения значительных финансовых затрат) «Следовательно, в связи с отсутствием в стране арестных домов в настоящее время данный вид уголовного наказания судами практически не применяется, а перспектива его весьма туманна, так как отсутствует и соответствующая поддержка со стороны государства. В этом случае возникает закономерный вопрос о целесообразности исключения ареста из системы уголовных наказаний, который имеет много общего с лишением свободы на определённый срок (ст. 56 УК РФ)» [3, с. 165-166].

Другая специфика системы наказаний по УК РФ – следование принципу законности (она регулируется исключительно Уголовным кодексом).

Подсистемы, объединяющие виды наказания, могут быть сгруппированы по правовому аспекту и объему карательного воздействия: на наказания, связанные с лишением свободы и не связанные; по порядку назначения и их юридической значимости – на основные, дополнительные и смешанные (основные и дополнительные); по содержанию лишений и ограничений прав и свобод – на наказания связанные с лишение свободы, ограничением свободы, на имущественные наказания, трудовые наказания и смертную казнь.

Наказания подразделяются по двум подсистемам: наказания, связанные с лишением свободы и не связанные. В уголовной статистике это первый показатель структуры судимости. К наказаниям, связанным с лишением свободы, относятся арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы. Остальные восемь видов наказания не связаны с лишением свободы. По порядку назначения и их юридической значимости наказания подразделяются на три подсистемы: основные, дополнительные и смешанные (основные и дополнительные).

Уголовный кодекс признает основными те виды наказаний, которые могут назначаться только как самостоятельные. Они перечислены в ст. 45 УК РФ и не могут присоединяться к другим видам наказаний, не могут сочетаться друг с другом. Это обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь.

Основные виды наказаний всегда прямо указаны в санкциях статей, устанавливающих ответственность за конкретные преступления. Не указанный в санкции основной вид наказания может быть назначен судом только при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Дополнительным видом наказаний является лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

В качестве основного может быть назначено только одно наказание, а в качестве дополнительных – одно или несколько различных видов наказаний. Дополнительное наказание применяется в случаях, когда это специально оговорено в санкции статьи Особенной части УК.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может назначаться в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса в качестве наказания за преступление, если с учетом характера

и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 47 УК РФ).

Штраф в качестве дополнительного вида наказания может назначаться только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса.

Дополнительное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград применяется по усмотрению суда с учетом личности виновного и только при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Часть 2 ст. 45 УК РФ предусматривает применение штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве как основных, так и дополнительных видов наказаний. Если штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью выполняют функции основного вида наказаний, к ним может быть присоединено дополнительное наказание. В качестве дополнительных они выступают в случаях, когда присоединяются к основным видам наказаний.

По содержанию лишений и ограничений прав и свобод осужденных наказания делятся на пять групп (подсистем).

Подсистема «лишение свободы» включает связанные с изоляцией от общества арест, лишение свободы на срок и пожизненное лишение свободы наказания.

Подсистема «ограничение свободы» включает одноименный вид наказания, содержание в дисциплинарной воинской части. Как и лишение свободы, оно соединяется с ограничением трудовых, семейных и жилищных прав. Ведущее ограничение - это ограничение в передвижении.

Подсистема имущественных наказаний представляет собой ограничение материальных прав осужденных. Таковым является штраф.

Подсистема трудовых наказаний охватывает исправительные, обязательные и принудительные работы, ограничение по воинской службе, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Ведущим ограничением здесь выступает принудительный труд, т.е. труд не по собственному выбору. Комплексность подсистемы трудовых наказаний выражается в сочетании профессиональных ограничений с материальными, связанными прежде всего с оплатой труда.

Последняя исключительная подсистема наказаний включает всего один вид – смертную казнь.

Целостность системы наказаний предполагает их определенную иерархию и последовательность расположения внутри системы наказаний. Уголовный кодекс 1996 года, в отличие от Уголовного

кодекса 1960 года, расположил виды наказания от менее тяжких к более тяжким. Аналогична последовательность видов наказания и в санкциях за конкретные преступления.

Ч. 1 ст. 60 УК РФ прямо устанавливает, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. При замене наказания на более строгое, при злостном уклонении от исполнения первоначально назначенного наказания суд при такой конструкции перечня наказаний получил возможность более четко определять сравнительную тяжесть наказания.

Очевидно, что, исходя из сущности наказания и его современного понимания, целями наказания могут быть возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, возмещение причиненного ущерба, а также государственное порицание преступления [5, с. 88].

Таким образом, многообразие и разнообразие системы наказаний позволяет суду тщательно индивидуализировать наказание при его назначении, а органам уголовно-исполнительной системы – исполнять. Она отвечает принципам законности, личной и виновной ответственности, справедливости и гуманизма. Система наказаний единственная в УК РФ и не конкурирует с системой мер безопасности, как в большинстве зарубежных государств.

Список литературы:

1. Назаров, С.В. Тюремная реформа: основные направления / С.В. Назаров // Вестник Владимирского юридического института 2021. – № 1 (58). – С. 8-12.

2. Пусурманов, Г.В. О проекте нового уголовного кодекса Российской Федерации / Г.В. Пусурманов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 2 (47). – С. 97-102.

3. Павлов, В.Г. Проблемы совершенствования системы уголовных наказаний в УК РФ / В.Г. Павлов, Д.В. Павлов // Ленинградский юридический журнал. 2019. – № 1 (55). С. 160-169.

4. Актуальные проблемы уголовного права: учебное пособие / В.Г. Павлов. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2020. – 159 с.

5. Варушкин, А.А. Концептуальные проблемы релевантности целей института уголовного наказания / А.А. Варушкин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 85-89.

ДОРОЖКО Илья Валерьевич,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, студент; ilyaopstance@gmail.com

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕЖИМА ОБОРОТА ОРУЖИЯ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается понятие «гражданское оружие» на основе его признаков как объекта гражданских правоотношений, ограниченного в обороте.

Ключевые слова: *оружие, гражданское оружие, оборот оружия, гражданско-правовой режим оборота оружия, гражданско-правовые отношения.*

Объекты гражданских правоотношений находятся в свободном обороте, исключение составляют объекты, ограниченные в обороте, причем данные ограничения могут быть основаны только на законе. Ограниченная оборотоспособность в гражданском праве означает то, что определенные объекты могут принадлежать лишь отдельным участникам гражданского правоотношения, а совершение сделок с ними допускается только при наличии специального разрешения. К числу таких объектов гражданских правоотношений относится оружие. Несмотря на тот факт, что оружие ограничено в обороте, необходимость правового регулирования данного объекта всегда имела значимость, т.к. на современном этапе непосредственно связанные с данной сферой вопросы не теряют своей актуальности.

Безусловным является то, что гражданско-правовое ограничение оборота оружия отвечает требованиям публичного интереса. А.М. Старцев подчеркивает, что при наличии публичного интереса в обороте имущества государство вводит ограниченный оборот такого имущества. Установленные ограничения отвечают государственной и общественной безопасности, общественному порядку, защите здоровья населения и другим требованиям, указанным в ст. 23 Конституции Республики Беларусь [1, с. 98]. Определение специфики предмета правового регулирования охраны публичного интереса в гражданском праве включает два, связанных между собой, обстоятельства: защиту частной собственности и объективную возможность проявления гражданином антисоциального поведения в обществе [2, с. 52].

В Республике Беларусь граждане в целях защиты своих прав и свобод могут иметь в собственности и использовать приобретенное в соответствии с законом гражданское оружие. Являясь допущенным к обороту на территории Республики Беларусь, оно подразделяется на следующие виды в зависимости от целей использования: оружие самообороны, спортивное оружие, охотничье оружие. Субъектами права на приобретение гражданского оружия и боеприпасов в Республике Беларусь являются постоянно проживающие граждане, достигшие 18-летнего возраста, при наличии специального разрешения, полученного в органах внутренних дел, на приобретение конкретного вида и типа гражданского оружия [3, ст. 14].

Подчеркнем, что термин «гражданское оружие» довольно широко используется в бытовом обиходе, СМИ и научных изысканиях. Тем не менее, действующее законодательство не содержит определения термина «гражданское оружие». Проведение системного анализа общего понятия «оружие», закрепленного в Законе «Об оружии», и определение характерных признаков данного вида оружия позволяет выработать содержание дефиниции «гражданское оружие». Исходя из этого и положений статей 1, 7, 10 Закона «Об оружии», мы можем заключить, что под гражданским оружием следует понимать устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов при использовании совершеннолетними гражданами Республики Беларусь в целях самообороны, для занятий спортом и охоты, прошедшие процедуру подтверждения соответствия обязательным требованиям и внесенные в Государственный кадастр служебного и гражданского оружия и боеприпасов, разрешенных к обороту на территории Республики Беларусь.

Чрезмерная широта определения гражданского оружия не соответствует предмету регулирования основного нормативного правового акта в данной области правоотношений и противоречит нормам отраслей права, регулирующих оборот оружия. Признаки, заложенные в основу определения термина, отличаются неполнотой отнесения оружия к гражданскому.

Особого внимания требует гражданско-правовой режим оружия как особой вещи, обладающей в основном разрушительными свойствами и особыми индивидуальными характеристиками. Несомненно, что отношения, возникающие по поводу оборота оружия, нуждаются в строгом регулировании со стороны публичной власти государства.

Основываясь на положениях Закона «Об оружии» и существующих классификаций видов оружия, мы придерживаемся точки зрения о наличии соответствующих гражданско-правовых режимов оружия в зависимости от его оборотоспособности, видов и подвидов. Квалифицирующий критерий оборотоспособности оружия основан на том, что оружие, как объект гражданских правоотношений, может быть как ограниченным в обороте, так и полностью изъятым из гражданского оборота.

С гражданско-правовым режимом связан гражданско-правовой оборот, т.к. режим определяет условия оборота вещей. В Республике Беларусь нормативными правовыми актами не предусмотрено понятия «гражданско-правовой оборот оружия». Однако Закон «Об оружии» в ст. 1 содержит лишь понятие «оборот оружия и боеприпасов», раскрывая его путем перечисления различных действий.

Разрабатывая понятие гражданско-правового оборота оружия, необходимо исходить из объединения понятий «оборот оружия» и «гражданский оборот» ввиду того, что данная сфера правоотношений находит свое отражение в гражданском праве. В таком случае гражданско-правовой оборот оружия представляется возможным определить как урегулированную нормами права совокупность всех юридических действий, совершаемых в обществе, и направленных на производство, реализацию (включая продажу), передачу во владение,

приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, транспортировка, перевозка, пересылка, использование, изъятие, уничтожение, а также ввоз оружия, его составных частей и компонентов, боеприпасов к нему на территорию Республики Беларусь и вывоз за ее пределы, совершаемые физическими и юридическими лицами, Республикой Беларусь и административно-территориальными единицами в лице их органов с целью установления или прекращения гражданских прав и обязанностей. Обратим внимание, что действующий на территории Российской Федерации Федеральный закон «Об оружии», а также комплекс других правовых актов, утвержденных во исполнение Закона, образуют в совокупности правила оборота оружия, которые так же как и в Республике Беларусь, не содержат термина «гражданское оружие». Аналогичная ситуация и с определением понятия «оборот оружия», представляющего собой закрытый перечень юридически значимых действий. К гражданскому праву и регулируемому им обороту прямое отношение имеют не все действия, а именно: производство оружия, его учет, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия на территорию и вывоз его из Российской Федерации [4, ст. 1].

Следует отметить, что действие гражданско-правового режима оружия, применение каких-либо мер принуждения за нарушение такого режима невозможно без связи с административным и уголовным режимом оборота оружия. Это позволяет сделать вывод, что отношения оборота оружия являются также предметом административных и уголовных правоотношений. К примеру, И.В. Делягин определяет административные правоотношения в сфере оборота оружия как исторически сложившуюся необходимость правового воздействия по поводу оружия в целях обеспечения безопасности, а также совокупность юридических действий, совершаемых между субъектами правоотношений, урегулированных административным правом [5, с. 59].

Главной целью административно-правового регулирования оборота оружия является установление такого порядка оборота гражданского оружия, при котором будет обеспечен необходимый уровень всестороннего государственного контроля, а незаконное распространение и использование оружия будет пресекаться правоохранительными органами. При этом достижение заданной цели возможно только посредством издания соответствующих нормативных правовых актов и их постоянной актуализации.

Уголовно-правовой режим оборота оружия подразумевает систему запретов и ответственности за тот или иной вид преступлений. Объектом преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере безопасного обращения с ним. В связи с этим особое внимание на практике необходимо уделять вопросу о том, был ли причинен реальный вред объекту уголовно-правовой охраны в результате совершения конкретных действий, связанных с оборотом оружия, угрожают ли эти действия или свойства предметов оборота состоянию безопасности населения [6, с. 54].

Гражданское оружие выступает в качестве опосредованного (материального) объекта гражданского правоотношения

(субъективного гражданского права), является движимой, оборотоспособной, неделимой, непотребляемой вещью, в силу своих особых физических свойств, получившей специальный гражданско-правовой режим, который заслуживает подробного самостоятельного исследования. В силу особых свойств гражданского оружия регулирование формирующихся по поводу него правовых связей выражается преимущественно в установлении запретов и ограничений. В соответствии с классификацией объектов гражданско-правовых отношений, закрепленных в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, гражданское оружие, в силу своей материальной природы относится к вещам. Дефиниция термину «гражданское оружие» выработана только доктринально. В связи с этим в Республике Беларусь на законодательном уровне необходимо выработать понятие «гражданское оружие» для конкретизации его видов и определения его гражданско-правового режима оборота.

Ответственность за нарушение гражданско-правового режима оружия, регулирование оборота которого должно опираться на правовое принуждение, следует рассматривать в рамках административно-правового и уголовно-правового режимом в связи с тем, что ответственность за незаконный оборот оружия как объекта гражданских правоотношений, участвующего в гражданском обороте, наступает в контексте применения административных и уголовных мер принуждения. Гражданско-правовой режим оборота оружия определяется разно-отраслевыми методами подхода в регуляции отношений, которые составляют целостную систему отношений регулятивного воздействия в сфере действий, касающихся оборота оружия в рамках гражданских правоотношений. Регулирование отношений, связанных с оборотом оружия на основе правового принуждения, является неотъемлемой частью всего процесса гражданско-правового принуждения, поскольку оружие несет за собой опасность и риски. Поэтому нормы, регулирующие отношения, связанные с оборотом оружия, не должны иметь двоякое толкование, что обеспечит единообразный порядок и охрану публичного интереса. Тем не менее, уголовно-правовой режим оборота оружия, действуя в рамках гражданско-правового режима, нуждается как в общей модернизации по изменению санкций статей, уточнению терминологической части, так и конкретных уголовно-наказуемых деяний. Такими, например, являются противоправные действия «черных копателей», незаконная поисковая деятельность которых сводится к продаже найденных и восстановленных образцов оружия времен Великой Отечественной войны в контексте общего незаконного оборота оружия.

Список литературы:

1. Старцев, А.М. Особенности гражданско-правового режима оружия как объекта правоотношений (на примере гражданского оружия) / А.М. Старцев // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 98-101.

2. Кузбагаров, Э.А. Обоснованность мер принуждения гражданско-правового характера при обороте оружия / Э.А. Кузбагаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 4. – С. 48-52.

3. Об оружии: Закон Респ. Беларусь от 13 нояб. 2001 г. № 61-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2019 г. № 232-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об оружии: ФЗ 13.12.1996 г. № 150-ФЗ: в ред. ФЗ от 02.07.2021 г., № 313-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

5. Делягин, И.В. Административно-правовое регулирование оборота гражданского оружия и деятельность органов внутренних дел по его осуществлению: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02 / И.В. Делягин. – М.: Академия управления МВД России, 2000. – 237 с.

6. Муркштис, М.И. Особенности регламентации уголовной ответственности за незаконный оборот оружия в государствах Таможенного союза ЕврАзЭС / М.И. Муркштис // Пенитенциарная наука. – 2017. – № 2 (38). – С. 54-56.

ЗАБЕЛИН Максим Юрьевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
mr.maximzabelin@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

В статье дан системный анализ основных моделей правового регулирования авторских и смежных прав.

Ключевые слова: *авторское право, смежные права, интеллектуальное право, конвенция.*

Ежедневно в мире публикуется большое количество произведений науки, искусства, литературы и других, немало значимых для человечества областей. У каждого творения есть автор – человек (физическое лицо), который вложил в своё детище весь потенциал. Любой создатель имеет право на авторство, неприкосновенность произведения и на его защиту.

Не секрет, что авторское право содействует формированию более подходящих условий для творческого труда путём предоставления субъектам авторского права надежной и законной защиты их личных неимущественных и имущественных интересов, гарантирует широким слоям населения доступ к творениям науки, литературы и искусства в целях создания, обучения и увеличения культурного уровня. Поэтому не утратила собственной важности защита авторского права и в наши дни, при этом концепция такого рода защиты регулярно совершенствуется. Развитие науки и технических возможностей демонстрирует нам высокий потенциал использования творческого

труда, что, безусловно, отражается на необходимости качественного государственно-правового регулирования новых видов правоотношений.

Современные социальные опросы демонстрируют нам, что респондентам гораздо проще обратиться за просмотром фильма (видеоконтента) на бесплатный сайт, что свидетельствует о явном нарушении прав авторов и необходимости модернизации системы защиты интеллектуальных прав. Новый электронный формат произведений значительно усложняет работу государственных служб по предупреждению правонарушений в данной области. Виртуальная форма гарантирует потребителю простоту доступа и пользования, улучшенную визуализацию, возможность бесплатного скачивания и копирования объекта. Думается, что не все существующие правовые механизмы способны четко и качественно функционировать на практике [1, с. 51].

Авторское право в объективном смысле – это совокупность норм гражданского права, регулирующих отношения по признанию авторства и охране произведений науки, литературы и искусства, установлению режима их использования, наделению их авторов неимущественными и имущественными правами, защите прав авторов и других правообладателей.

Смежные права – совокупность норм, предоставляемых для правовой охраны интересов соответствующих категорий правообладателей в отношении определенных результатов (объектов) интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальные права – результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации), которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие).

В настоящее время объекты интеллектуальной собственности выполняют функции определенного товара, который производят (создают), продают и покупают. Безусловно, любые коммерческие действия, связанные с реализацией данного товара, должны иметь надежную защиту, способную обеспечить не только безопасное, но и надежное сотрудничество между покупателем и продавцом авторских прав [2, с. 7773].

Безусловно, если законодательство будет иметь четкие и грамотно оформленные нормы права, то никакие внешние угрозы не будут помехой в обороте интеллектуальной собственности [3, с. 31].

Вопрос о регулировании авторского права и смежных прав в мире на данный момент стоит остро. Сама по себе необходимость защиты подобного рода прав сформировалась более 100 лет назад, когда произошла унификация авторского права. Процессы по объединению идей и методов защиты авторства привели к подписанию Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений [4], которая регулирует материально-правовые аспекты защиты смежных и авторских прав. Ключевым принципом охраны обозначается территориальный фактор. То есть предпочтение в применении закона имеет та страна (государство), в которой

произведение автора было сформировано (страна происхождения). Бернская конвенция устанавливает так называемый «национальный режим», автор пользуется в стране правами, которыми пользуются её собственные граждане.

Примерно таким же принципом руководствуется и Всемирная конвенция об авторском праве (1952 г.), где в основу заложена идея отсылок к национальному законодательству.

К сожалению, все подобного рода конвенции и соглашения, в том числе Всемирная конвенция об авторском праве [5] и сама Всемирная организация интеллектуальной собственности, регулируют одни и те же принципы и методы защиты, ссылаясь на применение норм национального законодательства.

Многие объективные обстоятельства все более доказывали невозможность одним лишь национальным законодательством обеспечить достаточную охрану прав заинтересованных сторон. Именно поэтому многие страны пошли по пути заключения двусторонних соглашений о взаимной охране авторских прав. Но, к сожалению, полноценной и положительной практики применения национального законодательства в сфере защиты авторских и смежных прав становится всё меньше. Происходят многочисленные споры и недопонимания [6, с. 7].

Для перспективного развития защиты авторского и смежных прав необходимо рассмотреть вопрос соотношения понятий «творчество» и «авторское произведение». Довольно часто в сеть Интернет уплывают личные и научные письма, заметки и дневники, которые судебная инстанция часто рассматривает как творческий труд. В современных международных источниках нет точной трактовки и формулировки понятия «творчества». Такие ситуации оборачиваются крайне печальным итогом. Состав суда начинает рассматривать данный спор не со стороны закона, а со стороны личного жизненного опыта и убеждений, что, к сожалению, часто остается без необходимой защиты. Определенно для разрешения подобного рода споров следует обратиться к практике зарубежных коллег (США, Германия, Франция), где уже давно определены рамки в отношении понятия незначительного творческого труда. Такого рода практика поможет не только обеспечить действенную защиту авторских прав и интеллектуальной собственности граждан, но и выявить механизмы учёта экономического интереса правообладателя. Будут предотвращены спорные и нечестные судебные решение.

Существование своих собственных трактовок законодательства неизбежно обостряет проблему их соотношения и затрудняет получение положительной и качественной практики разрешения споров. Известно, что эффективность международного сотрудничества различных государств в значительной мере определяется уровнем развития и степенью гармонизации национальных законодательных систем в области интеллектуальной собственности. Наиболее распространенным и имеющим практическое значение является деление авторских прав на личные неимущественные и имущественные [7, с. 71].

На сегодняшний день 193 государств являются участниками Всемирной организации интеллектуальной собственности, а также

Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений. К счастью, Российская Федерация тоже находится в числе стран, которые активно используют нормы международного законодательства в данной области, вот только «использование» знания не означает его реальную эффективность. Бесспорно, данные нормы и идеи пользуются огромной популярностью в нормативно-правовых механизмах ряда государств, но стоит отметить, что единая и идеальная система в области защиты авторских прав до сих пор не была создана. Проблемой служит и тот факт, что многие положения той же самой Бернской конвенции имеют серьезную схожесть с правовыми нормами внутреннего законодательства стран, от этого страдает толкование положений. Дискуссионный характер имеют суждения о том, что вопросы защиты авторского права должны приобрести территориальный характер, а не международный, ведь виртуальное пространство сети Интернет имеет сложный юрисдикционный характер [8, с. 283].

В связи с формированием коммуникаций и вступлением в столетие информации, создание мер по защите и охране прав интеллектуальной собственности считается весьма значимым фактором. С формированием сети Интернет возникает большое количество возможностей, не выходя из здания покупать музыку, кинофильмы, книжки и т.п.

Имеет место недоработка законодательства, а также технологии охраны, колоссальное число данных становится просто легкодоступной, например, большее число веб-сайтов, на которых возможно безвозмездно скачать музыку, кинофильм, книжку. Но ведь, нажимая на клавишу «Download», потребитель нарушает полномочия создателя этого продукта.

Думается, что следует регулировать проблемы подобного характера путем нововведений: создание способов защиты от взлома баз данных и многое другое. Ведь формирование нынешней техники дает человеку со смекалкой изобилие способностей не только осуществить преступное деяние вопреки интеллектуальной собственности, но и также остаться ненаказанным. Следует бороться с пиратством не только лишь технически, но и законодательно, определяя и улучшая нормативно-правовые акты. Ведь чем менее «дыр» в законодательстве, тем меньше разных лазеек для правонарушителей.

Можно сделать однозначный вывод, что в условиях современного технического прогресса международные нормативно-правовые акты в области авторского и смежных прав имеют неоднозначность и недостаточную разработанность. Одним из способов реализации указанной идеи является возможность стран прийти к более качественному регулированию правоотношений в данных областях.

Список литературы:

1. Аллахвердиев, Р.М. Проблемы естественных прав человека в «Декларации независимости США» // Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы международно-практической

конференции 19 мая 2006 г. – СПб: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 50-52.

2. Толстова, А.Е. Особенности правового регулирования инновационной деятельности / А.Е. Толстова, М.М. Трапезникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 3 (40). – С. 72-76.

3. Авторское право: учебное пособие / И.В. Свечникова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2017. – 224 с.

4. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.

5. Всемирная конвенция об авторском праве, пересмотренная в Париже 24.07.1971 (заключена в г. Париже 24.07.1971) // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 1.

6. Юрков, С.А. Современная российская система правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности / С.А. Юрков // ИС. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 3. – С. 5-10.

7. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

8. Толстова, А.Е. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети интернет / А.Е. Толстова, Н.Г. Бахтамова // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2017. – № 4 (24). – С. 282-285.

ЗАЙЦЕВА Екатерина Борисовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студентка;
89210980383@mail.ru

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 12.26 КОАП РФ

В статье рассматриваются вопросы по делам об административных правонарушениях, связанных с невыполнением водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26. КоАП РФ).

Ключевые слова: *административное правонарушение, отказ от медицинского освидетельствования, разъяснение прав и обязанностей, презумпция невиновности, права граждан, ст. 51 Конституции РФ, защита граждан, проблемы законодательства и правоприменительной практики, меры административной ответственности.*

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ. Кодекс) [2] гарантирует соблюдение прав лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

По мнению Н.М. Конина, «производство по делам об административных правонарушениях является одним из институтов административно-процессуального права, который включает в себя административно-процессуальные нормы, регулирующие порядок (процесс) применения мер административного принуждения к субъектам, совершившим административные правонарушения» [3, с. 147].

Автор учебного пособия полагает, что «вместе с тем субъектами такой деятельности являются и судьи, которые рассматривают ряд дел об административных правонарушениях. Процессуальный характер производства своё основное выражение получает в реализации санкций правовых норм, устанавливающих административную ответственность физических и юридических лиц за совершаемые ими административные правонарушения, предусмотренные особенной частью КоАП РФ. Разрешение дела предполагает принятие по итогам его рассмотрения мотивированного постановления о назначении административного наказания (либо отказ от его назначения) и его исполнение» [3, с. 148].

Конин Н.М. выделяет основные задачи производства по делам об административных правонарушениях в соответствии со ст. 24.1 КоАП РФ, приводит исчерпывающий перечень обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении согласно ст. 24.5 КоАП РФ, раскрывает административно-процессуальный статус всех возможных участников производства по делам об административных правонарушениях, который определен в гл. 25 КоАП РФ (ст. 25.1-25.11) и разъясняет гл. 26 КоАП РФ, которая посвящена «предмету доказывания, видам доказательств и их оценке. При этом особо подчеркивается, что оценка доказательств должна основываться на всестороннем, полном и объективном исследовании всей их совокупности. Никакие доказательства не могут иметь заранее установленную силу» [3, с. 149].

Хотелось бы отметить, что в ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (в ред. от 29.11.2021 г.) закреплено, что контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения осуществляется посредством: федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения; надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ о безопасности дорожного движения [6].

Вопросы обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД рассматривались в диссертационном исследовании С.А. Высоцкого, который считает необходимым пояснить, что «под законностью контрольно-надзорной деятельности ГИБДД следует понимать точное и неуклонное соблюдение сотрудниками Госавтоинспекции норм закона и подзаконных нормативных актов, устанавливающих их обязанности и права при

осуществлении федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения.» [4, с. 10].

С.А. Высоцкий разъясняет, что «в рамках контрольно-надзорной деятельности ГИБДД понятием законности в административно-правовом смысле охватываются управленческие по своей природе правоотношения, складывающиеся между должностными лицами (сотрудниками) Госавтоинспекции, как представителями субъекта управления, при осуществлении ими внешневластной деятельности, с одной стороны, и гражданами и организациями как объектом управления, с другой стороны» [4, с. 23]. Автор исследования раскрывает, что «производство по делу об административном правонарушении начинается «с момента», «после» выявления «совершения», «факта совершения» административного правонарушения. При этом по общему правилу, закреплённому в ч. 1 ст. 28.5 КоАП РФ указывается, что «Протокол об административном правонарушении составляется немедленно после выявления совершения административного правонарушения. Из этих положений прямо вытекает, что «контрольно-надзорная и административно-юрисдикционная деятельность, даже если их рассматривать как самостоятельные виды деятельности, неразрывно связаны» [4, с. 42].

Согласно пункту 2.3.2 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных Постановлением Совета Министров, – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 – водитель транспортного средства обязан по требованию должностных лиц, уполномоченных на осуществление федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения, проходить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения [7]. Лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, определено ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ, и подлежит освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения (в соответствии с ч. 6 ст. 27.12 КоАП РФ), а в случае отказа от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо несогласии указанного лица с результатами освидетельствования, указанное лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения [2].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 475 (раздел III Правил) [8] воспроизводятся указанные в ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ обстоятельства, являющиеся основанием для направления водителя на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, устанавливают порядок направления на такое освидетельствование.

Обратим внимание, ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ указывает на соблюдение требований при оформлении протокола об административном правонарушении, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушению. В силу ч. 3 и 5 настоящей статьи, указана необходимость при составлении протокола об административном правонарушении физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении

которых возбуждено дело об административном правонарушении, разъяснять их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается запись в протоколе. Подписание протокола об административном правонарушении или отказ предусмотрен ч. 4.1 настоящей статьи [2].

Следует отметить, что должностными лицами при оформлении протокола об административном правонарушении гражданам не разъясняются права, предусмотренные статьей 51 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1, с. 18] и статьей 25.1 КоАП РФ [2]. Должностное лицо, не разъясняя права и обязанности правонарушителю, просит поставить подпись в протоколе, либо ставит отметку «от подписи отказался». Данное предположение исходит из судебной практики, содержащейся в открытом доступе на сайтах судебных инстанций.

О доказательствах, полученных с нарушением законности, можно сделать вывод об отсутствии разъяснений гражданину (законному представителю юридического лица) при оформлении протокола об административном правонарушении прав и обязанностей, то есть составление протокола с нарушением требований ст. 28.2 КоАП РФ, что свидетельствует о нарушении порядка привлечения лица, в отношении которого возбуждено производство по делу об административном правонарушении, к административной ответственности и влечет нарушение права этого лица на защиту.

Правонарушитель может оспорить протокол об административном правонарушении только в судебном порядке (ст. 30.1 КоАП РФ). В КоАП РФ предусматривается обязанность судьи, органа, должностного лица при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении выяснить, правильно ли составлены протокол об административном правонарушении и другие протоколы, предусмотренные Кодексом, и иные материалы дела (п. 3 ст. 29.1 КоАП РФ). Согласно ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ, не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, полученных с нарушением закона [2].

На сегодняшний день можно отметить, что судьями при вынесении постановлений игнорируются нормы закона, рассматриваемые в настоящей статье, и выносится несправедливое решение о признании гражданина или юридического лица виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ.

Судебный порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях подразумевает обязательное создание судом условий, необходимых для осуществления права на защиту лицом, в отношении которого ведется производство по делу.

В соответствии со ст. 25.6 КоАП РФ в случае необходимости в суд может быть вызван понятой и опрошен в качестве свидетеля по делу об административном правонарушении, которому могут быть известны обстоятельства дела, подлежащие установлению. Правонарушитель вправе заявить ходатайство о вызове. Отмечается нарушение прав на защиту в связи с отказом в вызове понятых, что является недопустимым.

Автор научной статьи Левченко В.Б. пишет: «Презумпция – это предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное. Поэтому для доказательства обратного необходимо найти убедительные аргументы, обеспечить достаточные доказательства, подтверждающие виновность конкретного лица или лиц в совершении того или иного правонарушения. Таким образом, бремя доказывания должно лежать не на правонарушителе, а на том государственном органе, который собирается вынести решение по делу» [5, с.159]. Административная ответственность имеет публичный характер и публичное начало при производстве по делам об административных правонарушениях, которые предопределяют действие презумпции невиновности при производстве по таким делам [5, с.159].

До вступления в законную силу положений Федерального закона от 24.07.2007 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [9], действующий в законодательстве об административных правонарушениях, принцип презумпции невиновности оставался непоколебимым – ст. 1.5 КоАП РФ.

Вследствие изменений, внесенных в ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, Федеральный закон от 24.07.2007 № 210-ФЗ представил её в следующем виде: «лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье». Примечанием было установлено, что положение ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ «не распространяется на административные правонарушения, предусмотренные главой 12 Кодекса, в случае их фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи».

В связи с этим гражданин не лишен права доказать свою невиновность и сейчас это является именно его обязанностью при административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ.

Проблема реализации положений, содержащихся в примечании к ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ, в нынешних условиях может быть сопряжена с тем, что в соответствии со ст. 51 Конституции РФ [1, с. 18], никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

Таким образом, с юрисдикционной стороны, ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ и примечание к этой статье устанавливают презумпцию виновности правонарушителя в совершении административного правонарушения, предусмотренного гл. 12 КоАП РФ, в случае фиксации его специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме. В этом случае суды применяют указанную норму закона, априори устанавливая вину правонарушителя, не исполняют обязанностей суда, установленных ст. 24.1 КоАП РФ, не проводят проверки всех обстоятельств дела, не проверяют обжалуемое постановление, которым лицо обвиняется в совершении правонарушения. Хотя в действительности, лицо и не совершало правонарушения, но не всегда может представить в суд доказательства

своей невиновности, а суд, применяя указанную норму о презумпции виновности, не устанавливает вину правонарушителя.

На основании изложенного можно предположить, что данная норма является нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, гарантированных ч. 2 и 3 ст. 49 Конституции РФ [1, с. 18].

Указанные в настоящей статье нарушения требований КоАП РФ являются существенными и влияют на законность обжалуемых гражданами актов. На данном этапе времени встречаются противоречащие друг другу постановления, например, за одно и то же правонарушение по ст. 12.26 КоАП РФ одни суды выносят решение об отмене постановления, другие – административное наказание, несмотря на то, что имеется положительная судебная практика отмены постановлений, как в мировом, районном, кассационном и Верховном судах РФ, при нарушениях требований КоАП РФ и Конституции РФ, отмеченных в настоящей статье. Одним из примеров судебной практики являются постановления Третьего кассационного суда общей юрисдикции, где при идентичных нарушениях и представленных доказательствах суд выносит разные постановления (по делу № 16-3229/2021 от 06.09.2021 г. оставить жалобу без удовлетворения, по делу № 16-3679/2020 от 01.12.2020 г. – постановление отменить, производство прекратить) [10]. Таким образом, правоприменительная практика в очередной раз доказывает пробелы в законодательстве.

В рамках разрешения определенных вопросов, для повышения эффективности применения мер административной ответственности, можно рассмотреть предложения о деятельности Верховного суда:

- предоставление разъяснений о необходимости соблюдения должностными лицами требований КоАП РФ в части полного информирования граждан или представителей юридического лица их прав и обязанностей в соответствии со ст. 25.1 КоАП РФ и ст. 51 Конституции РФ;

- для идентичного вынесения первыми инстанциями (мировыми судами) постановлений по делам об административных правонарушениях по ст. 12.26 КоАП, судьям запрашивать у должностного лица, вынесшего протокол об административном правонарушении, доказательства разъяснений прав и обязанностей правонарушителю в соответствии с требованиями Закона, представить видеофиксацию, если лицо заявило об отсутствии разъяснений в момент составления протокола об административном правонарушении;

- учесть предложение, что запись об отказе от подписи в протоколе об административном правонарушении, даже в присутствии понятых, удостоверенная обезличенной подписью, не имеет юридической силы, если не установлены доказательства обратного;

- рекомендовать в своих авторских предложениях, об обязательности удовлетворения ходатайства (заявления) о вызове понятых, в соответствии со ст. 25.6 КоАП РФ, как необходимая мера, представленная гражданину для защиты, в связи с тем, что только подпись понятых в протоколе об административном правонарушении не является доказательством.

Одним из ключевых направлений проводимой работы являются права гражданина, обеспеченные Конституцией РФ и КоАП РФ,

предоставление доказательств и защита в судебных инстанциях: рассмотреть вопрос о необходимости установить, имело ли место административное правонарушение, виновно ли данное лицо в его совершении, подлежит ли оно административной ответственности, есть ли обстоятельства, являющиеся основанием для прекращения дела.

Объективность выяснения обстоятельств дела исключает пристрастность, предвзятость к его рассмотрению, пренебрежение обстоятельствами, свидетельствующими в пользу лица, привлекаемого к административной ответственности и вынесение несправедливого постановления суда.

На основании вышеизложенного указание на разрешение дела в соответствии с законом имеет важное значение. Никто не может быть привлечен к административной ответственности за совершенное административное правонарушение иначе как на основаниях и в порядке, которые установлены законом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) Конституция Российской Федерации. – М.:АЙРИС-К65 пресс, 2020. – 64 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ) (ред. от 04.03.2022 г.). – URL: http://ivo.garant.ru/#/document/12125267/paragraph/1:0
3. Конин, Н.М. Административное право: учебник для среднего профессионального образования. 6-е изд., перераб. и доп. / Н.М. Конин, Е.И. Маторина. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 431 с.
4. Высоцкий, С.А. Административно-правовые средства обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД: дис. …: 12.00.18 / С.А. Высоцкий. – М., 2018. – 224 с.
5. Левченко, В.Б. Презумпция невиновности в административном законодательстве / В.Б. Левченко // Вектор юридической науки. – 2014. – С. 158-163.
6. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (в ред. от 29.11.2021 г.). – URL: https://base.garant.ru/10105643/
7. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).
8. Постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. № 475 «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения,

медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и Правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством» (в ред. от 10.09.2016 г.). – URL: https://base.garant.ru/12161120/

9. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. от 31.12.2014 г.). – URL:https://base.garant.ru/12154838/

10. Правоприменительная практика: Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции по делу № 16-3229/2021, №16-3679/2020. – URL: https://3kas.sudrf.ru/

ЗИМНИЦКИЙ Даниил Александрович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
danya.galanov@gmail.com

ПРОБЛЕМА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В статье анализируется проблема уголовной ответственности в законодательстве советского периода.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, уголовное законодательство, УК РФСР 1960 года, наказание, антиобщественная деятельность.*

Уголовное законодательство советского периода носило ярко выраженный идеологический характер. Принципы и задачи уголовного законодательства были установлены в соответствии с принципами построения социализма. При этом именно социалистический строй был объектом охраны от преступных посягательств вместе с личными правами граждан.

Например, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года имел задачей «охрану общественного строя СССР, его политической и экономической систем, личности, прав и свобод граждан, всех форм собственности и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств».

Уголовная ответственность в свою очередь по УК РСФСР 1960 года наступала исключительно по приговору суда. Это достаточно новое уточнение для уголовного законодательства советского периода. Например, УК РСФСР 1926 г. установил преступлением общественно опасное деяние, угрожающее основам советского строя или социалистического правопорядка. Одновременно в законодательстве 1926 года присутствуют формулировки «меры социальной защиты», а также, что касается непосредственно проблем уголовной ответственности, возраст уголовной ответственности – 14 лет, в то

время как предыдущий вариант УК РСФСР устанавливал возраст привлечения к уголовной ответственности 16 лет.

В целом законодательство советского периода до 1960 года имело прямую связь с историческими и политическими событиями в государстве, поэтому присутствуют различные достаточно противоречивые нормы права и поправки, связанные с положением в стране. Например, значительной корректировке в вопросах ужесточения наказания и уголовной ответственности уголовное законодательство подвергалось в годы Великой Отечественной войны. Также законодатель значительно расширил круг субъектов преступления [2, с. 35-37].

В связи с изменением политической обстановки УК РСФСР 1960 года и принятые Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик отражают тенденцию к либерализации уголовного законодательства. При этом вместо мер социальной защиты было введено понятия наказания как способа реализации уголовной ответственности.

Вместе с тем сохранялась идеологическая направленность уголовного законодательства, которая выражалась в присутствии в Уголовном кодексе советских республик определенных составов преступления, которые служили защите социалистическим принципам государства, в том числе и защита социалистической собственности.

К ним относятся некоторые составы преступлений, предусмотренные особенной частью УК РСФСР 1960 года. Среди них можно отметить вредительство, антисоветскую агитацию и пропаганду; организацию деятельности, направленной на совершение особо опасных государственных преступлений и участие в антисоветской организации; передачу иностранной организации сведений, составляющих служебную тайну; нарушение правил о валютных операциях; присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества; преступное или небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники; недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имуществ [3, с. 40-65].

В то же время уголовное законодательство советского периода предусматривало общественный контроль, в том числе и в сфере уголовного законодательства, что в значительной мере способствовало профилактике преступлений.

Стоит отметить, что в Уголовном кодексе РСФСР присутствуют также такие понятия, как »укрывательство», «недонесение» и «ведение паразитического образа жизни, предполагающие уголовную ответственность».

Как отмечал В.Г. Павлов, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР за тунеядство необходимо установить длительное уклонения от труда, проживание на нетрудовые доходы и ведение виновным антиобщественного образа жизни. Применение на практике уголовно-правовой нормы об ответственности за ведение иного паразитического образа жизни вызывает у работников правоохранительных органов в ряде случаев затруднения, связанные с определением начального момента уклонения от общественно полезного труда [4, с. 25].

Таким образом, уголовная ответственность в данном случае была связана с отказом виновного от общественно полезной трудовой деятельности. Данный пример показателен в вопросах приоритета для уголовного законодательства советского периода именно полезности определенной деятельности для общества в целом, а не прав и свобод отдельной личности. В то же время основной проблемой для привлечения к уголовной ответственности виновного лица было установить антиобщественный образ жизни виновного, в том числе, получение нетрудовых доходов с учетом личности и образа жизни преступника.

В связи с данными обстоятельствами, возникали проблемы, связанные с характеристикой субъекта преступления, его моральными качествами и отношением к общественно полезной деятельности. На данном основании устанавливалась степень виновности субъекта преступления, следовательно, и мера уголовной ответственности.

Примечательно, что в уголовно-правовой теории личность преступника зачастую связывалась с определенными группами и классами в обществе. В то же время, как подчеркивает И.И. Лиханова, для оценки общественной опасности личности преступника важно знать, насколько значительное место среди выполняемых им действий занимают антисоциальные действия, т. е. совершение преступления [5, с. 86].

Для привлечения к уголовной ответственности необходимо определить, свойственна ли личности преступника антиобщественная установка, которая является важнейшей частью структуры личности некоторых преступников и представляет собой готовность к определенным преступным действиям [6, с. 121].

Основой понятия субъекта преступления в теории уголовного права советского периода было исследование советскими криминалистами философского понятия свободы воли в ее материалистическом понимании, а также признаков лица, совершившего преступное деяние, связанных с возрастом, вменяемостью и невменяемостью [7, с. 19].

При этом для достижения установленных законом целей наказания, предполагается индивидуальный подход к виновному, а также индивидуальное воздействие на него, что, по мнению автора, невозможно без учета темперамента, возраста, пола и других психофизиологических особенностей личности преступника.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что причиной преступления в советский период считались, в том числе, антисоциальные взгляды, интересы, установки, определенная асоциальная ориентация правонарушителя.

Примечательно, что уголовная ответственность в данном случае могла заключаться не только в назначении наказания, но и, к примеру, в вынесении общественного осуждения и порицания виновному. Таким образом, привлечение к уголовной ответственности реализовывалось путем признания государством и обществом недопустимости поведения виновного.

При этом понятие уголовной ответственности и наказания в уголовном праве советского периода уголовным законодательством не были раскрыты, эти понятия были схожими. Например, УК РСФСР

предусматривал, что уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

Такое положение давало различные трактовки понятия уголовной ответственности. Так как понятия наказания и уголовной ответственности могли рассматриваться одновременно и как идентичные и как противоположные понятия. По мнению Н.С. Лейкиной, как противопоставление понятий «уголовная ответственность» и «наказание», так и их отождествление неправильно, так как данные категории органически связаны между собой, но не тождественны [8, с. 45].

Связано это с тем, что в УК РСФСР присутствовало понятие освобождения от уголовной ответственности, которая начиналась с момента предъявления обвинения и не всегда включала назначение наказания.

Эта проблема уголовного законодательства советского периода еще более остро возникла в период конца 80-х – начала 90-х годов в связи с распадом СССР и неактуальностью идеологической составляющей законодательства. Вместе с тем некоторые составы преступлений не соответствовали новым социально-экономическим и политическим условиям, и потому утратили свою актуальность, в то время как новая экономическая политика и деятельность остро нуждалась в правовом регулировании.

Связано это с изменившимися общественно-правовыми условиями и сферами деятельности, требующими правового регулирования, а также появлением новых видов преступной деятельности.

Поэтому в УК РФ 1996 г. были включены новые составы преступлений. Например, составы таких преступлений, как нарушение неприкосновенности частной жизни; хищение предметов, имеющих особую ценность; неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних; воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности; уклонение от уплаты таможенных платежей; насильственный захват власти или насильственное удержание власти; вооруженный мятеж; возбуждение ненависти либо вражды; применение запрещенных средств и методов ведения войны. Также на законодательном уровне было установлено разграничение понятий уголовной ответственности и наказания. При этом отдельной нормой было установлено понятие «наказание».

Следовательно, несоответствие уголовного законодательства новым социально-экономическим и политическим реалиям было устранено.

Таким образом, в процессе становления и развития советской уголовно-правовой системы возникали некоторые проблемы, связанные с привлечением к уголовной ответственности. Связано это с тем, что в уголовном законодательстве советского периода не было четкого разграничения понятий «уголовная ответственность» и «наказание». Также привлечение к уголовной ответственности по УК РСФСР имело четко выраженную идеологическую направленность, поэтому возникали вопросы в трактовке определенных правовых норм,

и разрешить эти проблемы удалось только с принятием нового Уголовного кодекса РФ 1996 года.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960).
2. Розенко, С.В. Об отдельных аспектах развития института наказания в уголовном кодексе РСФСР 1960 г. / С.В. Розенко // Вестник Югорского государственного университета. – 2019. – Выпуск 1. – С. 31-37.
3. Мацнев, Н.И. Наука уголовного права в книжных изданиях: в 2 томах / Н.И. Мацнев. – Науч.-практ. изд. – Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2020. – С. 40-65.
4. Павлов, В.Г. Избранные труды / В.Г. Павлов. – Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2013. – С. 15-60.
5. Лиханова, И.И. Проблемы уголовной ответственности: учебное пособие / В.Г. Павлов, И.И. Лиханова. – СПБ.: НОУ СЮА, 2016. – 116 с.
6. Павлов, В.Г. Уголовная ответственность за хулиганство и вандализм: монография / В.Г. Павлов. – СПб.: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2011. – 282 с.
7. Павлов, В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность / В. Г.Павлов; МВД России. С.-Петерб. ун-т, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб:, 2000. – 188 с.
8. Лейкина, Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность / Лейкина Н.С. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – С. 11-45.

ЗУБОВА Анастасия Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
astretching@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА С УЧАСТИЕМ ГРАЖДАН

Статья посвящена характеристике содержания договора банковского вклада с участием физических лиц.

Ключевые слова: *содержание договора, договор банковского вклада, существенные условия, предмет договора, обычные условия, публичный договор, защита прав потребителей.*

Понятие «содержание договора» в гражданском праве используется достаточно давно. При этом однозначного понимания данного термина в доктрине до сих пор нет. Проведя необходимый анализ научной литературы, можно прийти к выводу, что в целом существуют две основные позиции по данному вопросу, выраженные в работе М.И. Брагинского и В.В. Витрянского [1, с. 295]. Согласно

одной позиции, содержание договора представляет собой договорные условия. Здесь сам договор рассматривается как юридический факт, который породил обязательственное правоотношение. Согласно другой позиции, под понятием «содержание договора» понимаются права и обязанности контрагентов. При этом, сам договор понимается как правоотношение между сторонами [2, с. 31].

В данной статье для правильного понимания и уяснения сущности договора банковского клада, а также особенностях его правового регулирования, будут рассмотрены оба взгляда на понятие «содержание договора».

О.А. Красавчиков предлагал понимать содержание договора как систему условий, на которых заключен договор [3, с. 178-179]. Исходя из данного понимания, необходимо заметить, что сегодня в науке гражданского права выделяется три вида условий: существенные, обычные и случайные.

Существенные условия определяются законодателем. Здесь споров не возникает. В отношении других условий договора и их классификации примечательны мнения О.С. Иоффе и И.Б. Новицкого, которые во многом близки друг к другу. О.С. Иоффе считает, что обычные условия это условия, совпадающие с диспозицией юридической нормы, а также те условия, наличие или отсутствие которых на факт заключения договора никакого влияния не оказывает. При этом случайные условия, по его мнению, представляют собой условия, отступающие от диспозитивных норм [4]. И.Б. Новицкий выражает схожую точку зрения, но отмечает, что случайные условия представляют собой все условия договора, за исключением существенных и обычных [5].

Итак, под содержанием договора банковского вклада в данной работе понимаются условия, содержащиеся в соответствующем договоре. В данных условиях, как правило, закрепляются стороны договора банковского вклада, предмет договора, права и обязанности сторон, условия о процентах и так далее.

Говоря о существенных условиях, необходимо отметить, что позиции юристов по поводу существенных условий договора расходятся. Одни считают, что в договоре банковского вклада есть одно существенное условие – его предмет [6, с. 108]. Другие считают, что существенным условиям такого договора обязательно является и срок. Правда, в одних случаях он определяется путем указания на конкретную дату, период времени или событие, в других – моментом востребования [7, с. 18].

С последним мнением стоит не согласиться, поскольку в отсутствие соглашения о сроке договора приводило бы, по смыслу ст. 432 ГК РФ, к признанию договора незаключенным. Нормы ГК РФ о сроке договора вклада сформулированы таким образом, что отсутствие в договоре положений о сроке не влечет недействительность договора, а обязывает признавать его заключенным на условиях вклада до востребования, то есть до первого требования вкладчика.

Существует также точка зрения, согласно которой существенным условием договора банковского вклада является сумма вклада, а также валюта вклада. Отмечается при этом, что указание на валюту вклада необходимо лишь в том случае, если банк имеет разрешение на

операции с иностранной валютой [8, с. 108]. Однако с этим мнением также следует не согласиться, поскольку указание валюты вклада в случае наличия разрешения на соответствующие операции у банка приводило бы на практике к обязыванию вкладчика заблаговременно узнавать о наличии или отсутствии такого разрешения у его контрагента. Такое положение не способствовало бы защите интересов вкладчиков, а лишь усложняло бы процедуру заключения договора. Размышления о сумме вклада как о существенном условии договора также не видятся справедливыми, поскольку договор является реальным, то есть считается заключенным с момента зачисления денежных средств вкладчика на открытый счет. В случае отсутствия указания на сумму вклада в договоре можно предъявить приходный кассовый ордер или иной документ, подтверждающий зачисление средств на счет вкладчика. Если же договор является пополняемым, то после пополнения вклада необходимо ли будет каждый раз заново заключать договор или дополнительное соглашение? В этой связи представляется неправильным отнесение суммы вклада к существенным условиям.

Е.О. Кутин считает, что существенность условий договора определяется не тем, будет ли признан договор незаключенным при их отсутствии, а тем, является ли это необходимым для данного договора [9, с. 18]. Автор считает, что в главе 44 ГК РФ имеется ряд диспозитивных норм, на основании которых в случае отсутствия соответствующих условий в тексте договора можно определить и размер процентов на сумму вклада и порядок их начисления и выплаты. При этом нормы ГК РФ, восполняющие пробел в договоре, являются в таком случае его частью. В этой связи ученый к существенным условиям относит предмет, сумму вклада, его срок, проценты и порядок их выплаты.

Однако с мнением Е.О. Кутина трудно согласиться, поскольку так меняется сама суть гражданско-правового значения существенных условий договора. Если в случае отсутствия соглашения по таким условиям договор будет признаваться все равно заключенным, то есть ли тогда вообще смысл выделять категорию существенных условий договора? Думается, что диспозитивные нормы ГК РФ, о которых говорит Е.О. Кутин, необходимы лишь для защиты прав и интересов вкладчиков, в случае если не закреплены в договоре те или иные условия.

Несмотря на все научные споры, важно отметить, что проблема определения существенных условий договора банковского вклада сегодня не является актуальной. Дело в том, что банки, действуя профессионально, используют в своей деятельности разрабатываемые ими стандартные формы договоров, которые, как правило, включают все существенные условия соответствующих договоров.

Но все же, представляется, что единственным существенным условием договора банковского вклада является его предмет. При этом под предметом договора банковского вклада понимаются действия банка по выдаче вкладчику полученную ранее сумму вклада и выплате процентов на нее.

Выделив существенные условия, можно выделить обычные условия договора банковского вклада. К ним можно отнести условия о

номере счета вкладчика, сроки вклада, его сумме и валюте, а также условия о размере процентов по вкладу и порядку их расчета. Помимо этого, условия о возможности пополнения суммы вклада и снятия части денежных средств с него будут относиться к обычным условиям [10, с. 19]. Конечно, указанный перечень обычных условий не является исчерпывающим. Более того, если вклад открыт в пользу третьего лица, то необходимо указание в договоре сведений о таком лице. В случае если договор банковского вклада с участием гражданина, оформлен путем выдачи сберегательной книжки, то необходимо в договоре указать наименование и место нахождения банка, а если вклад внесен в филиал, также его соответствующего филиала; номер счета вкладчика (п. 1 ст. 843 ГК РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 834 ГК РФ договор банковского вклада с участием гражданина признается публичным договором. В этой связи случайных условий, условий, включающихся в договор по соглашению сторон, как правило, в договоре банковского вклада с участием гражданина нет.

Таким образом, в настоящее время ведется много споров о содержании договора банковского вклада. Если его рассматривать в качестве юридического факта, то содержание договора будут представлять условия, на которых он заключен. Относительно банковского вклада с участием гражданина можно выделить два вида условия: существенные и обычные. Существенным является только условие о предмете договора, а все остальные – к обычным.

Если договор рассматривать договор в качестве правоотношения, а не юридического факта, то содержание договора представляет собой права и обязанности контрагентов по данному договору. В этой связи необходимо рассмотреть права и обязанности сторон по договору банковского вклада.

В.Ф. Лазаренко утверждает, что основными правами вкладчика и основными корреспондирующими им обязанностями банка являются возврат вкладчику полученной банком суммы вклада и выплата причитающихся ему процентов [11, с. 5]. Похожего мнения придерживается А. Бычков, который добавляет, что на стороне вкладчика отсутствуют какие-либо обязанности перед банком [12, с. 10]. Но в действительности, такое ли малое количество прав и обязанностей возникает у сторон по договору банковского вклада?

Представляется, что отношения по договору банковского вклада достаточно обширны, следовательно, стороны договора имеют гораздо большее количество прав и обязанностей по договору, чем пишут указанные авторы. Дело в том, что ГК РФ в гл. 44 на самом деле устанавливает право вкладчика вносить средства на счет вклада и требовать их возвращения от банка с процентами, а банк имеет корреспондирующие обязанности: вернуть средства с вклада и выплатить проценты по нему. Однако тот же ГК РФ устанавливает еще несколько обязанностей банка: выдать по первому требованию вкладчика денежные средства с вклада (ст. 837 ГК РФ), страховать вклады и предоставлять вкладчику информацию об обеспеченности возврата вклада (ст. 840 ГК РФ), сохранять банковскую тайну вклада (ст. 857 ГК РФ) и некоторые другие. Важно обратить внимание на то, что права и обязанности сторон устанавливаются не только нормами

ГК РФ, но и некоторыми иными законами, в том числе Законом о защите потребителей, Законом о банках. В этой связи подход, которого придерживаются современные ученые, является достаточно узким. Для того чтобы объективно и всеобъемлюще рассмотреть вопрос прав и обязанностей сторон по договору банковского вклада с участием гражданина, установить их исчерпывающий перечень, необходимо воспользоваться всем массивом законодательства, регулирующего права и обязанности банка и вкладчика.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [13] содержаться разъяснения о том, что договор банковского вклада является финансовой услугой, а значит, к нему применяются нормы Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [14] (далее – Закон о ЗПП). Это дает основания полагать, что права и обязанности сторон по договору банковского вклада будут в определенной степени регулироваться указанным законом. Закон о ЗПП предоставляет вкладчику-потребителю право на информацию, которое проявляется в двух аспектах: право на информацию об исполнителе услуги – банке и право на информацию об услуге (ст. 9, 10 Закона о ЗПП). В случае нарушения прав потребителя предусмотрена компенсация морального вреда (ст. 15 Закона о ЗПП). Более того, потребитель имеет право требовать уплаты неустойки за несвоевременное исполнение обязанностей банком по выдаче денежных средств с вклада. Статья 17 Закона о ЗПП гарантирует судебную защиту прав вкладчиков с возможностью подачи иска без уплаты государственной пошлины в суд по выбору истца. Таким образом, законодательство о защите прав потребителей закрепляет ряд дополнительных прав вкладчиков: право на информацию, право на возмещения ущерба, право на судебную защиту.

Список литературы:

1. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М., 2001. – 848 с.

2. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

3. Красавчиков, О.А. Гражданско-правовой договор: Понятие, содержание и функции / О.А. Красавчиков // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сборник статей. – М., 2001. – С. 166-182.

4. Иоффе, О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1967 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie5290.html (дата обращения: 11.02.2022).

5. Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. – М., 1954 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie11442.html (дата обращения: 11.02.2022).

6. Пыхтин, С.В. Оценка судами разумности и добросовестности действий вкладчика при заключении договора банковского вклада /

С.В. Пыхтин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 1. – С. 105-113.
7. Суслин, Э.В Актуальные проблемы договорного права: учебное пособие / Э.В Суслин, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 118 с.
8. Корецкий, А. Понятие и классификация элементов договора / А. Корецкий // Законность. – 2005. – № 10. – С. 38-41.
9. Кутин, Е.О. Недостатки системы учета обязательств банков перед вкладчиками. Проблема «забалансовых» вкладов / Е.О. Кутин // Банковское право. – 2015. – № 4. – С. 16-19.
10. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.
11. Лазаренко, В.Ф. Договор банковского вклада в гражданском праве России: автореф. канд. юрид. наук / В.Ф. Лазаренко. – Волгоград, 2003. – 27 с.
12. Бычков, А. Все о банковских вкладах / А. Бычков // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 40. – С. 10-11.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.
14. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

ЗУДИН Давид Сергеевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент; davidzudin6@mail.ru

ТОВАРНЫЙ ЗНАК: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопросов правового режима товарных знаков и анализу изменения законодательства в этой области.

Ключевые слова: *товарный знак, исключительное право, авторское произведение, доменное имя, гражданское законодательство.*

На сегодняшний день актуальным является вопрос о правовом режиме товарных знаков. В первую очередь это связано с интенсивностью изменения законодательства в этой области и практики правоприменения органов, в чьи полномочия входит рассмотрение вопросов о товарных знаках. Эти изменения обусловлены ростом количества лиц, обладающих исключительным правом на товарный знак (предпринимателей, юридических лиц), а также переходом предпринимателей и коммерческих организаций в сеть Интернет, увеличение рекламы товаров и услуг в Интернете, что сказывается на развитии разногласий между обладателями товарных знаков [1, с. 73]. Также существующая проблематика обуславливается

тем, что регистрируемые товарные знаки имеют различные сходства с общеизвестными авторскими произведениями, права на которые могут нарушаться путем смешения товарного знака и авторского произведения, его части.

Важной проблемой в обозначении правового режима товарных знаков выступает задача оценки охраноспособности товарных знаков, включающих в себя авторские произведения. Это может быть обосновано желанием правообладателей товарных знаков популяризовать свой бренд путем включения в него объектов авторского произведения. Так, для разнообразия видов обозначений, которые с регистрацией фиксируются в товарных знаках, имеется возможность включать в товарные знаки различные произведения, по традиции охраняемые авторским правом. Когда авторское право принадлежит будущему правообладателю товарного знака, разногласий не возникает. Например, автор какого-либо произведения включает в свой товарный знак фигуру из своего же произведения. Но когда заходит речь об использовании чужого произведения, исключительные права на которые принадлежат другому лицу, возникают разногласия с использованием чужого произведения или его части, что ведет к столкновению правообладателей исключительного права на товарный знак и исключительного права на произведение, охраняемую часть произведения [2, с. 154].

Возникновение исключительного права на товарный знак может зависеть или от фактического использования со стороны купца знаком, не противоречащим кругу тех условий, которые даны в законе, или же от регистрации товарного знака [3, с. 348].

На уровне российского законодательства установлены нормы, запрещающие регистрацию товарных знаков, исключительные права на которые могут вступать в конфликт с предшествующими правами автора на произведения, принадлежащими другим лицам. Так, в соответствии с подп. 1, п. 9 ст. 1483 ГК РФ, не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные наименованию известного в Российской Федерации произведения науки, литературы или искусства; персонажу или цитате из такого произведения; произведению искусства или его фрагменту, без согласия правообладателя, если права на соответствующее произведение возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака. Произведение должно иметь общественную известность на день подачи заявки.

Государственные органы, в чьи компетенции входит рассмотрение разногласий между авторскими правами и правообладателями товарных знаков, озадачены нюансом применения указанной нормы, однако большинство особенностей применения подп. 1 п. 9 ст. 1483 ГК РФ к настоящему моменту отражены в судебной практике, дальнейшее формирование по намеченному направлению может внести ясность в отношении некоторых вопросов.

Сам по себе принцип регистрации и использование товарных знаков предполагают столкновение интересов между правообладателями различных товарных знаков, особенно между организациями, конкурирующими между собой. Если товар по своим качествам и цене отвечает запросам потребителей в конкретный

промежуток времени, он пользуется спросом. Как известно, производителей одного типа товаров на рынке много, поскольку производитель не имеет права монополизировать производство товаров. Нередко случается, что покупатель ищет товары в первую очередь по внешним признакам. Именно поэтому товарный знак играет важнейшую роль в популяризации товара среди потребителей. Чем более данная фирма приобретает известность, чем больший спрос на товары данного предприятия, тем больший соблазн для конкурентов выдать свои товары за товары предприятия, пользующегося известность [4, с. 38].

На рынке товаров и услуг нередко возникают случаи, когда конкурент использует на своих товарах чужие логотипы. Использование или предложение товара к продаже с использованием чужого товарного знака является нарушением гражданского законодательства. Это исходит также из самих принципов конкуренции и рынка, потому как использование чужих логотипов вводит в заблуждение покупателей, они могут по ошибке приобрести товар, что приведет к ущербу для покупателя и для фирмы, честно продававшей под своим именем какой-либо товар. Запрет на использование чужих логотипов устанавливается ст. 1515 ГК РФ. Законодатель определяет такой товар контрафактным, а используемые обозначения подлежат уничтожению. Таким образом, для законодателя не имеет значения, принесет ли такой контрафактный товар ущербу предпринимателю или юридическому лицу. С точки зрения гражданского законодательства, контрафактные товары подлежат изъятию и уничтожению.

Нормы ГК РФ прямо указывают, как регистрировать товарный знак. Для легальной и законной продажи товара необходимо регистрировать товарный знак. Факт регистрации знака имеет правоустанавливающий характер, так как охрана товарного знака предоставляется на основании государственной регистрации товарного знака. Физическому или юридическому лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак, принадлежит исключительное право использования товарного знака любым, не противоречащим закону способом. Таким образом, правообладатель может распоряжаться исключительным правом на товарный знак [5, с. 39].

Статья 1491 ГК РФ указывает, что исключительное право на товарный знак действует в течение 10 лет с момента подачи заявки, а также может быть продлен на 10 лет по заявлению правообладателя.

Правообладатель товарного знака обязан написать заявление. В заявлении, например, указывается: номер свидетельства на товарный знак; полное наименование правообладателя – юридического лица; место нахождения правообладателя. Размер государственной пошлины на регистрацию товарного знака составляет двадцать тысяч рублей, для коллективного товарного знака сумма денежных средств – на семь тысяч рублей выше.

Другой немаловажной областью правового регулирования товарных знаков является правовой статус доменного имени, из чего вытекает требование запрета организацией, обладающей исключительным правом на товарный знак, на использование

товарного знака иной организацией в доменном имени. Для справки, доменным именем простыми славами принято называть имя сайта.

Правовой режим доменного имени на сегодняшний день вызывает споры и дискуссии. Однако деятели юридической науки указывают на неопределенность доменного имени как объекта гражданских прав. Е.И. Гладкая указывает, что доменное имя – это объект гражданских прав, хотя и не признанный действующим законодательством в качестве такового [6, с. 5]. А.А. Яганов отмечает отсутствие четкой взаимосвязи между доменом и конкретной компанией, являющейся держателем соответствующего доменному имени товарного знака [7, с. 62].

Применение индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, обладающих разрешением на осуществление конкретного вида деятельности в доменном имени словесного обозначения, схожего с товарным знаком организации, в отношении разнотипных товаров нарушает исключительные права компании на товарный знак. Важно учесть, что нарушаются исключительные права при условии, что товарный знак признан общеизвестным. Физическое или юридическое лицо в этом случае вправе потребовать запрета на использование такого упомянутого словесного обозначения в названии сайта.

Российское законодательство предусматривает порядок разрешения доменного спора в суде. Это может быть как арбитражный суд, так и суд общей юрисдикции. При обращении в суд истцу необходимо приложить ряд документов, в частности документы о попытке урегулирования конфликта в досудебном порядке (если такие имеются). При обращении в суд истцом определяются предложенные меры для пресечения действий со стороны ответчика, если суд установит, что его действия нарушили гражданские права истца.

Нарушение права на товарный знак при использовании доменного имени законодатель определяет так: если доменное имя тождественно или сходно до степени смешения с товарным знаком, которому предоставлена правовая охрана, то это является нарушением гражданских прав заявителя.

Воздействия администратора сайта по приобретению права на доменное имя могут быть признаны недобросовестной конкуренцией. Важно отметить, если спор ведется о нарушении избранием доменного имени исключительных прав на товарный знак, ответственным является администратор. Однако администратор не отвечает за информацию, содержащуюся на сайте, на который он адресует запросы в рамках своего домена. Надлежащим ответчиком по таким делам является владелец сайта. Администратор может быть привлечен к ответственности, если в его действиях имеются признаки соучастия [8, с. 140].

Проанализируем изменения подходов органов судебной власти в аспектах использования товарных знаков в ключевых словах.

Таким образом, правовое регулирование товарных знаков является важнейшем элементом в области обеспечения исполнения гражданских прав хозяйствующих субъектов экономической деятельности. Создаваемые материальные блага на рынке товаров имеют свои уникальные обозначения, именуемые товарными знаками.

Существующие противоречия требуют корректировки нормативно-правовым регулированием. Это исходит из смысла гражданского законодательства, деятельности соответствующих ведомств и позиций судов. Правовое регулирование товарных знаков постоянно совершенствуется, добавляются различные нормы, регулирующие поведение предпринимателей и юридических лиц. Особенно немаловажен вопрос об использовании правообладателем на товарный знак обозначений, существующих в авторском произведении. Позиции органов власти и судов в этом вопросе расходятся, возможно, в дальнейшем законодателем будут вноситься изменения для решения этого вопроса. Перед законодателем и правоприменителем стоит вопрос, как решать возможные конфликты и противоречия между правообладателем товарного знака и автором произведения, ведь первые не должны ограничивать интересы вторых, и наоборот.

Регулярно вносятся предложения по реформированию законодательства, дающие более широкое понимание некоторых вопросов, связанных с нормативным регулированием товарных знаков. Также законодатель предлагает предоставить право гражданам на регистрацию товарных знаков, что является немаловажным аспектом в развитии рыночных отношений. Достаточно представить себя гражданином в статусе самозанятого с желанием производить свой продукт, пусть и направленный на потребление, предположим, для небольшого круга лиц. Предоставление права на товарный знак такому гражданину скажется более чем положительно для развития рыночных отношений, поспособствует развитию творчества в производстве товаров. В случае если законопроект превратится в закон, поднимется много вопросов, в том числе вопрос о регистрации товарных знаков для таких граждан. Например, насколько ниже станет государственная пошлина для регистрации такого товарного знака, или останется такой же, как и у физических лиц. Законодатель должен предусмотреть такие условия.

Не нужно забывать и о мировых державах, экономики которых динамично развиваются. В странах Европейского континента или Азиатских странах на повестке дня стоит вопрос о повышении эффективности правового регулирования товарных знаков. Гражданское законодательство других стран также оставляет нерешенными вопросы правоприменения некоторых норм закона. В этой связи для российского государства важно смотреть и на мировой опыт, ведь на применение исследуемой нормы смотрят далеко не всегда одинаково. Например, нормы гражданского законодательства по-разному применяются в Китае и Франции.

Можно лишь добавить, что динамичное развитие исследуемой области и повышение эффективности ее правового регулирования положительно скажется для развития рыночных отношений, субъектов экономической деятельности и, конечно, граждан России.

Список литературы:

1. Толстова, А.Е. Особенности правового регулирования инновационной деятельности / А.Е. Толстова, М.М. Трапезникова //

Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 3 (40). – С. 72-76.

2. Толстова, А.Е. Право промышленной собственности: учебное пособие / А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 184 с.

3. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 2. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 480 с.

4. Барило, С.Е. Актуальные проблемы торгового права: учебное пособие / С.Е. Барило, К.О. Брикса, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 136 с.

5. Кириллов, Н.Г. Современные способы защиты товарных знаков: системный подход / Н.Г. Кириллов, Н.Н. Кириллов // ИС. Промышленная собственность. – 2021. – № 3. – С. 37-47.

6. Гладкая, Е.И. Правовой режим доменного имени в России и США: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.И. Гладкая. – М., 2014. – 28 с.

7. Яганов, А.А. К вопросу о соотношении исключительного права на товарный знак и права на доменное имя / А.А. Яганов // ИС. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 9. – С. 59-70.

8. Сидоренко, А.И. Судебная защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху / А.И. Сидоренко // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 136-147.

КАН Анастасия Романовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
a.r.kan@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫХ И ВНЕШНИХ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются особенности внутрикорпоративных и внешних корпоративных отношений.

Ключевые слова: *корпоративные отношения, субъекты корпоративных отношений, права участия, органы юридического лица, внутрикорпоративные правоотношения, внешние корпоративные правоотношения.*

Центральным правом акционера является право участия в делах акционерного общества или более узко – право участия в формировании воли общества. При этом процесс реализации интереса, заключенного в таком праве, распадается на два этапа: 1) правоотношение по созданию условий для осуществления права, 2) и собственно его осуществление. Право участия в формировании воли юридического лица осуществляется в возможности (правомочии) голосования на общих собраниях (акционеров, участников) [1, с. 52]. С точки зрения акционера (участника), схема принятия решения общим

собранием выглядит (упрощенно) следующим образом. Общество уведомляет акционера о предстоящем общем собрании. Акционер голосует на собрании (осуществляет волеизъявление) и его голос должен быть учтен. Затем решение считается принятым или непринятым в зависимости от числа голосов, отданных за него, и наступают предусмотренные законом последствия. В этой простейшей и весьма общей схеме следует акцентировать внимание на всех трех отмеченных моментах. Во-первых, общество уведомляет акционера о собрании, такая обязанность существует в рамках правоотношения по созданию условий, необходимых для реализации интереса. Во-вторых, акционер выражает свою волю – голосует (воздерживается от голосования) по определенному вопросу, а на обществе лежит обязанность учесть его голос. Ее также следует отнести к содержанию правоотношения, направленного на создание условий, которое, однако, не может быть отнесено к секундарным. В-третьих, в результате корпоративные правоотношения, как особый вид отношений, отличных от обязательств [2, с. 15]. Во многих других научных публикациях лишь указывается ни такие правоотношения, однако обнаружить четкие критерии, по которым можно было бы разграничить те и другие, не удается.

Правоотношения, возникающие на основе участия в корпорации и в связи с таким участием, несомненно, представляют собой целый комплекс правоотношений различного содержания и юридической природы, построенных на разных принципах, с различным субъектным составом и некоторыми другими видовыми особенностями.

Поскольку корпоративные правоотношения (отношения «внутри» общества), несомненно, носят относительный характер (хотя бы в силу замкнутости той сферы, в которой они существуют), то необходимо определиться с кругом других возможных субъектов этих отношений.

Специфика существа отношений между органами юридического лица заключается лишь в том, что они являются частными отношениями [3, с. 67].

Принципы построения отношений органов юридического лица:

- во-первых, в них участвуют совершенно специфические субъекты: их сторонами являются органы;

- во-вторых, данные органы выступают в качестве носителей определенной компетенции (совокупности полномочий);

- в-третьих, в результате принятия определенного решения вышестоящим органом (в пределах его компетенции) у нижестоящего органа возникает связанность принятым решением или обязанность сделать необходимые действия для реализации решения;

- в-четвертых, само существование правоотношения между органами никак не зависит от конкретных физических лиц, входящих в его состав (они не являются субъектами такого отношения).

Мы полагаем, что между органами юридического лица существуют отношения, имеющие форму правовых, а сами органы следует признать субъектами права. Очевидно, что между органами юридического лица есть определенная взаимосвязь, причем не фактического, а юридического порядка: она устанавливается и регулируется объективным правом и возникает при наступлении

определенных юридических фактов (создание юридического лица и образование органов). Поэтому очевидно, что связь между органами не может быть охарактеризована иначе, чем правоотношение.

Можно ли охарактеризовать последние как субъективные гражданские правоотношения и сами органы в качестве его субъектов? Думается, нет. Субъективные гражданские права могут принадлежать лишь субъектам гражданского права. Чтобы считать ту или иную субстанцию субъектом гражданского права, необходимо, чтобы она признавалась в качестве такового законом. Разумеется, законодатель не произвольно наделяет определенное явление свойствами субъекта, а руководствуется определенными признаками. В настоящий момент субъектами гражданского права являются физические, юридические лица и публично-правовые образования. Органы юридического лица никогда не признавались субъектами гражданского права и не могут быть ими признаны, пока обратное положение не будет закреплено в законе.

Тем не менее, утверждение о том, что органы не являются субъектами права, излишне категорично. Так, в административном праве субстанции, подобные им (органы государства), являются субъектами. В связи с этим мы не видим причин для того, чтобы отказать и органам юридического лица в качестве субъектов прав (хотя бы и не гражданских в общепринятом смысле этого слова). Подобные правоотношения между органами юридического лица следует обозначать как внутрикорпоративные.

Внутри общества могут быть обнаружены следующие отношения, не являющиеся гражданско-правовыми: 1) внутрикорпоративные правоотношения, т.е. отношения между вышестоящим и нижестоящим органом, предопределенные их компетенцией, характеризующиеся односторонней зависимостью одного органа от другого и 2) фактические отношения между обществом как целым и органом как частью целого. В то же время в юридических лицах, несомненно, существуют и гражданско-правовые отношения, которые можно назвать внешними корпоративными правоотношениями.

Заметим, что внутрикорпоративные отношения не всегда представляют собой полномочие вышестоящего органа принять решение, в силу которого возникает обязанность совершить действие для нижестоящего органа во исполнение воли общества [4, с. 23]. Так, например, в компетенцию общего собрания акционеров (и совета директоров) включается право одобрять крупную сделку. В этом случае воля общества определяется, во-первых, волей физического лица – генерального директора, а также волей коллегиального органа управления. Принятие решения об одобрении сделки не создает обязанность для генерального директора ее совершить. Оно лишь констатирует готовность общества вступить в соответствующее правоотношение, дозволяющую единоличному исполнительному органу совершить сделку. Такое право ободрения по содержанию крайне близко к секундарному праву контроля [5, с. 51]. Тем не менее, секундарное право принадлежит определенному субъекту гражданского права, а последствия его реализации ложатся на другого субъекта, и тоже гражданского же права. В данном же случае право

одобрения принадлежит не субъекту гражданских правоотношений (не обществу, и не отдельному члену совета директоров, и не отдельному участнику), а органу юридического лица, и последствия его реализации отражаются на другом органе.

Отсутствие одобрения на совершение сделки и, несмотря на это, свидетельствует об определенном дефекте в воле юридического лица. Каковы правовые последствия этого дефекта? Чья воля (единоличного или исполнительного или коллегиального органа управления) должна иметь определяющее значение? От ответа на данный вопрос зависят весьма важные практические последствия. Предположим, исполнительный орган заключил договор, в силу которого общество обязалось совершить отчуждение имущества, и данный договор был исполнен.

Между тем сделка подпадала под признак крупной, требовала согласия общего собрания акционеров, которое не было получено. Подлежит ли удовлетворению виндикационный иск общества к приобретателю имущества: а) являвшемуся стороной по сделке и б) к последующему добросовестному приобретателю?

Ответ на первый вопрос, по нашему мнению, должен зависеть исключительно от добросовестности «первого» приобретателя. В тех случаях, когда одобрения не было получено и приобретатель должен был знать об этом, иск подлежит удовлетворению (ст. 174 ГК РФ). При этом к случаям недобросовестности, с нашей точки зрения, следует отнести и те, когда приобретатель в принципе не требовал устав юридического лица, баланс на последнюю отчетную дату и не интересовался балансовой стоимостью отчуждаемого имущества (разумеется, мы исходим из того, что отчуждение данного вида имущества не является обычной хозяйственной деятельностью юридического лица). Думается, это минимальные требования, которые в данной ситуации могут быть предъявлены к приобретателю.

Если же исходить из того, что достаточно лишь проверить полномочия единоличного исполнительного органа, а во всем остальном следует руководствоваться презумпцией добросовестности и весьма распространенным убеждением в том, что недопустима излишняя подозрительность в отношениях между хозяйствующими субъектами, то, тем самым, нормы, посвященные крупным сделкам, были бы декларативными. В абсолютном большинстве случаев интересы акционеров (участников) оказывались бы совершенно беззащитными, а сама презумпция добросовестности становилась бы неопровержимой, то перестала бы являться презумпцией [6, с. 71].

Предположим, контрагенту был предоставлен протокол общего собрания акционеров (участников) об одобрении сделки, но он был поддельным, или само собрание происходило с существенными нарушениями. Разумеется, на контрагента не следует налагать бремя экспертизы подписей на протоколе или изучения всех деталей проведения общего собрания акционеров. В данном случае мы действительно требовали бы излишней бдительности и осторожности от участников имущественного оборота, тем самым стесняя его. Образование единоличного органа – прерогатива общего собрания акционеров (участников), и именно они должны нести риск последствий действий руководителя юридического лица, который

подделывает документы. На этот случай им предоставлена возможность взыскать убытки с него и, разумеется, прекратить его полномочия. Продолжим наш пример и допустим, что имущество от первоначального приобретателя было возмездно отчуждено последующему добросовестному приобретателю. При этом на первую сделку не было получено одобрения общего собрания, полномочия единоличного исполнительного органа были прекращены, и вновь образованный исполнительный орган вчиняет от имени общества виндикационный иск к последующему добросовестному приобретателю. Защищен ли такой приобретатель ст. 302 ГК РФ, или, более узко: можно ли считать, что имущество выбыло помимо воли общества? Думается, что защищен и что в данном случае ст. 302 ГК РФ подлежит применению. Добросовестный приобретатель не знает и не может знать о том, что предыдущая сдел¬ка порочна. Однако одного этого обстоятельства еще не достаточно, поскольку во всех случаях, когда имущество выбывает помимо воли отчуждающего его лица, третьи добросовестные лица не защищены от истребования имущества [7, с. 25]. Тем не менее, в нашем примере имущество по первой сделке было отчуждено от имени общества надлежащим лицом, единоличным исполнительным органом. Последующий приобретатель не может иметь доступа к протоколам общества, с которым он не заключает договор, точнее, это общество (истец) вовсе не обязано ему их предоставлять. Ему вполне достаточно того, что между обществом (в лице действовавшего в тот момент единоличного исполнительного органа) и правопредшественником был заключен договор купли-продажи (мены), и для него это должно ясно свидетельствовать о том, что сделка состоялась по воле обеих сторон. В связи с этим представляется, что закон в приведенной ситуации должен встать на сторону добросовестного приобретателя.

Таким образом, необходимо различать внутрикорпоративные и внешние корпоративные правоотношения. Во-первых, участвуют только органы юридического лица, во-вторых, только субъекты гражданского права. Думается, возможность существования правоотношения между органом и субъектом гражданского права исключена. Эти субъекты находятся, если можно так выразиться, «в разных плоскостях» объективного права: органы не являются субъектами гражданских правоотношений, а юридические лица – субъектами правоотношений внутрикорпоративных: для последних юридические лица являются лишь той средой, тем местом или фоном, на котором внутрикорпоративные правоотношения возникают и развиваются.

Список литературы:

1. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова; Санкт-Петербургская юридическая академия. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

2. Павлова, К.П. Созыв, подготовка и проведение заседаний совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества / К.П. Павлова // Гражданское право. – 2014. – № 1. – С. 14-18.

3. Долинская, В.В. Органы юридического лица: проблемы доктрины и современного законодательства (на примере акционерного общества) / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 11. – С. 64-71.
4. Кузнецов, А.А. Орган юридического лица как его представитель / А.А. Кузнецов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 10. – С. 4-31.
5. Кравченко, А.А. К вопросу об определении правовой природы секундарных прав / А.А. Кравченко // Законодательство и экономика. – 2015. – № 2. – С. 49-52.
6. Коренев, П.В. Актуальные проблемы корпоративного права: учебное пособие / П.В. Коренев, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2022. – 163 с.
7. Харитонова, Ю.С. Недействительность решений собраний и сделок: точки пересечения / Ю.С. Харитонова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 5. – С. 24-26.

КОЖУРКИНА Анастасия Валериевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
anastasiakozurkina@gmail.com

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СУПРУГОВ КАК НОВЕЛЛА РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассмотрено совместное завещание, особенности составления и заключения в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: *совместное завещание супругов, совместное имущество, нотариат, наследственное право, завещатель, волеизъявление.*

Наследственное право в Российской Федерации, следуя в ногу со временем, подвергается совершенствованию и развитию. Наряду с его традиционными институтами и устоявшимися тенденциями можно проследить серьезный прорыв в институте наследования по завещанию.

С июня 2019 года вступили в силу значительные изменения в ГК РФ, в рамках которых появилось понятие «совместное завещание супругов». Отныне новое звучание появилось у содержания норм ст. 1118, 1123, 1124, 1125 ГК РФ. Ранее законодательство РФ предусматривало возможность оформления и получения наследства по завещанию, составленному единолично гражданином, либо, при отсутствии такого волеизъявления – по закону, в порядке очередности, зависимой от степени родства к умершему. Теперь же завещание может быть составлено гражданами, состоящими между собой в браке – супругами, а порядок и условия совершения такого волеизъявления

регламентированы ст. 1118 ГК РФ. Обязательным условием для составления документа является то, что брачные отношения должны быть оформлены официально.

На сегодняшний день понятие «совместное завещание супругов» можно считать одной из знаковых новелл наследственного права и российского нотариата, в частности. По словам цивилиста П.В. Крашенинникова, в современной нотариальной практике всё чаще можно проследить случаи обращения к нотариусам супружеские пары, которые хотели бы зафиксировать сложившиеся между ними договоренности относительно судьбы как общего нажитого имущества, так и имущества каждого из них. Теперь такие договоренности стало возможным обличать в совместное завещание супругов [1, с. 225]. Этот институт можно признать заимствованным из правовых систем других государств, но не полностью.

В нашей стране до недавнего времени завещание являлось лишь односторонним волеизъявлением, юридическим действием, выражающим волю лишь одной стороны [2, с. 167]. Введенные же новые изменения существенно изменили подход к составлению завещательного распоряжения. Теперь совместное завещание супругов поможет определить возможности использования и владения имуществом, приобретенным в браке, на случай кончины одного из супругов или в случае одновременной смерти. Однако существует проблема в составлении и исполнении такого документа. Законодателем не установлено, как рассчитывать обязательную долю при наличии действительного супружеского завещания при существовании обязательных наследников, пережившего супруга [3, с. 45].

Совместное завещание – одностороннее волеизъявление, оба супруга выступают как одна сторона. Как и любой другой способ передачи имущества, данный способ имеет свои плюсы и минусы. Обращаясь к ч. 2 п. 4 ст. 1118 ГК РФ, мы видим, что содержание совместного завещания супругов мало чем отличается от классического завещания. Но в отличие от урегулированного ГК РФ завещания «совместное завещание» супружеская пара не может составить в закрытой форме или же при чрезвычайных обстоятельствах и требует непосредственного участия нотариуса. Как мы можем установить из практических наблюдений, при обращении супружеской четы к нотариусу за удостоверением совместного волеизъявления, практически всегда супруги не уведомлены обо всех нюансах и последствиях оформления такого документа, а после разъяснений нотариусом и осмысления всех «подводных камней», в частности об утрате силы документа при расторжении брака или признанием судом факта недействительности брака, решают выразить волю по распоряжению имуществом оставшимся на момент смерти в личных завещаниях каждого. Следовательно, оформление и заключение такого документа требует непосредственного участия нотариуса, его содействия в разработки и разъяснения всех условий, последствий, что дает нотариусу не второстепенную роль, делает ключевой фигурой рассматриваемого нами процесса.

Для защиты прав супругов и других лиц, указанных в завещании, законодателем введена видеофиксация, предусматривающая запись

всего процесса на видео, если оба супруга дали на это разрешение. Процедура фиксации процесса на видео проводится в соответствии с требованиями порядка использования нотариусами средств видео фиксации и хранения зафиксированной информации [4, с. 30]. Семейная пара может изъявить нотариусу свое несогласие на осуществление записи на видеопроцедуры совершения совместного завещания. Данная информация о наличии указанных возражений супругов становится юридически значимой, нотариус обязан зафиксировать данный факт в самом завещании. На данном этапе нотариус может столкнуться с трудностями, в случае если один из супругов будет согласен на видео фиксацию, а другой – нет. В отличие от законодательства, например Германии, где любой из супругов имеет право частично отказаться от видеосъемки при оформлении документа, наш законодатель этой возможности не предусмотрел. Следовательно, было бы вполне логично закрепить право супругов на полный или частичный отказ от процесса фиксации на видео составления и подписания совместного завещания

ГК РФ допускает возможность односторонней отмены одним из супругов совместного завещания как при жизни, так и после смерти второго супруга, а также предоставляет возможность совершении нового завещания в одностороннем порядке. При оформлении личного завещания одним из супругов, после составленного ранее совместного, нотариус обязан оповестить второго о наличии такого документа, но осуществимо все это только в том случае, если заявитель был честен с нотариусом и сообщил о наличии супружеского завещания. Аналогичная обязанность у нотариуса возникает и при удостоверении распоряжения об отмене одним супругом совместного завещания при жизни обоих. Очевидно, что эта обязанность нотариуса призвана обеспечить защиту интересов другого супруга, выраженных в совместном завещании. Получив соответствующее уведомление, другой супруг имеет возможность составить обычное завещание, распорядиться своим имуществом на момент смерти в интересах близких ему лиц. В таком случае нотариусу необходимо известить об отзыве совместного распоряжения другого супруга любым возможным способом. На сегодняшний день это все осуществимо только при условии, если завещания (супружеское и последующее личное) оформлен в одном месте, в одной нотариальной конторе, при осуществлении данных волеизъявлений у разных нотариусов возникнут сложности.

Всё вышеупомянутое предусматривает обязанность нотариуса после того, как он удостоверил завещание последующее после совместного, или принял закрытое завещание одного из супругов или у него есть подтверждение о наличии распоряжения одного из супругов об аннулировании совместного завещания, направить сообщение о факте составления таких последующих завещаний или о факте аннулирования данных распоряжений. Как именно нотариус должен исполнить это обязательство, законодательный орган пока не определил. Нотариус может реализовать это только в случае, если со слов заявителя ему доподлинно известно, что наследодатель ранее составил совместное завещание супругов, и нотариусу известны данные о фамилии, имени, отчестве и адресе второго супруга,

которому должно быть отправлено соответствующее уведомление. Сведения, касающиеся содержания, совершения, заключения, изменения или об отмене не подлежат разглашению до открытия наследства, то есть составляют тайну [5, с. 34]. В силу ст. 1123 ГК РФ, существует узкий перечень лиц, обладающих тайной информацией, и несущих ответственность за ее разглашение, это супруги, участвующие в совершении совместного завещания и нотариус, все это удостоверивший Указанные лица не вправе до открытия наследства разглашать сведения, касающиеся совершении данного действа и о его содержании. При этом нотариус обязан предупредить каждого из супругов о необходимости соблюдать тайну завещания. Следовательно, возникает вопрос, а как в таком случае быть с тайной совершения нотариального действия и обязанности нотариуса уведомить второго супруга при составлении последующего личного завещания? Законодатель пока не может дать развернутый ответ на данный вопрос.

Сегодня нотариус обязан при составлении каждого завещания констатировать факт наличия или отсутствия совместного завещания супругов, ранее составленного. Нотариус констатирует данные сведения непосредственно со слов завещателя и/или из копии завещания, представленной ему [6, с. 82]. Исходя из вышеизложенного, законом не предусмотрено никаких правовых последствий, влияющих на действительность последующего завещания одного из супругов или распоряжения об отмене такого нотариального действия, в случае не уведомления одной стороны о совершении другой стороной последующего завещания или распоряжения об отмене совместного завещания.

Гражданско-правовые нормы, регулирующие возможность совершения совместного завещания и устанавливающие последствия, в настоящее время - самый молодой институт российского законодательства, но между тем очень распространенный и широко используемый во многих странах мира более ста лет [7, С. 29]. Данный вид завещания уже долгие годы присутствует в зарубежных правопорядках, например: в Великобритании, Германии, Мальте, Эстонии и др. А, например в Америке, Латвии субъектами данной воли могут являться как граждане, состоящие в официальном браке, так и другие лица.

В большинстве вышеупомянутых стран, в случае смерти одного из супругов, второй не может изменить/отменить совместное завещание, он становится второстепенным наследником, владеет и пользуется унаследованным общим имуществом, а указанные ранее лица, например: дети, внуки и иные лица, становятся последующими наследниками. В случае оформления индивидуального завещания переживший супруг должен отказаться от доли покойного, от той, что переходит наследникам, указанным в совместном завещании. В нашем же законодательстве ничего подобного не прописано, более того, мы видим, как один из супругов вправе оформлять последующие завещания, а также подписать распоряжение об отмене совместного завещания, в том числе и после смерти другого супруга.

Как было подмечено нами выше, обновление российского законодательства в части наследственного права выделяет значимую роль для нотариуса.

Введение института совместного завещания супругов, безусловно, самым непосредственным образом отражается на нотариальной практике и предусматривает свои специфические процедурные правила оформления, ряд которых прописан в законодательстве о нотариате, но не все. Следовательно, на нотариуса переходит обязанность растолковать обратившимся гражданам правила, содержание соответствующих норм ГК РФ, связанные с формированием их условий, а также правовые последствия, возникающие при подписании завещания совместно. В ближайшем же будущем наследование имущества по совместному завещанию супругов может вызвать ряд вопросов у нотариуса при открытии, заведении и ведении им наследственных дел., ответы на которые никто и нигде не прописал на настоящий момент.

Совместное завещание супругов, как новый появившийся институт в наследственном праве, заставляет нас обратить особое внимание на правовую природу и возникающие вопросы применения этого права. Только со временем проводя детальный анализ совместного завещания супругов, как новой правовой составляющей, а также практический опыт в процессе нотариального делопроизводства, позволят давать ответы на большинство возникающих вопросов при оформлении данного волеизъявления. Устанавливая приоритет личной воли над общей, законодатель не предполагает способов защиты прав и интересов потенциальных наследников, детей, внуков и иных лиц.

Проанализировав всё вышеизложенное и ввиду отсутствия достаточной судебной практики и разъяснений высших судов, не представляется возможным полноценный анализ практики применения норм законодательства о совместном завещании. На наш взгляд, с учетом вышеизложенных «пробелов», законодателю необходимо внести ряд уточнений и корректировок. Каким именно образом нотариус должен уведомить второго супруга об изменении совместного завещания? Требуется установить конкретный срок, в течение которого нотариус обязан уведомить наследников об отмене или же оформлении последующего завещания? Необходимо также конкретизировать ответственность нотариуса в случае не уведомления супругов об отмене совместного завещания или же оформлении последующего завещания. Необходимо дать пояснения о том, будет ли уведомление нотариусом второго супруга разглашением тайны нотариального действия.

В настоящее время, рассмотренный нами институт совместного завещания только начинает набирать обороты по количеству составленных завещаний. У многих пар брак может быть не первым, вполне возможно наличие двоих и более детей, а также у супругов могут быть дети от предыдущего брака. Благодаря совместному завещанию супруги имеют возможность разрешить проблему распределения наследственного имущества между наследниками. Однако, можно сделать вывод, что кроме самой формы завещания ничего конкретного не поменялось, так как на сегодняшний день, супруги все же имеют право отменить удостоверенное от двоих

совместное завещание, или же составить индивидуальное завещание, без ведома второго супруга - вот основное отличие от зарубежного законодательства. С момента вступления в силу вышеизложенных изменений, процент удостоверения совместного завещания до сих пор достаточно мал в объеме всего нотариального делопроизводства, на наш взгляд все потому, как до сих пор не устранены и не доработаны вышеуказанные недостатки и неточности.

Резюмируя все вышесказанное можно сделать вывод о необходимости дальнейшего тщательного изучения и анализа данного института завещания, как в законодательстве, так и в нотариате. Отечественное наследственное право не столь оперативно реагирует на социальные изменения как, например, предпринимательское право или корпоративное. Таким образом, проанализированная нами новелла не бесспорна, но она даёт больше свободы и возможностей супругам как единому целому, распорядиться своим имуществом на случай смерти. Анализ действующего отечественного законодательства в сфере наследования свидетельствует об имеющейся правовой основе для надлежащей реализации прав граждан в сфере наследования. В это же время имеются некоторые противоречия между существующей действительностью, предполагаемыми и фактическими результатами изменений, все эти противоречия нуждаются в доработке. Совместное завещание является надежным инструментом для разрешения вопроса, связанного с наследованием, тем не менее необходимо устранить ряд изъянов в отечественном законодательстве для повышения результативности института совместного завещания супругов, а также для популяризации данной новеллы наряду с практикой других государств, зарубежных.

Список литературы:

1. Крашенинников, П.В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2019. – 302 с.
2. Шевчук, С.С. Юридические факты в гражданском праве: теоретические и практические проблемы. Монография / С.С. Шевчук, О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 292 с.
3. Денисова, Ю.Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения / Ю.Н. Денисова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 4 (45). – С. 41-46.
4. Читаева, Л.Е. Совместное завещание супругов: содержание и правоприменение / Л.Е. Читаева // Наследственное право. – 2020. – № 4. – С. 29-32.
5. Денисова, Ю.Н. Нотариат: учебное пособие / Ю.Н. Денисова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 92 с.
6. Кивленок, Т.В. Совместное завещание супругов: проблемы теории и практики / Т.В. Кивленок // Современное право. – 2020. – № 10. – С. 81-85.
7. Алешина, А.В. Институт наследования по завещанию в международном частном праве: преодоления кризисов правового

регулирования на современном этапе / А.В. Алешина // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 3 (52). – 27-31.

КОЗЛОВА Кристина Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
kristina_kozlova22189@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИИ РФ

В статье исследуется становление и развитие российского конституционализма.

Ключевые слова: *государство, конституционное право, Конституция, законы, права и свободы человека и гражданина.*

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью углубленного изучения понятия право в истории России. Общеизвестно, что каждое государство не может существовать без права, следовательно, обсуждение данного вопроса является основным в современной науке.

«Конституционное право – одна из отраслей правовой системы РФ. Понятие этой отрасли определяется исходя из общепринятого понятия права как совокупности общеобязательных норм (правил поведения), установленных или санкционированных государством, исполнение которых обеспечивается государством, в том числе и методами принуждения» [5, с 11]. Идеи конституции и конституционализма известны России еще с начала XIX века, они отражены в высказываниях или конституционных проектах многих известных деятелей и ученых, а также в официальных документах. Со второй половины XIX века, в период царствования Александра II, начинается процесс перестройки государственной системы и постепенного перерастания абсолютной монархии в конституционную. Данный процесс в стране проходил крайне медленно, он сопровождался революционными действиями и ответными репрессиями. Российская «передовая» общественность, прежде всего крупная буржуазия и интеллигенция, требовали от самодержавия конституционного ограничения монархии, предоставления прав и свобод по европейским образцам. «Получив представительный орган в виде Государственной Думы, свободу совести, собраний и союзов и ряд других свобод, эта же буржуазия и интеллигенция принялась незамедлительно их использовать для еще большей критики царского режима, как легальное средство борьбы с «реакционным» монархическим режимом» [3, с 119]. Каждый новый шаг к реформированию приводил к расшатыванию основ монархии. Император, осознавая своё положение, не мог предпринимать решительных действий.

Однако в начале XX века были предприняты первые попытки учреждения конституционализма в России, когда появились основы конституционного строя, приняты первые законодательные акты, которые носили именно конституционный характер.

Социальные потрясения, вылившиеся в революцию 1905 г., привели к необходимости принятия ряда документов, на основании которых был сделан переход от абсолютной к конституционной монархии. Это привело к возникновению парламентских учреждений, многопартийности, провозглашались основные права и свободы граждан.

Манифест об учреждении Государственной Думы и Положение о выборах в Государственную Думу стал одним из первых законодательных актов. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» провозглашал введение гражданских свобод. Монарх тем самым принимал на себя обязательство не нарушать и охранять провозглашенные права и свободы. Это был ограниченный, но все же первый в России акт о гражданских свободах. Оценивая значение Манифеста, считая ловушкой, пустым, формальным актом, Б.А. Кистяковский между тем сопоставлял его с Декларацией независимости США 1776 года, Декларацией прав человека и гражданина во Франции 1789 года. При рассмотрении Основных государственных законов Российской Империи (1906 г.). Он был не согласен с оценкой, распространенной в политико-правовой мысли, отождествлять конституцию только с ранее принятыми Декларациями других государств» [3, с. 120].

Основные государственные законы Российской империи – это свод законоположений об обших началах государственного строя России. Они впервые были кодифицированы М.М. Сперанским еще в 1832 году, после чего император Николай I издал Манифест о введении в действие «Свода законов Российской империи», провозгласив тем самым их вступление в законную силу. Однако в 1906 г. Основные законы были пересмотрены в связи с опубликованием Манифеста 17 (30) октября 1905 года созданием Совета министров и Государственной думы. «Основные законы закрепляли Государственное устройство Российской империи, государственный язык, существо верховной власти, порядок законодательства, принципы организации и деятельности центральных государственных учреждений, права и обязанности российских подданных» [4, с. 8]. В свод основных государственных законов России входят «Раздел 1: Глава 1 «О существе Верховной Самодержавной Власти»: Глава 2 «О порядке наследия Престола»: Глава 3 «О совершеннолетии Государя Императора, о правительстве и опеке»: Глава 4 «О вступлении на Престол и присяге подданства»: Глава 5«О Священном короновании и миропомазании»: Глава 6«О титуле Его Императорского Величества и о Государственном гербе»: Глава 7 «О вере»: Глава 8 «О правах и обязанностях российских подданных»: Глава 9 «О законах»: Глава 10 «О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий»: Глава 11 «О Совете Министров, Министрах и Главноуправляющих отдельными частями». Раздел 2: «Учреждение об Императорской Фамилии» включает в себя: Глава 1 «О степенях родства в Доме Императорском»; Глава 2 «О рождении и кончине

Членов Императорского Дома и о родословной оному книге»; Глава 3 «О титулах, гербах и прочих внешних преимуществах»; Глава 4 «О содержании Членов Императорского Дома»; Глава 5 «О гражданских правах Членов Императорского Дома», 1. О браке, 2. О малолетстве и совершеннолетии, 3.О разных родах имуществ, о приобретении и передаче оных, 4. О наследстве, 5. О судебном ведомстве; Глава 6 «Об обязанностях Членов Императорского Дома к Императору» [3, с. 120-122].

Таким образом, законодательный акт подытожил реформу государственного строя России 1905-1906 годов и стал своего рода Конституцией Российской империи в последние годы её существования. «Акт был издан взамен Основных законов в 1832 году для закрепления результатов преобразований, прежде всего для исключения попыток Государственной думы разработать новую Конституцию или иным способом расширить свои права. Он был одобрен совещанием статс-секретарей Государственного совета под руководством государственного секретаря Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта» [4, с. 13]. Основные законы Российской Империи 1906 года были единственным правовым документом (не считая Манифеста 17 октября 1905 г.) в начале XX века, претендующим на право называться Конституцией.

Согласно Основным законам, верховная самодержавная власть и власть управления во всём объёме принадлежали императору, однако законодательную власть он осуществлял «в единении с Государственным советом и Государственной думой». Отныне определялось, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государем императором» [4, с. 18]. Однако права монарха оставались весьма широкими: ему принадлежал «почин по всем предметам законодательства». Только по его инициативе могли быть пересмотрены Основные государственные законы, он назначал и увольнял министров и высших сановников, руководил внешней политикой, провозглашался «державным вождём российской армии и флота», наделялся исключительным правом чеканки монеты, от его имени объявлялась война, заключался мир, осуществлялось судопроизводство, жаловались титулы, ордена и другие государственные отличия.

Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» провозгласил создание бессословного законодательного органа – Государственной Думы, что давало возможность в определенной степени ограничить власть самодержавного монарха.

Изданные императором акты, если в тот период времени не представляли собой полноценную Конституцию в общепринятом смысле, то, несомненно, имели под собой конституционное начала. Они закрепляли такие конституционные основы: общий строй государства, систему государственной власти, свободу политической деятельности и общественных объединений, общие основы положения всех граждан, а не отдельных сословий, в том числе их личной и политической свободы. О конституционном характере Основных государственных законов свидетельствует и то, что их изменение могло осуществляться только по инициативе императора. В

историографии и государственном праве советского периода существовала официальная позиция о бесправном положении российских подданных. Но так ли это было на самом деле?

В самой первой статье Основных государственных законов Российской империи записано: «Государство Российское едино и нераздельно» [1, с. 280]. Данная статья стала основой для существования статьи 4 пункта 3 настоящей Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории» [2, с. 4], также в статье 5 изложено: «1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации.

2. Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство.

3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации.

4. Во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации между собой равноправны» [2, с. 4]. В данной статье прописывается внутренний суверенитет, именно то, что изначально не нашло отражения в законодательстве 1906 года.

Основные обязанности, так и основные права в статьях Конституции РФ 1993 года, нашли отражение в Своде Основных государственных законов Российской империи. «Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона (п. 71)» [1, с. 183], – именно так написано в законодательстве 1906 года, подобное мы находим в Конституции РФ «Каждый обязан платить установленные налоги и сборы. Законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют (ст. 57)» [2, с. 16].

Основными правами, прописанными в обоих документах, являются такие статьи: «Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе как в порядке, законом определенном (п. 72)» [1, с. 183], «Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением (ч. 2 ст. 54)» [2, с. 15], данные статье тесно связанны друг с другом и статья законодательства России основывается на статье Свода Основных государственных законов Российской империи. Так же можно сравнить такие статьи как: «Никто не может быть задержан под стражею иначе как в случаях, законом определенных (п. 73)» [1, с. 183].

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может

быть подвергнуто задержанию на срок более 48 ч (ч. 1 и 2 ст. 22)» [2, с. 8]. «Никто не может быть судим и наказан иначе как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновными деяний из числа преступных» [1, с. 184], «он, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (ч. 1 и 2 ст. 54)» [2, с. 15]. «Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище без согласия его хозяина обыска или выемки допускаются не иначе как в случаях и порядке, законом определенных (п. 74)» [1, с. 184], «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25)» [2, с. 9].

«Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами (п. 76)» [1, с. 184], «Каждый, кто законно находится на территории России, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27)» [2, с. 9]. «Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе как за справедливое и приличное вознаграждение (п. 77)» [1, с. 184], «Право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (ч. 1-3 ст. 35)» [2, с. 11].

«Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок их закрытия, а равно ограничение мест для собраний (п. 78)» [1, с. 184], «Граждане России имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31)» [2, с. 10]. «Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами (п. 79)» [1, с. 184], «Каждому гарантируется свобода мысли и слова. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается (ч. 1, 3- 5 ст. 29)»[2, с. 9].

«Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом (п. 80)» [1, с. 185], «Каждый имеет

право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется (ч. 1 ст. 30)» [2, с. 10].

«Российские подданные пользуются свободою веры. Условия пользований этой свободою определяются законом (п. 81)» [1, с. 185]. «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28)» [2, с. 9]. «Правами российских подданных иностранцы, в России пребывающие, пользуются с соблюдением ограничений, установленных законом (п. 82)» [1, с. 185].

«Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в России правами и несут обязанности наравне с гражданами России, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором России (ст.62)» [2, с. 16]. «Изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном, определены особыми законами (ст. 83)» [1, с. 185]. «В условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46-54 Конституции РФ (ч. 1 и 3 ст. 56)» [2, с. 8-9; 12; 13-15].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что права и обязанности, закреплённые в Основных государственных законах Российской империи, стали основой для формирования и развития отдельных статей Конституции РФ. Некоторые их положения, следует отметить, нашли свое отражение и в других правовых актах, принятых в России в современный период.

Список литературы:

1. Свод Основных государственных законов // Хрестоматия по истории государства и права России. Том 1. – М.: Изд-во «ПРОСКЕКТ», 1997. – 472 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

3. Чувилкин, К.В. Сравнительная характеристика нормативного закрепления основных прав и обязанностей в Своде Основных государственных законов Российской империи 1906 г. и Конституция 1993 г. / К.В. Чувилкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 8. – 128 с.

4. Слученкова, Ю.С. «Основные законы Российской империи», от 23 апреля 1906 года – как основной этап становления российского

конституционализма / Ю.С. Слученкова // Государство и право XXI в веке. – 2016. – № 1. – С. 22-26.

5. Стрекозов, В.Г. Конституционное прав / В.Г. Стрекозов. – М,: Изд-во Юрайт, 2022. – 280 с.

КОЗЛОВА Кристина Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
kristina_kozlova22189@mail.ru

УЧЕНИЕ О РЕСПУБЛИКЕ И СУВЕРЕНИТЕТЕ ЖАНА БОДЕНА

В статье анализируются понятия республика, государственный суверенитет сформулированные французским политиком Жаном Боденом в трактатах «Шесть книг о республике».

Ключевые слова: *государство, республика, суверенитет, идея естественной религии, кальвинизм, «Шесть книг о республике».*

Цель данной статьи – проанализировать понятие республика и его важнейший элемент – суверенитет, опираясь на труды французского политика XVI века Жана Бодена [1]. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью углубленного изучения понятия суверенитета в конкретно-историческом плане и с точки зрения соотношения истории и современности. Общеизвестно, что каждое государство не может существовать без суверенитета, одного из основных признаков государства, следовательно, обсуждение данного вопроса является основным в современной науке. Особый интерес для автора представляет становление идейно-теоретических традиций разработанных Ж. Боденом. Опираясь на его работу «Шесть книг о республике», автором будут проанализированы воззрения и творческий путь мыслителя [1; 2].

Отправной точкой нашего исследования стали положения и выводы, сформулированные Э.В. Суслиным, о необходимости изучения «взглядов, теорий, концепций и доктрин…, которые оказали наиболее сильное влияние как на развитие того или иного государства,…так и на другие государства, их право» [3, с. 4]. К таким концепциям, безусловно, относятся воззрения Ж. Бодена. Не менее важным ориентиром нашей работы является культурологический подход. С.В. Павлова пишет: «Действительно, человек, возделывая окружающую действительность, создает все более высокую материальную культуру. При этом, будучи существом духовным, он осмысливает проблематику материи через нормы морали и нравственности. В духовном пространстве своего бытия он создает и духовную культуру» [4, с. 107]. Все выше сказанное, бесспорно, относится и к французскому мыслителю.

К XVI веку на карте Европы одни из сильных государств, с политической точки зрения, были Франция, Англия, Испания.

В это время во Франции распространилось протестантское направление христианства (кальвинизм), страна оказалась втянута в ожесточённое религиозное противостояние. Не на жизнь, а на смерть конфликтовали, с одной стороны, католики, с другой – протестанты. «Никто из них не признавал принципа веротерпимости, т.е. не соглашался с равнозначностью, равно достоинством и равноправием различных конфессий» [1, с. 179]. Данное противостояние своими масштабами можно сравнить с гражданской войной, что создавало нешуточную угрозу для существования государства. Только мир мог сберечь различные течения и религию.

«Теоретическое обоснование того, каким образом королевская власть сумеет быть способной в любом случае защищать и осуществлять общегосударственные интересы, религиозных и иных распрей, предпринял выдающийся французский политический мыслитель Жан Боден (1530-1596 гг.)» [1, с. 179-180].

Мыслитель всегда опирался на принцип умеренности, в том числе и в отношении религии. Он стремился примирить вражду между религиозными течениями, найти возможную основу для их компромиссов. Именно это послужило толчком для разработки концепции естественной религии.

«Естественная (разумная) религия должна была объединить всех верующих, и не только христиан, взяв за основу то общее, что присуще всем развитым религиозным верованиям: признание Единого Бога, морального сознания, свободу человека» [2, с. 5]. В истории многие философы Европы, подхватив идею естественной религии, пытались расширить, дать полное обоснование. В дальнейшем это удалось английскому философу Д. Юма (1712-1778 гг.).

Дискуссии, которые проходят в научном сообществе, говорят о новой тенденции в исследовании идей республики и государства: выявлении особенностей формирования политических терминов, исследовании терминологии, и ее смысловой наполняемости, а также коннотаций употребления данных терминов в разные исторические периоды. Для обозначения института, который в исторической литературе традиционно переводят словом «государство». Взгляды на государство, на пути и методы упрочения централизованной монархической власти изложены французским политиком в главном его труде «Шести книг о республике», первое издание увидело свет в 1576 году на французском языке, а в 1579 г. вышло дополненное издание на языке оригинала. Боден напишет позже свою версию на латыни [5, с. 5; 6; 7]. Необходимо добавить, что тема Древнего Рима в «Шести книгах» является одной из ведущих. Под «республикой» Боден здесь имеет в виду то же, что обозначали этим словом и в Древнем Риме, т.е. государство вообще. В сущности, в этом произведении Ж. Боден рассматривает актуальные проблемы, которые касаются именно государства. Французский мыслитель считал, что суверенитет есть абсолютная и постоянная власть, «которую римляне называли величием, означающим высшую власть повелевать». Однако надо помнить, что суверенная власть – это власть законно избранных органов государства на всей его территории. Властные структуры и прерогативы принадлежат именно этому государству.

Открывается труд дефиницией государства. По Бодену, «государство есть управление множеством семейств (или домохозяйств) и тем, что являемся общим у них всех, осуществляемое суверенной властью сообразно праву» [1, с. 180]. Он с самого начала акцентирует внимание и своё и читателя, концентрируясь на республике, домохозяйстве, общем владении и суверенной власти. Фактически все «Шесть книг о республике» посвящены раскрытию смысла и содержания этого определения. «В первой – рассматриваются основы социальной общности. Во второй – формы государства. В третье – институты. В четвёртой – перемены приспособления к обстоятельствам и задачам государства. В шестой, последней, – средства власти и вопрос о лучшей государственной форме» [1, с 180]. Более того, Боден отмечает, что он не желает изображать идеальную республику подобно той, которая была у Платона или Томаса Мора, неся тем самым идею общности и идею общего блага.

Ячейкой государства у Бодена выступает семья (домохозяйство). Как считает сам мыслитель, прообразом и отражением государственной власти схоже по статусу с главой семьи.

Государственность как организация чтобы создать условия внешнее процветание людей, но, чтобы, обеспечить мир внутри общности, защищая общность от вторжения извне, оберегать истинное счастье индивидов. Последнее традиционно заключается в познании бога. Не должно быть никаких поводов, что оно суверенно.

Идея суверенитета – верховенство и независимость власти возникла еще в позднем Средневековье. Разработка проблемы суверенитета государства принадлежит Бодену. «Суверенитет, – утверждает Боден, – есть абсолютная и постоянная власть, которую римляне называют величием (достоинством)… означающим высшую власть повелевать» [1, с. 180; 6, с. 60-63]. Когда суверенная власть не имеет никаких ограничений для проявления своей власть (могущества), только тогда абсолютность суверенитета имеет месть быть.

Постоянство суверенитета имеет место тогда, когда суверенная власть существует неизменно в течение длительного и неограниченного срока; временная власть, устанавливаемая на определённый период, не может существовать как верховная сила. Суверенная власть, по мнению французского политика, есть также власть единая. «В том смысле единая, что её прерогативы принадлежат только ей; она не может (не должна) эти прерогативы делить с кем бы то ни было; она не может (не должна) допускать никаких органов, которые стояли бы над ней или стояли рядом и конкурировали с ней» [1, с. 181; 7, с. 20-24]. Таким образом, он определял суверенитет как верховенство и независимость его единственного носителя – монарха». Именно это положило начало тому, что многие мыслители позднего Средневековья начали проводить анализ проблемы государственности и различных сторон верховной власти. В странах Европы с развитым феодальным строем, большая часть населения были уверены в том, что власть в государствах даётся от Бога. Это позволило сложиться доминирующемупринципу строительства государства.

Жан Боден считал, что суверенитет имеет пять отличительных признаков. «Во-первых, издание собственных законов, адресуемых для

четкого выполнения всем без исключения подданным и учреждениям государства. Во-вторых, решение вопросов войны и мира. В-третьих, назначение министров, государственных деятелей, руководителей государства, одним словом, должностных лиц. В-четвертых, функции высшего суда, т.е. конкретное действие в качестве высшего суда, что не вызывает сомнений у граждан государства или подданных. В-пятых, вопрос помилования» [6, с. 59-61; 5, с. 80-85; 7, с. 19-24].

Своё определение суверенитета государственной власти Боден внёс ряд значительных дополнений. Одно из них касается тех требований, которые непременно должны соблюдаться суверенной государственной властью. «Например, последней вменяет блюсти (при всей её неограниченности, абсолютности) законы божественные и естественные» [1, с. 181; 5, с. 82-83].

При этом суверенной государственной власти, которая стоит выше свобод и законов человека, властна не только над жизнью, но и над смертью своих подданных, не смеет нарушать принцип веротерпимости, вторгаться в дела семейные, а также в особенности взимания подати с подданных без их согласия, помимо воли собственника. С точки зрения Бодена, единство, неделимость суверенитета государственной власти на практике совмещаются. Обычно носитель суверенной власти поручает на ограниченный срок и на определённых условиях осуществления некоторых функций власти назначаемым должностным лицам. Без соответствующего поручения суверенитета должностные лица ничего не могут делать ни в отношении подданных, ни в отношении друг друга.

Во Франции, Англии, а также в других странах Европы надежды мыслителей были возложены на правителей (монархов). Именно их, по мнению учёных, нужно было наделять властными полномочиями, позволяя монарху на законном основании быть верховным властителем.

Выдающийся политический мыслитель Жан Боден не мог обойти вниманием ряд теоретических аспектов суверенитета, например, в чем сущность данного понятия, как появился суверенитет, способен ли он к отчуждению, передаче. На первую часть вопроса ответ таков: «Суверенитет кроется в совокупности свободных и разумных существ, составляющих народ». На следующую часть данного вопроса он давал ответ: «Эту верховную и постоянную власть над гражданами с правом жизни и смерти народ может передать одному из граждан без всяких ограничений так же, как может это сделать собственник, желающий кого-либо одарить» [1, с. 182; 6, с. 57-71].

Именно монарх оказался, по мнению Бодена, «одним из граждан». Такой аргумент он использует в пользу монархии. Аристократические элементы возможны, в частности, когда государь назначает на должности только знатных людей, лучших, богатых; демократические элементы начинают присутствовать в государственном управлении, если монарх открывает доступ к должности практически всем свободным и разумным индивидам.

Мыслитель разделяет все государства по способу осуществления власти (три вида): законные, вторичные (сеньориальные), тиранические. Законным являются то государство, в котором подданные повинуются законам суверена, а сам суверен – законам

природы, сохраняя за своими подданными их естественную свободу и собственность. Вторичные государства суть те, в которых суверен силой оружия сделался обладателем имущества и людей и правит ими как отец семейства. В тиранических государствах суверен презирает естественные законы, распоряжаясь свободными людьми, как рабами, а их собственностью – как своей. Боден считает, что идеальное государство – это то государство, в котором суверенитет находится в руках монарха, а управление имеет демократический и аристократических характер. Такое государство он называет королевской монархией. Для страны идеален тот монарх, который страшится бога, «милостив к провинившимся, благоразумен и предприятиях, смел в осуществлении планов, умерен в успехе, твёрд в несчастье, непоколебим в данном слове, мудр в советах, заботлив о подданных, внимателен к друзьям, страшен врагам, любезен с расположенными к нему, грозен для злых и ко всем справедлив».

Идейно-теоретические конструкции французского мыслителя по своему теоретико-правовому содержанию и историческому значению – один из важнейших этапов на пути становления политико-правовой идеологии Нового времени и юридического мировоззрения. Современная наука о государстве, праве, власти и политике ушла далеко от рубежей XVI века в последующие столетия. Однако, благодаря выдающемуся политическому мыслителю Жану Бодену, такое движение состоялось. Именно он доказал необходимость государственного суверенитета, а также обрисовал пределы деятельности государственной власти и возвысил достоинство права.

Список литературы:

1. История политических и правовых учений: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2007. – 703 с.

2. Нерсесянц, В.С. Право и закон: Из истории правовых учений / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 365 с.

3. Суслин, Э.В. История политических и правовых учений: учебное пособие / Э.В. Суслин, С.В. Павлова, Е.В. Мишина. – СПб.: НОУ ВО «СЮА», 2016. – 188 с.

4. Павлова, С.В. Культурологический подход в праве / С.В. Павлова // Право – явление цивилизации и культуры. Вып. I = Law – Phenomenon of Civilization and Culture. Vol. I / отв. ред. М. В. Немытина. – М.: РУДН, 2019. – С. 104-109.

5. Гугняк, В.Я. Жан Боден (1530 – 1596) как представитель раннего меркантилизма / В.Я. Гугняк // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 83. – С. 80-85.

6. Баязитова, Г.И. О понятии «République» у Франсуа Отмана и Жана / Г.И. Баязитова // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – Т. 1. – С. 57-71.

7. Дзидзоев, В.Д. Суверенитет как отличительный признак государства / В. Д. Дзидзоев // Юридический вестник ДГУ Владикавказ. – 2020. – № 3. – Т. 35. – С. 19-24.

КОНДРАШЕВ Данил Романович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
danil.kondrashev@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ЗАЩИТЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматривается правовое регулирование в сфере защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения в сети «Интернет», выявлены несовершенства законодательства, предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: *нарушение авторских прав, авторское право, сеть «Интернет», интеллектуальная собственность, аудиовизуальные произведения.*

В последние 20 лет приток пользователей сети «Интернет» в нашей стране и во всем мире в целом значительно возрос. Это неоспоримый факт. Просмотры фильмов в так называемых пиратских онлайн-кинотеатрах, скачивание музыки на торрент-трекерах, любое другое использование аудиовизуальных произведений без разрешения на то правообладателя вызывает зачастую блокировку со стороны Роскомнадзора ресурса, на котором выкладывается подобная информация. И не всегда даже пользователь задумывается о том, является ли контент, размещенный на первом попавшемся ему по запросу сайте, одобренным правообладателем. Стать потребителем такого незаконно распространённого контента можно, даже не подозревая об этом. При этом ряд авторов говорит о законности действий пользователей в условиях действующего нормативно правового регулирования [1, с. 14], то есть даже такая, казалось бы, очевидная тема может вызвать дискуссию.

Наличие известной степени анонимности дает неограниченные возможности для совершения в Интернете правонарушений в сфере авторских прав без предоставления разрешения собственников прав на аудиовизуальные произведения. Происходящие нарушения авторского права наносят значительные убытки правообладателям и авторам. Отечественный законодатель предусмотрел на этот случай нормативное регулирование в целях предотвращения нарушения авторских прав.

Легальной дефиницией, которая и дает нам основной понятийный аппарат, является ст. 1263 ГК РФ: «Аудиовизуальное произведение представляет собой серию связанных между собой изображений и предназначенных для зрительного и слухового восприятия с помощью соответствующих технических устройств». Такими произведениями, например, являются фильмы, видеоблоги, телесериалы, музыкальные клипы.

Наиболее востребованным и эффективным способом защиты прав на аудиовизуальные произведения в сети «Интернет» является принятие судом предварительных обеспечительных мер, ограничение

доступа к сайту, на котором незаконно используется соответствующий контент [2, с. 4].

Иллюстрируя вышесказанное, рассмотрим на примере решение Московского городского суда, который обладает особой компетенцией в данной сфере в соответствии с ч. 3 ст. 26 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [3] (далее – ГПК РФ). Так, «Телеканал» – истец, обладающий исключительными правами на использование оригинального аудиовизуального произведения, что подтверждается договором, обратился с исковым заявлением о защите исключительных прав на аудиовизуальное произведение «Шоу», размещенное на сайте «А», принадлежащего ответчику. В своем заявлении истец, запросивший у суда запрет на распространение ответчиком аудиовизуального произведения и взыскание с него материальной компенсации, обозначил, что ответчик, осуществляя неправомерное использование принадлежащего истцу произведения без разрешения правообладателя (а отсутствие в таком случае запрета не является согласием на использование), нарушает права и интересы истца. Ответчик, выкладывая в свободный доступ на своем сайте принадлежащее истцу «Шоу», осуществляет тем самым неправомерные действия по использованию аудиовизуального произведения без разрешения правообладателя.

Проанализировав данное дело, суд приходит к выводу, что ответчик, распространяя без согласия правообладателя его результаты интеллектуальной и творческой деятельности, нарушает исключительные права истца на данное «Шоу». Суд решает взыскать в пользу истца компенсацию за нарушение исключительного права на аудиовизуальное произведение в полном объеме. Особый интерес в данной ситуации представляет способ идентификации принадлежности сайта определённому лицу. Обратившись за помощью к организации, регистрирующей домены, было доказано, что именно ответчик является владельцем сайта «А», поэтому суду было легко установить виновность ответчика в данном правонарушении. Дело в том, что главным атрибутом любого сайта является его доменное имя, а владельцем сайта признается лицо, определяющее порядок размещения контента на сайте [4]. Также отличительной особенностью данной категории дел является то, что оценить размер реального ущерба, причиненного в данном случае «Телеканалу», практически не представляется возможным из-за специфики Интернета, поэтому суд решает удовлетворить все исковые требования в полном объеме [5].

Таким образом, автор вправе обеспечить меры по защите своего произведения, предусмотренные ст. 144.1 ГПК РФ. Однако на деле ничего не мешает злоумышленнику вновь воспроизвести сайт, на котором он и дальше будет распространять материалы правообладателя без его разрешения. Таким образом, даже угроза пожизненной блокировки Интернет-ресурса, что предусмотрено законодателем после трех «предупреждающих» блокировок, не увеличивает шансы искоренить «Интернет-пиратство». Такая возможность продолжает сохраняться, и она ничем не ограничивается и не регулируется, что является большой проблемой для охраны интеллектуальных прав в цифровой среде.

Государство никак не может на данный момент запрещать таким лицам воспроизводить только что заблокированный сайты, а с помощью широко распространённого метода точного копирования исходного кода сайта это делается достаточно быстро. Одним из возможных конкретных способов решения проблемы мог бы стать реестр лиц, чьи сайты разово или неоднократно нарушают интеллектуальные права правообладателей, блокировка таких страниц или сайтов происходила бы оперативнее, и скорее всего не потребовало бы даже обращения в суд [6, с. 283]. Крупные телеканалы, например, могли бы сотрудничать с данным реестром для пополнения информации о том какой контент производиться для распространения в открытом доступе, а такой нет. С уверенностью можно сказать, что все эти действия структурировали бы, упростили и ускорили механизмы по защите аудиовизуальных произведений в сети «Интернет».

Еще один вариант решения данной проблемы предлагают А.А. Бакуменко и А.В. Урнышева: «Правообладатель получает вознаграждение за размещение объекта интеллектуальных прав в сети от провайдеров», то есть правообладатель получает финансовую выгоду не от пользователей Интернета, а от провайдера, который в случае нарушения пользователем прав на контент, имеет право предъявления обратного требования о возмещении уплаты денежной суммы за незаконно размещенный материал [7, с. 48].

В связи с блокировкой сайтов, незаконно распространяющих аудиовизуальные произведения, создаются инструменты, предоставляющие возможность обхода такой блокировки, работу части из них удается приостанавливать, но остаются те, на работоспособность которых повлиять очень трудно. На сегодняшний день существует возможность предотвращения успешного нахождения злоумышленниками способов обхода блокировки сайтов в сети «Интернет».

Дело в том, что пользователь, задумавший обойти блокировку сайта, содержащего нарушающие права правообладателя материалы, ищет ответ на свой вопрос в сети «Интернет». К сожалению, любая поисковая машина выдаст подборку быстрых, надежных и стопроцентных решений по данному запросу, в чем нетрудно убедиться.

Необходимо блокировать именно такие статьи и ресурсы, которые рассказывают о том, как обходить блокировку, или же распространять заведомо недостоверную информацию о способах обхода блокировки. Такой подход через некоторое непродолжительное время сформирует у лица четкое понимание того, что посмотреть только выпущенный в кинотеатре фильм гораздо проще в специально обустроенном для этого помещении в числе первых, либо приобрести подписку или отдельный фильм на стриминговом сервисе [8, с. 139]. Также у разработчиков любой поисковой системы есть возможность скрывать определенные сайты, найденные по запросу, в случае отказа от удаления информации, содержащей инструкции по обходу блокировки сайтов. Понимание бесполезности траты времени на поиск блокируемых материалов, с которыми можно ознакомиться вполне легально и к тому же удобно, – ключ к решению проблемы Интернет-

пиратства. Такими простыми, но очень действенными способами можно добиться положительных результатов в борьбе за защиту прав на аудиовизуальные произведения в сети «Интернет».

Развивая мысль об участии стриминга и онлайн-кинотеатров в легальном доступе к аудиовизуальным произведениям в сети «Интернет» и их возросшую за последние годы в России популярность, как зарубежных, так и отечественных, спрос на бесплатный нелегальный контент все еще достаточно высок, отчасти из-за цен на подписку, которую устанавливают сервисы (региональные цены устанавливаются не всегда), отчасти из-за ограниченности выбора, ведь на одном сервисе может быть, к примеру, контент, выпускающийся только определенными кинопроизводителями.

Решением проблемы, которое уже успело показать свою эффективность с начала пандемии коронавируса, является организация бесплатных промо-периодов, акций на аудиовизуальный контент в онлайн-кинотеатрах. По экспертным данным, аудитория таких сайтов значительно выросла в последние два года [9, с. 9]. Это снизило потребность пользователей обращаться к сайтам, незаконно распространяющим данные материалы.

Важно обратить внимание на то, что для уменьшения количества правонарушений в рассматриваемой сфере существенными задачами представляется повышение правовой культуры общества, а также увеличение источников легального (и главное доступного) контента в сети.

Проанализировав законодательство, регулирующее отношения по защите прав на аудиовизуальные произведения в сети «Интернет», можно сделать вывод, что на данный момент механизм защиты прав в данной области представляет сложный феномен, объединяющий как процессуальные, так и гражданско-правовые нормы, все они направлены на прекращение действий, нарушающих права на аудиовизуальные произведения, и восстановление нарушенных прав.

Внесенные в законодательство Российской Федерации изменения и дополнения за последние 20 лет хоть и сделали правовое регулирование в рассматриваемой сфере более эффективным, однако правонарушители действуют обычно оперативнее законодателя, что неудивительно, такова специфика Интернета. Экстерриториальный характер сети «Интернет», при котором границы государства и подведомственности в таком случае представляются достаточно размытыми, осложняет контроль правообладателя за соблюдением своих прав. Эти особенности наряду с фактом неограниченной возможности использования неопределённым количеством пользователей аудиовизуальных произведений в сети «Интернет» не дают в полной мере раскрыть весь потенциал правовых средств, направленных на защиту интересов правообладателей.

Таким образом, в целом законодательство, составляющее базис нормативного регулирования отношений по защите аудиовизуальных произведений в сети «Интернет», на данный момент, исходя из рассмотренной судебной практики, со своей задачей справляется, и предложенные автором статьи рекомендации окажут положительное влияние на уже сложенную систему. Нормативное развитие вместе с модернизацией механизмов защиты прав на аудиовизуальные

произведения в сети «Интернет» существенно повлияет на развитие российского сегмента сети «Интернет» в положительном ключе.

В данной статье были предложены механизмы предотвращения совершения повторных правонарушений в области распространения, недопущенной к обнародованию авторами информации, в сети «Интернет». Были предложены следующие возможные меры: 1) создание единого реестра нарушителей авторского права в сети «Интернет», что приведет к меньшему участию суда в процедуре установления виновности лица; 2) конкретные профилактические меры для предупреждения незаконного использования и обхода блокировки запрещенной к распространению правообладателем информации в сети «Интернет», такие как: а) блокировка материалов, информирующих о способах обхода блокировки ресурсов, содержащих контент, запрещенный правообладателем к распространению в сети «Интернет»; б) распространение заведомо недостоверной информации о способах обхода блокировки, помещение такой информации на первые страницы, выдаваемым по соответствующему поисковому запросу или скрытие некоторых страниц из результатов поиска; 3) регулирование цен на легальные источники аудиовизуальных материалов в сети «Интернет», введение региональных цен, особых форматов подписок, акций и пробных бесплатных ознакомительных периодов для новых пользователей.

Список литературы:

1. Лепешин, Д.А. О некоторых вопросах защиты авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / Д.А. Лепешин // Судья. – 2020. – № 10. – С. 12-17.
2. Гончарова, Я.А. Проблемы реализации и защиты интеллектуальных прав на аудиовизуальные произведения в сети Интернет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я.А. Гончарова. – М., 2018. – 30 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.
5. Решение Московского городского суда, г. Москва от 24 мая 2018 года по делу № 3-379/2018 // Московский городской суд. – URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/c3ea475e-e8a6-4d1b-b728-07821c129317/ (дата обращения: 06.03.2022).
6. Бахтамова, Н.Г. Некоторые вопросы правового регулирования ответственности за нарушение авторских и смежных прав в сети Интернет / Н.Г. Бахтамова, А.Е. Толстова // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2017. – № 4 (24). – С. 282-285.
7. Бакуменко, А.А. Гражданско-правовые способы защиты цифровых прав / А.А. Бакуменко, А. В. Урнышева // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей VII Международной научно-

практической конференции, Пенза, 25 мая 2021 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 47-49.

8. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

9. Аристова, Л. Мало не покажется. Информационные технологии / Л. Аристова // Коммерсантъ. – 2021. – 30 марта. – С. 9-10.

КОНСТАНТИНОВА Полина Андреевна,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, студентка;
polinaream@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Появление государства – это преимущественно внутренний, органично при-сущий человеку процесс создания и функционирования политической организации общества, направленной на реализацию естественного права на жизнь, её охрану, обеспечение свободы и независимости.

Ключевые слова: *право, государство, права человека, естественные права, право на жизнь, происхождение теории естественного права.*

Возникновение государства является закономерным и прогрессивным этапом развития общества, который обусловлен целым комплексом политических, экономических, социальных и духовных факторов. Первые государственные образования появились около 5 тыс. лет назад. Это были государства Древнего Востока: Древний Египет, Древний Вавилон, Ассирия. Появление государства позволило организовать общество для его последующего функционирования и улучшения жизнедеятельности. Оно является особой организацией власти, цель которой – согласовывать несовпадающие интересы людей, групп, выражать их общезначимые потребности, исходя из их социальной значимости и справедливости. В понятие «государство» с момента его появления вкладывался различный смысл. Начиная с античности и до Новейшего времени существует множество точек зрения на происхождение государства, его сущность и предназначение. Древнегреческий философ Аристотель считал государство олицетворением разума, справедливости, красоты и общего блага. По его мнению, оно является отражением родовой сущности человека как «поли-тического животного», стремящегося к «совместному сожительству». «Человек, нашедший свое завершение в государстве, – замечал Аристотель, – совершенней-шее из творений, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, занимает жалчайшее место в мире». Понятие «государство» в современном понимании возникло лишь в начале XVI в. В науку его ввел итальянский мыслитель

Никколо Макиавелли. Он использовал для обозначения государства слово stato (от лат. status – положение, статус). До этого все государственные образования обозначались различными терминами: «республика», «городская община», «княжеское господство», «земля», «полис», «единовластное правление», «тирания», «олигархия» [1, с. 145]. Теперь все эти государственные образования обозначаются одним термином, хотя имеют многочисленные трактовки. Появление государства объясняют различными причинами. Наиболее тесно связанной с теорией естественного права является теория общественного договора, представителями которой были Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс и другие. Теория общественного договора и естественное право идут рука об руку, выступая знаменем буржуазных революций и доктриной правового государства и плюралистической демократии.

Зачатки теории естественного права появляются до государства в первобытном обществе в условиях первобытной демократии, общей собственности, равного распределения. Это был период жизни группового человека, выживающего в борьбе с природой и обеспечивающего примитивный уровень осуществления коллективных естественных прав. Государство помещает естественные права в позитивную государственную форму, оттесняя их на периферию своих классовых, элитарных, корыстных интересов. Отметим, что первый развитый вариант обоснования равенства в правах был сформирован в монотеистических религиях в Средние века. Еще в период христианской апологетики была обоснована идея равенства на основе единого божественного происхождения. Принцип равенства стал базовым для раннехристианского права.

Такой подход не мог устроить всех, поэтому в условиях ослабления влияния церкви стали более активны светские философы, возрождая и дополняя античные идеи гуманистического характера. В итоге длительной эволюции в XVII в. появляется классическая теория естественного права. Базовым принципом этой теории стало признание существования естественных прав человека, данных ему от рождения, от Бога, Природы и неотчуждаемых без его согласия.

В эпоху Просвещения началась борьба за включение прав человека в конституционное законодательство наиболее прогрессивных государств. С XVII по XXI в. она прошла четыре условных этапа. Первый охватывает XVII-XVIII вв. и касается обеспечения равенства в политических правах и равенства перед судом. Второй этап был связан с экономическими правами и приходится в основном на XIX в. Этот этап, связанный с победой буржуазии, включал гарантии права частной собственности и правила честной конкуренции, начала антимонопольного законодательства. На третьем этапе шла борьба за социальные права. На четвертом этапе идет борьба за гуманитарные права и унификацию подходов к правам человека в различных странах. Ключевым документом в области прав человека стала Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., в преамбуле которой было четко определено, что принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в

равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и принимая во внимание, что государства-члены обязались содействовать в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; и, принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства, Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего эффективного признания и осуществления их как среди народов государств – членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией [2].

Однако необходимо отметить, что проблематика теории естественного права, являющейся неотъемлемой составляющей законодательства современных государств, она так и не реализовалась на практике в значительной мере. Провозглашенные декларации не получили должных государственных гарантий и необходимой поддержки гражданского общества.

Для её реализации необходима прочная материальная и духовная база государства. В первую очередь она требует развитой инновационной технологической основы, нравственной и правовой культуры молодежи и населения в целом. В современных условиях естественные права все больше нуждаются в электронном наполнении. Это право на доступ к цифровой информации, право на доступ к Интернету, право на цифровые услуги, право на цифровую коммуникацию, право на защиту персональных данных, право «на электронную смерть», право на информационную приватность, право на цифровую автономию и др. В современном мире цифровизации электронные источники и Интернет-ресурсы пользуются огромной популярностью и являются самым эффективным средством распространения информации, что имеет свои плюсы и минусы. Технологизация и цифровизация сейчас охватывают все сферы общественной жизни. Они так же оказывают влияние и на правовую область. Внедрение цифрового права в законодательство современных государств свидетельствует о технической развитости мира, а также о растущей глобализации и интеграции и одновременно дегуманизации и индивидуализации общества.

Таким образом, теория естественных прав человека в своей практической реализации имеет и достижения, и недостатки, поэтому в правотворчестве и при формировании правового сознания не стоит опираться только на нее, а необходимо использовать весь арсенал достижений теории государства и права, внедряя инновации в законодательство. Таким нововведением является закрепление цифровых прав на законодательном уровне, использование их в качестве источника права.

На сегодняшний день, несмотря на преобладание позитивистского правопо-нимания, развитие естественно-правовой теории никогда не прерывалось, наоборот, она продолжает жить, наполняясь цифровым содержанием, встраиваясь в решение проблем борьбы с военной угрозой, пандемией, нацификацией общества.

Также необходимо указать, что естественное и позитивное право могут вступать в противоречие в чрезвычайных, военных ситуациях, ситуациях катастроф или пандемии, когда необходимо принять недемократические, жесткие меры ради спасения государства и жизни людей. Однако это оправдано с точки зрения фундаментальных прав человека и свидетельствует лишь о выполнение государством главной задачи – гарантировать и охранять эти права.

Иллюстрацией сложности претворения в жизнь концепции естественного права являются суждения известного американского юриста-международника Энтони Д'Амато о парадоксальности позитивизма. Он пишет, что в момент экзистенциальной ясности можно утверждать, что право есть не что иное, как то, что незнакомцы указывают мне делать. Они пугают меня наказанием, если я не буду выполнять их команды. Как возможно такое, что я, будучи свободно рожденным и заслуживающим не меньшего уважения, чем все остальные, живу в мире, где другие люди говорят мне, что я должен делать, и готовы, и способны причинить мне вред, если я откажусь [3, с. 97].

Таким образом, важно констатировать, что естественное право не может быть напрямую использовано для решения прикладных задач в государстве. Оно должно представлять основу позитивного права и служить мерилом его справедливости и правомерности в то время как принципы естественного права должны объяснять обязательную силу законов государственного права, даже если соответствующие законы из этих принципов не могут быть выведены логически [4, p. 23].

При внедрении естественного права в источники позитивного права необходимо учитывать его преимущества и недостатки.

Положительные аспекты:

1. Признание приоритета естественного права над позитивным в качестве идеала и образца.

2. Сама идея неотчуждаемых, неотъемлемых прав человека выступает в качестве высшей ценности государства.

3. Анализ государственного законодательства и правоприменительного механизма со стороны осуществления естественных прав и свобод требует внесения необходимых корректив.

4. Естественно-правовая теория легла в основу построения правового социального демократического государства во всех развитых странах.

Отрицательные аспекты:

1. Многозначность, нечеткость, неконкретность таких понятий, как «сво-бода», «добро», «справедливость», «достойный уровень жизни» и др.

2. Сложность объективного отражения основных естественно-правовых принципов в нормах позитивного права и правоприменительном механизме.

3. Сложность оцифрования абстрактных, духовных, нравственных основ жизнедеятельности общества и личности.

4. Отсутствие конвергентного подхода соединяющего социальные гарантии с рыночной экономикой.

Список литературы:

1. Демичев, Д.М. Сущность государства: учебное пособие 2-е изд., испр. / Д.М.Демичев, А.А.Бочков. – Минск: Вышэйшая школа, 2022. – С.144-158.

2. Всеобщая декларация прав человека, заключена в Нью-Йорке 10 декабря 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс».

3. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004. – 420 с.

4. John Finnis. Naturallawandnaturalrights / Finnis J. The United States: Oxford University PressInc. – New York, 2011. – 924 p.

КРУШЕЛЬНИЦКИЙ Дмитрий Анатольевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; dimakrushel98@mail.ru

БАРИЛО Сергей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданского права; cebarilo@mail.ru

ФОРМА И ПОРЯДОК СОВЕРШЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются особенности совершения завещания в странах англо-саксонской правовой системы.

Ключевые слова: *англо-саксонская правовая система, судебный прецедент, наследование, завещание, наследодатель, аффидавит, олографическое завещание, пробация.*

В странах англо-саксонской правовой системы наследственное право складывается из норм судебных прецедентов и норм закона. Порядок составления завещания в странах англо-саксонской правовой системы имеет определенную специфику. Отличительной особенностью английского наследственного права является то обстоятельство, что в нем регламентирована одна единственная форма завещания. Завещанием признается только письменный акт, подписанный завещателем. Также требуется участие не менее двух свидетелей, которые в присутствии завещателя должны удостоверить составленное им завещание. Указанные формальности остаются неизменными с 1837 года. В странах континентальной правовой семьи также допускается составление собственноручных завещаний, однако английские завещания можно не только написать собственной рукой,

но и попросить постороннее лицо, можно напечатать на пишущей машинке или же оформить в виде криптограммы. Кроме того, английский закон допускает возможность комбинировать в пределах одного завещания рукописный и машинописный текст. При этом запрещено совершать завещание в форме видеозаписи [1, с. 46].

В США отсутствует единый федеральный закон о наследовании, а наследственное законодательство относится к самостоятельному ведению отдельных штатов, вследствие чего оно весьма разнообразно. Наследственное законодательство в большинстве штатов восприняло положения из английской правовой системы. Одновременно был заимствован и метод судебного прецедента [2, с. 135]. Однако в штате Луизиана, который длительное время был французской колонией, действует Французский гражданский кодекс.

Право распоряжаться своим имуществом путем составления завещания никогда не признавалось в США естественным правом человека. Всегда считалось, что завещание должно соответствовать установленным в законе требованиям.

Для того чтобы завещание являлось действительным актом, допустимым к исполнению, завещатель должен совершить его в соответствии законными формальностями – установленными законом штата требованиями. Невыполнение этих требований приводит к недействительности завещания. Примечательно, что континентальное право наделяет особым статусом завещания, составленные с участием нотариуса, однако в Америке нет подобных правил.

По мнению Джонсона, у формальностей завещания имеются три функции: ритуал, доказательность и защита. Задача ритуала – показать завещателю всю важность его действий, которые влекут значительные последствия, определяют судьбу его имущества на случай смерти. Доказательная функция проявляется в том, что составленное завещание выражает истинные намерения завещателя. Функция защиты предполагает, что соблюдение требования о дееспособности и незаинтересованности свидетелей призвано защитить завещателя от чьего-либо недобросовестного воздействия [3, с. 349].

Формальные требования к составлению завещания в разных штатах различные: (а) завещание должно быть подписано самим завещателей или по его просьбе и в его присутствии другим лицом; (б) наличие подписи в конце текста завещания; (в) завещатель ставит свою подпись в непосредственном присутствии свидетелей; (г) требуется оглашение (публикация) завещания. Оглашение может быть сделано как самим завещателем, так и по его просьбе другим лицом; (д) требуется участие свидетелей при совершении завещания. В зависимости от местности предъявляются различные требования к числу свидетелей.

Свидетели должны подписать завещание наряду с завещателем. Рассмотрим правило об очередности подписания завещания завещателем и свидетелями. В некоторых штатах указанная очередность не имеет правового значения: первой может быть как подпись завещателя, так и подпись свидетелей. При этом требуется наличие условия: процедура подписания завещания должна представлять собой единый непрерывный акт. Однако в некоторых штатах, например, в Новой Англии, требуется, чтобы подпись

завещателя стояла первой, даже при одновременном подписании завещания.

Также наследственное право США содержит требование одновременного присутствия завещателя и свидетелей при подписании завещания. Традиционно считалось, что свидетели должны подписывать завещание в присутствии самого завещателя. Если же они находились в разных комнатах, то завещание признавалось ничтожным. В настоящее время данный вопрос регулируется по-разному. По нормам Единообразного наследственного кодекса свидетели должны подписать завещание в течение разумного времени после засвидетельствования подписи наследодателя, но только не после смерти последнего. Во многих штатах свидетель должен подписать завещание в присутствии завещателя, однако присутствие другого свидетеля не является обязательным. Во Флориде требуется обязательное одновременное присутствие и завещателя, и обоих свидетелей.

К свидетелям завещания предъявляется два основных требования: во-первых, наличие дееспособности, во-вторых, отсутствие заинтересованности. Дееспособность свидетеля – это единое для всех штатов требование. Она раскрывается в решении суда штата Миссисипи 1953 года: на момент удостоверения завещания свидетель должен быть совершеннолетним и находиться в нормальном душевном состоянии, чтобы понять и оценить природу акта, который он наблюдает и удостоверяет, настолько, чтобы, если потребуется, он мог дать в суде показания по этому вопросу.

Заинтересованность свидетелей в американском наследственном праве понимается неоднозначно. Первоначально в соответствии с нормами общего права не обладали специальной дееспособностью те свидетели завещания, которые были указаны в нем в качестве наследников. Завещание, подписанное заинтересованным свидетелем, считалось абсолютно ничтожным. Если хотя бы один из двух свидетелей был заинтересованным, то исполнение завещания не допускалось, так как считалось, что оно было подписано одним свидетелем вместо двух.

На сегодняшний день практически во всех штатах это правило не применяется в такой жесткой форме, как оно представлено в Общем праве. Например, в Калифорнии последствия участия заинтересованного свидетеля немного мягче – в этом случае завещание в пользу свидетеля лишь создает презумпцию неправомерного воздействия. В некоторых штатах, в частности, в Калифорнии, действуют так называемые «пургеновые нормы» (прочищающие нормы) [4, с. 157]. В соответствии с этими нормами, в случае, если заверяющий завещание свидетель является наследником по этому завещанию, то завещание будет считаться ничтожным лишь в части распределения наследства этому лицу, но сам свидетель от этого не утрачивает специальную дееспособность, и такое завещание допускается к исполнению.

Особое значение имеет такой реквизит завещания, как удостоверяющая надпись. Удостоверяющая надпись должна находиться сразу же за подписью завещателя, но перед подписью свидетелей, в ней должны быть детально изложены установленные

законом формальности, необходимые для совершения завещания: подписание завещания лично самим завещателем, понимание им завещания, оглашение завещания, присутствие свидетелей и т.п. Удостоверяющая надпись не является обязательным атрибутом завещания, она носит факультативный характер, но, тем не менее, в надлежаще составленных завещаниях она всегда присутствует. Удостоверяющая надпись расценивается как опровержимое доказательство изложенных в ней фактов. В силу этого бремя доказывания того, что отсутствуют требуемые формальности, возлагается на сторону, которая оспаривает завещание. В некоторых случаях удостоверяющие надписи оказываются весьма полезными, например, когда у свидетеля плохая память, или в случае участия так называемого «враждебного свидетеля». В некоторых штатах (Калифорния) нет необходимости использовать удостоверяющую надпись, так как подписи свидетелей сами по себе дают презумпцию надлежащего составления завещания – достаточно доказать, что подписи принадлежат свидетелям.

Некоторые штаты используют особый механизм обеспечения подлинности воли завещателя – это так называемый самодоказывающий аффидавит [5, с. 47]. Согласно этим нормам, завещатель и свидетели подписывают завещание в обычном порядке, после чего и завещатель, и свидетели подписывают заверяемый нотариусом клятвенный аффидавит, обычно на отдельном листе. В нем излагаются все элементы надлежаще составленного завещания, и он служит заменой личным свидетельским показаниям в суде.

Особой формой завещания в американском праве является так называемое «олографическое» завещание, или же целиком собственноручное, составленное без участия свидетелей. Олографические завещания предусмотрены законодательствами многих штатов (Аризона, Калифорния, и др.) [6, с. 16], а также нормами Единообразного наследственного кодекса. Разные штаты предъявляют разнообразные дополнительные требования к составлению олографического завещания: доказательство в суде свидетелем факта написания завещания именно завещателем; нахождение олографического завещания среди особо ценных бумаг завещателя, составление завещания исключительно солдатами, военными матросами и моряками в море. Кстати, последнее правило применяется и в Англии на основании Английского закона 1673 года [7, с. 271]. Олографическое завещание в истинном смысле этого слова (целиком собственноручное без свидетелей) предусмотрено только в штате Пенсильвания.

Основное требование, предъявляемое к олографическому завещанию, – это написание его собственноручно. Во всех штатах требуется подпись завещателя на рукописном завещании. Суды занимают либеральную позицию по вопросу о том, что является надлежащей подписью: таковой признаются инициалы завещателя, его имя без отчества и фамилии, а также прозвище. Аналог собственноручной подписи не может быть использован при составлении олографического завещания.

Наличие надлежащим образом составленного завещания не гарантирует, что оно приведет к правовому результату, которого желал

завещатель. Для вступления завещания в силу требуется факт удостоверения специальным судом действительности завещания. Такое удостоверение происходит в рамках процесса пробации. Пробация – это институт, свойственный американскому праву и не имеющий аналогов в континентальном праве.

Рассмотрим некоторые особенности процедуры пробации. Говоря в общем, пробационный суд удостоверяет, что завещание данного лица законно [8, с. 36]. Наследственный процесс требует обязательного извещения всех возможных наследников. В некоторых штатах могут быть пробированы также утраченные и устные завещания. Пробация в узком смысле – это относительно краткая процедура, часто имеющая место без объявления о ней. Поэтому большинство штатов признают возможность оспаривания завещания даже после того, как оно было допущено к пробации (утверждению).

Пробация завещания всегда происходит на начальном этапе наследственного процесса: последнее завещание наследодателя предоставляется в пробационный суд, где доказывается его надлежащее составление.

Во всех штатах предусмотрен срок, в течение которого должно пройти доказывание завещания в пробационном процессе – три года с момента смерти наследодателя.

Таким образом, термин «пробация» означает процедуру, в ходе которой за документом признается характер надлежащим образом составленного завещания.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в странах англо-саксонской правовой системы не получило распространение завещание в форме нотариального акта. Однако в США законодательно предусмотрены процедуры, носящие публичный характер, направленные на обеспечение подлинности воли завещателя: самодоказывающий аффидавит, пробация.

Список литературы:

1. Сараев, А.Г. Общая характеристика института завещания в странах «общего права» / А.Г. Сараев // Наследственное право. – 2015. – № 1. – С. 44-48.

2. Шумилов, В.М. Правовая система США: учебное пособие / В.М. Шумилов. – М.: Международные отношения, 2013. – 408 с.

3. Паничкин, В.Б. Наследственное право США / В.Б. Паничкин, О.Ю. Боровик. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 848 с.

4. Алешина, А.В. Наследственные отношения в Российской Федерации и международном частном праве: учебное пособие / А.В. Алешина, В.А. Косовская; под общ. ред. О.С. Зыбиной. – СПб.: НОУ «СЮА», 2015. – 198 с.

5. Никифоров, А.В. Нотариальная форма завещания в законодательстве России и зарубежных стран / А.В. Никифоров // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 45-48.

6. Абраменков, М.С. Наследование по завещанию в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой аспект / М.С. Абраменков // Наследственное право. – 2008. – № 4. – С. 13-18.

7. Шевчук, С.С. Наследственное право: учебное пособие / С.С. Шевчук, О.В. Ландина. – Ставрополь: Изд-во СКСИ, 2014. – 319 с.
8. Паничкин, В.Б. Процессуальные аспекты оспаривания завещаний в англо-американском праве / В.Б. Паничкин // Наследственное право. – 2011. – № 3. – С. 35-38.

КРУШЕЛЬНИЦКИЙ Дмитрий Анатольевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; dimakrushel98@mail.ru

ТЕСТАМЕНТОСПОСОБНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

В статье исследуется вопрос о завещательной правосубъектности завещателя.

Ключевые слова: *гражданская правосубъектность, тестаментоспособность, наследодатель, завещатель, дееспособность, ограничение в дееспособности, несовершеннолетний, адеекспособность.*

Право завещать имущество относится к элементам гражданской правоспособности, а право совершения завещания – к элементам гражданской дееспособности. Право совершения завещания называется в литературе термином тестаментоспособность [1, с. 23].

К нему можно было бы применить термин «завещательная правосубъектность», определив последнюю как право гражданина и способность его своими действиями определять на случай смерти судьбу своих прав и обязанностей, которые могут переходить по праву наследования, а также сделать другие распоряжения на случай смерти.

Исходя из положений ст. 209 и п. 2 ст. 1118 ГК РФ, каждый полностью дееспособный гражданин вправе в любое время и неограниченное количество раз составить завещание, выбрав любую из предложенных законодателем форм (так называемая активная тестаментоспособность [2, с. 16]), распорядившись на случай смерти всем своим имуществом или любой его частью (при этом завещания в отношении различных частей имущества могут быть составлены как в одно, так и в разное время), в том числе и тем, которое он может приобрести в будущем, завещав его одному или нескольким субъектам гражданских прав, как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, и не будучи связанным очередностью их призвания.

Отсутствие у лица завещательной правоспособности в момент совершения завещания влечет за собой негативные последствия. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [3] подчеркивается, что завещания относятся к числу недействительных вследствие ничтожности при несоблюдении установленных ГК РФ требований:

обладания гражданином, совершающим завещание, в этот момент дееспособностью в полном объеме.

Вопрос о тестаментоспособности имеет свою историю. Достаточно разработанным он был в римском праве. Чезаре Санфилиппо пишет: «Как право делать завещательные распоряжения, так и способность быть назначенным наследником, обозначаются в источниках выражением testamenti factio. Однако чтобы избежать путаницы, правоведы говорили, обозначая ту и другую способность, о "пассивной" и "активной" testamenti factio. Итак, активная testamenti factio представляет собой способность составлять завещание, что рассматривалось одной из наиболее значительных прерогатив cives» [4, с. 380-381].

В римском праве категория правоспособность применительно к наследованию по завещанию напрямую зависела от общей правоспособности, так как являлась её элементом.

Правовое положение наследодателя в дореволюционной России регламентировалось прежде всего нормами Свода законов гражданских. В соответствии с законодательством активной завещательной способностью не обладали несовершеннолетние, то есть лица, не достигшие 21 года; лица, лишенные по суду всех прав состояния, когда приговор им объявлен. Закон требовал, чтобы все духовные завещания составлялись в здравом уме и твердой памяти [5, с. 112].

Действующее наследственное законодательство в ст. 1118 ГК РФ четко определяет момент возникновения тестаментоспособности: завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме. Дееспособность гражданина в России определяется ч. 1 ст. 21 ГК РФ как «способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста».

Из этого следует, что завещание способен составить только гражданин, достигший 18-летнего возраста и не признанный в установленном законом порядке (решением суда) недееспособным либо ограниченно дееспособным, а также лица, не достигшие 18-летнего возраста, но вступившие в брак (ч. 2 ст. 21 ГК РФ), и эмансипированные лица (ст. 27 ГК РФ).

Однако возникает вопрос о возможности составлять завещания несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. Правила части второй статьи 26 ГК РФ наделяют правом несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителей распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами; осуществлять авторские права на результаты своей интеллектуальной деятельности, в том числе и личные имущественные, вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими.

Из данной нормы следует, что предоставленное несовершеннолетним право распоряжения своими доходами, а также

результатами своей интеллектуальной деятельности не исключает возможности составления завещания на эти объекты.

Однако если правилами ст. 21, 27 ГК РФ несовершеннолетние при определенных условиях наделяются полной дееспособностью, то ст. 26 ГК РФ это право им не предоставляет. А если эти лица не обладают полной дееспособностью, то, соответственно, в силу ст. 1118 ГК РФ они не вправе составлять завещание, то есть юридически не могут реализовать свое право распоряжения, предоставленное ч. 2 ст. 26 ГК РФ.

По существу, в одном законе законодатель допускает столкновение двух норм: одна норма (ст. 26 ГК РФ) предоставляет право, а другая (ст. 1118 ГК РФ) его запрещает.

Для рассматриваемой группы лиц (несовершеннолетних) не настолько важен и актуален институт наследования ввиду их возраста, потому как мало у кого возникает желание оставить в этом возрасте на случай смерти завещание. Представляется, что на законодательном уровне требуется внесение дополнения в ст. 26 ГК РФ, которую после слов «распоряжаться ими» следует дополнить: «за исключением составления завещания» [6, с. 92].

В связи с рассматриваемым вопросом полезно будет обратиться к праву зарубежных стран. Многие зарубежные законодательства признают завещательную дееспособность несовершеннолетних лиц. В некоторых случаях такое признание связано с определенными ограничениями свободы завещания для несовершеннолетних, касающимися как формы, так и существа завещания. Так, в Германии согласно § 2232-2233 ГГУ, лицо, достигшее 16 лет, может совершить завещание только в форме публичного акта. В части же объема содержащихся в завещании распоряжений ст. 904 ФГК устанавливает, например, что несовершеннолетний, достигший 16 лет и не освобожденный от родительской власти, вправе распорядиться лишь половиной того имущества, которым вправе распоряжаться совершеннолетний [7, с. 15].

Учитывая вышесказанное, нам представляется возможным согласиться с мнением ученых [8, с. 43], считающих, что нет очевидных и заслуживающих внимания мотивов, по которым несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет отказано в распоряжении своими доходами путем составления завещания.

У другой категории граждан (признанных в судебном порядке ограниченно дееспособными в порядке ст. 30 ГК РФ) и в силу возраста, и в силу алкогольной и иной зависимости в большей степени возникает желание распорядиться своим имуществом на случай смерти. Однако и в этом случае наблюдается аналогичное столкновение нормы ст. 1118 ГК РФ с правилами ст. 30 ГК РФ, часть первая которой предусматривает, что при признании гражданина ограниченно дееспособным он вправе самостоятельно совершать мелкие сделки, а распоряжение доходами он вправе совершать с согласия попечителя. То есть из смысла названной статьи ограниченно дееспособное лицо вправе составить завещание, но с согласия попечителя, тогда как по смыслу ст. 1118 ГК РФ это лицо таким правом не обладает.

В этом случае под сомнение ставится принцип свободы завещания. Ведь по правилам ст. 1119 ГК РФ свобода завещания

ограничивается правилами об обязательной доле в наследстве и других ограничений законом не предусмотрено, а в данном случае ограничивается свобода завещания для лиц, признанных ограниченно дееспособными.

Действующее российское законодательство, определив полную дееспособность завещателя, не внесло изменений в ст. 30 ГК РФ, согласно которой ограниченно дееспособное лицо вправе совершать серьезные сделки (к каковым относится и завещание) с согласия попечителя.

Решение данной проблемы видится во внесении изменений либо в ст. 30 ГК РФ, которыми разрешаются крупные сделки с согласия попечителей, но за исключением составления завещания; либо во внесении дополнений в ст. 1118 ГК РФ, которые ограниченно дееспособным лицам предоставят право составлять завещания, но с письменного согласия попечителей. Представляется, что внесение дополнений в ст. 1118 ГК РФ будет целесообразней, так как это будет отвечать правилам ст. 1119 ГК РФ – свободе завещаний.

Требование об обладании полной дееспособностью в момент совершения завещания предполагает, что признание гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным после совершения им завещания не должно влиять на юридическую силу (действительность) уже совершенного им завещания. Аналогично, если гражданин совершил завещание в момент, когда он был лишен или ограничен в дееспособности, восстановление его дееспособности в полном объеме не отразится на юридической силе завещания: оно остается недействительным.

В том случае, если вследствие отсутствия у нотариуса или иных лиц, удостоверяющих завещание, информации об отсутствии полной дееспособности завещателей таким лицам все-таки удастся совершить завещание, все равно завещание недееспособного законом объявляется ничтожным, а «последняя воля» ограниченного в дееспособности – оспоримой. В судебной практике на этот счет проблем возникать не должно, поскольку российское законодательство связывает отсутствие дееспособности или ее ограничение с наличием юридического публичного акта – судебного решения о признании гражданина недееспособным или об ограничении гражданина в дееспособности.

В большинстве стран мира условием завещательной дееспособности является требование, чтобы завещатель на момент составления завещания осознавал характер и значение своих действий, пребывал, по терминологии французского законодателя, «в здравом уме» [9, с. 611].

Иное дело, если завещание составлено лицом, не понимающим значения своих действий или последствий, которые влекут эти действия, но судебного решения о признании гражданина недееспособным или об ограничении гражданина в дееспособности нет. Данное состояние в литературе называют адееспособностью [10, с. 48]. Оно может быть вызвано различными факторами: в силу временного психического заболевания, сильного душевного волнения, алкогольного или наркотического опьянения, шока и подобных причин. Вместе с тем состояние адееспособности подлежит доказыванию тем, кто на него ссылается, а доказать, что в момент

совершения той или иной конкретной сделки гражданин не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, конечно же, очень сложно, если только нет абсолютно достоверных данных, как, например, нахождение в психиатрической больнице, наркологическом диспансере и пр.

Суд для выяснения психического состояния, в котором находилось лицо в момент совершения завещания, может использовать свидетельские показания (нотариуса, свидетелей при составлении завещания, рукоприкладчика и др.), назначить посмертную судебно-психиатрическую экспертизу.

Следует отметить, что в соответствии со ст. 43 Основ законодательства о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 [11] нотариус при удостоверении сделок (в том числе и при удостоверении завещаний) должен проверить дееспособность граждан, участвующих в сделках. Однако реально проверить дееспособность лица может только суд, поэтому представляется, что нотариус должен отказать в удостоверении завещания, только если ему известно, что обратившееся к нему лицо в установленном порядке признано недееспособным, либо если завещатель находится в таком состоянии, из которого с очевидностью следует, что он не способен понимать значение своих действий. При этом следует учитывать то обстоятельство, что далеко не всегда лица, страдающие психическими заболеваниями, были признаны в установленном порядке недееспособными.

Из практики работы нотариусов по удостоверению завещаний установлено, что они определяют дееспособность граждан путем личной беседы с завещателем, задавая элементарные вопросы: фамилия, имя, отчество и т.д. Если гражданин отвечает правильно, то он адекватен, а значит, и дееспособен. Предъявлять другие какие-либо требования к нотариусу невозможно из-за отсутствия у него специального медицинского образования, а поэтому возникла серьезная брешь в законодательном регулировании данного вопроса, которой с ловкостью пользуются наследники, которые не были включены в завещание, заявляя о недееспособности завещателя в суде. И, к сожалению, имеется немало решений об удовлетворении таких требований [12, с. 41].

Решение исследуемой (достаточно сложной) проблемы представляется во внесении дополнений в федеральное законодательство России, а именно в ст. 1124 ГК РФ, касающуюся форм и порядка совершения завещаний, с предоставлением завещателю права при удостоверении завещания присутствия эксперта-психиатра, который на бланке завещания своей подписью удостоверит дееспособность завещателя. В этом случае такие завещания по основанию недееспособности завещателя не могут быть оспорены в судебном порядке.

Список литературы:

1. Раскостова, Н.О завещаниях адееспособных лиц / Н.О Раскостова // Наследственное право. – 2008. – № 3. – С. 21-24.

2. Гаврилов, В.Н. Особенности нотариально удостоверенного завещания / В.Н. Гаврилов // Нотариус. – 2010. – № 4. – С. 14-19.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.

4. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права / Ч. Санфилиппо. – М., 2007. – 464 с.

5. Шевчук, С.С. Наследственное право: учебное пособие / С.С. Шевчук, О.В. Ландина. – Ставрополь: Изд-во СКСИ, 2014. – 319 с.

6. Алешина, А.В. Наследственные отношения в Российской Федерации и международном частном праве: учебное пособие / А.В. Алешина, В.А. Косовская; под общ. ред. О.С. Зыбиной. – СПб.: НОУ «СЮА», 2015. – 198 с.

7. Абраменков, М.С. Наследование по завещанию в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой аспект / М.С. Абраменков // Наследственное право. – 2008. – № 4. – С. 13-18.

8. Денисова, Ю.Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения / Ю.Н. Денисова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 4 (45). – С. 41-46.

9. Алешина, А.В. Особенности совершения завещаний в странах романо-германской правовой системы / А.В. Алешина // Вестник Санкт-петербургской юридической академии. – 2016. – № 3 (32). – С. 59-64.

10. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

11. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 02.07.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

12. Денисова, Ю.Н. Нотариат: учебное пособие / Ю.Н. Денисова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 92 с.

КРЫЛОВА Светлана Николаевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
svetulek.spb@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ИММУНИТЕТ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются особенности участия государства в гражданском обороте.

Ключевые слова: *гражданский оборот, государство, иммунитет, ответственность, казна, судебный иммунитет.*

Участие в гражданском обороте предполагает не только приобретение прав, но и несение на равных началах с другими участниками гражданского оборота обязанностей, в том числе

связанных с бременем ответственности. В соответствии с п.п. 2-5 ст. 126 ГК РФ на публичные образования распространяется принцип самостоятельной ответственности субъектов гражданского права. Это означает, что Российская Федерация, ее субъекты и созданные ими юридические лица не отвечают по обязательствам друг друга. Данный принцип применим в равной мере и к случаям несения договорной ответственности, так и к случаям несения внедоговорной ответственности [1, с. 31].

Кроме того, выступая в гражданско-правовых отношениях, государство должно соблюдать им же установленные правила, обусловленные самой природой регулируемых отношений. Оно не может использовать свои властные прерогативы для того, чтобы произвольно менять в своих интересах гражданско-правовые нормы или навязывать контрагентам свою волю, иначе имущественный оборот не сможет нормально функционировать, а необходимая ему частноправовая форма будет разрушена [2, с. 48].

Вместе с тем из правила о самостоятельной ответственности существуют исключения двух видов:

1. Прямо установленные законом, когда публичные образования несут субсидиарную ответственность по обязательствам казенных предприятия (п. 5 ст. 115 ГК РФ) и бюджетных учреждений (абз. 4 п. 2 ст. 120 ГК РФ) при недостаточности имущества последних.

Как отмечается в юридической литературе такая ответственность публичных организаций, и, в частности, государства является особым видом субсидиарной ответственности, на который общие нормы о субсидиарной ответственности, установленные ст. 399 ГК РФ, распространяются с особенностями, установленными ст. 120 ГК РФ. Особенность такой ответственности состоит в том, что собственник имущества учреждения не может быть привлечен к ответственности без предъявления в суд искового требования к основному должнику [3, с. 27]. Кроме того, суды, принимая решение о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам государственных учреждений, устанавливали невозможность самостоятельного требования кредиторов ввиду отсутствия денежных средств на счетах такого учреждения [4].

2. В силу принятых обязательств. В частности, публичные образования вправе принимать на себя гарантии по обязательствам других публичных образований и отдельных юридических лиц (п. 6 ст. 126 ГК РФ). Принятие на себя определенных гарантий означает не что иное, как вступление в отношении поручительства, так как субъектом гарантии может только банк, иное кредитное учреждение или страховая компания (ст. 368 ГК РФ). Однако ввиду особенностей, присущих государству как публичному образованию, данные отношения поручительства регулируются специальным законодательством (ст. 115-117 БК РФ). При этом государство может обязываться за исполнение обязательств иным лицом только предоставления такой государственной гарантии, обязательства по которой включаются в состав государственного долга.

К порядку участия государства в гражданском обороте применяются, по общему правилу, нормы, определяющие участие юридических лиц в гражданских правоотношениях. Следовательно,

государство в частных отношениях должно привлекаться к ответственности на тех же основаниях, что и юридические лица. Однако такой вывод требует уточнения.

Действующее законодательство устанавливает для коммерческих юридических лиц по договорным обязательствам ответственность на началах риска, т.е. без вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Напротив, к деликтной ответственности коммерческие и некоммерческие юридические лица, как правило, привлекаются только на началах вины (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Однако участие в гражданском обороте публичных образований, в том числе государства необходимо постольку, поскольку этого требует реализация задач публичной власти. Эта деятельность не может иметь целью систематическое извлечение прибыли, следовательно, государство несет как договорную, так и деликтную ответственность только при условии вины [5, с. 25]. Из этого правила законом могут устанавливаться исключения. Например, вне зависимости от вины публичные образования несут ответственность за вред, причиненный незаконными актами правоохранительных органов (ст. 1070 ГК РФ).

Особенности устанавливаются и в решении вопроса о том, каким имуществом государство должно отвечать по своим обязательствам. В отличие от других субъектов гражданского права, которые отвечают всем принадлежащим им имуществом, для государства законом установлено два исключения.

Во-первых, государство как публичное образование несет ответственность по своим обязательствам только за счет казны (п. 1 ст. 126 ГК РФ), которую составляют денежные средства бюджета и иное имущество, не закрепленное за предприятиями и учреждениями. При этом первоочередное взыскание осуществляется в отношении денежных средств бюджета, и только при отсутствии последних взыскание может быть обращено на иное имущество, составляющее казну.

Обращение взыскания по долгам государства как публичного образования может быть только в случае установления невозможности исполнения решения суда за счет средств бюджета.

Во-вторых, взыскание по обязательства государства может быть обращено не на все виды имущества, составляющего казну. От взыскания забронировано имущество, изъятое из оборота. В настоящее время фактически забронированы от взыскания земля и другие природные ресурсы, находящиеся в государственной собственности, поскольку отсутствует закон, допускающий подобное. Кроме того, соответствующие нормы отсутствуют в земельном и природоресурсном законодательстве [6, с. 38]. Такое изъятие переопределяется специальной правоспособностью государства и отвечает общественным интересам. Вместе с тем само по себе ограничение видов имущества, на которое может быть обращено взыскание, не влияет на общий принцип возмещения вреда в полном объеме.

Вместе с тем правоприменительная практика выявляет проблемы исполнения соответствующих судебных решений, связанных с обращением взыскания на денежные средства казны, поскольку бюджетное законодательство устанавливает лимиты по оплате

денежных обязательств, а механизм исполнения государственного бюджета по расходам сверх бюджетных ассигнований законом не предусматривается.

В связи с этим до недавнего времени были нередки судебные решения, в которых отказывалось в удовлетворении требований о возмещении материального вреда ввиду отсутствия средств в бюджете, а также потому, что удовлетворение иска привело бы к фактическому пересмотру бюджета и нанесению вреда неограниченному кругу лиц [7, с. 97].

Как справедливо указывали авторы, подобная судебная практика напоминала правовые представления о государстве господствующие в России в советский период, когда государство, по сути, выступало так называемым квазисубъектом гражданских правоотношений, его участие в имущественных отношениях строилось по совершенно иной модели, чем участие граждан и организаций, а ответственность по договорным и деликтным обязательствам была чаще всего условной [8, с. 20].

Следует признать, что в действующем законодательстве до сих пор отсутствует механизм понуждения органов государственной власти в случае их бездействия к исполнению судебного акта. Кроме того, не установлены и четкие сроки исполнения казначейскими органами судебных решений по соответствующим искам.

Представляется, что эта проблема должна решаться комплексно с учетом бюджетного законодательства. Необходимо установить особый порядок принудительного исполнения судебных актов по искам к государственной казне соответствующего уровня, заложить в бюджет подобные расходы и порядок формирования соответствующих ресурсов.

В связи с этим считаем присоединиться к мнению некоторых авторов, которые полагают, что в интересах взыскателей по искам к казне Российской Федерации или ее субъектов необходимо более существенно ограничить сферу применения специальных правил, которые бы исключали возможность принудительного исполнения таких решений [9, с. 7]. А в случае неисполнения добровольно решения о взыскании средств из казны соответствующего уровня установить в законодательстве об исполнительном производстве возможность принудительного исполнения соответствующих решений за счет иного нераспределенного государственного имущества.

Таким образом, государство несет ответственность во внутренних (национальных) гражданских отношениях на равных началах с иными субъектами гражданского права, за счет денежных средств и имущества, составляющего казну, за исключением имущества забронированного от взыскания. Общественная значимость такого имущества для народа в целом требует исключения его из оборота и из состава имущества, на которое может быть обращено взыскание по долгам публичного образования.

В отечественном законодательстве заложена возможность установления дополнительных обязанностей несения ответственности Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации в гражданских отношениях, осложненных иностранным элементом, т.е. с

участием иностранных физических и юридических лиц, а также иностранных публичных образований (ст. 127 ГК РФ).

Вместе с тем закон об иммунитете не принят, что позволяет говорить некоторым авторам, что в отсутствие специального закона регулирование указанных отношений должно осуществляться на основе положений действующего законодательства.

Так, в настоящее время процессуальное законодательство исходит из принципа абсолютного судебного иммунитета государства. Судебный иммунитет гарантирует, что без согласия иностранного государства не могут предъявляться иски, применяться обеспечительные меры, и обращаться с взысканием на государственное имущество. Иначе выражаясь, одно государство не подчиняется юрисдикции другого.

С одной стороны, такое законодательное решение обеспечивает суверенитет публичных образований, поскольку равный не имеет власти над равным. Однако, с другой стороны, это правило не согласуется с общим положением о равных началах участия всех субъектов гражданского права. Следует отметить общую тенденцию отказа в международном имущественном обороте многих стран от судебного иммунитета.

Российское законодательство предусматривает отказ государства в определенных случаях от своего иммунитета в отношениях, осложненных иностранным элементом. Примером тому могут служить некоторые двусторонние соглашения Правительства РФ с правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

В настоящее время расширяются хозяйственные связи государств. Так, Российская Федерация как субъект гражданского оборота может заключить гражданско-правовую сделку с иностранным государством, например о покупке земли на территории этого государства для возведения здания посольства (консульства), или договор аренды помещений. При исполнении данных сделок может возникнуть ситуация, когда ответственность Российской Федерации может выглядеть как неисправный контрагент.

Положения Конституции РФ закрепляют для иностранных граждан и лиц без гражданства национальный режим, приравнивая их статус к правовому положению российских граждан (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ). Данное правило, по сути, воспроизведено также в п. 1 ст. 2 ГК РФ.

Из приведенных положений вытекает, что ответственность государства перед иностранными гражданами, лицами без гражданства и иностранными юридическими лицами должна быть такой же, как перед российскими гражданами и юридическими лицами (ст. 124 ГК РФ). По этому вопросу в литературе отмечалось, что законодательство РФ содержит генеральную норму об отказе как самого государства – Российской Федерации, так и субъектов РФ от иммунитета в сфере гражданско-правовых отношений [10, с. 24].

Таким образом, можно прийти к выводу, что независимо от того, идет ли речь об отношениях государства с иностранными субъектами или российскими, Российская Федерация отказывается от каких бы то ни было изъятий из действия законов, то есть от иммунитета. Кроме

того, хотя процессуальный закон прямо устанавливает иное в ст. 401 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [11], ст. 251 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ [12], некоторые разъяснения высших судебных инстанций указывает на иное. Так, Пленум ВАС РФ в Постановлении от 11.06.1999 № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» [13] указывает, что арбитражный суд принимает иск по коммерческому спору, ответчиком в котором является иностранное государство, выступающее в качестве суверена, только при наличии прямо выраженного согласия ответчика на рассмотрение спора в арбитражном суде РФ. Представляется, что наличие такого согласия следует рассматривать в качестве отказа от судебного иммунитета иностранного государства. Соответственно, Российская Федерация как сувереи вправе требовать от других стран по отношению к себе неукоснительного соблюдения такого же принципа.

Список литературы:

1. Суслин, Э.В. Актуальные проблемы договорного права: учебное пособие / Э.В. Суслин, А.Е. Толстова; Санкт-Петербургская юридическая академия. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 128 с.
2. Романова, В.В. О договорной и внедоговорной ответственности государства / В.В. Романова // Право и политика. – 2007. – № 4. – С. 46-51.
3. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.
4. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.06.2018 г. по делу № А15-758/2017 // СПС «Консультант Плюс».
5. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.
6. Суханов, Е.А. Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам / Е.А. Суханов // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 3. – С. 31-45.
7. Садриева, Р.Р. Особенности гражданско-правового статуса Российской Федерации как субъекта гражданских правоотношений / Р.Р. Садриева, // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2011. – № 1. – С. 95-99.
8. Кириллова, Н.А. Гражданская правосубъектность государства: проблемы ответственности: учебное пособие / Н.А. Кириллова. – Новосибирск: СибАГС, 2002. – 137 с.
9. Комягин, Д.Л. Ответственность государственной казны: публичное и частное / Д.Л. Комягин // Публично-правовые исследования: электрон. журн. – 2013. – № 1. – С. 1-15.
10. Иванова, Т.Н. Иммунитет государства в международном частном транспортном праве: сравнительно-правовое исследование / Т.Н. Иванова // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 6. – С. 23-26.

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
13. Постановление от 11.06.1999 № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» (ред. от 27.06.2017) // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 8.

КУЗНЕЦОВ Никита Михайлович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
nikkuz2003k@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

В статье рассматривается технология искусственного интеллекта с точки зрения применения в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, преступления, правоохранительные органы, противодействие преступлениям.*

Искусственный интеллект (далее – ИИ) как сравнительно недавно появившаяся и активно развивающаяся технология стремительно завоевывает информационное пространство в социальной и экономической жизни современного общества. Однако, понятие «искусственный интеллект» не является полноценным. Многие ученые бьются над созданием такого прототипа, который мог бы решать задачи не только посильные человеку, но и те, что ему недоступны. Его можно было бы использовать для улучшения жизни человека и дальнейшего увеличение степени автоматизации производства. Наступила бы эра, когда людям оставалось бы только выполнять творческую деятельность, несомненно, приносящую удовольствие. Однако, принимая во внимание текущий уровень развития науки и техники, можно сказать, что до создания таких систем еще довольно долго, так как сам принцип далек от интеллектуальных приемов. Это прежде всего программные средства. Например, экспертные системы, системы распознавания образов и другое. Поэтому использование ИИ в сфере безопасности – достаточно актуально, так как проблема снижения уровня преступности стоит очень остро. С давних времен существуют государственные структуры, которые занимаются розыском и поимкой преступников, а также стремятся предотвратить преступления. Сегодня уже активно используются системы видеонаблюдения, которые позволяют быстро разыскать человека, совершившего преступление, а методы криминалистики практически не оставляют преступнику шансов уйти

от правосудия, даже если он не попал в объективы камер. Но гораздо лучше, если, благодаря действию правоохранительных органов, преступление не произошло вовсе. Использование современных информационных технологий в уже существующих экспериментальных системах (ЭИС), позволяющих предсказывать вспышки числа преступлений в том или ином районе города, сравнивать лица и опознавать преступников, хотя пока еще такие ЭИС не очень совершенны и случаются различные накладки. Кроме того, использование ИИ правоохранителями сталкивается с рядом этических и правовых вопросов, которые требуют обсуждения и принятия правильных решений, в логике не противоречия законам.

К сожалению, ИИ используют не только органы полиции для предотвращения преступлений, но и преступные организации и отдельные преступников открыли их широкие возможности. Уже сегодня криминальные элементы могут без каких-либо препятствий приобрести в свободном доступе как программные, так и аппаратные компоненты самых различных систем ИИ. Широкое использование открытого кода в ИИ позволяет преступникам без каких-либо крупных финансовых затрат получать доступ к последним разработкам ведущих компаний. Основная сфера приложения криминала по использованию ИИ – киберпреступления. Получает также распространение использование роботов-дронов с алгоритмами ИИ у террористов в различных горячих точках, у торговцев оружием и наркотиками, для слежения за конкурирующими криминальными структурами, а также против органов полиции и спецслужб.

По этой причине у государства появилась потребность в цифровизации уголовного процесса, применяющейся в дополнение к традиционной следственной деятельности. Нельзя говорить о замене нынешней системы цифровыми технологиями, ведь они в совокупности должны образовать новую, современную и технологичную систему раскрытия и выявления преступлений, которая будет максимально использовать потенциал новых технологий и искусственного интеллекта.

В настоящее время имеется немало примеров различных программных решений с использованием искусственного интеллекта, направленных на противодействие преступности и ее профилактику, создаются новые беспрецедентные возможности для правоохранительной и правоприменительной деятельности, прежде всего по направлению идентификации фигурантов или транспортных средств, связанных с уголовными делами и другими нарушениями.

Тем не менее, при всех возможностях ИИ и робототехники правоохранительные органы знают, что они не панацея, а всего лишь инструмент. Следовательно, ими, как и любыми инструментами, надо уметь эффективно пользоваться.

В сферах общественной безопасности наибольший прорыв достигнут в применении алгоритмов ИИ при видеонаблюдении. В Москве, столице России, с помощью этой технологии раскрывается около 70 процентов всех зарегистрированных преступлений. Активное сотрудничество по применению ИИ в целях борьбы с киберпреступностью осуществляется во взаимодействии с крупными банками, их структурами киберзащиты и IT-структурами,

работающими в сфере предотвращения и расследования киберпреступлений.

Система «Искусственный интеллект» («Объединенная приборостроительная корпорация», Россия, тестируется с 2016 г.) осуществляет фиксацию нарушений на границах России с помощью инфракрасных датчиков, сейсмосенсоров, радиолокационных устройств с целью наработки базы данных для дальнейшего компьютерного анализа информации о нарушении границ, дистанционного контроля ситуации и прогнозирования опасностей.

Военное, контртеррористическое применение ИИ стало привычным элементом комплексных мер по борьбе с различными формами насильственного экстремизма в регионах, где проявляется активность террористических организаций.

Так же МВД России вместе с научными центрами и стартапами проводит крупные совместные конференции, на которых проводятся обсуждения наиболее актуальных подходов применения ИИ и Big data в целях борьбы с преступностью.

На сегодняшний день справедливо можно говорить о таких формах использования возможностей искусственного интеллекта как системы поддержки решений, экспертные системы, нейросети, интеллектуальные производственные системы. Причем каждая из этих систем уже получила соответствующее развитие в юридической сфере.

Например, экспертные системы в уголовно-процессуальной деятельности получили свое воплощение еще с середины прошлого века. Полагаем, что экспертные системы обрели широкое распространение и применение в правоохранительной деятельности в силу способности данных систем распознавать криминальную ситуацию, находить возможные варианты ее расследования, давать практические рекомендации. Самые известные экспертные системы это «Наркоэкс», «Балэкс», «Кортик» и множество других систем.

Подобные экспертные системы способствуют повышению эффективности управления путем автоматизации деятельности и функционирования правоохранительных органов, позволяют значительно снизить временные затраты на принятие решений в рамках конкретной ситуации, связанной с правом, обеспечивают улучшение качества и проработанности принимаемого решения.

В экспертных системах человеческий интеллект используется в концентрированном виде для решения стандартных ситуаций в различных областях знаний и что при этом выдаваемые машиной рекомендации носят консультативный характер, принятие решения остается за человеком, хотя эти решения представляют собой качественно новый, более высокий уровень.

Применительно к деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений данные системы получают новое дыхание, поскольку принятие уголовно-процессуальных и организационных решений предполагает оптимизацию всех наличных сил и средств, в том числе консультационно-справочного и рекомендательного характера.

Несмотря на некоторые сложности, связанные с разработкой систем, основанных на искусственном интеллекте, и последующим применением в профессиональной деятельности

оперуполномоченного, дознавателя, следователя, их значение нельзя соизмерить. С помощью указанных систем последовательно решаются такие задачи как: оптимизация уголовно-процессуальной деятельности, уменьшение нагрузки субъектов расследования, сокращение следственных ошибок, повышение уровня защищенности прав и свобод личности от противоправных деяний. Реальные возможности искусственного интеллекта в уголовном процессе только предстоит раскрыть.

На сегодняшний день развитие правовой основы для существования ИИ условно можно разделить на два подхода: с одной стороны, создание правовой основы для внедрения прикладных систем с ИИ и стимулирования их развития; с другой – регулирование сферы создания искусственного интеллекта, в частности, соответствия разрабатываемых технологий общепризнанным стандартам в области этики и права.

Отдельное внимание в этих документах уделяется конфиденциальности личных данных и обеспечению базовых прав человечества и общества.

До июня 2019 г. в России не существовало развитой стратегии использования ИИ. Разработка Национальной стратегии развития технологий в области ИИ была анонсирована только 30 мая 2019 г. на совещании по ИИ у Президента Российской Федерации.

В текущем гражданско-правовом регулировании ИИ как технология и «умный» робот может выступать в нескольких статусах: как предмет товарооборота (вещь), объект авторских прав (программа), источник повышенной опасности (потенциально опасная вещь), то есть вопрос о наделении его деликтоспособностью в рамках существующей системы права невозможен.

В этих условиях внесения отдельных поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации явно недостаточно.

После принятия Национальной стратегии развития технологий в области ИИ необходима разработка специального законодательства в области регулирования рассматриваемых отношений, касающегося создания, эксплуатации, оборота роботов и систем с ИИ, а также основных принципов, методов и пределов правового регулирования.

Со стороны экспертного сообщества уже проявлялись инициативы по созданию специализированного закона в рассматриваемой сфере.

В числе российских инициатив по правовому регулированию следует отметить законопроект, разработанный Д.С. Гришиным «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники».

Основываясь на проведенное исследование, можно прийти к выводу о том, что искусственный интеллект способен как усовершенствовать систему правосудия, так и создать новые проблемы. Повышенный уровень преступности, использование преступниками новых способов и средств совершения преступлений, критически низкие показатели раскрываемости обязывают заинтересованных лиц искать новые пути совершенствования

деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

При этом нецелесообразная система показателей, слабый уровень подготовки правоприменителей, следственная и судебная волокита, зависимое положение субъектов расследования, коррупционные риски уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального закона и многие другие факторы влияют на качество данной деятельности.

Для коренного перелома в сложившейся ситуации становится крайне недостаточным интеллектуальных возможностей отдельных оперуполномоченных, дознавателей, следователей, руководителей следственного органа и т.д. В этой связи актуализируется необходимость в качественно новой системе интеллектуального обеспечения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, в том числе основанной на возможностях искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – это атрибут современной и эффективной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а не основание для отказа от должностных лиц. Систему интеллектуального обеспечения уголовного процесса необходимо представить из следующих взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов: профессиональная подготовка субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений; законодательное обеспечение уголовного процесса; научно-исследовательское обеспечение уголовно-процессуальной деятельности; информационно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства; обеспечение уголовного процесса системами искусственного интеллекта. При этом именно за системами искусственного интеллекта кроется перспектива успешного развития уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.03.21).

2. Долматов, А.В. Предпосылки и перспективы трансформации российского законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – №1 (42). – С. 81-89.

3. Долматов, А.В. Проблемы и правовые средства противодействия деструктивным информационным воздействиям в сети интернет / А.В. Долматов, Л.А. Долматова // Менеджмент XXI века: Социально-экономическая трансформация в условиях неопределенности. Сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 312-322.

4. Долматов, А.В. Стратегия воспитания студентов в условиях геополитических угроз и информационной войны / А.В. Долматов, Л.А. Долматова // Менеджмент XXI века: образование в эпоху цифровой экономки: Сборник научных статей по материалам XVII

Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19-21 ноября 2019 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – С.153-159.

5. Международная Ассоциация Содействия Правосудию//Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений // URL: https://www.iuaj.net/node/2467

6. Сайт Национальная стратегия развития искусственного интеллекта // URL: https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/ (дата обращения: 11.11.2021).

ЛАБУЗОВА Альфия Павловна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
alfiya.labuzova@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАВЕЩАТЕЛЬНЫХ РАСПОРЯЖЕНИЙ

В статье анализируются особенности правового режима завещательных распоряжений наследодателя.

Ключевые слова: *завещательные распоряжения, условное распоряжение, воля завещателя, толкование завещания, содержание завещания.*

Правовое значение выделения завещательных распоряжений по терминологии части третьей ГК РФ и распоряжений на случай смерти неимущественного характера заключается в том, что правовой защите и исполнению в порядке, предусмотренном нормами наследственного права, подлежат только завещательные распоряжения в отношении имущества. Все иные распоряжения носят исключительно морально-этическую окраску и защите законом не подлежат, могут быть исполнены наследниками и иными лицами только добровольно, являются долгом совести.

Отдельно необходимо упомянуть об условных распоряжениях. Зачастую распоряжение в отношении имущества ставится в зависимость от совершения наследником тех или иных действий неимущественного характера, наступления тех или иных событий. Речь идет о завещаниях под условием. В науке гражданского права существует дискуссия относительно принципиальной возможности существования завещательных распоряжений под условием. Эта дискуссия, возникшая ещё в период действия Свода законов, продолжалась до самого недавнего времени, так что и в современной литературе не обходится без упоминания этой проблемы [1, с. 621].

Рассматривая положения ст. 1119 ГК РФ, отдельные авторы, хотя и указывают на наличие пробела в действующем законодательстве, но все же согласны с возможностью «применения условного завещания в отечественном праве» [2, с. 21]. Подобные мнения активно

обсуждаются в литературе в связи с отсутствием прямого запрета на составление условных завещаний в ГК РФ [3, с. 42].

Существует и иная позиция. Так, Т.П. Великоклад обоснованно отмечает, что «буквальное толкование диспозиции указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что в дополнение, кроме названных в ст. 1119 ГК РФ, в завещание могут быть включены только распоряжения, указанные в части третьей ГК РФ, а именно: ст. 1121 ГК РФ – назначение и подназначение наследника; ст. 1134 ГК РФ – назначение исполнителя завещания; ст. 1137 ГК РФ – завещательный отказ; ст. 1139 ГК РФ – завещательное возложение» [4, с. 18]. Данный перечень, по нашему мнению, является исчерпывающим и не может подлежать расширительному толкованию.

А.Л. Маковский указывает, что в ходе обсуждений проекта части третьей ГК РФ разработчиками была сознательно отвергнута идея закрепления возможности заключения условных завещаний по мотивам того, что эти условия могут неоправданно ограничивать права и свободы человека, являющегося наследником, даже несмотря на то, что такие завещания известны праву ряда стран [5, с. 38].

К сожалению, законодатель лишь косвенно закрепил недопустимость применения к части третьей ГК РФ положений общей части ГК РФ, содержащей основания для заключения сделок под условием. Это порождает не только бурные дискуссии, приведенные выше, но увеличивает нагрузку на суды общей юрисдикции [6].

Представляется, что при решении вопроса относительно правомерности такого рода распоряжений следует исходить из принципа безусловного верховенства воли завещателя. Отказ в реализации последней воли человека должен восприниматься как существенное ограничение гражданских прав и иметь под собой веские основания, отвечающие требованиям абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ. Видится, что какие-либо причины правового порядка, на основании которых можно было отказать завещателю в праве включить в завещание условное распоряжение, отсутствуют. Однако указанное не означает, что распоряжение под условием не должно отвечать требованиям законодательства, оно должно соответствовать императивным нормам закона.

Содержание завещания должно отвечать требованиям законодательства. Завещание, как и любая другая сделка, подчиняется требованиям гражданского законодательства и должно ему соответствовать. Дефект содержания завещания может привести к его квалификации как недействительного по основаниям ст. 168 ГК РФ.

Содержание завещания должно быть ясным, четким, исключать возможность двоякого толкования. Представляется, что приводимое требование имеет высокую важность, и хотя оно прямо не указано в законе, игнорировать его недопустимо. Одной из основных целей наследственного права является исполнение последней воли человека в строгом соответствии с ее содержанием, выраженным в завещании. Указанная цель недостижима в том случае, если содержание не отвечает требованию ясности, четкости, недвусмысленности. Завещатель – единственное лицо, которое достоверно может разъяснить содержание выраженной им воли. Любое толкование завещания третьим лицом – исключительно предположение такого

лица, и оно может оказаться неверным. Поскольку к моменту исполнения завещания завещателя, как правило, нет в живых, получить достоверное разъяснение содержания завещания просто невозможно. Именно в связи с указанными обстоятельствами рассматриваемое требование заслуживает самого пристального внимания. Требование ясности, четкости, недвусмысленности распространяется на все без исключения завещательные распоряжения, касающиеся как определения перечня наследников, так и имущества. Так, в отношении наследника должны быть указаны достаточные данные для его идентификации или для того, чтобы таковой был определим к моменту открытия наследства. Идентификация гражданина должна отвечать, как минимум, требованиям ст. 19 ГК РФ, юридического лица (ст. 54 ГК РФ). При формировании распоряжений относительно имущества следует учитывать то обстоятельство, что завещание – это акт распоряжения имуществом, и именно с этой точки зрения формировать его содержание: вещи и имущественные права должны быть определены аналогично правилам, которые регулируют оборот таких объектов гражданских прав. Так, если предметом распоряжения на случай смерти является недвижимое имущество, нет никаких препятствий при его идентификации использовать положения ст. 554 ГК РФ как «инструкцию к действию».

Ну и, конечно же, в тексте завещания не должно быть никаких ошибок. Казалось бы, очевидная истина, но она не всегда воспринимается авторами текстов завещаний. Необходимо четко понимать, что после открытия наследства ошибки исправлять некому.

Завещательные распоряжения должны быть исполнимыми. Данное требование, как и приведенное выше, прямо не указано в законе, однако игнорировать его также недопустимо. Указание в завещании заведомо неисполнимого распоряжения не позволит достичь одной из главных целей наследственного права – реализации последней воли человека.

Завещательные распоряжения должны учитывать временной фактор. Между составлением завещания и открытием наследства может пройти достаточно существенный промежуток времени. За рубежом принято при изменении состава имущества незамедлительно вносить изменения в составленное завещание, чего граждане России чаще всего не делают. Подобное отношение к составлению завещания предполагает необходимость учета при формировании его содержания возможных изменений в будущем как состава имущества, так и количества наследников.

Задача всякого юриста, участвующего в формировании содержания завещания, – достоверно донести до сведения завещателя эти простые и нужные правила, поскольку их соблюдение является залогом исполнения последней воли человека.

Содержание завещания как сделки тесно связано с понятием принципа свободы завещания.

В содержание принципа свободы завещания включаются следующие возможности: а) право завещать любое имущество; б) право завещать имущество любым лицам; в) право любым образом определить доли наследников в наследстве; г) право лишить наследства любого из наследников по закону либо всех наследников по

закону одновременно; д) право включить в завещание иные завещательные распоряжения, предусмотренные ГК РФ; е) право изменить или отменить завещание. Данные возможности завещатель вправе использовать по своему усмотрению. То есть воля завещателя должна формироваться свободно. В противном случае это грозит образованию пороков завещания как сделки и тем самым создаст предпосылки для признания его недействительным.

Говоря о позитивном содержании принципа свободы завещания, необходимо отметить, что в качестве общего правила закон закрепляет положение о том, что завещатель вправе включить в завещание любые предусмотренные ГК РФ завещательные распоряжения (как основные: передача имущества по наследству, так и дополнительные: завещательный отказ, завещательное возложение и т.п.). При этом завещатель может в любое время изменить или отменить указанные завещательные распоряжения, поскольку они приобретают юридическую силу только после смерти завещателя.

В литературе предлагается систематизировать завещательные распоряжения.

Так, А.М. Димитриев пишет, что основные завещательные распоряжения могут быть поделены на две группы. Во-первых, это распоряжение имуществом посредством указания в завещании конкретных наследников и имущества, переходящего к ним по наследству (положительные завещательные распоряжения). Во-вторых, это лишение наследства наследников по закону (отрицательные завещательные распоряжения) [7, с. 25].

Однако мы предлагаем взять за основу позицию А.В. Алешиной [8, с. 87]. В соответствии с законом завещатель может включить в завещание распоряжения двух основных видов: во-первых, относительно состава наследников; во-вторых, относительно распределения имущества среди назначенных наследников.

Кроме того, отдельно следует выделить назначение душеприказчика как не относящееся ни к одной из указанных групп.

Перечень завещательных распоряжений, установленный законом, является закрытым. Распоряжения, содержащиеся в завещании и не отвечающие признакам, установленным законом, не подлежат правовой защите, являются завещательными распоряжениями в литературном смысле этого словосочетания.

Что касается завещательных распоряжений относительно состава наследников, то зачастую содержание завещания составляют распоряжения о назначении наследников, также при этом указывается имущество, передаваемого им в порядке наследования. Необходимо отметить, что на сегодняшний день назначение наследника уже не может рассматриваться в качестве необходимого элемента завещания. Так, например, содержание завещания может заключаться в экстрадации – лишении всех наследников по закону наследства, или же в этой связи представляются неточными некоторые определения, данные в литературе, как личное распоряжение гражданина на случай смерти по поводу принадлежащего ему имущества с назначением наследников, совершенное в установленной законом форме.

Подназначение наследника относится к числу завещательных распоряжений, направленных на определение лиц, призываемых к

наследству. Подназначение наследника возможно как наследнику по завещанию, так и наследнику по закону. Цель подназначения заключается в замене основного наследника, если он по каким-либо причинам не принимает наследства.

Завещательные распоряжения относительно имущества. Завещано может быть любое имущество: как наличное, существующее на момент составления завещания, так и то, которое может быть приобретено в будущем. Наличие такого правила связано с тем, что момент составления завещания и момент открытия наследства всегда разделены во времени, а ведь состав наследства определяется именно на момент смерти наследодателя, а не на момент составления завещания.

При составлении завещания не требуется предоставления документов, подтверждающих права на имущество, вопрос о правах завещателя на имущество при составлении завещания обсуждению не подлежит.

Особенности правового режима конкретного объекта гражданских прав или правового положения наследника не влияют на возможность совершения завещания в отношении такого объекта, что, однако, не означает, что при исполнении завещания они не будут учтены. Особенности правового положения конкретного лица или объекта гражданских прав могут повлиять на возможность приобретения имущества конкретным наследником (получит он вещь или ее стоимость). Так, стоимость имущества получит наследник – иностранный гражданин, не получивший российского гражданства, при наследовании земельного участка; наследник, которому отказано в выдаче разрешения на приобретение огнестрельного оружия; наследник, которому отказано в даче согласия на вступление в общество с ограниченной ответственностью.

Единственное ограничение по составу объектов гражданских прав, которые могут быть завещаны, содержится в п. 1 ст. 1185 ГК РФ. Иных ограничений не существует.

Завещатель по своему усмотрению определяет доли наследников в наследстве, распределяет имущество между наследниками любым уместным, по его мнению, способом. Он вправе указать как доли наследников (например, определив, что имущество причитается наследникам, упомянутым в завещании, поровну, или иным образом), так и вещи, иное имущество, которое причитается конкретным наследникам. Завещатель вправе комбинировать указанные способы.

Список литературы:

1. Алешина, А.В. Особенности совершения завещаний в странах романо-германской правовой системы / А.В. Алешина // Вестник Санкт-петербургской юридической академии. – 2016. – № 3 (32). – С. 59-64.

2. Тарасова, И.Н. Допустимость условной формы завещания в российском гражданском праве / И.Н. Тарасова // Нотариус. – 2013. – № 2. – С. 19-21.

3. Денисова, Ю.Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения /

Ю.Н. Денисова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 4 (45). – С. 41-46.

4. Великоклад, Т.П. Правомочия завещателя на включение условий в завещание / Т.П. Великоклад // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 16-20.

5. Маковский, А.Л. Как лучше гарантировать наследование / А.Л. Маковский // Законодательство и экономика. – 1997. – № 3. – С. 36-39.

6. Апелляционное определение Омского областного суда от 10.07.2018 по делу № 33-4477/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Димитриев, М.А. Принцип свободы завещания в российском гражданском законодательстве (отдельные вопросы правовой квалификации) / М.А. Димитриев // Нотариус. – 2012. – № 3. – С. 24-27.

8. Алешина, А.В. Наследственные отношения в Российской Федерации и международном частном праве: учебное пособие / А.В. Алешина, В.А. Косовская; под общ. ред. О.С. Зыбиной. – СПб.: НОУ «СЮА», 2015. – 198 с.

ЛАМАНОВ Николай Николаевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
nnlamanov@mail.ru

МЕСТО НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В СИСТЕМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

В статье рассматривается место института необходимой обороны в уголовном законодательстве, проводится анализ сущности и значения необходимой обороны как важнейшего из обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: *необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния, уголовно-охраняемые интересы, посягающее лицо, общественная опасность посягательства, обстановка защиты.*

Развитие социального государства в условиях правовой интеграции предусматривает, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство признаются в демократическом обществе наивысшей социальной ценностью, поэтому их защита является приоритетным направлением уголовно-правовой политики российского государства [1, с. 94].

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года (далее – УК РФ) впервые в истории отечественного права предусмотрена специальная глава, посвященная обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Это позволило сгруппировать все нормы, связанные с правомерным причинением вреда, в одном месте. До этого момента лишь наука уголовного права рассматривала необходимую

оборону, крайнюю необходимость и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в качестве самостоятельного института.

В главе 8 УК РФ, в отличие от прежнего уголовного законодательства, круг обстоятельств, связанных с причинением вреда охраняемым уголовным интересам, но признаваемых правомерными, заметно расширился. Все обстоятельства, предусмотренные данной главой, имеют схожую правовую природу, однако обладают своей спецификой. Последняя обнаруживается в особенности условий (обстоятельств) причинения вреда уголовно-охраняемым интересам.

Еще в советский период об этом писал Ю.В. Баулин, по мнению которого различия между отдельными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, состоит не в правовой природе, а в тех условиях, которые установлены для признания правомерности действий субъекта, совершаемых при их наличии, исходя из источников опасности и объектов причинения вреда [2, с. 46].

Переходя к анализу сущности и значения необходимой обороны как важнейшего из обстоятельств, исключающих преступность деяния, можно отметить следующее.

Провозгласив в статье 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанность государства, наша страна тем самым возложила функции защиты жизни, здоровья и других интересов граждан, прежде всего, на государство.

В нашей стране право на необходимую оборону составляет обязательную компоненту правового статуса личности. Исходя из своего значения, указанное право включено в содержательную структуру общего правового статуса личности, основы которого установлены в главе 2 Конституции РФ. В части 2 статьи 45 Основного закона нашей страны отмечается, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Вместе с тем реализация этого права, согласно части 3 статьи 17 Конституции РФ, определяющей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, не может быть беспредельным. Причинение вреда при обороне выступает не как самоцель, а как средство защиты жизни и других благ, охраняемых законом, без которого на данном этапе развития общества обойтись невозможно.

В доктрине уголовного права под необходимой обороной понимается правомерная защита себя, своих близких, а также интересов иных лиц, общества и государства от общественно опасного посягательства, связанная с причинением вреда посягающему [3, с. 221].

Легальная же дефиниция необходимой обороны дана в части 1 статьи 37 УК РФ, согласно которой не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или

другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Общество в целом, публичная власть, уголовное право как социальный инструмент должны обеспечить необходимый баланс между правом граждан на необходимую оборону и иные способы самозащиты, с одной стороны, и функциями государства по обеспечению правопорядка и законности – с другой.

Существуют и постоянно возникают реальные противоречия, которые должны, в частности, разрешаться средствами уголовного закона. Все это означает, что необходимая оборона как способ защиты своих прав и свобод всеми законными способами:

1) соответствует Конституции РФ;

2) реально укоренена в обществе и более-менее активно осуществляется всеми гражданами;

3) противоречива по своему содержанию, а потому порождает как позитивные, так и негативные последствия, нуждаясь в четкой и стабильной уголовно-правовой регламентации [4, с. 570].

По этим причинам институт необходимой обороны должен отражать связанность содержания необходимой обороны правом, более конкретно – уголовным правом; запрет на злоупотребление правом, что включает и его превышение либо провокацию; замену при отсутствии правовых оснований к этому действий публичной власти произвольными действиями субъектов, не управомоченных на их осуществление.

Необходимая оборона является необходимой в том смысле, что частному лицу зачастую не обойтись без нее. Она необходима прежде всего в интересах обороняющегося. Естественное право обороны, будучи провозглашенным на конституционном уровне, приобретает значение элемента государственно-правового отношения. В связи с этим представляется ошибочной позиция, согласно которой право на необходимую оборону вытекает из уголовного законодательства [5, с. 45].

В этой связи следует согласиться с А.В. Никуленко, что превышение пределов необходимой обороны признаётся умышленное применение обороняющимся лицом от общественно опасного посягательства такого способа защиты, применение которого явно, очевидно для обороняющегося не вызывалось характером и опасностью посягательства, при этом посягающему без необходимости умышленно был причинён тяжкий вред здоровью или смерть [6, с. 14].

В средствах массовой информации сегодня достаточно часто можно встретить призывы к расширению права на необходимую оборону, что мотивируется ростом преступности и слабостью публичной власти, прежде всего правоохранительных органов. Определенные резоны в этом есть. Вместе с тем оценка необходимой обороны связана с осознанием рисков, которые несет ее осуществление. Эти риски двояки. Они состоят в причинении вреда обороняющимся лицам, реальной угрозе их жизни и здоровью.

Государство должно совместно с обществом в целом заботиться о подготовленности граждан к охране своих законных прав. Все же до сегодняшнего дня признаётся нежелательным использование для этих целей боевого оружия, защита помещений средствами,

представляющими опасность (источниками электроэнергии, капканами и пр.). Помимо этого, риски необходимой обороны состоят в возможном злоупотреблении своими правами со стороны обороняющихся.

Социальная оценка необходимой обороны должна опираться на предметную характеристику ее как физического опасного столкновения нападающих и обороняющихся лиц, способных причинить друг другу любой физический вред и даже смерть. Необходимая оборона – это действия, направленные против жизни и здоровья. Признание таких действий правомерными не устраняет их предметной, реальной опасности. И все же, по господствующему в науке мнению, необходимая оборона рассматривается как социально полезные действия, цель которых состоит в охране социальных ценностей, защищаемых правом либо иным образом одобряемых обществом.

Чтобы признать вред, который причинен в состоянии необходимой обороны правомерным, следует установить отдельные условия, которые нашли свое закрепление в положениях УК РФ. Установление таких условий позволит утверждать о существовании данного института. Вместе с тем легальные положения, на основании которых делается заключение о том, что причинен правомерный вред, сами по себе также нуждаются в разъяснениях применительно к тем или иным ситуациям совершения общественно опасного деяния, и теми условиями, которые делают возможной защиту своих или иных интересов.

Для того чтобы установить правомерность вреда, который был причинен в ситуации необходимой обороны, уголовно-правовая доктрина, основываясь на положениях УК РФ и анализе существующей правоприменительной практики, предлагает ряд условий. При этом эти условия различаются на две группы, критерием такого деления является то, что они характеризуют: посягательство, породившее состояние необходимой обороны, или ответные действия обороняющегося на данное посягательство. По данному критерию выделяют соответственно условия, относящиеся к посягательству, и условия, относящиеся к защите.

Таким образом, объективный критерий превышения пределов необходимой обороны при защите характеризуется прежде всего наличностью посягательства, когда обороняющийся осуществляет своё право на оборону, однако превышает пределы допустимой защиты.

Что же касается субъективного критерия превышения пределов необходимой обороны при защите, то здесь следует скорее говорить о виновности обороняющегося. Дело в том, что превышение пределов необходимой обороны может быть лишь тогда, когда защищающийся, осознав возможность отразить нападение более мягкими для посягающего средствами, однако избрал неоправданно жёсткие средства, т.е. действовал умышленно, исключая неосторожную форму вины. В этой связи следует отметить, что квалификация без учёта субъективного критерия превышения пределов необходимой обороны при защите в судебно-следственной практике вызывает много трудностей [7, с. 102].

Вместе с тем следует ещё раз отметить, что в законодательстве превышение пределов необходимой обороны представляет собой как умышленные действия, которые явно соответствуют характеру и общественной опасности посягательства (ч. 2 ст. 37 УК РФ). Данное положение имеет прямое отношение к защите при превышении пределов необходимой обороны. В состоянии аффекта затрудняется контроль защищающегося над своими действиями, их осмыслением и в конечном итоге избрать соразмерные средства защиты при посягательстве, что порождает трудности судебно-следственной практике при квалификации действий обороняющегося.

Указанные и другие проблемы диктуют необходимость совершенствования ст. 37 УК РФ, особенно когда речь идёт о превышении пределов необходимой обороны, относящихся к защите каких-либо правоохраняемых интересов.

Список литературы:

1. Варушкин, А.А. Проблемы уголовно-правового регулирования института необходимой обороны / А.А. Варушкин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 1 (50). – С. 94-98.

2. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. – Харьков: Основа. – 1991. – 360 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Особенная часть. Разделы VII-VIII. Т. 2 / В.М. Лебедев; отв. ред. В. М. Лебедев. – М: Юрайт. – 2018. – 371 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). 2-е изд. Т. 1 / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект. – 2015. – 792 с.

5. Милюков, С.Ф. Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элемент гражданской самозащиты / С.Ф. Милюков, Л.А. Сиятскова. – Н.Новгород: Мир. – 2005. – 247 с.

6. Никуленко, А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации. Автореф. дис. … докт. юрид. наук / А.В. Никуленко. – СПб., 2019. – 47 с.

7. Павлов, В.Г. Еще раз о необходимой обороне как обстоятельстве, исключающем преступность деяния / В.Г. Павлов, Д.В. Павлов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 4 (53). – С. 101-108.

ЛЕОНОВА Галина Владимировна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
gleonova@yandex.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РОДИТЕЛЕЙ

В статье анализируются особенности семейной правосубъектности несовершеннолетних родителей.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, родитель, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, содержание правоотношения.*

Способность той или иной сущности быть субъектом права предопределяется, с одной стороны, ее естественными и социальными свойствами, с другой – макросоциальными соображениями о возможности и целесообразности признания за этой сущностью качеств субъектов права. Способность быть субъектом семейного права и признаваться таковым называется семейной правосубъектностью. После же того, как та или другая сущность будет признана субъектом семейного права (реализует свою семейную правосубъектность), для нее наступят определённые юридические последствия. Можно сказать, что с признанием того или явления реального мира лицом его семейная правосубъектность облекается в специфические семейно-правовые формы. Семейная правосубъектность может принять двоякую правовую форму (правоспособности либо системного единства право и дееспособности). В литературе можно даже встретить термин «праводееспособность» [1, с. 355]. Вне зависимости от терминологического обозначения следует помнить, что в отличие от правоспособности семейная дееспособность не является самостоятельной семейно-правовой формой, ибо не может существовать сама по себе, вне своего содержания с правоспособностью. Быть дееспособным, но не правоспособным нельзя, в то время как обратная ситуация – правоспособность есть, а дееспособности нет – возможна.

Семейной правоспособностью называется способность (возможность), признанная нормами семейного права за лицом, обладающим семейной правосубъектностью, иметь семейные права и нести семейно-правовые обязанности. В этом определении четко подчеркнуто, во-первых, соотношение правоспособности и правосубъектности как следствия (юридического результата, юридической возможности) и причины (естественно-социальной предпосылки, фактических обстоятельств), а во-вторых, в самой общей форме указывается на наличие у правоспособности таких двух параметров, как содержание и объем [2, с. 54].

Для того чтобы иметь субъективные права, таковые необходимо сперва приобрести; будучи приобретенными субъективные права могут быть осуществлены, либо стать предметом распоряжения

обладателя; наконец, будучи нарушенными субъективные права подлежат защите. Так же и с обязанностями: для того чтобы их нести, необходимо иметь возможность на себя таковые возложить (принять), приняв, нужно иметь способности их исполнить либо прекратить иным способом, а также распорядиться ими; наконец, лицо, нарушившее обязанность, должно обладать способностью нести ответственность за такое нарушение. Способности приобретать, иметь (нести), осуществлять (исполнять, прекращать) и защищать (отвечать за нарушения) субъективные права (обязанностей), а также распоряжаться ими (как правами, так и обязанностями) и составляют содержание правоспособности [3, с. 33].

Говоря о том, что правоспособность признается в равной мере за субъектами того или иного вида, мы говорим о признании правоспособности равного содержания: каждый обладатель правоспособности способен совершать все юридические действия по отношению как к правам, так и к обязанностям, совместимые с природой этих прав и обязанностей. Но при равенстве содержания правоспособности ее объем вполне может быть различным; различия эти могут быть обусловлены разнообразными причинами как объективного, так и идеологического свойства. Это, в частности, означает, что приобретают смысл действия, направленные на изменение объема правоспособностей, являясь потенциальным предметом нормативной регламентации.

Семейная правоспособность как семейно-правовая форма характеризуется следующими признаками: абстрактным, или бланкетным характером; юридическим и равным содержанием; равной принадлежностью, внутренним единством; неопределенно длительным (бессрочным) существованием; неисчерпаемостью. Кроме того, гражданская правоспособность не только реализуется активными действиями своего обладателя или его законного представителя, но и может быть использована в общем интересе, наконец, она, обеспечивается государственным признанием в равной мере за всеми субъектами гражданского права (равенством содержания и общностью принадлежности).

В законодательстве РФ нет определения понятию «семейная дееспособность». Проведя аналогию с гражданской дееспособностью, семейную дееспособность можно определить, как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять семейные права, создавать для себя семейные обязанности и исполнять их. Таким образом, связь гражданской и семейной дееспособности, хотя и прослеживается во многих случаях, семейным законодательством предусмотрены нормы, отличающие эти два вида дееспособности друг от друга.

Особую актуальность проблема семейной дееспособности приобретает в вопросах о содержании правоотношений с участием несовершеннолетних субъектов, а в связи с самостоятельным осуществлением родительских прав несовершеннолетними родителями в возрасте от 16 лет, проблема еще более обострилась.

Интересно мнение Г.В. Богдановой, которая считает, что принципиальное различие в правовом положении указанных групп несовершеннолетних родителей заключается в том, что при

вступлении несовершеннолетних лиц в брак они приобретают гражданскую дееспособность в полном объеме, но при рождении ребенка несовершеннолетними родителями, не состоящими в браке, они обладают лишь тем объемом дееспособности, который предусмотрен соответственно для малолетних или несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет [4, с. 55].

С такой точкой зрения автора можно поспорить, потому что, если бы в данном случае речь шла о несовершеннолетних родителях, как субъектах гражданского оборота, то с автором можно было бы согласиться, но такой вывод при исследовании автором вопроса об осуществлении родительских прав несовершеннолетними родителями представляется спорным. Осуществляя родительские права, несовершеннолетние родители могут выступать как субъектами семейных правоотношений (например, воспитание детей), так и субъектами гражданских правоотношений, когда, например, в гражданском обороте они представляют интересы своих детей. Поэтому необходимо различать гражданскую и семейную дееспособность несовершеннолетних родителей и применять ту или иную в зависимости от вида правоотношений, в которых они участвуют.

Пределы осуществления несовершеннолетним родителем своего субъективного права, в том числе гражданского, семейного, гражданско-процессуального, зависят от объема его соответствующей дееспособности. Необходимо также учитывать реальную невозможность несовершеннолетних родителей в силу их физической, умственной, психической, интеллектуальной незрелости, крайней легкомысленности отсутствия материальных условий выполнить в полном объеме свои права. В семейное законодательство стоит внести некоторые изменения, относительно наделения полной дееспособностью несовершеннолетнего лица в случае рождения внебрачного ребенка, либо включить рождение ребенка в число обстоятельств, при которых несовершеннолетний может быть эмансипирован, так как существуют определенные противоречия в праве. Так, несовершеннолетний родитель не вправе от своего имени совершать некоторые сделки, то есть не обладает полной гражданской дееспособностью, при этом он может совершать сделки такого же рода от имени ребенка как его законный представитель, тем самым осуществляя самостоятельно родительские права.

Семейным законодательством родитель, достигший возраста шестнадцати лет, наделяется полной дееспособностью по отношению к своему ребенку, до достижения данного возраста ребенку несовершеннолетних родителей назначается опекун. Исходя из этого, учеными-цивилистами обращается внимание на существующие противоречия при определении гражданской дееспособности и семейной дееспособности [5, с. 39].

Как отмечают ученые, согласно ГК РФ, несовершеннолетние родители сами наделяются лишь частичной дееспособностью, при этом семейным законодательством на них возлагается обязанность по представлению интересов своих детей [6, с. 48]. Представляется, что на практике такая ситуация может являться причиной нарушения

интересов таких детей, например, при заключении различных договоров.

В частности, возможно возникновение ситуации, когда необходимо заключение договора об оказании медицинских услуг для ребенка несовершеннолетнего родителя. А, как известно, шестнадцатилетний родитель не наделен правом заключения таких договоров. Действующим гражданским законодательством полная дееспособность, по общему правилу, предоставляется ребенку по достижению восемнадцатилетнего возраста, ранее, лишь в случае эмансипации или при вступлении в брак. Однако следует отметить, что не всегда рождению ребенка несовершеннолетним родителем предшествует заключение им брака. В подобных ситуациях неминуемо возникает противоречие между гражданской дееспособностью и семейной дееспособностью.

Существование взаимосвязи гражданской и семейной дееспособности является безусловным, при этом доминирующее значение следует признать за первой, поскольку ограничение, либо лишение семейной дееспособности лица не оказывает никакого влияния на его гражданскую дееспособность: у него сохраняется право к совершению сделок, выступать в качестве субъекта любых обязательств. В то время как, лицо, лишенное гражданской дееспособности не может реализовывать и семейную дееспособность [7, с. 72]. Так, гражданин, признанный недееспособным лишается права на заключение брака, осуществление родительских прав и т.д.

Представляется, что содержание термина «дееспособность» в гражданском и семейном праве будут совпадать в силу тесной взаимосвязи данных отраслей права.

Для правовой определенности полагаем целесообразным внесение изменений в действующий СК РФ путем включения в него термина «семейная дееспособность граждан». Определить формулировку данного понятия полагаем возможным, взяв за основу понятие «гражданская дееспособность», при этом учитывая особенности семейных правоотношений, их специфику.

В целях совершенствования семейного законодательства предлагаем дополнить СК РФ нормой следующего содержания:

«1. Семейная дееспособность гражданина возникает в полном объеме по достижению восемнадцатилетнего возраста.

2. Приобретение гражданской дееспособности до достижения возраста восемнадцати лет не отменяет установленные настоящим кодексом возрастные ограничения для осуществления отдельных прав и обязанностей.

3. Семейная дееспособность может быть ограничена по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом. Ограничение, лишение и восстановление семейной дееспособности в соответствии со ст.ст. 70, 72, 73 и 76 настоящего Кодекса производится в судебном порядке».

Список литературы:

1. Пржиленский, В.И. Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного

философского понятия / В.И. Пржиленский // Lex russica. – 2013. – № 4. – С. 353-360.

2. Толстова, А.Е. Несовершеннолетний родитель как участник семейных правоотношений / А.Е. Толстова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 2 (39). – С. 52-56.

3. Белов, В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты / В.А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 1093 с.

4. Богданова, Г.В. Права и обязанности родителей и детей / Г.В. Богданова. – М.: Книга-сервис, 2003. – 112 с.

5. Реймер, Е.А. Несовершеннолетнее материнство: правовые аспекты / Е.А. Реймер // Социальное и пенсионное право. – 2016. – № 1. – С. 38-40.

6. Дягилева, Л.В. Правовое регулирование отношений между родителями и детьми в исторической ретроспективе / Л.В. Дягилева // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 2 (47). – С. 46-51.

7. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

ЛИТВИНЕНКО Яков Александрович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
Yozisarakhis@gmail.com

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВЫНУЖДЕННЫМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается нормативно- правовое регулирование такой категории лиц, как вынужденные переселенцы, в частности рассматривается Федеральный закон «О вынужденных переселенцах».

Ключевые слова: *вынужденный переселенец, беженец, вынужденная миграция, Российская Федерациия.*

Конфликты, преследования, противостояния и насилие сопровождали человечество на всем его историческом пути. Период Новейшей истории не является исключением. Преследования по политическим, расовым и национальным признакам, опустошительные военные конфликты, геноциды, но вместе с тем и развитие института прав и свобод человека, заставили мировое сообщество обратить внимание на такое явление, как «вынужденная миграция».

Затронуло это явление и Россию. Хотя внешняя миграция в советский период находилась под строгим государственным надзором, первые предпосылки для появления потоков вынужденных

переселенцев появлялись уже в 80-х годах. Переломный момент произошел в 1990-х годах: с распадом Советского Союза Россия превратилась во второй по величине иммиграционной центр мира после США [4].

Новоявленная проблема стала для Российской Федерации одной из труднорешаемых и сложных задач не только потому, что была новой и незнакомой на тот период времени, но и потому, что появилась она на фоне социального и экономического кризиса, а также этнических конфликтов в республиках бывшего СССР: В Таджикистане, Туркмении, Казахстане дискриминация в отношении этнически русского населения приводила к массовым потокам вынужденных переселенцев. По данным Госкомстата РФ, миграционные потоки в Российской Федерации только за 1991-1999 годы (из региона в регион и из других стран) составили более 30 млн. человек прибывших и выбывших из разных регионов страны [2, с. 323].

В сложившихся условиях перед правительством страны появились следующие задачи: обеспечить правовую базу для регулирования данного вопроса, а также реорганизовать орган, ведущий надзор за миграцией. В 1993 году принимаются два основных закона: «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах». Данные нормативно- правовые акты, регулирующие порядок получения статуса беженца или вынужденного переселенца, а также обеспечивающие им правовую защиту государством, являются действующими по сей день. Немаловажную роль играет и соглашение стран СНГ «О помощи беженцам и вынужденным переселенцам» от 24 сентября 1993 года, которое также регулирует данный вопрос. Для обеспечения работы новых законов указом президента от 14 июня 1992 года была создана Федеральная миграционная служба России, основной задачей которой стало осуществление государственного надзора в сфере миграции.

«В Российской Федерации все вынужденные мигранты законодательно подразделяются на две категории – беженцы и вынужденные переселенцы. Официально это закреплено в двух соответствующих законах – Закон РФ “О беженцах» и Закон РФ “О вынужденных переселенцах”» [3, с. 177]. Подобная категория лиц, определяемых, как «вынужденные переселенцы», является уникальным явлением, которое характерно для Российской Федерации и стран-участников СНГ, в то время как в законодательствах других стран и иных международных нормативных актах данный термин отсутствует.

Если рассматривать данный термин в рамках российского законодательства, то в законе РФ «О вынужденных переселенцах» под данными лицами понимаются «граждане Российской Федерации, покинувшие место жительства вследствие совершенного в отношении их или членов их семей насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении

конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка». [1, ст. 1] Статус вынужденного переселенца предоставляется на 5 лет.

Исходя из обстоятельств, указанных выше, вынужденным переселенцем можно признать гражданина Российской Федерации, вынужденного покинуть свое место проживания на территории иностранного государства и прибывшего на территорию Российской Федерации, либо же покинувшего место жительство на территории одного субъекта и прибывшего на территорию другого субъекта внутри пределов территории России.

Первая статья данного федерального закона затрагивает не только самого вынужденного переселенца, но и его семью. Членами семьи вынужденного переселенца признаются проживающие с ним независимо от наличия у них статуса вынужденного переселенца его супруги/супруга, детей, родителей и иных родственников, нетрудоспособных иждивенцев, которые также ведут с ним общее хозяйство с даты регистрации ходатайства. В особых случаях членами семьи вынужденного переселенца могут быть признаны и другие лица в судебном порядке.

Вместе с тем существует ряд определенных причин, по которым лицо не может быть признано вынужденным переселенцем:

1) лицо совершило преступление против мира и человечества;

2) лицо признано виновным в совершении тяжкого преступления, признаваемого законодательством Российской Федерации;

3) лицо не обратилось с ходатайством в течение двенадцати месяцев со дня выбытия с места жительства;

4) лицо покинуло свое место жительство в связи с экономической обстановкой, голодом, эпидемией или чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера.

Поскольку вынужденные переселенцы, как правило, имеют гражданство Российской Федерации, то они также обладают теми же правами и обязанностями, что и остальные граждане. Этим вынужденный переселенец отличается от беженца, чей правовой статус схож со статусом иностранных граждан, не обладающих определенными иммунитетами и привилегиями. Тем не менее, 6 статья Федерального закона «О вынужденных переселенцах» все же устанавливает некоторые дополнительные права и обязанности для переселенцев.

Вынужденные переселенцы имеют права:

1) самостоятельный выбор места проживания на территории России, в том числе в одном из населенных пунктов, предлагаемых ему территориальным органом федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также возможность совместного проживания с родственниками или иными лицами при условии их согласия;

2) если возможность самостоятельного выбора нового места жительства отсутствует, то лицо с данным статусом имеет право на получение направления на проживание в центре временного размещения вынужденных переселенцев или в жилом помещении

фонда для временного поселения (данное направление выдается в письменной форме, либо в формате электронного документа);

3) получение помощи в обеспечении проезда и провоза багажа к месту пребывания или новому месту жительства согласно правилам, утвержденным в Постановлении Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 713. При этом малоимущие семьи, одиноко проживающие граждане имеют право на компенсацию расходов, связанных с данной процедурой.

Что же касается обязанностей вынужденного переселенца, то они во многом схожи с обязанностями лица, получившего статус беженца: лицо обязано соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, соблюдать установленный порядок проживания в центре временного размещения и жилом помещении фонда для временного поселения вынужденных переселенцев, при смене места жительства вставать на учет в течение одного месяца, а также сниматься с учета по прежнему месту жительства, и переходить перечет в установленные сроки. Однако право на пользование жилым помещением фонда может быть утеряно при получении или приобретении другого жилья, при утрате или лишении статуса вынужденного переселенца, а также при отсутствии в течение 6 месяцев без уважительных причин [5, с. 86].

Подводя итоги, можно сказать, нормативно- правовые акты Российской Федерации в достаточной мере регулируют правовое положение вынужденных переселенцев. Конечно, с течением времени, а также в связи с общей обстановкой в мире, российское законодательство, затрагивающее вопросы иностранных граждан и миграции в целом, может меняться и совершенствоваться, что является закономерным процессом развития права.

Список литературы:

1. Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // http://pravo.gov.ru/

2. Демографический ежегодник России 1999 // Статистический сборник. Госкомстат России. – М., 1999.

3. Бажанов, Г.В. Понятие и типология вынужденных мигрантов: общее и особенное / Г.В. Бажанов // Наука. Инновации. Технологии. – 2004. – С. 177-187.

4. Pew Hispanic Center. «A Nation of Immigrants: A Portrait of 40 Million, Including 11 Million Illegals». – URL: https://www. pewresearch.org/hispanic/2013/01/29/a-nation-of-immigrants/

5. Конституционное право: учебное пособие в 4 частях. Ч.2. Особенная часть. Раздел I. Основы конституционного права Российской Федерации/Э.В. Сулин, Л.М. Дулич, П. В. Иванов и др.; под общей ред. д.ю.н., проф. Э.В. Суслина. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. – 336 с.

ЛИХОМАНОВА Виктория Валерьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
likhomanova00@yandex.ru

ОКОНЧАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА БЕЗ ВЫНЕСЕНИЯ РЕШЕНИЯ

В статье рассматривается такой институт гражданского процессуального права, как окончание гражданского дела без вынесения решения.

Ключевые слова: *разбирательство гражданского дела в суде, оставление заявления без рассмотрения, прекращение производства по делу.*

Высший нормативный правовой акт Российской Федерации – Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) – устанавливает гарантии прав человека и гражданина в России на государственную защиту своих прав и свобод, определяет структуру и организацию судебных органов, а также фиксирует основные цели, задачи и принципы их деятельности [1].

Конституция России устанавливает, что судебная власть в государстве осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Гражданское судопроизводство – процесс защиты прав и законных интересов человека и гражданина, основывающийся на таких нормативных правовых актах, как: Гражданский кодекс Российской Федерации, принятый 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ).

Таким образом, граждане отстаивают свои права, нарушенные другими лицами в гражданских спорах, которые рассматриваются судами общей юрисдикции.

Обращаясь в суд с заявлением, граждане тем самым реализуют принадлежащее им законное средство защиты своих прав, которое имеет неоспоримый приоритет перед другими формами защиты.

Судебный процесс в гражданском производстве начинается с того, что суд возбуждает дело по исковому заявлению, в котором заинтересованное лицо, то есть истец констатирует свои требования к ответчику и излагает обоснования этих требований.

Рассматривая такое заявление, суд берет на себя обязанность выполнять возложенные на него законом задачи по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации.

Стоит упомянуть, что достижение целей судопроизводства по гражданским делам возможно исключительно при условии

неукоснительного соблюдения норм гражданского процессуального законодательства.

Разбирательство дела в суде – значимая для осуществления правосудия стадия гражданского процесса.

На данной стадии проходит полное, всестороннее и объективное исследование доказательств, устанавливаются факты и обстоятельства, которые тем или иным образом имеют значение для правильного разрешения гражданского спора по существу.

На стадии судебного разбирательства в наибольшей степени проявляются принципы гражданского процесса. Бесспорно, отмечается некоторыми авторами, что только полная реализация принципов состязательности и равноправия сторон гарантируют правильную и своевременную защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций при отправлении правосудия по гражданским делам [12, с. 75].

Во время разбирательства гражданского дела суд может определить законные права и юридические обязанности сторон в рамках правоотношений по конкретному вопросу.

Именно на этой стадии судебного процесса вершится правосудие как таковое, поскольку другие стадии либо только подготавливают необходимые ресурсы для его совершения, либо контролируют законность проведения мероприятий, осуществляемых в целях рассмотрения гражданского дела.

Разбирательство дела в суде оканчивается, как правило, вынесением судом определенного мотивированного решения (процессуального акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу), что помогает государству в лице судебной системы защитить нарушенные права и свободы человека, путем обобщения и консолидации информации, полученной на стадии рассмотрения дела, а также путем восстановления и конкретизации нарушенных прав и обязанностей сторон, что делает момент формулировки и составления решения суда ответственным и серьезным этапом отправления правосудия и достижения целей самого судебного производства в целом.

При принятии решения суду необходимо оценить представленные доказательства, определить значение фактических обстоятельств для рассмотрения дела и правоотношения сторон спора.

Однако, согласно процессуальному законодательству, иногда, в ходе судебного разбирательства, открываются некоторые обстоятельства, при наличии которых принятие законного решения не представляется возможным, и дело заканчивается с отступлением от обыкновенного процессуального порядка, то есть без вынесения решения.

Согласно процессуальному законодательству, по характеру обстоятельств, приводящих к окончанию гражданского дела без вынесения решения, и своим последствиям, завершение судебного разбирательства по делу может проводиться в форме прекращения производства по делу (регламентируется ст. 220-221 ГПК РФ); оставления заявления без рассмотрения (регламентируется ст. 222-223 ГПК РФ) [5, с. 256].

Указанные две формы завершения рассмотрения гражданского дела без вынесения решения описаны в гражданском процессуальном законодательстве являются устоявшимися, доктринально проработанными, имеют свои сходства и определенные различия, поэтому отождествлять данные правовые категории крайне ошибочно, их, напротив, необходимо характеризовать раздельно, а также детально анализировать [11, с. 121].

Изучив статью 220 ГПК РФ, можно сделать вывод, что основания прекращения производства по делу представляют собой ограниченный указанной статьей исчерпывающий перечень, который не подлежит расширенному толкованию, а также в основном возникают по причине отсутствия у истца права на защиту в суде, что объясняет невозможность повторного обращения того же истца по тождественному требованию в суд, так как основная масса указанных выше оснований имеет значение на стадии принятия заявления.

Суду необходимо вынести определение о прекращении производства по гражданскому делу в том случае, если у заинтересованного лица, то есть истца, отсутствует право на обращение за защитой своих прав и законных интересов в суд.

Также имеет место и та ситуация, когда истец обращается за судебной защитой повторно с тождественным иском, то есть, когда фактически уже имеется мотивированное решение суда, вступившее в законную силу, принятое по урегулированию спора между такими же сторонами, содержащее тот же предмет спора и те же основания. Данное основание относится также не только к решению суда, но и к уже вынесенному определению о прекращении производства по гражданскому делу в связи с принятием отказа заинтересованного лица от иска либо с тем фактом, что стороны конфликта пришли к взаимному согласию.

Необходимо заметить, что в судебной практике может иметь место такая ситуация, когда тождественность исков вызывает у судьи сомнения и он не уверен в правильности своего решения о вынесении определения о прекращении разбирательства по данному гражданскому делу. В таком случае судья обязан принять заявление и разрешить вопрос о тождестве исков уже в процессе судебного заседания, учитывая все нюансы и конкретные обстоятельства дела.

Спорное правоотношение прекращается также и при первичном заключении сторонами мирового соглашения или отказе истца от иска при условии принятия этого отказа судом.

Также стоит отметить, что необходимым вынесение определения о прекращении судебного разбирательства по гражданскому делу делает и прекращение обязательств, которые вытекают из спорного материального правоотношения.

Совершение сторонами определенных распорядительных действий свидетельствует не только о распоряжении своими материальными правами, прекращая при этом спорное правоотношение, например, заключением мирового соглашения, но и о распоряжении процессуальными правами, определяя тем самым судьбу процесса [13, с. 149].

Таким образом, определение о прекращении судопроизводства по гражданскому делу можно охарактеризовать как судебный процессуальный акт, обладающий свойствами исключительности.

Однако нельзя говорить, что данное определение является окончательным, поскольку представления прокурора и подача частной жалобы по-прежнему остаются возможными.

Основным отличием оставления заявления без рассмотрения от прекращения производства по делу является то, что основания, по причине которых рассмотрение заявления становится невозможным, являются исправимыми, то есть не существует аналогичного первой форме окончания гражданского дела без вынесения решения строгого запрета, и после устранения недостатков тождественное заявление может быть подано в суд тем же истцом.

К причинам, по которым суду необходимо выносить определение об оставлении заявления без рассмотрения можно отнести нарушение заявителем обязательного досудебного порядка урегулирования конфликтной ситуации, подача заявления лицом, не обладающего для этого необходимой дееспособностью или не имеющим соответствующих полномочий, а также факт наличия в производстве суда дела по тождественному иску, то есть с той же заинтересованной стороной, с такими же требованиями, предъявленными к тому же ответчику.

Стоит отметить, что не всегда подача заявления недееспособным лицом означает, что суд обязательно должен вынести определение об оставлении заявления без рассмотрения, поскольку заявление этого лица о том, что он признан дееспособным, ходатайство о восстановлении пропущенных процессуальных сроков по делу о признании этого лица недееспособным не могут быть оставлены без рассмотрения по данному основанию.

Также основаниями оставления заявления без рассмотрения являются факты, которые свидетельствуют о том, что заинтересованная сторона утратила свой интерес к процессу, то есть она больше не нуждается в судебной защите своих прав и законных интересов. К таким ситуациям относятся случаи, когда на судебное заседание в установленное время не являются стороны или истец, не просившие о разбирательстве дела в их отсутствие, по вторичному вызову, и которые при этом не имеют уважительных причин на отсутствие во время судебного заседания, при условии, что ответчик не настаивает на рассмотрении дела по существу.

Последствия вынесения судом определений окончания дела по каждой из двух форм также являются важным отличием их друг от друга. При оставлении заявления без рассмотрения у суда при вынесении определения появляется обязанность указать в нем обстоятельства, которые препятствуют рассмотрению дела, а также то, как добиться их устранения.

При вынесении определения о прекращении производства по делу подобная обязанность суда предусмотрена только в том случае, когда присутствует нарушение правил подведомственности, что не исключает запрета на повторное обращение того же истца в другой суд с тождественным иском.

Таким образом, проанализировав обе формы окончания рассмотрения гражданского дела без вынесения решения, можно прийти к следующему выводу: и прекращение производства по делу, и оставление заявления без рассмотрения являются процессуальными действиями, которые своей целью имеют одинаковый результат, а именно завершить судопроизводство по делу без вынесения решения, то есть имеют общие черты, однако вместе с тем различны, поскольку имеют разные основания применения и процессуальные последствия.

Так, можно говорить о том, что окончание дела без вынесения судебного решения – важный процессуальный институт в гражданском судопроизводстве, изучением которого нельзя пренебрегать, поскольку он имеет весомые и значимые последствия для участников судопроизводства и играет существенную роль при отправлении правосудия.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Беспалов, Ю.Ф. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. / Ю.Ф. Беспалов. − М.: Издательство Проспект, 2020. − 338 с.
5. Власов, А.А. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. / А.А. Власов. − М.: Издательство Юрайт, 2021. − 470 с.
6. Женетль, С.З. Гражданский процесс: учебник / С.З. Женетль, А.В. Никифоров. − М.: Издательство РИОР, 2018. − 416 с.
7. Корякин, В.М., Туганов, Ю.Н. Гражданский процесс в схемах: учебное пособие / В.М. Корякин. − М.: Издательство Проспект, 2019. − 152 с.
8. Крашенников, Е.А. Гражданское право и процесс: избранные труды / Е.А. Крашенников. – М.: Издательство Юрайт, 2020. − 1125 с.
9. Лебедев, М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. / М. Ю. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2021. − 431 с.
10. Лебедев, М.Ю. Гражданский процесс: учебное пособие для вузов. 11-е изд., перераб. и доп. / М.Ю. Лебедев. − М.: Издательство Юрайт, 2021. − 270 с.
11. Мажурин, П.В. Окончание гражданского процесса без вынесения решения по делу / П.В. Мажурин // Политика, государство и право. – 2013. – № 9. – С. 119-124.
12. Попова Е.С., Митькова М.И. Реализация принципов состязательности и равноправия сторон в судебных прениях / Е.С. Попова, М.И. Митькова // Вестник Санкт- Петербургской юридической академии. – 2022. – № 1 (54). – С. 72-75.

13. Рамзанов, А.К. Формы окончания производства по делу без вынесения решения в гражданском процессе / А.К. Рамзанов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 148-150.

ЛОБАНОВСКИЙ Александр Андреевич,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, студент;
nobanovskiy00@mail.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются вопросы преступности несовершеннолетних на материале Витебской области Республики Беларусь. Автор анализирует проблемные аспекты профилактики преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: *преступление, несовершеннолетний, профилактика, тенденции развития преступности.*

Преступность несовершеннолетних – часть общей преступности, включающая в себя совокупность преступлений, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Борьба с преступностью несовершеннолетних рассматривается как важнейший аспект предупреждения преступности в целом. Распространенность преступности среди несовершеннолетних, их качественные характеристики не без оснований являются прогностическими для всей преступности.

Преступность несовершеннолетних, выступая в качестве одного из наиболее важных показателей криминогенной обстановки в стране, на протяжении длительного времени привлекает внимание как ученых, так и правоприменителей. Такой интерес не является случайным, так как на подрастающее поколение общество возлагает ряд надежд, связанных с дальнейшим развитием нашего государства. Более этого, для подростков, которые в юном возрасте совершают правонарушения, в дальнейшем исправление зачастую представляет существенную трудность, и, как следствие, указанные подростки становятся неким «резервом» для молодежной и рецидивной преступности. Ввиду этого современное состояние преступности несовершеннолетних целесообразно признать отображением преступности будущего, соответственно, тенденции данной преступности надлежит рассматривать в качестве непосредственной угрозы безопасности общества и государства в целом [1, с. 214].

Преступность несовершеннолетних является одним из важнейших показателей криминогенной обстановки в государстве, традиционно привлекает внимание учёных и практических работников правоохранительных органов. Этот интерес не случаен, ведь именно на

подрастающее поколение возлагаются надежды, связанные с развитием белорусского общества и государства.

Как свидетельствуют официальные статистические материалы МВД Республики Беларусь [2], несмотря на то, что в последние годы и на республиканском, и на региональном уровне (Витебская область) принимались активные организационные и практические мероприятия, направленные на стабилизацию ситуации с подростковой преступностью, закрепить отмечающиеся на протяжении последних 5 лет положительные тенденции в ее сокращении, удалось не в полной мере (см. График 1).

График 1. Динамика подростковой преступности в Витебской области (2017-2021 гг.)

По итогам работы за 12 месяцев 2021 г. на территории Витебской области отмечен незначительный рост преступности несовершеннолетних – на 16,3%. По оконченным уголовным делам подросткам предъявлены обвинения в совершении 164 преступлений (2020 г. – 141).

За 2021 год не допущено совершения указанной категорией лиц таких преступлений как убийства, причинение тяжких телесных повреждений. В 2,4 раза (с 17 до 7) снизилось количество хищений имущества путем модификации компьютерной информации.

На 5,6% (с 53 до 50) снизилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в сельской местности. Практически наполовину (с 20 до 12) уменьшилось количество преступлений, совершенных неработающими и не учащимися подростками.

Вместе с тем криминогенная обстановка в подростковой среде по итогам 2021 года характеризуется увеличением количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии.

Удельный вес подростковой преступности в общей структуре преступности составил 3,1% (республика – 2,9%).

В большинстве случаев совершение подростками преступлений обусловлено не тем, что они обладают комплексом негативных личностных качеств и свойств, социально деформированы, духовно-ценностно и психических неустойчивые и асоциальны по своей сущности, жизненной позиции и образу жизни, и также не мнением, что жертвы преступлений сами виноваты в причинении им ущерба преступными деяниями. Хотя эти два типа детерминации могут иметь место. На высокий уровень преступности преобладающее влияние

оказывают обстоятельства конкретной жизненной ситуации, в которой находятся подростки в тот или иной момент своей жизнедеятельности. Речь идет о социально неблагополучных, дезорганизованных, сложных, проблемных, конфликтных, фрустрационных или социально критических ситуациях, с которыми подростки сталкиваются в своей повседневной жизни, особенно на улице, во дворах, парках, дискотеках и других местах отдыха и проведения свободного времени, а также в семье и школе. Не менее значимо влияние на преступность несовершеннолетних содержания и деструктивного характера межличностных и групповых взаимодействий и отношений подростков со своими сверстниками и другими людьми, прежде всего межличностных и групповых взаимодействий и отношений дисгармоничного и конфликтного характера.

На основании этого можно сделать вывод, что чем меньше подростков окружает социально неблагополучная, неразвитая и дезорганизованная социальная среда, чем меньше в их жизни негативных и проблемных ситуаций, чем меньше происходит межличностных и групповых столкновений и конфликтов, тем меньше при прочих равных условиях степень вероятности совершения ими преступлений и ниже уровень преступности несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Антонян, Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. / Ю.М. Антонян. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 523 с.

2. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2021 г.: Информ. центр МВД Республики Беларусь. – Минск, 2022.

ЛОБАНОВСКИЙ Александр Андреевич,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, студент;
nobanovskiy00@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются вопросы преступности несовершеннолетних на материале Витебской области Республики Беларусь.

Ключевые слова: *преступность, криминология, профилактика, правонарушение, детерминанты преступности.*

Понятие преступности несовершеннолетних принято связывать с возрастом субъекта преступления. Несовершеннолетние преступники – это лица в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет

включительно. Они отличаются от лиц более старшего возраста многими характеристиками личности и преступного поведения.

Все правонарушения принято подразделять на две группы: проступки и преступления (самые тяжелые правонарушения). Проступки могут быть трудовыми, дисциплинарными, административными и гражданскими. Под преступлениями понимают, как правило, уголовные преступления, то есть деяния, нарушающие уголовный закон. Они могут различаться по категории тяжести. В зависимости от вида правонарушения выделяют соответствующую ответственность (уголовную, административную, дисциплинарную, гражданско-правовую) [1].

Уголовная ответственность – ответственность за нарушение запретов, предусмотренных Уголовным кодексом. Преступление, предусмотренное уголовным законом, – общественно опасное, посягающее на общественный строй, собственность, личность, права и свободы граждан, общественный порядок.

В статье 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь указано, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. Лица, совершившие запрещенные деяния в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, подлежат уголовной ответственности лишь за убийство; причинение смерти по неосторожности; умышленное причинение тяжкого телесного повреждения; умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения; изнасилование; насильственные действия сексуального характера; похищение человека; кражу; грабеж; разбой; вымогательство; хищение имущества путем модификации компьютерной информации; угон транспортного средства или маломерного судна; умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества; захват заложника; хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ; умышленное приведение в негодность транспортного средства или путей сообщения; хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов; незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов; хулиганство; заведомо ложное сообщение об опасности; осквернение сооружений и порчу имущества; побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи [2].

Особенностью преступности несовершеннолетних является то, что преступления совершаются лицами, которые в силу возрастных особенностей подвержены многочисленным рискам, могущим привести как к совершению ими преступления, так и совершению преступлений против них.

Нельзя не согласиться с проведенным исследованиям Ю.В. Чуфаровского, что в последние годы наблюдается процесс все более массового вовлечения несовершеннолетних в структуры теневой экономики и организованной преступности в качестве низовых исполнителей. Навыки организованности позволяют несовершеннолетним легко устанавливать монополию на облюбованный ими вид противоправной деятельности. Нельзя не согласиться с мнением В.Д. Эминова о том, что несовершеннолетними

совершаются агрессивные действия из-за отсутствия реальной возможности оценить опасность своих поступков для окружающих, вследствие чего с каждым годом нарастает процесс дегуманизации преступного мира, повышается уровень жестокости, в том числе в межличностных отношениях между несовершеннолетними преступниками. Таким образом, определив понятие, признаки и особенности структуры преступности несовершеннолетних, можно сделать вывод, что преступность несовершеннолетних – это особый вид преступности, являющийся составной частью общей преступности, которому свойственны определенные признаки, а также особенности структуры, обусловленные главным образом характерностью соматического, психического и нравственного развития несовершеннолетних, в том числе их социальной незрелостью [4].

В Республике Беларусь практически четверть всего населения составляют дети. Будущее каждой нации и человечества в целом зависит от подрастающего поколения, поэтому любое общество с надеждой ожидает, что его дети вырастут достойными и ответственными гражданами, которые внесут весомый вклад в процветание страны.

Состояние преступности несовершеннолетних в Беларуси вызывает обоснованную тревогу в обществе. Рост социальной напряженности и углубление кризиса в стране в первую очередь сказались на детях и подростках. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, идет активизация криминальной деятельности несовершеннолетних. Это относится как к количественной, так и к качественной характеристике подростковой преступности. Отмечается рост преступлений, совершенных несовершеннолетними как мужского, так и женского пола на почве пьянства, токсикомании и наркомании. Имеется тенденция омолаживания «пьяной» преступности. Повышается удельный вес заранее подготавливаемых, изощренных и технически оснащенных преступлений несовершеннолетних. Как правило, такие преступления являются групповыми. Ежегодно более половины всех несовершеннолетних совершают преступления в составе групп. Группы отличаются большой мобильностью, что существенно увеличивает их общественную опасность и криминальную активность. В подростковой среде «гастролеры» и «криминальные гастролеры» становятся все более популярными [5].

При анализе структуры преступности несовершеннолетних следует остановиться на таком важном показателе, как групповая преступность, или совершение преступлений в группе. Общественная опасность преступлений в значительной степени зависит от того, в одиночку или в группе совершены эти деяния.

Анализ динамики преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь за 2016-2019 годы [Приложение А] свидетельствует о том, что показатели преступности несовершеннолетних существенно уменьшившись в сравнении с 90-ми годами XX века и в последние годы стабилизировались.

Согласно статистике Министерства внутренних дел Республики Беларусь, на территории Республики Беларусь в 2020 г. было зарегистрировано 1393 преступлений, совершенных

несовершеннолетними (2019 г. – 1749 преступлений, 2018 г. – 1665 преступлений, 2017 г. – 2043 преступлений, 2016 г. – 2356 преступления).

В 2021 г. несовершеннолетними в Республике Беларусь совершено 1325 преступлений. Из них особо тяжких – 122 преступления; менее тяжких и не представляющих большой общественной опасности – 955; убийств с покушением – 3; умышленных причинений тяжких телесных повреждений – 9; изнасилование с покушением – 1; насильственных действий сексуального характера – 7; краж – 475; грабежей – 55; разбоев – 1; вымогательств – 3; мошенничеств – 46; хищение путем использования компьютерной техники – 60; угон транспортных средств – 70; нарушения правил дорожного движения – 4; незаконный оборот наркотических средств – 93, из них с целью сбыта 76; хулиганств – 172; заведомо ложное сообщение об опасности – 2.

Из приведенных данных следует что, за исключением 2016 г. и 2019 г. на протяжении пяти последних лет наблюдается снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними. При этом темпы снижения числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, значительно ниже по сравнению с взрослыми, что в целом свидетельствует об определенной эффективности мер профилактического характера, принимаемых государственными органами.

В Витебской области за 2020 г. с 57 до 60 возросло количество групповых преступлений. Рост отмечен в Октябрьском (с 3 до 8), Первомайском (с 1 до 6), Оршанском (с 5 до 8), Браславском, Миорском и Толочинском (с 1 до 3 в каждом), Бешенковичском, Дубровенском, Россонском, и Шумилинском районах (с 0 до 1 в каждом), в г. Новополоцке (с 1 до 4).

Наблюдается рост вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность взрослыми. Если раньше преступность несовершеннолетних была в основном уличной, то сейчас увеличивается доля преступлений, совершаемых ими в своих и чужих жилищах, по месту учебы, на транспорте. «Совершая преступления в группе, человек в известной мере теряет присущие ему индивидуальные черты, и его поведение больше определяется психическим комплексом, свойственным группе в целом». Именно групповые преступления несовершеннолетних отличаются наибольшей жестокостью. В 2021 г. группой лиц совершено 399 преступлений. Удельный вес от общего числа преступлений данной категории, предварительно расследованных, составляет 12.2%.

Рост преступлений отмечен в Оршанском (с 18 до 24), Октябрьском районе г.Витебска (с 15 до 16), Лепельском (с 4 до 6), Миорском (с 4 до 5), Браславском (с 3 до 4), Дубровенском (с 2 до 3), Шумилинском (с 0 до 2) районах. Отмечено снижение совершенных подростками особо тяжких и тяжких преступлений с 22 до 9, краж – с 86 до 80 (рост отмечается в Оршанском (с 6 до 13), Первомайском районах (с 4 до 8), Глубокском и Лепельском (с 3 до 5 в каждом), Миорском (с 3 до 4) районах, г. Новополоцке (с 1 до 2), Дубровенском, Россонском, Ушачском и Шумилинском районах (с 0 до 1 в каждом)). Незначительно снизилось количество хулиганств с 15 до 12 (рост

данного вида преступлений отмечается в Браславском (с 0 до 2), Первомайском г. Витебска (с 1 до 3), Октябрьском г. Витебска, Глубокском и Дубровенском районах (с 0 до 1 в каждом).

С 54 до 62 увеличилось количество лиц, совершивших преступления в группе. Рост отмечен в Полоцком (с 0 до 5), Первомайском (с 2 до 9), Октябрьском (с 2 до 7), Миорском (с 1 до 4), Браславском (с 3 до 5), Оршанском (с 4 до 6), Глубокском (с 1 до 3), Шумилинском (с 0 до 2), Толочинском (с 2 до 3), Бешенковичском, Ушачском (с 0 до 1 в каждом) районах, в г. Новополоцке (с 2 до 5).

С 18 до 20 возросло количество не работающих участников преступлений. Рост отмечен в Первомайском и Октябрьском г. Витебска (с 2 до 4), Оршанском (с 0 до 3), Лепельском районах (с 0 до 1), в г. Новополоцке (с 0 до 2).

На территории Витебской области зарегистрировано 1239 (1923) административных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, среди которых: мелкое хулиганство – 132 (153), 538 (1046) – распитие алкогольных напитков или появление в общественном месте в пьяном виде. Наиболее значительное снижение – по г.Витебску – с 401 до 246, г.Новополоцк – со 106 до 72, Витебский район – с 96 до 50, Верхнедвинский район – с 39 до 4.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что преступность несовершеннолетних – своего рода симптом болезненного состояния жизненно важных центров нашего общественного организма: экономики, политических структур, социальных механизмов, культуры, правовой системы и т.д. В этом смысле познание преступности способствует решению общесоциальных задач самого высокого уровня и, таким образом, выходит далеко за рамки чисто криминологических проблем. Необходимо сделать акцент на необходимости совершенствования борьбы с преступностью несовершеннолетних, и прежде всего ее профилактики.

В последние годы преступность несовершеннолетних характеризуется снижением как абсолютного количества преступлений, так и их удельного веса.

Список литературы:

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З: Принят Палатой представителей 16 декабря 2013 г.: Одобрен Советом Республики 19 декабря 2013 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2018 г., № 91-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

3. Бельский, А.И. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника / А.И. Бельский // Российский следователь. – 2019. – № 15. – С. 48-50.

4. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М.: СТЕЛС, 1995. – 303 с.
5. Васильева, О.Н. Причины и условия преступности несовершеннолетних / О.Н. Васильева // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 3-7. – С. 81-83.

ЛОТОХОВ Егор Андреевич,
Санкт Петербургская юридическая академия, магистрант;
lotokhov96@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ

В статье приведён анализ вопросов, связанных с особенностями раздела общего имущества супругов в судебном порядке, выявлены основные проблемы раздела общего имущества супругов, возникающие в судебной практике.

Ключевые слова: *брак, режим общего имущества супругов, раздел общего имущества супругов, судебный порядок.*

За последние десятилетия развития общества значение института семьи и брака постепенно снижается и становится вполне обыденным прекращение семейных отношений путем расторжения брака. Исходя из статистических данных, в 2020 году в России было вынесено 20,7 тысяч судебных решений о разделе общей совместной собственности супругов [1].

При расторжении брака возникают имущественные споры, что вызывает необходимость обеспечить эффективную законодательную и судебную защиту прав супругов путем вынесения справедливого решения, основанного на детальном изучении всех обстоятельств дела и применении норм действующего законодательства, учитывая подходы правоприменительной практики.

Переходя к рассмотрению вопросов раздела общего имущества супругов в судебном порядке, необходимо первоначально рассмотреть общие требования и положения законодательства в этой области. Согласно ст. 34 Семейного кодекса РФ [2] (далее – СК РФ), предусматривается, что под совместной собственностью супругов понимается все имущество супругов, приобретенное ими в период нахождения в браке. Законодатель оставляет перечень общего имущества супругов открытым, в которого могут входить вещи как движимые, так и недвижимые, доходы, ценные бумаги, доли в уставном капитале, нецелевые пособия, паи, вклады, и другое имущество.

В соответствии со ст. 10 СК РФ брак регистрируется в органах записи актов гражданского состояния. Закон не признает незарегистрированный официально брак, соответственно к таким квазисемейным отношениям положения закона относительно раздела

общего имущества супругов не применяются. Например, О.В. Романовская отмечает, что государственную регистрацию брака невозможно заменить каким-либо другим актом, и до сегодняшнего дня не найдено единого термина, детально описывающего официально не зарегистрированные семейные отношения мужчины и женщины, проживающих друг с другом и ведущих совместное хозяйство [3, с. 19].

Раздел общего имущества можно осуществить в период брака, в момент бракоразводного процесса и после того как брак был расторгнут, что законодательно допускается. Закон позволяет сторонам разрешать имущественные споры при различных жизненных ситуациях, предлагая разные способы защиты их прав и охраняемых законом интересов, которые помогут супругам разрешить имущественный вопрос.

Закон дает возможность разделить общее совместное имущество в соответствии с брачным договором, по соглашению о разделе имущества или в судебном порядке [4, с. 144]. Брачный договор является весьма эффективным способом регулирования имущественных взаимоотношений супругов. Такое соглашение содержит различные аспекты регулирования правоотношений между супругами, например, режим имущества, порядок распределения имущества супругов при расторжении брака [5, с. 84].

Законодательством не регламентируется момент подписания брачного договора, его имеют возможность заключить лица, вступающие в брак или уже состоящие в зарегистрированном браке. Практика показывает, что брачный договор хоть и является достаточно востребованным, однако не гарантирует полное и окончательное урегулирование имущественного спора супругов, поскольку в случае оспаривания положений брачного договора, стороны вынуждены, в конечном итоге, за защитой своих прав обращаться в суд.

Альтернативным способом разрешения вопроса имущественных отношений является заключение соглашения о разделе имущества супругов, подлежащее нотариальному удостоверению. Такое соглашение, заключается уже на стадии бракоразводного процесса и позволяет сторонам самостоятельно определить порядок раздела общего имущества.

Нотариальное соглашение, а также брачный договор подчиняются правилам гражданского оборота о договорах и другим положениям законодательства, регулирующих их содержание [6, с. 127]. Ввиду этого существует возможность, что они могут быть оспорены.

Вместе с тем, как справедливо отмечает С.С. Шевчук, в семейном договорном праве в большинстве случаев отсутствует правовой механизм, способствующий понуждению к исполнению договорных обязательств в натуре, что существенно понижает эффективность указанных выше соглашений, как регуляторов общественных отношений [7, с. 79].

Каждый супруг обладает одинаковыми имущественными правами на вещи и иные активы, находящиеся в их общей совместной собственности. Распоряжение таким имуществом происходит только с одобрения второго супруга. Если один из них решил отчуждать вещь,

то потребуется от второго документальное подтверждение его согласия. Стоит отметить, что общим имуществом супругов не является имущество, имевшееся до вступления в брак или полученное по безвозмездным сделкам, а также приобретенное во время брака одним из супругов на личные средства. Не относятся к общему совместному имуществу вещи личного пользования, исключением являются ювелирные изделия, дорогостоящие произведения искусства и иные предметы роскоши.

Существует проблема, возникающая при разделе имущества и обязательств между супругами, представляющая собой отсутствие законодательно зафиксированного понятия «нужды семьи». Это понятие не конкретизировано в нормативных правовых актах, является оценочным, что становится причиной возникновения противоречий.

Судебная практика не ограничивается непосредственным и типичным разделом общего имущества, в том числе и в случаях, связанных с кредитованием.

Так, по делу № 2-1160/2021 гражданин Д. обратился с иском к бывшей супруге о признании долга совместным и взыскании денежных средств. В браке истец взял на себя ипотечное обязательство и еще пять кредитов на семейные нужды. Заемщиком по договору выступал он один, осуществляя платежи до и после расторжения брака. В период брака использование имущества, приобретенного заявителем на заемные средства, супругами осуществлялось совместно. Исследовав обстоятельства дела, суд пришел к выводу, что кредитные обязательства являются общими для супругов. Исковые требования были удовлетворены полностью [8].

В то же время, по мнению С.Л. Будылина, например, покупку одним из супругов коммерческих активов сложно назвать тратой денег на нужды семьи, следовательно, кредит, взятый супругом для достижения этих целей, не приравнивается к общим обязательствам [9, с. 91].

Представляется, что для распределения кредитных обязательств как имущественного права в суде необходимо доказать, что заем был получен по инициативе обоих супругов, а главное – в интересах семьи, и все полученное было использовано на «нужды семьи».

На практике наблюдается еще одна проблема в исследуемой области, связанная с разграничением личных и общих долгов супругов, например, по договору займа, купли-продажи или кредитования, и по иным различным соглашениям.

Согласно СК РФ (п. 3 ст. 39), общие долговые обязательства супругов разделяются соответственно присуждённым им долям, а личные долги не участвуют в разделе. Сложность отграничения личного долга от общего заключается в нечеткости законодательного определения этих понятий, и отсутствии признаков, позволяющие отграничить личный долг от общего.

В своих трудах С.Ю. Чашкова отмечает, что если имущество супругов является общим, то супруг, одобряющий совершение сделки между другим супругом и третьим лицом, соглашается на возникновение правовых последствий, вытекающих из этой сделки, автоматически принимая и на себя обязательства по данной сделке [10, с. 14]. Однако существует иной подход к данному вопросу. Как считает

Н.В. Багрова, супруг, не принимавший участие в совершении сделки, стороной договора являться не может, соответственно, обязательственные отношения, возникающие из такого соглашения, к нему не могут применяться [11, с. 6]. В связи с этим возникают сложности относительно доказательственной стороны обстоятельств включения личных долгов супругов в раздел общих супружеских. В качестве примера из судебной практики по данному вопросу можно привести Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2017 № 4-КГ17-28 [12]. В данном деле заявитель предъявил иск к бывшей супруге о признании долга по кредитному договору их совместным обязательством и распределении долга. В качестве обоснования своих требований он указал, что в период брака супругами был куплен автомобиль. До этого другим решением суда был произведен раздел совместно нажитого имущества, и автомобиль был признан нажитым в браке. Доли в общей совместной собственности бывших супругов определены как равные, истцу в собственность был передан автомобиль, а взамен ответчице присуждена компенсация в размере половины стоимости автомобиля. Заявитель ссылался на то, что предмет спора был приобретен на деньги, предоставленные ему в рамках кредитования. Истец выплатил кредитору долг в полном размере. Поскольку денежные средства, предоставленные истцу по кредитному договору, были использованы на приобретение совместного имущества. Заявитель полагал, что данный долг является совместным, и просил взыскать с ответчицы в его пользу денежную сумму, равную половине размера долга.

Суд пришёл к выводу о том, что оснований для признания долга по потребительскому кредиту совместным долгом супругов не имеется, поскольку ответчица не выражала своего согласия на получение истцом кредита, доказательства использования кредитных денежных средств на нужды семьи (приобретение совместного имущества) отсутствуют, значит, кредитные обязательства истца являются его личными и не должны включаться в состав общих долгов супругов. Путём к решению этой проблемы может послужить законодательная фиксация понятия «личного долга» супруга.

В целях совершенствования норм гражданского и семейного законодательства, регламентирующего имущественные отношения супругов можно предложить, изменения в действующий СК РФ и установить, что «нужды семьи» являются потребностями, которые связаны с проживанием супругов вместе, ведением совместного хозяйства, с содержанием детей и взаимной заботой о других членах семьи. Необходимо также внести в Семейный кодекс РФ понятие «личный долг» и норму, которая бы определяла долговые обязательства конкретного супруга и не затрагивала второго супруга. Предложенные изменения в законодательстве позволят защитить имущественные интересы супругов при разрешении вопроса о разделе общего имущества, а также повысит эффективность и единообразие в подходе судов при разрешении исследуемых категорий дел. Эти меры будут способствовать более эффективному регулированию правоотношений супругов при решении вопросов, возникающих в процессе раздела общего имущества супругов.

Список литературы:

1. Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // Портал судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 24.12.2021).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

3. Романовская, О.В. Конституция, либертарианский патернализм и приватизация брака / О.В. Романовская // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 7. – С. 17-20.

4. Рассказова, А.Т. Правовые основания раздела имущества супругов по законодательству Российской Федерации / А.Т. Рассказова // Молодой исследователь Дона. – 2021. – № 4 (31). – С. 143-146.

5. Шевчук, С.С. Юридические факты в гражданском праве: теоретические и практические проблемы. Монография / С.С. Шевчук, О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 292 с.

6. Чебоньян, Т.Г. Проблемы судопроизводства по делам о разделе имущества супругов в Российской Федерации / Т.Г. Чебоньян, С.А. Закирова, О.И. Королевская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 4. – С. 125-130.

7. Шевчук, С.С. Об отдельных проблемах правовой квалификации семейно-правового договора / С.С. Шевчук // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 4 (53). – С. 77-83.

8. Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края № 2-1160/2021 2-1160/2021~М-724/2021 М-724/2021 от 27.07.2021 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Будылин, С.Л. Все мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом / С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 4. – С. 90-126.

10. Чашкова, С.Ю. Недействительность сделки, совершенной при отсутствии согласия на ее совершение / С.Ю. Чашкова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 5. – С. 14-19.

11. Багрова, Н.В. О возможности применения положений ст. 157.1 Гражданского кодекса РФ к согласию супруга на совершение сделок / Н.В. Багрова // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 81. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. – 2019. – С. 4-6.

12. Определение Верховного Суда РФ от 06.06.2017 № 4-КГ17-28// Закона, кодекса и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: http://www.legalacts.ru (дата обращения: 25.02.2022).

ЛУКАШУК Матвей Михайлович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
lukaschuk.mat@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов современного регулирования правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях реальной политико-миграционной ситуации в стране.

Ключевые слова: *правовое положение, иностранный гражданин, лицо без гражданства, ответственность, демографическая политика, миграционные процессы, миграционные факторы, государственно-правовое регулирование.*

Актуальность темы научной статьи состоит в процессе глобализации мира и проведении политического курса России на преодоление барьеров глобальной изоляции и внедрении механизмов взаимодействия и интеграции с различными государствами. Этот курс включает в себя установки, связанные с вхождением России в мировое сообщество, развитием международных связей и сотрудничества, организации партнерских взаимоотношений в области научного прогресса, культурных аспектов общественного устройства, экономических факторов развития и миграционных процессов, сопровождающихся переходом большого количества людей из одного государства в другое. Благодаря этому создаются объективные предпосылки, необходимые для проживания в России иностранных граждан и лиц без гражданства, число которых постоянно меняется.

Данные, представленные МВД РФ по вопросам, касающиеся миграционных факторов, создают диапазон количества иностранных граждан на территории России от 8 до 11 млн. человек. В 2020 году происходит резкое снижение количества мигрантов, в настоящее время эта цифра варьируется – около 7 млн. человек. В период пандемии Российское гражданство на 2020 год получили 650 тысяч человек. В их число вошли выходцы из Украины, Таджикистана и Казахстана.

Таким образом, вышеизложенные факты правового положения иностранцев в России являются особо актуальными.

В начале рассмотрения выбранной темы научного исследования хотелось бы дать определение правового регулирования гражданства. Правовое регулирование гражданства относится к исключительному ведению Российской Федерации, регулирующей отношения гражданства в Российской Федерации и подпадающих под действие норм федеральных нормативно-правовых актов и международных договоров, соответствующих Конституции Российской Федерации [1].

Для того чтобы понимать, чем же является правовое положение гражданина и человека в обществе, необходимо представить механизм тесного сотрудничества личности и государства, представленный в

многостороннем и сложном конституционно-правовом институте [2, с. 27-28], благодаря которому появляется правовой статус личности, являющийся основным критерием решения вопросов взаимоотношений государства и иностранного лица, как личности, имеющей полный объём правоспособности и входящей в неё ответственности. Человек по своей сути является субъектом правового обращения, в ходе которого он наделяется совокупностью прав, свобод и обязанностей [3].

Согласно ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4] (далее – Закон № 115-ФЗ), иностранным гражданином и лицом без гражданства признается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации. Иностранный гражданин имеет доказательство в качестве наличия гражданства (подданства) иностранного государства, а лицо без гражданства таких доказательств иметь не может.

В соответствии с вышеизложенным стоит отметить, что под правовой статус «иностранного лица» необходимо отнести ещё одно обозначение – «беженец».

Согласно ст. 1 Федерального закона от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» [5] (далее – Закон о беженцах), беженцем принято считать иностранное лицо, признанное физическим лицом, которое не является гражданином Российской Федерации и в силу вполне обоснованных опасений находится вне страны своей гражданской принадлежности, ставшей жертвой преследований по различным основаниям.

Этими основаниями могут являться признаки, связанные с расой, включенностью в определённую общественную группу и мировоззренческой картиной мира, усматривающей вопросы вероисповедания, политических убеждений. Как правило, беженцу предоставляется временное либо политическое убежище по причине наличия реальной опасности в случае его возвращения на свою Родину. Эта угроза проявляется в виде различных пыток и наказаний, основывающихся на жестокости и унижении чести и достоинства человека, а порой и доведших до лишения его свободы и жизни [6, с. 43].

В связи с этим основными источниками, регулирующими правовой статус беженцев, иностранных граждан и лиц без гражданства, являются Конституция РФ, Закон о беженцах, Закон № 115-ФЗ и Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [7].

В изучении темы правового регулирования положения иностранных граждан и лиц без гражданства стоит сказать о таком содержательном аспекте вопроса, как «ответственность», закрепленная за иностранными гражданами. Указанный термин чаще всего используется в случаях несоблюдения законодательства страны, в которой они находятся.

Согласно ст. 33 Закона № 115-ФЗ, утверждаются принципы пребывания лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации, на территории нашей страны, указывающие на их основные права и обязанности: «иностранный гражданин, виновный в нарушении

законодательства Российской Федерации, привлекается к ответственности в соответствии с российским законодательством».

Углубляясь в рассмотрение вопроса, связанного с ответственностью иностранных граждан, необходимо не упустить важный момент. Иностранные лица и лица без гражданства не несут ответственность за некоторые виды правонарушений. Примером таких нарушений является уклонение от несения воинской службы и измена Родине.

Но так же, как и граждане страны, проживающие в качестве этнического населения, иностранные граждане несут административную, уголовную и гражданскую ответственность, предусмотренную в качестве мер государственного контроля и управления.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [8] закрепляет ответственность за нарушения действующих норм законодательства иностранным гражданином. К административной ответственности привлекаются физические лица независимо от различных оснований принадлежности, положения, убеждений и иных, связанных с этой ответственностью обстоятельств.

Применение законодательства к лицам с дипломатическим иммунитетом регулируются нормами международного права и нормами гражданско-процессуального права.

Несмотря на многообразие приведённой нормативно-правовой базы в Российской Федерации, регулирующей вопросы положения иностранных лиц и лиц без гражданства, стоит отметить Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных лиц и лиц без гражданства в Российской Федерации» [9], формирующий одно из основных положений демографической политики Российской Федерации.

Неблагоприятная демографическая тенденция в Российской Федерации взяла своё начало после распада Советского Союза в 1991 году и имеет отголосок прошлого и в наши дни (сецессия республик, входящих в состав, переезд большой численности населения государства).

По данным Росстата численность населения в Российской Федерации составляет 146.7 млн. человек. Это резкое снижение уровня населения страны, проявляемое в старении и убыли большого количества людей по различным причинам, которая компенсировалась притоком мигрантов, имеющих стимул и цель получить гражданство Российской Федерации, находящихся в качестве иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России [10, с. 8-9].

Результат большого упущения отразился в миграционной политике и международном сотрудничестве, повлёкший за собой острую дискуссию общества и социальную напряжённость этнического населения страны. Органы государственной власти встали перед рядом серьезных гражданско-правовых проблем, касающихся миграционных факторов: временных факторов (этнический, возрастной, половой состав населения, уровень освоения местности, создание соответствующей инфраструктуры), регулируемых факторов (изменение национальной политики, вопросы трудоустройства,

кадровой политики, наличие или отсутствие социальных льгот для населения) [11, с. 17].

В свете будущих лет российская миграционная политика должна поставить приоритет целям, вытекающим из особенностей будущей политики страны, регулирования социально-экономической стабильности в обществе, удержания уровня роста и развития экономики, демографического перехода, а также проводимой миграционной политики в международном сотрудничестве, опираясь при этом на конкретные стратегические решения:

1) стабилизация численности населения в России за счёт увеличения количества мигрантов из-за рубежа, являющейся силой, направленной на восполнение естественной убыли населения страны;

2) привлечение извне рабочей силы в условиях сокращения численности трудового ресурса государства, усиление существующего российского рынка труда;

3) обеспечение внутрироссийской миграции наполненностью количеством населения, проживающего в малозаселённых регионах нашей страны, в данном случае Сибирь и Дальний Восток, создающая возможность равномерного размещения населения на территории государства;

4) осуществление деятельности, направленной на снижение напряжённости в обществе в связи с притоком мигрантов, выходцев из Азии, не создающих условий притеснения прав этнического населения страны.

Завершая проделанную работу, заключающуюся в рассмотрении вопросов, включающих в себя современное регулирование правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, основными источниками которых являются конституционные нормы и нормативно-правовые акты Российской Федерации, определённо можно сделать некоторые выводы.

На протяжении достаточно длительного исторического пути нашей страны отношение политики России к иностранцу выражалось проведением различных ограничительных действий и мер, что являлось своего рода особенностью социально-экономического и политического уклада России. В результате распада Советского Союза и деления на республики с 1991 года произошло формирование новых правовых систем, где одними из главных участников являются иностранные граждане.

Конституция Российской Федерации в п. 3 ст. 62 утверждает, что иностранные граждане несут на территории Российской Федерации права и обязанности наравне с гражданами России, за исключением тех случаев, которые были рассмотрены в работе.

В ходе анализа закреплённой ответственности иностранных граждан на территории России сделаны выводы: в законодательстве Российской Федерации содержится достаточное количество норм, регулирующих правовое положение граждан иностранных государств, и лиц, не имеющих гражданства. Существующие нормативные акты и их регулирование отличаются достаточной эффективностью и является доказательством их практического применения в нынешнем законодательстве.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие / Л.Д. Воеводин – М., 1997. – 298 с.

3. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

5. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» (ред. от 01.07.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 12. – Ст. 425.

6. Косовская, В.А. Регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом: проблемы применения иностранного права / В.А. Косовская, А.В. Алешина // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2013. – № 4. – С. 43-47.

7. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

9. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (ред. от 24.02.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3285.

10. Шкрабтак, Н.В. Трансформация глобальной миграции: монография / Н.В. Шкрабтак, М.В. Зинченко, В.З. Григорьева, Д.Б. Пеков. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2021. – 115 с.

11. Ивахнюк, И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. / И.В. Ивахнюк, И.Н. Тимофеев, Е.С. Алексеенкова. – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 80 с.

ЛУКОШНИКОВ Вячеслав Гариевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
vlukoshnikov@yandex.ru

УСЛОВИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА И ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА

В статье рассматриваются особенности формулирования условий гражданско-правового договора.

Ключевые слова: *договор, существенные условия, принцип свободы договора, диспозитивная норма, императивные нормы, обычные условия договора, случайные условия договора.*

Для того чтобы договор был заключен, стороны должны согласовать существенные условия. Согласно п.п. 4-5 ст. 421 ГК РФ, стороны свободны в выборе условий заключаемого договора, за исключением случаев, когда условия определяются законом или иными правовыми актами. Если условие договора определяется диспозитивной нормой, стороны вправе заключить соглашение, в соответствии с которым ее применение будет исключено или установлено условие, отличное от предусмотренного в ней, иначе условие договора будет определяться диспозитивной нормой. Если условие договора не определено сторонами или диспозитивной нормой, условие будет определяться обычаями [1, с. 47].

Согласно мнению Б.Д. Завидова, мера свободы в выборе условий договора определяется сочетанием императивных и диспозитивных норм. При выборе условий договора необходимо учитывать это сочетание [2, с. 22]. При установлении договорных условий они становятся обязательными для участников договорного отношения и не могут быть изменены в одностороннем порядке. Принцип свободы договора не предполагает отступление от согласованных условий. Ведь, «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого» [3, с. 105].

Пункт 1 ст. 422 ГК РФ гласит, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующими в момент его заключения. О.Н. Садиков высказывает несогласие с данной нормой, отмечая, что сторонами при заключении договора учитываются и диспозитивные нормы, следовательно, ст. 422 ГК РФ следует толковать расширительно, с последующим уточнением её редакции [4, с. 15]. Императивные нормы могут содержать запреты на включение определенных условий в договор, либо предписания об обязательном включении в договор определенных условий. К примеру, неустойка, установленная ч. 5 ст. 28 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [5], не может быть ограничена соглашением сторон. Но стороны могут предусмотреть более высокий размер неустойки. Запреты, устанавливаемые законом, не противоречат принципу свободы договора. Однако в самом законе установлено, что свобода не может быть абсолютной, она подвергается

многочисленным ограничениям, что отвечает целям социальной справедливости. По этому поводу В.В. Витрянский считает, что наличие большинства императивных норм в законе обусловлено низким уровнем правовой культуры российских предпринимателей, которые, не имея практики ведения предпринимательской деятельности, не смогли бы в должной мере согласовывать справедливые и разумные условия заключаемых договоров [6, с. 22].

Д.Е. Богданов отмечает, что свобода выбора условий договора ограничивается прямым указанием законодателя на то, какие условия договора являются существенными, а какие – нет. Стороны же могут определять содержание существенных условий и при желании устанавливать иные условия в качестве существенных [7, с. 102]. Решать вопрос о том, включать существенное условие в договор или не включать, они не могут. В законе это может выразить в следующих формах:

- указанием на то, что предмет является существенным условием договора (п.1 ст.432 ГК РФ);

- указанием на существенные условия договоров отдельных видов: ст. 942 ГК РФ «Существенные условия договора страхования», ст. 1016 ГК РФ «Существенные условия договора доверительного управления имуществом»;

- включением существенных условий в понятия договоров: ст. 535 ГК РФ «Договор контрактации» и др.

А.Н. Танага говорит о том, что при определении существенных условий непоименованных договоров стороны руководствуются абсолютной свободой. Единственным объективно-существенным условием остаётся их предмет. Но в связи с этим возникают ситуации, когда стороны не получают надлежащей правовой защиты в случае отсутствия в договоре какого-либо необходимого для него условия. Он приходит к выводу, что должны быть определены объективно-существенные условия договора, которые признаны такими по закону или необходимы для договоров данного вида [8, с. 10].

Выделяют существенные, обычные и случайные условия договора. Обычные условия содержатся в диспозитивных нормах и не нуждаются в согласовании сторон. Нельзя сказать, что они действуют вопреки воле сторон договора. Обычное условие вступает в силу лишь в случае, если стороны по своему усмотрению не изменят его, либо не исключат его применение. Это объясняется сутью диспозитивных норм, позволяющих наиболее полно использовать возможности, предоставленные положениями принципа свободы договора. В связи с этим Е.В. Драчев называет диспозитивные нормы «свободными» [9, с. 6].

Согласно мнению О.С. Иоффе, отличие обычных условий договора от существенных состоит в том, что их наличие или отсутствие не оказывает влияния на факт заключения договора. Их можно вообще не учитывать в договоре, поскольку они сформулированы в законе или иных нормативных актах. Заключая договор определённого вида, стороны выражают согласие подчиняться условиям, которые законом распространяются на этот договор. Случайные условия также не влияют на заключение договора. К

случайным условиям он относит те, которые отступают от диспозитивных норм [10, с. 31].

И.Б. Новицкий считает, что к случайным условиям относятся все условия, кроме существенных и обычных [11].

Благодаря принципу свободы договора увеличивается количество случайных условий, включаемых в договор по усмотрению сторон. Они изменяют либо дополняют обычные условия и регулируют вопросы, не предусмотренные законом [12, с. 33]. Случайные условия учитывают конкретные взаимоотношения сторон.

Свобода выбора условий договора ограничивается положениями о договоре присоединения, публичном договоре, договорах с участием потребителей, запрете ограничения конкуренции.

В данных договорах ограничения на свободный выбор условий вводятся в целях соблюдения интересов социальной справедливости: экономии затрат, связанных с поиском контрагента, согласованием условий договора, добровольным или принудительным исполнением условий договора; недопущения ограничения конкуренции и установления монопольно высоких или низких цен, злоупотребления доминирующим положением на товарном рынке и т.д.

А. Клочков считает, что договоры присоединения нельзя назвать договорами, т.к. стороны об условиях не договариваются, условия определяются одной стороной, а другая присоединяется к договору [13, с. 85].

Пунктом 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и его пределах» [14] предусмотрено, что в случаях, когда будет установлено, что при заключении договора (в том числе предпринимательского договора), проект которого был предложен одной из сторон и содержал в себе условия, являющиеся явно обременительными для ее контрагента и существенным образом нарушающими баланс интересов сторон (несправедливые договорные условия), а контрагент был поставлен в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора (т.е. оказался слабой стороной договора), суд вправе применить к такому договору положения п. 2 ст. 428 ГК РФ о договорах присоединения, изменив или расторгнув соответствующий договор по требованию такого контрагента. Данная позиция высшей судебной инстанции позволяет судам вмешиваться в отношения сторон по договору и свобода выбора условий договора ограничивается, но соблюдаются принципы справедливости и разумности.

Иностранные цивилисты говорят о процессуальной и материальной справедливости при заключении договора. Процессуальная справедливость рассматривает, что предшествовало заключению договора, анализируются опыт и особые характеристики участников договора, процесс переговоров и др. Материальная справедливость рассматривает, какие условия включены в соглашение [15, с. 45].

Введение в гражданское право России института принципа свободы договора привело к усилению диспозитивного начала в регулировании договорных отношений. Стороны получили возможность свободно определять условия договора. Причём руководствоваться они могут не только законом, но и сложившейся

предпринимательской практикой, а также международными обычаями. Главное при этом не нарушать императивные требования закона. Положения о свободе выбора условий договора определены в ГК РФ, федеральных законах. На доктринальном уровне ведутся дискуссии об определении свободы выбора условий договора. Одни цивилисты приходят к выводу о чрезмерной «зарегулированности» гражданского права, что значительно ограничивает свободное усмотрение сторон [16, с. 3]. Другие, напротив, считают, что разумное сочетание императивных и диспозитивных норм наиболее отвечает сложившейся договорной практике, т.к. опыта у российских предпринимателей мало, и сами они не справятся с задачей оптимального выбора условий договора [17, с. 5].

С учётом проведённого анализа мнений учёных, считаем, что условия договора должны избираться сторонами самостоятельно, но с учётом действующих ограничений. Существующие императивные запреты направлены на стабилизацию гражданского оборота, защиту интересов общества и государства, поэтому должны быть сохранены. Случайные условия подлежат унификации в специальном сборнике, что позволило бы сторонам руководствоваться его положениями при выборе условий заключаемого договора, поскольку одна из основных проблем заключается в низкой правовой культуре и отсутствии какого-либо опыта ведения предпринимательской и иной деятельности.

Список литературы:

1. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.
2. Завидов, Б.Д. Заключение договора в обязательном порядке / Б.Д. Завидов // Финансовая газета. – 1998. – № 3. – С. 20-25.
3. Бакунин, М.А. Избранные философские сочинения и письма / М.А. Бакунин. – М.: Издательство: Мысль, 1987. – 573 с.
4. Садиков, О.Н. Договор и закон в новом гражданском праве России / О.Н. Садиков // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2000. – № 2. – С. 11-19.
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
6. Витрянский, В.В. Договор как средство регулирования рыночных отношений / В.В. Витрянский // Экономика и жизнь. – 1994. – № 27. – С. 20-29.
7. Богданов, Д.Е. Проблемы свободы и справедливости договора в российской судебной практике / Д.Е. Богданов // Современное право. – 2015. – № 12. – С. 102-106.
8. Танага, А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.Н. Танага. – Краснодар, 2001. – 26 с.
9. Драчев, Е.В. Теоретические и практические проблемы заключения гражданско-правового договора по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. …канд. юрид. наук / Е.В. Драчев. – М., 2006. – 28 с.

10. Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права / О.С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – 782 с.

11. Новицкий, И.Б. Источники советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1959 / И.Б. Новицкий // Юридическая научная библиотека «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie14727.html (дата обращения: 12.02.2022).

12. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.

13. Клочков, А. О так называемом договоре присоединения / А. Клочков // Юрист. – 2000. – № 10. – С. 83-87.

14. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и его пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 5.

15. Общее гражданское уложение Австрийской Республики / пер. с нем.; под ред. Л. Шарингера и Л. Шпехта. – М.: Статут, 2013. – 584 с.

16. Баринов, А.В. Заключение гражданско-правового договора в общем порядке: автореф. дис. …канд. юрид. наук / А.В. Баринов. – Рязань, 2004. – 25 с.

17. Комкова, Е.В. Заключение договора по российскому гражданскому праву: автореф. дис. …канд. юрид. наук / Е.В. Комкова. – М., 2001. – 27 с.

МАЛИНОВСКАЯ Екатерина Геннадьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; eg9879@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье рассматриваются отдельные актуальные вопросы, с которыми сталкиваются юридические лица при ликвидации.

Ключевые слова: *ликвидация юридического лица, юридическое лицо, правопреемство, сингулярное правопреемство, ликвидационный баланс, реорганизация.*

Развитие предпринимательских отношений в условиях рыночной экономики всегда сопряжено с большим количеством рисков (колебания курса валют, кризисные явления, санкции, падение покупательской способности, снижение доходов и пр.). Все это может способствовать принятию решения о необходимости ликвидации юридического лица. На сегодняшний день эта процедура является достаточно непростой и порождает множество проблем.

Изначально сложность состоит в том, что существующая правовая доктрина представлена различными взглядами на содержание ликвидации юридического лица, которые не всегда совпадают с

подходом законодателя. Так, согласно положениям ст. 61 ГК РФ, ликвидация юридического лица представляет собой способ его прекращения без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам. Она может осуществляться по решению учредителей (участников), управомоченного юридического органа или по решению суда. Процедура ликвидации признается завершенной с момента внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). Согласно представлениям Н.И. Чарковской и А.А. Красовской, прекращение юридического лица можно связать с прекращением его правоспособности, которое наступает с внесением записи в единый государственный реестр о его исключении [1, с. 104].

В бизнесе существует множество причин, подталкивающих к принятию решения о ликвидации – от убыточности предприятия до невозможности исполнять обязанности по выплате задолженностей кредиторам, контрагентам, прекращение действия документов на право осуществления коммерческой деятельности физическим лицом, необходимость использования иной организационно-правовой формы и пр. Некоторые компании применяют в качестве причины ликвидации процедуру банкротства [2, с. 39], чтобы добиться снятия долгов по закону. Однако это может вылиться в преследование по уголовному законодательству, согласно которому, преднамеренное банкротство наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо без такового.

Значительным упущением законодательства можно назвать отсутствие установленных максимальных и минимальных сроков, в течение которых необходимо осуществить процедуру ликвидации юридического лица, что подтверждается судебной практикой. Так, например, согласно п. 6 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» [3], устанавливается так называемый «разумный срок», при котором регистрирующий орган может обратиться в арбитражный суд с требованием о ликвидации этого юридического лица. То есть трактовать термин «разумный срок» можно и исходя из обстоятельств.

Сама процедура ликвидации состоит из нескольких этапов, каждый из которых сопровождается определенными действиями ликвидационной комиссии или ликвидатора:

- размещение в средствах массовой информации сообщения о ликвидации юридического лица, о порядке и сроках заявления требований его кредиторами;
- составление промежуточного ликвидационного баланса;
- продажа имущества ликвидируемого юридического лица;

• расчет с кредиторами в порядке очередности; составление окончательного баланса и передача имущества, оставшегося после расчета с кредиторами, учредителям;

• занесение сведений о ликвидации юридического лица в Единый государственный реестр юридических лиц; порядок ликвидации не устанавливает ограничение по срокам указанных процедур.

Ликвидация юридического лица является крайне непростой процедурой, которую сильно осложняют нарушения, возникающие в процессе. Кроме того, сами участники нередко пренебрегают требованиями законодательства, создавая новые проблемы, требующие своего решения. В результате это все может приводить к необходимости обжалования уже состоявшейся ликвидации юридического лица. Среди лиц, интересы которые могут быть задеты, стоит отметить кредиторов, участников (учредителей) юридического лица, но действующее законодательство не содержит в себе указаний на то, кто именно и по каким основаниям имеет право оспаривать ликвидацию.

Некоторые специалисты приравнивают понятие ликвидации с прекращением деятельности. В частности, в литературе высказывается мнение, что ликвидация юридического лица представляет собой фактическое прекращение его деятельности, тем самым отождествляя прекращение работы организации с прекращением деятельности юридического лица [4, с. 141]. Другие авторы добавляют еще и то, что прекращение деятельности наступает при отсутствии правопреемника [5, с. 70]. Это важное замечание, поскольку именно отсутствие преемника на права и обязанности приводят к необходимости обеспечения прав и интересов кредитора (п. 1 ст. 61 ГК РФ). Именно поэтому закон устанавливает специальный порядок для ликвидации юридического лица, так как на территории Российской Федерации действует прокредиторская система, защищающая в первую очередь интересы кредитора, а не предпринимателей.

Цивилист А.В. Габов изучал вопрос ликвидации еще до внесения изменений в норму п.1. ст. 61 ГК РФ, и на тот момент исключалась любая возможность правопреемства, но при этом он выделил важные особенности понятия «ликвидация юридического лица». В частности, он отмечал, что оно не имеет аналогов в отечественном праве и рассматривал его не только с точки зрения юридического факта, но и как процесс [6, с. 41]. Не опровергая указанной точки зрения, в литературе отмечается, что ликвидация представляет собой «прекращение юридического лица, связанное с ликвидацией его имущества, с исчезновением субъекта права без правопреемств» [7, с. 35].

Текущая ситуация с законодательным регулированием юридического лица значительно видоизменилась и отныне допускается возможность частичного перехода прав и обязанностей ликвидируемой организации. В правовой науке это получило название сингулярного правопреемства. Рассуждая об этом, В.А. Белов отмечал дискретность правопреемства, которая выражается в передаче прав и обязанностей при наличии хотя бы очень маленького по продолжительности момента времени, когда правопредшественник (аукtор) право уже

передал, а правопреемник его еще не принял [8, с. 18]. Полемизируя с данной точкой зрения, К.И. Скловский отмечает, что «такая ситуация возможна лишь с вещами, а идеальные юридические конструкции без труда справляются с этими трудностями, не зная промедления ни в пространстве, ни во времени» [9, с. 296]. С подобным подходом не склонна согласиться Т.С. Коробейникова, отмечающая, что неточность понимания процедуры порождает трудность для дальнейшего отграничения ликвидации от реорганизации [10, с. 93]. Здесь стоит отметить, что реорганизация является вторым способом (наравне с ликвидацией), посредством которого можно прекратить деятельность юридического лица.

Основным отличием между этими двумя процедурами является наличие правопреемства. Когда компания прекращает свою деятельность через ликвидацию, то тогда расчет с кредиторами происходит за счет ее имущества в порядке возникновения очередности. Денежные средства и иные активы, которые остались после выплаты всех долгов распределяются между всеми участниками организации. В том случае, если компания ликвидирована в установленном законом порядке, то требования по ее долгам предъявлять не к кому.

Реорганизация, наоборот, подразумевает наличие у преемника прав и обязанностей. Юридическое лицо, которое берет на себя такую ответственность, автоматически становится владельцем торгового знака и наименования, а также долгов прежней фирмы. Выбор правопреемника зависит от многих факторов, включая способ реорганизации, условия создания, а также прекращение деятельности юридического лица.

Также следует отметить разницу в ликвидационном балансе в процедурах ликвидации и реорганизации. При ликвидации в ликвидационном балансе указывается все имеющееся у компании имущество, а также прилагается список кредиторов. Ликвидационный баланс при реорганизации выделяется исходя из формы. Когда реорганизация компании реализуется через форму выделения или разделения, то оформляется разделительный баланс, а при присоединении, слиянии и преобразовании таким документом будет являться передаточный акт.

Следующим проблемным аспектом является то, что процедура проведения ликвидации в соответствии с новой редакцией Гражданского кодекса идет вразрез со специальными нормативно-правовыми актами о детальности юридических лиц, в которых оно сохранилось в исходном варианте. Например, речь идет о Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [11], где в п. 1 ст. 57 указывается, что ликвидация общества приводит к его прекращению без перехода прав (обязанностей) в порядке правопреемства к другим лицам.

Среди ученых существует мнение о непоследовательности законодателя, который смешивает юридические термины, что препятствует развитию гражданско-правовой науки и самого института ликвидации юридических лиц. В этой связи представляется крайне необходимым упорядочивание правовой терминологии и унификацию содержания понятий во всех актуальных нормативных актах,

регулирующих данную сферу. Необходимо обозначить прекращение юридического лица как юридический факт, результат, а ликвидацию – как процесс, который имеет целью прекращение юридического лица, но может этим и не завершиться.

Проведенный анализ позволяет представить ликвидацию в качестве одной из форм прекращения организации. На основании этого можно судить о том, что такие категории, как прекращение и ликвидация между собой тесно переплетены в плане содержания и формы. Следовательно, ликвидация не может осуществляться вне прекращения. Изложенное выше позволяет согласиться с В.А. Беловым, который выделял следующие специфические особенности, присущие только процедуре ликвидации: абсолютное (безвозвратное) прекращение существования юридического лица; прекращение обязательств юридического лица (кроме указанных в законе); отсутствие любого возможного правопреемства [13, с. 119]. При этом, несмотря на детализацию механизма ликвидации юридического лица, в результате реформы норм о юридических лицах действующее законодательство в этой сфере все еще требует изменений.

Таким образом, ликвидация юридического лица являет собой процедуру, по завершении которой в правовом поле перестает существовать субъект правовых отношений. Помимо того, что ликвидация наносит урон широкому кругу лиц, она еще и влияет на стабильность гражданского оборота. Из-за несовершенства законодательства, которое не устанавливает максимальные и минимальные сроки для этой процедуры, и не содержит единообразный определений для все нормативно-правовых актов, регулирующих данный институт, и без того сложная процедура ликвидации юридического лица становится еще проблематичное. В этой связи крайне важно привести состояние законодательства в соответствие с потребностями общества, чтобы облегчить течение ликвидации для всех участников.

Список литературы:

1. Чарковская, Н.И. К вопросу об исключении недействующего юридического лица из единого государственного реестра / Н.И. Чарковская, А.А. Красовская // Исполнительное право. – 2008. – № 1. – С. 102-106.

2. Шеншин, В.М. Актуальные вопросы банкротства бывших участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» / В.М. Шеншин // Право в вооруженных силах. – 2016. – № 6. – С. 38-45.

3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

5. Шварц, Л.В. Субсидинарная ответственность в делах о банкротстве: презумпции и нюансы привлечения лиц,

контролирующих должника / Л.В. Шварц, Э.Т. Майборода // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 69-73.

6. Габов, А.В. Законодательство о ликвидации юридических лиц в свете проекта изменений в ГК РФ / А.В. Габов // Вестник гражданского права. – 2011. – № 4. – С. 32-83.

7. Толстова А.Е. Актуальные проблемы корпоративного права: учебное пособие / А.Е. Толстова, П.В. Коренев. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2022. – 163 с.

8. Белов, В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве / В.А. Белов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 298 с.

9. Скловский, К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы / К.И. Скловский. – М.: Статут, 2004. – 365 с.

10. Коробейникова, Т.С. Актуальные проблемы ликвидации юридических лиц / Т.С. Коробейникова // Актуальные проблемы развития цивилистической науки 2020: сб. материалов конференции. – М., 2020. – С. 92-94.

11. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

12. Гусева, А.А. Актуальные проблемы ликвидации юридического лица / А.А. Гусева, Д.С. Русских // Молодой ученый. – 2019. – № 2 (240). – С. 213-216.

13. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред.: В.А. Белов. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

МАНАПОВА Моника Марселевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студентка;
manapovamonica@gmail.com

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ И В СВЯЗИ С УХОДОМ ИЗ ЖИЗНИ

В своей статье автор рассматривает общественные отношения, касающиеся юридических оснований и процедур досрочного прекращения президентом своих полномочий, в том числе в Российской Федерации.

Ключевые слова: *глава государства, жизнь, президентский срок, досрочное прекращение полномочий, Президент Российской Федерации, состояние здоровья, система сдержек и противовесов.*

Во многих современных демократических странах мира государственная власть осуществляется на основе принципа

разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Система сдержек и противовесов, созданная для равновесия властей с целью не допустить узурпацию управления государством, не способна полноценно функционировать без наличия главы государства, являющегося высшим должностным лицом государства, обладающим исключительным правом представлять государство в международных отношениях и внутри страны.

В современных условиях резко меняющейся политической ситуации как в мире, так и в России (например, с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19) рассматриваемая тема не просто актуальна, а жизненно необходима, поскольку существуют примеры ухода из жизни президентов ряда стран вследствие заражения коронавирусом.

Смерть президента во время президентского срока уже случалась в других странах и, обращаясь к истории, мы можем видеть, что, например, некоторые президенты США не дожили до конца своих сроков. Так, например, У.Г. Гаррисон пробыл на посту 32 дня, А. Линкольн был смертельно ранен после избрания на второй срок, Д.А. Гарфилд был ранен через 3 месяца после вступления в должность, скончался через два с половиной месяца, У. Мак-Кинли-младший получил пулевое ранение и образовавшаяся из-за него гангрена, после избрания на второй срок, У.Г. Гардинг спустя два года после вступления в должность умер от сердечного приступа или инсульта, Ф.Д. Рузвельт умер от кровоизлияния в мозг после избрания на четвертый срок, Д.Ф. Кеннеди умер от пулевого ранения в голову.

Из примеров за XXI века можно привести президента Гаити – Ж. Моиза [3], умершего 7 июля 2021 г. в частной резиденции после нападения группы неизвестных лиц (застрелен после пыток и 12 пулевых ранений), и президента Чада – И. Деби [4], убитого при командовании войсками в апреле 2021 г. после переизбрания на шестой срок). Также президенты Танзании [5] и Бурунди [6]: Дж. Магуфули (умер 17 марта 2021 г., хотя в результате победы на выборах в 2020 г. должен был оставаться президентом до 2025 г.) и П. Нкурунзиза (умер 8 июня 2020 г. в конце своего третьего президентского срока, который истекал в августе 2020 г.). Так, официальной причиной смерти Нкурунзизы указана сердечная недостаточность, но считается, что оба президента умерли от COVID-19 (поскольку жена Нкурунзизы была госпитализирована вместе с ним и диагностирована как COVID-положительная) [7]. Из-за того, что президентам по долгу службы требуется путешествовать, повышается шанс заражения какими-либо новыми заболеваниями, некоторые из которых способны привести к летальному исходу. Следовательно, совсем неудивительно, что подобная ситуация во многих иностранных государствах уже урегулирована на уровне конституций [8, с. 96].

Анализ статей и практики в России показывает, что законодателем Российской Федерации данная ситуация была взята во внимание в случае, если в качестве ключевой фигуры представлены судья, депутаты, министры и многие другие должностные лица, в то время как Президент, высшее должностное лицо, подобным образом не рассматривается. Такое состояние в конституционно-правовом регулировании можно считать значительным упущением в этом

конкретном вопросе, способным привести к крайне негативным результатам для всего нашего государства [1].

Обращаясь к части 3 ст. 92 Конституции Российской Федерации [1], мы увидим, что с момента досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации и до выборов последующего, приходящего ему на смену, функции главы государства переходят Председателю Правительства Российской Федерации. На время его руководства ему запрещено распускать Государственную Думу, назначать референдумы и предлагать законодательные поправки и пересмотры Конституции Российской Федерации.

Президент в Российской Федерации избирается на срок в размере шести лет, во время которого тот осуществляет свои должностные полномочия. По истечении этого отрезка времени, проводятся выборы для избрания нового главы государства.

Тем не менее, ч. 2 ст. 92 Конституции Российской Федерации [1] даёт основания прекращения осуществления президентской власти досрочно, то есть до истечения срока полномочий действующего главы государства. Среди них назовем следующие: отставка главы государства, неспособность осуществлять полномочия главы государства по состоянию здоровья и отрешение от должности [16,с.178].

При рассмотрении трёх оснований отстранения главы государства от исполнения его обязанностей, становится очевидным, что в ст. 92 Конституции [1] не указано ничего на случай ухода Президента Российской Федерации из жизни.

Другой причиной прекращения полномочий Президента Российской Федерации досрочно является неспособность осуществлять их по состоянию здоровья. К сожалению, если обратиться к отечественной истории или истории зарубежных стран, то можно найти неоднократные примеры того, как лица, имеющие серьезные физические и ментальные расстройства, продолжали занимать руководящий пост главы государства, продолжая выполнять свои обязанности, несмотря на невозможность принимать решения с полным осознанием их последствий.

Из отечественной истории известно о том, что Иосиф Сталин, будучи личностью осторожной и опасавшейся попытки отстранения от власти под каким-либо предлогом, не сильно считался с мнением врачей по поводу его физического состояния. В результате, несмотря на инсульт 1 марта 1953 г., глава государства остался в немощном состоянии без медицинской помощи. Позиция правительства состояла в том, что граждане страны не должны узнавать о тяжелой болезни главы государства за день до смерти того, когда тот находится в бессознательном состоянии на протяжении нескольких суток [9].

История знает и другие крайности, например, проведение операции Президенту США Гроверу Кливленду не на территории медицинского заведения, а именно – на яхте в проливе Лонг-Айленд, была проведена операция по удалению раковой опухоли во рту, вследствие которой была удалена четверть верхнего неба. Кливленд не имел возможности разговаривать до тех пор, пока дантист не изготовил и не установил ему имплантат [10]. Также среди президентов США был случай, когда у главы государства диагностировали такое

нейродегенеративное заболевание, как болезнь Альцгеймера, известная по расстройству кратковременной памяти на ранних стадиях, где при развитии болезни происходят также и потеря долговременной памяти, появляются нарушения речи и когнитивных функций, теряется способность ориентироваться в обстановке и ухаживать за собой. В дальнейшем постепенная потеря функций ведет к смерти. Считается, что во время скандала «Иран – контрас» Президент США – Р. Рейган впервые начал ввести себя странно, демонстрируя ранние симптомы именно этого заболевания, впоследствии унесшего его жизнь [11].

Если предыдущие примеры хорошо отображают возможность неисполнения лидером страны обязанностей на протяжении какого-то времени, что в определенных ситуациях может быть более приемлемым, нежели совершение активных и деструктивных действий. История также знает и образцы того, когда Президент страны может действовать вопреки разуму, отправляясь на переговоры в состоянии, когда он не способен их вести. Так, случилось с Президентом США Вудро Вильсоном во время Парижских мирных переговоров в 1918 г. Президент страдал от гриппа, когда в Европе свирепствовала пандемия испанки, унесшая жизни 20 миллионов человек. Личный врач Вильсона сообщил прессе, что тот страдает от обычной простуды из-за дождя в Париже, тогда как подхваченный им грипп истощил организм 28-го Президента США, приведя также к плачевным результатам переговоров. Историки пришли к выводу о том, что подписанный тогда Версальский договор способствовал возвышению Адольфа Гитлера и началу Второй мировой войны [11].

Наличие независимой комиссии по проверке состояния здоровья и самочувствия президента, несомненно, должно было бы выявить проблемы, которые личные врачи лидера государства могут попытаться утаить от публики по договоренности с самим лидером. Также как больной человек не должен назначать самому себе лечение, даже при условии наличия у того медицинского образования, так и глава государства не должен самостоятельно выносить решение о том, может ли он продолжать вести работу с тем или иным заболеванием, игнорируя заключения медицинского персонала.

В случае наличия комиссии, которая бы обследовала (к примеру, раз в год) Президента вне зависимости от того, высказывает ли тот какие-то жалобы на свое здоровье или нет (поскольку больной может не осознавать своего состояния и не иметь жалоб), это могло бы предотвратить негативные последствия принятия решений личностью, которая не в состоянии мыслить ясно или опасается потери власти в случае, если наличие недомогания станет публичным фактом. При этом комиссия должна быть независимой от власти Президента для того, чтобы исключить давление с его стороны.

В настоящее время сама процедура установления юридического факта неспособности Президента Российской Федерации осуществлять свои полномочия не закреплена ни на уровне Конституции Российской Федерации, ни на уровне иных конституционно-правовых актов. В законе Российской Федерации никак не закреплен и перечень заболеваний, следуя которому Президент Российской Федерации мог бы быть отрешен от исполнения должностных обязанностей досрочно. Как отмечает С.С. Алборова [15, с. 35-36], закрепление подобного

документа поможет предотвратить путаницу в политической системе страны и избежать многих конституционно-правовых споров между ветвями государственной власти.

На данный момент имеется лишь правовая позиция, подходящая к подобной ситуации, выраженная в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11.07.2000 № 12-П «По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия» (далее – Постановление № 12-П) [2]. Взяв за основу указанное Постановление, российский законодатель обязан создать нормативный акт о специальной процедуре установления факта стойкой неспособности по состоянию здоровья Президента Российской Федерации в дальнейшем осуществлять свои полномочия, также стоит отметить, что подобные отклонения, выявленные у российского лидера должны быть неизлечимого характера, а не временное недомогание [12, с.732].

Там же имеется замечание о том, что состав медицинской комиссии, обследующей состояние российского Президента, должен быть из лиц, представляющих каждую из трех ветвей государственной власти, что означает, что при формировании данной единицы должен учитываться принцип баланса ветвей государственной власти. Однако каким образом это должно проходить, на каких основаниях, следуя каким правилам отбираются кандидаты, Конституционный Суд Российской Федерации не уточнил [13, с. 133].

Под рассматриваемым основанием досрочного прекращения по состоянию здоровья выполнения должностных обязанностей Президентом Российской Федерации подразумевается состояние российского лидера, в котором тот не способен самостоятельно осуществлять возложенные на него полномочия. Формируется медицинская комиссия, которая должна дать заключение о состоянии здоровья Президента Российской Федерации специальному государственному органу, который будет принимать решение по данному вопросу. Достойно замечания то, что подобный орган никак не определен на законодательном уровне, что, конечно же, вызывает проблемы при реализации его работы на практике и применении данного основания для отстранения от должности. В случае если состояние Президента Российской Федерации позволяет тому самостоятельно выражать свою волю, то у него остается возможность уйти в отставку при ухудшении самочувствия, тем самым прекращая свои полномочия подобным образом [14, с. 379].

Поэтому предлагается урегулировать в ч. 4 ст. 92 Конституции Российской Федерации алгоритм определения сего юридического факта или же принять посвященный данному вопросу Федеральный закон «О стойкой неспособности осуществления Президентом Российской Федерации своих должностных обязанностей по состоянию здоровья» как один из вариантов разрешения правовой коллизии.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изм. и доп. от 14.03.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».

2. По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие ему полномочия: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2000 г. № 12-П // СЗРФ. – 17.07.2000. – № 29.

3. Haïti: le président Jovenel Moïse assassiné par un commando. Libération // https://www.liberation.fr/international/amerique/haiti-le-president-jovenel-moise-assassine-par-un-commando-20210707_PPWET4KJZZHV3PI2D7VSANS5XU/

4. Chad's President Idriss Deby Itno has died on the battlefield after three decades in power, the army announced on state television on Tuesday. The rebels that launched the offensive against the regime rejected the transition government led by one of Deby's sons, and vowed to pursue the offensive // https://www.france24.com/en/live-news/20210420-chadian-president-idriss-d%C3%A9by-has-died-of-injuries-suffered-on-the-frontline-army

5. Умер отрицавший коронавирус африканский президент // Лента. – 09.06.2020. – https://lenta.ru/news/2020/06/09/longlivethepresident/

6. Умер президент Бурунди. Ему было 55 и он собирался править долго // BBC. – 09.06.2020. – https://www.bbc.com/russian/news-52985864

7. Outgoing President Pierre Nkurunziza Hospitalised Over #COVID-19 // Taarifa. 2020. 8 June // https://taarifa.rw/outgoing-president-pierre-nkurunziza-hospitalised-over-covid-19/

8. Захарова, Г.С. Актуальные конституционно-правовые проблемы досрочного прекращения полномочий главы Российского государства / Г.С. Захарова, К.В. Кудряшов, А.А. Санькова, Н.Н. Соломоненко // Вестник СевКавГТИ. – 2016. – № 2 (25). – С. 95-99.

9. Кречетников, А. Здоровье российских правителей: совершенно секретно / А. Кречетников // Русская служба Би-би-си, Москва. – https://www.bbc.com/russian/features-42721766

10. Cillizza C. Grover Cleveland once had a secret cancer surgery! On a yacht! // The Washington Post //https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/06/07/grover-cleveland-once-had-a-secret-cancer-surgery-on-a-yacht/

11. Rotondi, J. P. What happens when a President becomes too ill or incapacitated while in Office? // History. //https://www.history.com/news/presidents-ill-25-amendment

12. Аксверова, С. А., Есипова Т. А. Отрешение Президента от должности по состоянию здоровья: мировой опыт и проблемы российского законодательства //Аллея науки. – 2018. – № 10 (26). – С. 731-737.

13. Цымбал, И.А. Стойкая неспособность по состоянию здоровья осуществлять принадлежащие полномочия как основание для досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации / И.А. Цымбал, А.А. Кондрашев // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы IX межд. науч.-практ. конф. – Красноярск: Красноярский госуд. аграрный университет, 2016. – С. 131-134.

14. Литвина, Е.Д. Стойкая неспособность по состоянию здоровья как основание для досрочного прекращения полномочий Президента Российской Федерации / Е.Д. Литвина, А.В. Сидорова // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 11 (12). – С. 378-381.

15. Алборова, С.С. Стойкая неспособность главы государства осуществлять принадлежащие ему полномочия / С.С. Алборова // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 7 (58). – С. 35-40.

16. Конституционное прав: учебное пособие в 4 частях. Ч.2. Особенная часть. Раздел I. Основы конституционного права Российской Федерации /Э.В. Сулин, Л.М. Дулич, П. В. Иванов и др.; под общей ред. д.ю.н., проф. Э.В. Суслина. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. – 336с.

МАРГУЛИС Алёна Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
alenamargulis02@mail.ru

КУТИНА Вера Петровна,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданского процесса; kutiny@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассматриваются проблемы гендерной дискриминации в современном мире.

Ключевые слова: *гендерная дискриминация, международная организация труда, трудовое законодательство.*

Исторически так сложилось, что неравенство социального статуса мужчины и женщины отмечалось практически во все времена в большей или в меньшей степени. О развитии и становлении демократического общества говорит тот факт, что важнейшим принципом такого государства являются равные возможности труда мужчин и женщин и равная оплата за равный труд, но, тем не менее, в настоящее время отмечаются всё ещё случаи дискриминации женского труда, особенно прослеживающаяся в сфере трудовых отношений.

В отечественном законодательстве принцип равенства закреплён во второй главе Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), регламентирующий права и свободы человека и гражданина: мужчина и женщина имеют равные права и свободы, а также равные возможности для их реализации [1].

Нельзя не отметить и тот факт, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются общепризнанным принципом равенства и регулируется нормами международного права, закреплёнными международно-правовыми актами в конвенциях и рекомендациях международной организации труда.

Международная организация труда (МОТ, англ. International Labour Organization, ILO) — специализированное учреждение ООН, международная организация, занимающаяся вопросами регулирования трудовых отношений. На сегодняшний день участниками МОТ являются 187 государств. С 1920 года штаб-квартира Организации (Международного бюро труда) находится в Женеве. В Москве находится офис Субрегионального бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии [2].

Под дискриминацией МОТ определяет любое различие, исключение на основе расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национального происхождения или социального класса, которое приводит к ликвидации или нарушению равенства возможностей в области труда.

Тем не менее, МОТ, установив принцип равной оплаты труда мужчин и женщин, отмечает тот факт, что на практике женщинам платят меньше, чем мужчинам.

Непосредственно обратим внимание на ряд конвенций МОТ, направленных на защиту граждан, подвергшихся дискриминации, например, Конвенция МОТ № 110 о равном вознаграждении 1951 года [3], Конвенция МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий 1958 года [4], Рекомендация МОТ/ЮНЕСКО 1966 года о статусе учителей [5], где заявляется следующее: «Все аспекты подготовки и трудоустройства учителей должны быть свободны от какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национального или социального происхождения или экономического положения».

Таким образом, принятые конвенции и рекомендации направлены в первую очередь на ликвидацию дискриминации и поощрение равенства в сфере труда и рода занятий. Например, в главе II Конституции Федеративной Республики Бразилия 1988 года, озаглавленной «Социальные права», запрещается любая разница в оплате труда в зависимости от пола, возраста, цвета кожи или семейного положения. В статье 5 Закона о заработной плате Эстонии от 26 января 1994 года отражено данное положение: «Запрещается повышать или уменьшать заработную плату в зависимости от пола, национальности, цвета кожи, расы, родного языка, социального происхождения и т.п.».

Как уже говорилось ранее, отечественное трудовое законодательство также содержит положение о равенстве прав и возможностей работников в Российской Федерации, а именно отражен запрет дискриминации в сфере трудовых отношений (ст. 3 Трудового

кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ) [6]. Но, независимо от этого проблема гендерной дискриминации сохраняется и по сей день. Случаи отсутствия равноправия всё чаще встречаются как при приёме на работу, так и во время трудового процесса. Это явление связано не столько с недостатками правового регулирования, сколько с низким уровнем правовой культуры населения. В основном эта дискриминация выражается в нежелании нанимать женщин на работу. Кроме того, наблюдается и сексизм. По статистике представительницам женского пола выплачивается заработная плата на 30 процентов ниже по сравнению с мужчинами, работающими на той же ставке.

Рассматривая данный вопрос, обратим внимание на сложившуюся судебную практику. Обзор материалов судебной практики позволяет утверждать, что дела, касающиеся дискриминации женщин, в своём большинстве решаются не в пользу работниц.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 как раз подчеркивает проблемы дискриминационного характера. В одном из пунктов отражен принцип равенства прав и возможностей работников, который должен соблюдаться каждым гражданином. Кроме того, не должно быть зафиксировано фактов ограничения прав и свобод работника как в трудовой сфере, так и в других обстоятельствах, не связанных с деловой областью. Вместе с тем недозволительно работодателю не принимать на работу женщин, имеющих детей или при наличии беременности. В таких случаях работодатель обязан учитывать исключительно деловые качества работника. Если отказ в приеме на работу носит дискриминационный характер, то он является необоснованным [7].

Необходимо упомянуть о дискриминации по поводу дополнительных гарантий в виде пособия по уходу за ребенком, заметим, что по закону пособия должны выплачиваться только работающим женщинам. Это ограничивает права работника – мужчины. При этом каждый из родителей может в равной мере заботиться о ребенке, поэтому дополнительные гарантии должны предоставляться каждому из родителей. Причина невыплаты пособия по этому признаку является дискриминационной, то есть нарушающей права человека.

Практика показывает, что количество дел, по которым суды признают факты дискриминации, увеличивается многократно, что может иметь серьезные последствия для работодателя: моральный ущерб, административную и уголовную ответственность.

Примечательным представляется следующий пример. Так, суд признал, что работодатель правомерно отказался нанять женщину вахтенным. Рабочие места не соответствуют гигиеническим требованиям по шумовым параметрам и включены в перечень работ, на которых запрещено работать женщинам. Однако Верховный суд отменил принятое по делу решение. Основанием для отмены является заключение Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (Определение ВС РФ № 46-КГ17-24) [8].

Следующий пример заключается в том, что закон запрещает использование труда женщин, работающих во вредных условиях. Но после того как работник изменил свой пол с мужского на женский, работодатель прекратил с ним трудовые отношения. Суды первой и

апелляционной инстанций отклонили ходатайство о признании увольнения дискриминационным и поддержали позицию работодателя о том, что он действовал в рамках, установленных государством (Решение Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 08.11.2017 по делу № 2-5476/2017; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.04.2018 № 33-6705/2018) [9].

Подводя итог, необходимо чаще говорить о том, что необходимо воспитывать у нас всех толерантное, недискриминационное отношение к людям, окружающим нас, создавать учебную или рабочую среду, которая признает ценность разнообразия и использует его преимущества, а не игнорирует или изолирует его. В рамках этого процесса те, кто работает с людьми, должны осознавать, дискриминируют ли они других, и если да, то понимать, что это недопустимо и противозаконно. Так, например, мероприятия по обучению правам человека могут помочь участникам развить осведомленность и сочувствие, с одной стороны, и навыки сопротивления и настойчивости – с другой, позволяя людям избегать, предотвращать или бороться с дискриминацией.

Снижение случаев дискриминации зависит от совместных усилий всех сторон. Задача формирования социально ориентированной экономики и создания единого нормативно-правового органа для субъектов рыночной экономики является приоритетной для современного государства. В то же время социально-экономические издержки дискриминации для общества значительно превышают потери для работодателей. Поэтому ведущая роль должна принадлежать государству. В то же время усилия государства по борьбе с дискриминацией являются ведущими, но недостаточными. Во-первых, роль государства в рыночной экономике относительно невелика, а в некоторых случаях имеет тенденцию к уменьшению. Во-вторых, глобализация и вытекающие из нее трансграничные потоки капитала уменьшили влияние государств на процессы, происходящие на их территориях. В-третьих, в современном обществе все большее внимание уделяется влиянию капитала на процесс принятия решений органами государственной власти. В этом контексте эффективность антидискриминационных действий напрямую зависит от способности правительств и бизнеса формировать партнерские отношения и вести конструктивный диалог.

Таким образом, многие страны принимают положения, исключающие различные виды дискриминаций. Более того, трудовое законодательство всех стран должно включать в себя основополагающие идеи, на которых должно строиться законодательство в трудовой сфере, в том числе в вопросах равной возможности в области труда и занятости, равной оплаты заработной платы, чтобы на практике эти положения не нарушались.

Особо хочется отметить роль юридической академии в становлении и формировании у студентов толерантного и недискриминационного отношения к окружающих нас людям, особенно в трудовой сфере, а также в сфере защиты интересов и прав граждан и юридических лиц в гражданском судопроизводстве (в контексте сказанного, практический опыт и научный взгляд находит

своё логическое подтверждение в соответствующих статьях Вестника Санкт- Петербургской юридической академии) [10, с. 66-80].

В данном контексте можно утверждать, что ведущая роль в формировании нетерпимости в любых проявлениях дискриминационного характера принадлежит системе образования, преподавательскому составу, поскольку в скором будущем каждый из студентов вступит в трудовые отношения либо в качестве работников или работодателей, и это должно помочь молодым специалистам адаптироваться в рабочем коллективе.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]: текст с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный Интернет-портал правовой информации: государственная система правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.03.2022).
2. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83
3. Конвенция Международной организации труда № 100 относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности (Женева, 29 июня 1951 г.) // https://base.garant.ru/2540635/(дата обращения: 01.03.2022).
4. Конвенция Международной Организации Труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий (Женева, 25 июня 1958 г.) // https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540653/chapter/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/ (дата обращения: 01.03.2022).
5. Рекомендация о положении учителей (5 октября 1966 г.) // https://base.garant.ru/2540484/ (дата обращения: 01.03.2022).
6. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 года: текст с изменениями и дополнениями на 09 ноября 2020 года. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: государственная система правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 04.03.2022).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (дата обращения: 07.03.2022).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.07.2017 № 46-КГ17-24 // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24072017-n-46-kg17-24/ (датаобращения:05.03.2022).
9. Решение Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 08.11.2017 по делу № 2-5476/2017 // https://www.v2b.ru/documents/reshenie-frunzenskogo-rayonnogo-suda-goroda-sankt-peterburga-ot-08-11/; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.04.2018 № 33-6705/2018) // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&

base=SARB&n=167590#Hk07QzSm6d24ixpo(дата обращения: 07.03.2022).
10. Попова Е.С. Особенности гражданского судопроизводства по индивидуальным трудовым спорам / Е.С. Попова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. − № 1 (50). − С. 75-80.

МАРКЕВИЧ Елизавета Васильевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент; Liza_liza-11@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ИСПОЛНЕНИЕМ СУДЕБНЫХ АКТОВ

В статье рассматриваются современные проблемы производства по делам, связанным с исполнением судебных актов.

Ключевые слова: *исполнительное производство, судебный пристав, решение суда, судебные акты.*

Судебный акт – это официальный документ органов государственной власти, который выносится судом с целью осуществления правосудия и судебного управления.

Исполнение судебных решений является важнейшим звеном правоприменительной правовой практики, реализацией и реальным применением права.

Главной проблемой производства по делам, связанным с исполнением судебных актов, является низкая исполнимость судебных и иных предъявляемых к исполнению решений.

Важнейшая гарантия обеспечения и защиты субъектов экономической деятельности в части исполнительного производства неэффективна и требует научного осмысления проблем исполнительного производства, а также поиска их решений. Основным предназначением исполнительного производства является защита прав и свобод граждан и юридических лиц, участников экономической деятельности, обеспечение гарантии реализации судебных решений на территории Российской Федерации.

Основанием для начала исполнительного производства является вступивший в силу акт суда либо иного должностного лица, решение которого обязательно для исполнения гражданами и юридическими лицами.

Современное состояние исполнительного производства в Российской Федерации характеризуется неэффективностью в части деятельности по исполнению судебных актов. Указанное обстоятельство делает актуальным правовой анализ деятельности органов исполнительной власти по обеспечению исполнения решений судов, выявлению проблем деятельности лиц, способствующих исполнению судебных актов, поиск путей дальнейшего развития законодательства в данной области. Сегодня в Российской Федерации существует глобальный кризис системы исполнения решений судов [9,

с. 254]. К примеру, защита гражданского права кредитора на исполнение судебного акта о взыскании денежных средств вызывает значительные трудности, обусловленные отсутствием внесудебных эффективных механизмов реализации данного права.

О необходимости повышения эффективности исполнительного производства публикуется большое количество работ. Авторами приводятся различные подходы к разрешению данного вопроса. В частности, некоторые предлагают усилить судебный контроль за деятельностью судебных приставов-исполнителей, другие предлагают повысить квалификацию судебных приставов-исполнителей, третьи предлагают разработку и принятие Исполнительного кодекса Российской Федерации [10, с. 63].

Рассмотрение дела по существу в судах РФ заканчивается вынесением судебного решения, которое должно быть исполнено. Вступившие в законную силу судебные акты являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 13 ГПК РФ, ч. 1 ст. 16 АПК РФ, ст. 16 КАС РФ). Решение суда должно быть исполнено после вступления его в законную силу (ст. 210 ГПК РФ). Законную силу решение приобретает по истечении срока на апелляционное обжалование, если оно не было обжаловано (ч. 1 ст. 209 ГПК РФ, ст. 187 КАС РФ). Решение суда, вступившее в законную силу, может быть исполнено добровольно бывшим ответчиком – должником [7, с. 158].

Судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства устанавливает срок для добровольного исполнения должником содержащихся в исполнительном документе требований и предупреждает должника о принудительном исполнении указанных требований по истечении срока (ч. 11 ст. 30 ФЗ «Об исполнительном производстве») [4].

Исполнительное производство включает в себя три стадии. Каждая стадия исполнительного производства обладает относительной логической обособленностью, имеет свою цель и задачи. Некоторые авторы считают, что любое исполнительное производство проходит три обязательные стадии: 1) возбуждение исполнительного производства; 2) подготовка к принудительному исполнению; 3) окончание исполнительного производства [11, с. 51].

Все остальные стадии являются факультативными, поскольку наступление их будет зависеть от категории исполнительных документов, действий участников исполнительного производства и ряда других обстоятельств. Факультативные стадии: принудительное исполнение; распределение взысканных сумм; обжалование действий судебного пристава-исполнителя [11, с. 51].

Согласно ч. 1 ст. 36 ФЗ «Об исполнительном производстве», срок принудительного исполнения решения суда ФССП составляет два месяца. Исполнительное производство может быть окончено в связи с исполнением должником требований исполнительного документа (т.е. оплатить долг, вернуть имущество и т.п.). Также исполнительное производство в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 47 ФЗ «Об исполнительном производстве» может быть окончено без исполнения или частичного

исполнения в случае возвращения взыскателю исполнительного документа по основаниям, предусмотренным ст. 46 ФЗ «Об исполнительном производстве» (например, в связи с тем, что у должника отсутствует имущество, на которое можно обратить взыскание).

Складывающаяся законотворческая практика, с одной стороны, оказывает растущее административно-карательное давление на участников правоотношений, а с другой – вызывает необходимость поиска и выбора законодателем способов инициации добровольного исполнения юрисдикционных решений.

Все это свидетельствует о необходимости усиления внимания законодателя к первой стадии исполнения санкционного акта в контексте сопряжения потенциалов административно-правовых методов убеждения и принуждения, что должно служить повышению эффективности административно-исполнительного механизма.

Проведенный анализ нормативно-правового регулирования отношений, складывающихся в сфере исполнительно производства, позволяет говорить о возможности не исполнять решения судов в законном порядке. Так, в законодательстве предусмотрен целый комплекс мер поддержки должников в части неисполнения решений судов. Одной из подобных мер можно определить процедуры банкротства физических и юридических лиц, позволяющие не исполнять решения суда в связи с отсутствием на это средств у должника. Указанное обстоятельство может привести к тому, что субъекты экономической деятельности будут более подробно исследовать финансовое, имущественное состояния друг друга перед заключением договора. При этом договор будет заключен только с тем лицом, у которого и финансовое состояние, и имущественное положение будут обеспечивать исполнение договора. При этом лица, у которых нет соответствующего имущественного и финансового состояния, будут лишены возможности быть участниками экономических отношений, что негативным образом может повлиять на экономическое развитие нашей страны.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что главной проблемой производства по делам, связанным с исполнением судебных актов, являются недостатки нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу общественных отношений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – ст. 4398.

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (часть первая) от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 13.01.2022) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – ст. 1391

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (часть первая) от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

5. Афанасьев, С.Ф. Исполнительное производство. Учебник и практикум / С.Ф. Афанасьев, О.В. Исаенкова, В.Ф. Борисова, М.В. Филимонова; под ред. О.В. Исаенкова. – М.: Юрайт, 2020. – 410 с.

6. Гальперин, М.Л. Исполнительное производство. Учебник / М.Л. Гальперин. – М.: Юрайт, 2019. – 498 с.

7. Гайфутдинова, Р.З. Исполнительное производство: особенности обращения взыскания на недвижимое имущество / Р.З. Гайфутдинова; под ред. Д.Х. Валеева. – М.: Статут, 2016. – 158 с.

8. Гуреев, В.А. Взыскатель в исполнительном производстве: юридическая защита прав и интересов / В.А. Гуреев, И.А. Аксенов. − М.: Редакция «Российской газеты», 2017. – 144 с.

9. Смоленский, М.Б. Исковые заявления и жалобы в суд общей юрисдикции. Исполнительное производство. Учебно-практическое пособие / М.Б. Смоленский. – М.: СИНТЕГ, 2015. – 254 с.

10. Попова, Е.С. Эффективность исполнительного производства в гражданском процессе / Е.С. Попова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 3 (44). – С. 61-64.

11. Попова, Е.С. Исполнительное производство: учебное пособие / Е.С. Попова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 120 с.

МЕРКУШЕВА Ольга Владимировна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
olya-let@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются ключевые аспекты основополагающего принципа наследственного права – свободы завещания.

Ключевые слова: *наследственное законодательство, свобода завещания, содержание завещания, виды завещаний, ограничение свободы завещания.*

Законодательство Российской Федерации, идя по пути утверждения свободы завещания как одного из основополагающих принципов наследственного права, стремится дать наследодателю гарантии того, что он будет принимать решения, относящиеся к самому акту завещания как таковому, самостоятельно и независимо, при этом данные решения не будут осуждаться с точки зрения

справедливости и целесообразности, а также обоснованности. В правовой литературе отмечается, что принцип свободы завещания связан с принципом недопустимости вмешательства в частные дела, формально выражающим самостоятельность личности в вопросах наследования, в том числе в отношении распоряжения имущественными активами по завещанию. Применение принципа свободы завещания четко указано в положениях закона о тайне завещаний [1, с. 112].

Современное российское наследственное право, ставящее во главу угла волю гражданина и предоставляющее наследодателю массу возможностей, идет по пути совершенствования и развития свободы волеизъявления. В настоящее время сняты ограничения на наследование по завещанию отдельных видов имущества, таких как имения или предметы домашнего обихода, действовавшие в Дореволюционном законе 1922 г. и Гражданском кодексе РСФСР. Выбор наследника не ограничивается кругом законных наследников, как это было в период действия ГК РСФСР 1922 г. Кроме того, размер обязательной части уменьшается с каждой последующей российской кодификацией [2, с. 41]. Теперь есть и возможность составления частного завещания при чрезвычайных обстоятельствах. По этой причине в настоящее время уместно ссылаться на свободу завещания как основной принцип наследственного права.

Концептуально свобода завещания выражается в четырех аспектах: свобода составления завещания; свобода содержания завещания; свобода отмены завещания; свобода выбора вида завещания.

Основополагающий смысл свободы составления завещания заключается в следующем: каждый гражданин, не лишенный дееспособности, вправе самостоятельно решать, реализовывать ли назначение и распределение посмертных благ или оставить решение этого вопроса за законодателем. Однако право на посмертное назначение имущества не распространяется на граждан, не обладающих полной дееспособностью.

Исторически в законодательном плане были внесены существенные изменения в свободу составления завещания как одну из сторон рассматриваемого принципа. Понимание свободы договора в российском законодательстве, особенно в свете последних научных разработок в этом направлении, базируется на модели «Разрешено все, что прямо или подразумеваемо не запрещено в силу убедительных на то причин». Иногда в литературе о наследственном праве этот подход распространяется и на свободу завещания. Однако, ссылаясь на п. 1 ст. 1119 ГК РФ, мы видим иное толкование: разрешены выбор наследников, в том числе их подназначение, а также распределение имущества в натуре или решение о делении в наследственных долях; допускается законом отстранение наследников (ст. 1121 ГК РФ); и иные завещательные распоряжения, в полном объеме предусмотренные ГК РФ. Следует также отметить, что предыдущая редакция ст. 1119 ГК РФ ограничивалась более строгой ссылкой на статью V ГК РФ. В связи с появлением в части четвертой серии посмертных распоряжений о результатах интеллектуальной деятельности (ст.ст. 1266-1268, 1282, 1316 ГК РФ), в 2006 г. редакция

указанной статьи была изменена. Однако отечественное наследственное право продолжает, как и ряд зарубежных стран, замыкать перечень допустимых распоряжений, имеющихся у наследодателя. Диспозитивность в наследственном праве находится в области нормативно допустимых завещательных распоряжений [3, с. 85]. К примеру, завещатель может, помимо вышеперечисленного, предусмотреть завещательный отказ, возложение или избрать душеприказчика. В установленных рамках наследодатель свободен, он может решать различные вопросы, не только утвержденные законодательно, например, бремя распределения в вопросе исполнения легата, назначение коллегии душеприказчиков, старшинство и приращение отказов, и иные. В то же время непредусмотренные законом посмертные распоряжения недоступны наследодателю. Он не может назначить последующего наследника, исключить супруга своего сына из списка его наследников в отношении завещаемого сыну имущества; запретить раздел наследства (ст. 1139 ГК РФ), установить завещательный опцион (ст. 1137 ГК РФ), обязать наследников, которые реализовали наследственные права, выполнить полномочия душеприказчика (ст. 1135, 1173 ГК РФ), самостоятельно выбрать право страны своего гражданства в качестве права, регулирующего процедуру наследования, предусмотреть арбитражную оговорку. Кроме того, правило обязательной доли является серьезным ограничением свободы волеизъявления. Традиции нынешнего экономического уклада, основанного на частной собственности, отражают тенденцию к полной свободе волеизъявления наследодателя. Общепринятые нормы, защищающие нравственные основы и интересы родственных отношений, ведут к ограничению свободы завещания, навязывая завещателю определенный круг наследников (ст. 1149 ГК РФ). Поэтому, подводя итог онтологическому процессу изменений в вопросе свободы содержания завещания, следует отметить, что действующий ГК РФ, следуя перечню возможностей наследодателя, сохраняет преемственность Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. о «закрытом списке» и обязательной доли [4, с. 145].

Особое внимание необходимо уделить вопросу о допустимости завещательных распоряжений под условием. Зарубежные правопорядки в общем благосклонно относятся к такого рода оговоркам. В европейских странах с основами континентального права существует ограничение, запрещающее назначение наследника под отменительным условием или на срок. Аналогичных взглядов придерживалось и дореволюционное право. В то же время структура завещательного распоряжения под условием встречается и в Модели ГК СНГ (ст. 1157). В отечественной юридической литературе существуют противоречивые взгляды на принципиальную возможность завещания под условием и виды допустимых условий. Нотариусы обычно избегают удостоверения данных видов завещаний, ссылаясь на отсутствие в ГК РФ понимания и трактовки завещаний под условием. Нормативно положения о подобного рода завещаниях упоминаются только в Постановлении Правительства РФ от 27 мая 2002 г. № 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» [5], посвященном вопросу завещательных распоряжений на финансовые

средства, хранящиеся в банках. Практика запрета облегчает исполнение завещаний и судебную систему, ограничивая свободу волеизъявления.

Следующим важным аспектом является свобода изменения или отмены завещания. Главная идея здесь состоит в том, что завещатель, не утративший дееспособность, вправе в любое время отменить или изменить составление завещания. Все эти действия являются завещанием как таковым в широком понимании этого термина. Документов, определяемых как завещание, может быть много, но двух одновременно действующих завещаний быть не может. Принятые на себя завещателем ограничения права на отмену завещания силы не имеют. Обязательство подготовить завещание, которое защищается в отдельных случаях правом справедливости, действующим отечественным правом не признается [6, с. 611]. Вместе с тем необходимо учитывать, что свобода изменения или отмены завещания ограничена необходимостью соблюдения установленной законом формы.

Концепция свободы завещания в широком смысле выражается, помимо прочего, в свободе выбора вида завещания. По способу составления завещаний они подразделяются на публичные завещания, в основе которых лежит обязанность удостоверить их перед лицом, наделенным властью, а также частные, которые не требуют такого удостоверения. К публичным завещаниям относятся открытые нотариальные завещания (ст. 1125 ГК РФ), которые получили наибольшее распространение в РФ, завещания, приравненные к нотариальным завещаниям (ст. 1127 ГК РФ), банковские постановления (ст. 1128 ГК РФ). Частным завещанием является завещание при чрезвычайных обстоятельствах (ст. 1129 ГК РФ). Закрытое завещание является промежуточной формой, оно составляется в частном порядке, однако для обретения юридической силы завещание необходимо передать нотариусу (ст. 1126 ГК РФ).

Завещания подразделяются на ординарные, или обычные, и экстраординарные, которые необходимо составить особых, чрезвычайных условиях, в ситуации риска наступления смерти, либо когда составление завещания в обычной форме не представляется возможным [7, с. 42]. Для вторых свойственно некоторое законодательное послабление в отношении порядка составления. К ординарным относятся открытые и закрытые нотариальные завещания, а также завещательное распоряжение в банке. К экстраординарным относятся завещания, приравненные к нотариальным, и завещаниям при чрезвычайных обстоятельствах. Ординарные частные завещания, существующие во многих странах в виде олографических (собственноручно написанных) или свидетельских, по российскому наследственному праву не допускаются.

Отдельного внимания заслуживает вступивший с 2019 г. в силу новый способ распоряжения имуществом – совместное завещание. Законом предусматривается, что данный вид завещательных распоряжений не может быть закрытым и должен совершаться в форме, приравненной к нотариально удостоверенной. Также в отношении данных завещаний нотариусами вполне допускается совершение совместных завещательных распоряжений в банках.

Рассматривая совместное завещание с точки зрения предоставляемой законодателем свободы, следует отметить, что в данном случае супругам предоставляются более широкие возможности в вопросах распоряжения имуществом, в том числе и совместно нажитым. Однако реализация такого вида завещания несколько затруднена ввиду объективных обстоятельств (как, например, в возможности пережившего супруга изменить содержание завещания), а вывод о целесообразности его практического применения можно будет сделать лишь по прошествии времени.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что завещание, в отличие от некоторых других односторонних сделок, не нуждается в доведении его до третьих лиц, поскольку на момент составления данный документ не ущемляет ничьих прав и обязанностей. Положение о том, что завещатель не обязан указывать причин принятия тех или иных решений по распоряжению своим имуществом, не обязан сообщать о таковых актах, является своеобразной формулировкой личного нематериального абсолютного права неприкосновенности частной жизни, обязательным условием которой считается соблюдение паритета и уважения перед внутренним, духовным миром человека с его волнениями, побуждениями, точкой зрения, установками, моральными принципами.

Таким образом, свобода завещания как принцип наследственного права заключается в самостоятельности и независимости принятия завещателем решений, касающихся самого акта завещания как такового и содержания завещательных распоряжений, которые не могут расцениваться с точки зрения справедливости, целесообразности, мотивированности и других критериев обоснованности принятых завещателем решений.

Список литературы:

1. Алешина, А.В. Наследственные отношения в Российской Федерации и международном частном праве: учебное пособие / А.В. Алешина, В.А. Косовская; под общ. ред. О.С. Зыбиной. – СПб.: НОУ «СЮА», 2015. – 198 с.

2. Денисова, Ю.Н. Проблемы в сфере правового регулирования наследственных отношений в России и возможные пути их решения / Ю.Н. Денисова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 4 (45). – С. 41-46.

3. Мамай, Е.А. Совместное завещание супругов как новый институт в российском наследственном праве / Е.А. Мамай, Е.О. Мамай // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – №2 (50). – С.84-88.

4. Сербин, М.В. Соотношение свободы завещания и правил об обязательной доли в наследстве / М.В. Сербин, А.А. Демидова // Закон. Право. Государство. – 2020. – № 3 (27). – С.143-147.

5. Постановление Правительства РФ от 27.05.2002 № 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» // СЗ РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2097.

6. Алешина, А.В. Особенности совершения завещаний в странах романо-германской правовой системы / А.В. Алешина // Вестник Санкт-петербургской юридической академии. – 2016. – № 3 (32). – С. 59-64.

7. Прощалыгин, Р.А. Соотношение принципа свободы завещания и института совместного завещания супругов: теоретико-правовой анализ / Р.А. Прощалыгин, Д.Ю. Тарасов // Наследственное право. – 2021. – № 3. – С. 41- 44.

МИХАЙЛОВА Ольга Петровна,
ВГУ имени П.М. Машерова, старший преподаватель; fab3000@yandex.ru

АНЮХОВСКАЯ Наталья Владимировна,
ВГУ имени П.М. Машерова, студентка; anv@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОСТУПКА И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье проведен анализ разграничения понятий «дисциплинарный проступок» и «преступление» на основании действующего законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: *дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, работник, наниматель, преступление.*

Актуальность темы заключается в том, что неясность и подвижность понятия дисциплинарного проступка, отсутствие перечня деяний, влекущих дисциплинарную ответственность, затрудняют разграничение дисциплинарного проступка и преступного деяния, что может привести к неправильному применению нормы трудового права.

Цель исследования состоит в разграничении понятий «дисциплинарный проступок» и «преступление».

Материал и методы исследования. Теоретическую основу составили нормативные правовые нормы, труды авторов, которые рассматривали проблему разграничения дисциплинарного проступка и преступления. При подготовке работы методологической базой послужили общенаучные методы познания (описание, обобщение, сравнение, анализ, синтез). В зависимости от конкретных задач исследования в работе использовались следующие методы: сравнительно-правовой, описательно-аналитический.

Результаты и их обсуждение. Преступлением, согласно ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными УК, и запрещенное им под угрозой наказания [5, ст. 11].

Трудовой кодекс Республики Беларусь определяет дисциплинарный проступок как противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей [4, ст. 197].

Смежные преступления и дисциплинарные проступки могут посягать на один и тот же объект, иметь внешне схожие по признакам объективные и субъективные стороны. Исходя из этого, на практике зачастую возникают проблемы с квалификацией совершенного деяния и применением необходимой нормы права.

Приведем примеры смежных составов преступлений с дисциплинарными проступками:

- должностные преступления: злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК); бездействие должностного лица (ст. 425 УК); превышение власти или служебных полномочий (ст.426 УК); служебный подлог (ст.427 УК) и т.д.;

- нарушение законодательства о труде (ст.199 УК); нарушение правил охраны труда (ст. 306 УК) и другие [5].

Первым критерием разграничений, приведенных выше понятий, являются нормы, применяемые при совершении преступления и дисциплинарного проступка.

Деяние, запрещенное нормой уголовного права, является преступлением и не может быть квалифицировано нанимателем как дисциплинарный проступок. Исчерпывающий перечень деяний, являющихся преступлениями, закреплен в УК.

Совершение же дисциплинарного проступка влечет за собой дисциплинарную ответственность, предусмотренную нормами трудового права.

Что касается перечня составов правонарушений, влекущих дисциплинарную ответственность, то он нормативно не определен, что негативно сказывается на разграничении вышеупомянутых понятий. Лишь в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2012 г. № 4 приведен ряд примеров деяний, являющихся дисциплинарными проступками [3].

Следующим критерием разграничения названных нарушений является степень общественной опасности. Общественная опасность является обязательным, закрепленным УК, признаком преступления. Но общественная опасность также характерна и для правонарушений, которые не являются общественно опасными, но носят общественно вредный характер.

При разграничении материальных составов преступлений от дисциплинарного проступка решающее значение имеют последствия деяния. Что же касается формальных составов, то здесь разграничение проводится по признакам, характеризующим само по себе деяние и его субъективную сторону. Наиболее четко эту грань можно провести, когда преступные последствия определены по виду и размеру [2, с. 74].

Например, при нарушении правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда правонарушения становятся преступными, если они по неосторожности повлекли профессиональное заболевание либо причинение телесных повреждений различной степени тяжести или смерть человека. Отсутствие отмеченных выше последствий указывает

на меньшую степень общественной опасности такого нарушения. Следовательно, квалифицируется не как преступление, а как дисциплинарный проступок.

Совершение дисциплинарного проступка влечет за собой нарушение интересов правильного устройства и нормального функционирования организации. Такие правонарушения наносят вред нормальному функционированию организаций и, как следствие, законодательное неопределение перечня таких правонарушений, ведь невозможно точно и ясно установить содержание таких интересов [1, с. 1705].

А при совершении должностного преступления имеет место нарушение должностным лицом интересов службы, закрепленное в УК и сопряженное с конкретными последствиями, либо совершение четко установленных в диспозиции конкретной статьи УК деяний.

Заключение. Таким образом, описанные выше положения, позволяют сделать вывод, что основным критерием разграничения дисциплинарного проступка и преступления является степень общественной опасности. Решающая роль при этом отведена последствиям совершенного деяния. Дисциплинарный проступок наносит меньший вред общественным отношениям, нежели преступление, ведь преступление характеризуется наибольшей общественной опасностью по сравнению с другими правонарушениями.

Так как на данном этапе развития общественных отношений установить исчерпывающий перечень дисциплинарных проступков не представляется возможным, то проблема решается с помощью максимально возможной формализации признаков преступления, введения четко определенных количественных и качественных критериев, позволяющих ясно и недвусмысленно определить юридическую природу совершенного деяния. Так, при разграничении дисциплинарных проступков и преступлений необходимо исходить из того, что привлечение к дисциплинарной ответственности возможно только после проверки совершенного деяния на наличие или отсутствие признаков преступления.

Список литературы:

1. Иванова, С.И. Отграничение преступлений от дисциплинарных и аморальных проступков / С.И. Иванова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 1701-1708.

2. Нургалиева, Е.Н. Разграничение дисциплинарного проступка от других видов правонарушений / Е.Н. Нургалиева // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – 2011. – № 3. – С. 71-76.

3. О практике применения судами законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности работников: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2012 г. № 4 / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

4. Трудовой Кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 28.05.2021 г. № 114-З //

ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. Уголовный Кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 11.11.2019 г. № 253-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

МИХАЙЛОВА Ольга Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
ponchik2015@list.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДАРЕНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

В статье рассмотрены актуальные вопросы правового регулирования договора дарения, предметом которого выступают жилые помещения.

Ключевые слова: *жилое помещение, дарение, притворная сделка, безвозмездность.*

В современном гражданском праве институт дарения опосредует переход права собственности на имущество от одного лица к другому. Встречное предоставление при этом отсутствует. Правовая природа дарения характеризуется императивной безвозмездностью, установленной законом. Правовое регулирование договора дарения жилых помещений определяется направленностью такого договора на передачу соответствующего имущества в собственность. Гражданско-правовые нормы устанавливают безвозмездный характер данного обязательства, обусловивший специфику правового регулирования основных элементов договора дарения недвижимости. Обязанности дарителя перед одаряемым по договору дарения недвижимости сводятся к соблюдению порядка и условий передачи недвижимого имущества. Одаряемый вправе до принятия дара отказаться от его принятия, требовать от дарителя возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков подаренного недвижимого имущества. Для рассматриваемого договора предусмотрена письменная форма совершения, требующая обязательной государственной регистрации.

Договоры дарения недвижимости чаще других видов сделок становятся предметом судебного разбирательства. Практикой заключения и последующего рассмотрения судебными инстанциями договоров дарения жилых помещений выявлены пути разрешения судебных споров из таких договоров, обусловленных специфическими особенностями недвижимого имущества. Отсутствие специальных норм в ГК РФ, регулирующих особенности договора дарения жилых помещений, не способствует достаточной гарантированности прав и законных интересов физических лиц как участников таких договоров.

Несмотря на то, что требования к договору урегулированы в законодательстве, правоприменительная практика складывается неоднозначно. В ходе анализа проблемных аспектов регулирования договора дарения жилых помещений, можно выделить следующие проблемы.

Для начала следует остановиться на случаях, когда безвозмездное отчуждение жилого помещения в пользу другого лица осуществляется для того, чтобы даритель мог избежать необходимости отвечать по долговым обязательствам перед кредиторами.

Примером здесь может служить следующая непростая ситуация. Между сторонами был заключен договор дарения земельного участка с жилым домом. В связи с возбуждением в отношении дарителя исполнительного производства банк обратился с иском о признании договора дарения мнимой сделкой, совершенной в целях вывода имущества с намерением причинить вред банку путем невозможности обращения взыскания на указанное имущество. Вместе с тем судом установлено, что спорный договор дарения был заключен по доверенности, выданной до вынесения определения об обеспечении иска. Отказывая банку в удовлетворении требований на основании ст. 572 ГК РФ, суд указал, что на момент возникновения у дарителя желания осуществить дарение недвижимого имущества (момент выдачи доверенности) у него не было информации об аресте принадлежащего ему имущества [1].

На сегодняшний день в законодательстве отсутствуют ограничения, которые могли бы препятствовать совершению подобного рода сделок. Долговая нагрузка, имеющаяся у дарителя, не влияет на его способность осуществлять безвозмездную передачу объектов недвижимости другим лицам, включая родственников. Прикрывая реальную сделку, лица могут заключить не одну сделку, а цепочку взаимосвязанных сделок. В подобных ситуациях все прикрывающие сделки будут считаться единой ничтожной сделкой. Требует внимания вопрос установления возможных пределов использования недвижимого имущества при его пожертвовании, таким образом, чтобы выполнить требования о законодательно установленном назначении недвижимости [2, с. 74].

Разрешить проблему безвозмездной передачи жилых помещений с целью избегания исполнения долговых обязательств перед кредиторами простой корректировкой нормы о договоре дарения едва ли возможно. Здесь требуется скоординированная работа законодателя и судебной системы для предотвращения подобного рода ситуаций. Перспективным представляется возможность наложения нормативных ограничений на осуществление дарения жилых помещений при наличии избыточной долговой нагрузки на дарителя.

Другой проблемой, традиционно рассматриваемой в цивилистической литературе, является дарение доли в жилом помещении. По общему правилу распоряжение жилым помещением, которое находится в общей долевой собственности, осуществляется в соответствии с принятым всеми сособственниками соглашением. Однако это не лишает конкретного участника общей долевой собственности возможности распоряжаться своей долей по личному усмотрению, например, заключать в отношении нее договоры купли-

продажи, мены, дарения, залога и другие сделки. При этом любая процедура возмездного отчуждения доли в праве общей собственности не будет признана законной без соблюдения продавцом доли положений о преимущественном праве покупки доли (ст. 250 ГК РФ).

Так сложилось, что на практике выделение долей осуществляется посредством заключения соглашения о выделении доли. Специфической является ситуация, когда жилое помещение приобретается на средства материнского капитала. В этом случае на жилое помещение возникает совместно-долевая собственность [3, с. 18]. В этом случае, согласно формулировке ст. 10 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [4], предусмотрена обязанность выделения долей по соглашению между его участниками. Однако прямой обязанности выделять доли только путем заключения соглашения о выделении доли не предусмотрено, следовательно, возможно выделение доли и иным способом, например, посредством заключения договора дарения. По сути, между соглашением о выделении доли и договором дарения нет принципиального различия, как по форме, так и по правовым последствиям, в обоих случаях возникает право собственности на долю в жилом помещении.

Актуальной редакцией ст. 42 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [5] установлены требования об обязательном нотариальном удостоверении сделок по отчуждению долей в жилом помещении. В результате сложилась противоречивая практика нотариальных действий и деятельности органов в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Содержание ст. 250 ГК РФ обусловлено необходимостью предоставления правовой защиты гражданам, которые остаются сособственниками жилого помещения и которые, возможно, не против увеличения принадлежавших им долей в праве общей собственности за счет доли выбывающего участника. Между тем обеспечение защиты законных интересов совладельцев имущества (в данном случае – жилого помещения) является одной из приоритетных задач гражданского законодательства [6, с. 311].

К сожалению, нельзя констатировать, что норма ст. 250 ГК РФ защищает права сособственников жилого помещения во всех возможных ситуациях. Заметной проблемой правила о преимущественном праве покупки доли выступает его узкая сфера применения, которая по существу ограничена лишь случаями возмездных договоров по передаче соответствующей доли в праве собственности. Безвозмездные сделки не подпадают под данное правило. Данное положение вещей фактически способствует недобросовестным участникам общей долевой собственности, более не имевшим интереса в сохранении нормального порядка владения, пользования и распоряжения жилым помещением, заключать в пользу посторонних лиц безвозмездные сделки – договоры дарения, дабы избежать формальностей, навязанных нормой ст. 250 ГК РФ. Ввиду отсутствия у выбывающего совладельца каких-либо законодательно определенных обязанностей по уведомлению о переходе права собственности на его долю третьему лицу на основании дарения остальных сособственников, последние нередко узнают о случившемся

в момент появления нового участника общей долевой собственности на пороге жилого помещения [7, с. 72].

В сущности, проблема такого «правомерного» обхода правила о преимущественном праве покупки доли сводится к тому, что недобросовестный сособственник жилого помещения подменяет договор купли-продажи на договор дарения, тем самым совершая притворную сделку (п. 2 ст. 170 ГК РФ). При рассмотрении проблемы обхода положения ст. 250 ГК РФ недобросовестными продавцами долей в праве общей собственности вполне логичным кажется вопрос о том, по какой причине законодатель не распространил действие правила о преимущественном праве покупки доли на безвозмездные сделки. По данному вопросу представляется возможным высказать следующую позицию.

Одним из базовых начал гражданского законодательства является императивный запрет на произвольное вмешательство в частные дела со стороны третьих лиц и государства (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Поскольку основой безвозмездных сделок (в нашем исследовании это договор дарения) является приобретение материальной выгоды (имущества, денежных средств) исключительно одной стороной (одаряемым лицом), то другая сторона (даритель), по всей вероятности, получает от своих безвозмездных действий глубоко личное моральное удовлетворение.

При этом гражданин, в собственность которому переходит предмет дарения, необязательно должен состоять с дарителем в родственных отношениях, быть членом его семьи, так как сам даритель определяет, насколько лично ему близок тот или иной человек. Поэтому распространение нормы ст. 250 ГК РФ на процедуру заключения участником общей долевой собственности безвозмездных сделок означало бы наличие императивных предписаний о том, кому допускается, а кому воспрещается принимать в дар долю в праве общей собственности.

На сегодняшний день признание договора дарения недействительной (ничтожной) сделкой является частью механизма защиты нарушенного преимущественного права покупки продаваемой доли. Однако, исходя из анализа судебной практики, истцам затруднительно представить суду аргументированные доказательства притворности такой сделки. Кроме того, требование признать договор дарения ничтожной сделкой почти всегда соединяется с требованием о переводе прав и обязанностей покупателя в праве общей долевой собственности на истца, которое может быть удовлетворено судом при соблюдении истцом трехмесячного срока, установленного п. 3 ст. 250 ГК РФ. В большинстве случаев сособственники жилого помещения обнаруживают нарушение своего преимущественного права покупки доли после истечения установленного срока, что приводит к неизбежному отказу в удовлетворении заявленных требований [8, с. 98].

Законодатель предусмотрел ряд мер по защите сособственников от недобросовестного совладельца при заключении последним договора купли-продажи доли в праве общей собственности, однако подобные меры перестают действовать в отношении того же круга лиц при заключении договора дарения, чем активно пользуются

квартирные рейдеры. На текущий момент рассматриваемые сделки по дарению доли в жилом помещении достаточно часто направлены на дальнейшее дробление отчуждаемой доли, что превращает рассматриваемый гражданско-правовой договор в инструмент генерации микродолей [9, с. 84].

Для разрешения проблемы обхода нормы ст. 250 ГК РФ целесообразно внести норму, регулирующую процедуру заключения договора дарения одним из сособственников с третьими лицами, в частности, допускающую такую сделку в строго определенных случаях, например, когда одаряемыми выступают близкие родственники, члены семьи. В иных случаях дарителю доли должна быть вменена обязанность обосновать заключение подобного договора.

Проблемным аспектом остается отсутствие возможности проверки наличия волеизъявления сторон и их правоспособности при государственной регистрации дарения жилого помещения. Проверка осуществляется лишь в отношении должным образом составленной и оформленной документации. Для решения указанных проблем предлагается внести некоторое дополнение в нормы действующего ГК РФ, которые посвящены правовому регулированию договора дарения.

Так, предлагается дополнить п. 3 ст. 574 ГК РФ нормой, где будет говориться об обязательности удостоверения договора дарения у нотариуса. Это должно касаться договоров дарения недвижимого имущества. Можно предположить, что внесенное авторское предложение позволит в дальнейшем в случае его принятия, избежать проблем, которые возникают в процессе осуществления судебной практики, а также поможет обезопасить граждан от проблемных судебных разбирательств.

Для отчуждения жилого помещения (как единого целого), когда при этом затрагиваются права несовершеннолетних членов семьи собственника жилья в силу требования п. 4 ст. 292 ГК РФ потребуется согласие органа опеки и попечительства. Положения данной нормы не устанавливают аналогичного условия в отношении отчуждаемой доли в жилом помещении [10, с. 115]. С учетом вышесказанного необходимо внести коррективы в текст нормы, дополнив ее указанием на необходимость учета мнения органа опеки и попечительства для продажи доли жилья в целях защиты затрагиваемых прав несовершеннолетних членов семьи собственника.

Таким образом, анализ гражданского законодательства, направленного на регулирование правоотношений в сфере дарения жилых помещений, позволяет выявить немало проблем, решение которых законодателем стало бы гарантией защиты прав граждан как субъектов сделок дарения жилых помещений. Предложенные в рамках настоящей статьи пути решения возникающих проблем могут способствовать разрешению данной правотворческой задачи.

Список литературы:

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.06.2012 № 11-КГ12-3 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Зыбина, О.С. Некоторые особенности договора пожертвования / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 1 (42). – С. 73-76.

3. Захарова, О.Н. Выделение «детских» долей в жилом помещении, приобретенном за счет средств материнского капитала: проблемы теории и практики / О.Н. Захарова, Т.Ю. Епифанцева // Нотариус. – 2021. – № 6. – С. 17-19.

4. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 19.

5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2015. – № 296 (ч. 1). – Ст. 4344.

6. Шахова, А.М. Дарение доли в праве общей собственности на жилое помещение как способ обхода нормы ст. 250 ГК РФ о преимущественном праве покупки доли / А.М. Шахова // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 309-317.

7. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.

8. Суслин, Э.В Актуальные проблемы договорного права: учебное пособие / Э.В Суслин, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 118 с.

9. Сычев, А.И. Жилищное право: учебное пособие / А.И. Сычев. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 143 с.

10. Коренев, П.В. Право собственности и другие вещные права: учебное пособие / П.В. Коренев, И.А. Суслина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 156 с.

МОРОЗ Олег Леонидович,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса; olm@mail.ru

МОРОЗ Иван Олегович,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, студент; iomoroz01@mail.ru

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Принцип диспозитивности заключается в возможности участвующих в деле лиц, и в первую очередь сторон, распоряжаться своими материальными и процессуальными правами, не нарушая при

этом прав и охраняемых законом интересов других лиц. В статье рассматривается действие данного принципа в взаимосвязи с действием других принципов, в частности, с принципом законности.

Ключевые слова: *диспозитивность, законность, апелляция, гражданский процесс.*

Принцип диспозитивности определяет движущее начало гражданского процесса, переход его из одной стадии в другую.

Диспозитивность гражданского процесса предопределяется наличием одноименного принципа в регулятивных (материальных) правоотношениях. Так, в Гражданском кодексе имеется норма, которая провозглашает, что граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе.

В силу принципа диспозитивности дела в гражданском судопроизводстве возбуждаются только по исковым заявлениям, заявлениям, протестам, ходатайствам и жалобам заинтересованных лиц и рассматриваются лишь в отношении заявленных требований, то есть исходя из предмета, основания иска (заявления), указанных истцом (заявителем).

Проводить судебное разбирательство и выносить решение в отношении незаявленного требования, самостоятельно изменять предмет или основания иска (заявления) суд вправе лишь в случаях, прямо предусмотренных законодательными актами. Например, в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК [1] Республики Беларусь требования об установлении факта ничтожности сделки и о применении последствий ее недействительности могут быть предъявлены любым заинтересованным лицом. Суд вправе установить факт ничтожности сделки и по своей инициативе. В этом случае суд применяет последствия недействительности ничтожной сделки.

Принцип диспозитивности определяет возможность возбуждения судопроизводства по конкретному делу. Заинтересованное лицо самостоятельно решает в каждом конкретном случае использовать судебную защиту или иную форму защиты. Древнейшее правило гласит: «Nemo invitus agere cogitur» (никто не может быть принужден к предъявлению иска против своей воли). Тем не менее, для предъявления иска не обязательно в действительности обладать спорным субъективным гражданским правом, поскольку его наличие будет установлено судом в ходе рассмотрения дела. Для возбуждения судопроизводства достаточно обладать процессуальной дееспособностью.

Данный принцип также раскрывается и на стадиях пересмотра судебных постановлений. Возможность реализации распорядительных прав сохраняется и при пересмотре судебного постановления в апелляционном порядке. В ГПК Республики Беларусь закреплено право заявителя отказаться от апелляционной жалобы (представления) до вынесения судом апелляционного определения, право истца отказаться от иска, право ответчика признать иск и право сторон заключить мировое соглашение.

Однако в некоторых случаях можно наблюдать ограничение действия принципа диспозитивности.

Так, согласно ч.4 ст.418 ГПК [2] Республики Беларусь, если при проверке решения суда первой инстанции в обжалуемой (опротестовываемой) части установлено, что судом нарушены или неправильно применены нормы материального и (или) процессуального права, суд апелляционной инстанции вправе проверить такое решение в полном объеме. В этой ситуации возникает вопрос, не нарушает ли данная норма действия принципа диспозитивности, поскольку заинтересованное лицо не заявляло требования о проверки решения суда первой инстанции в полном объеме? Может ли суд апелляционной инстанции в угоду действия принципа диспозитивности оставить в силе решение суда первой инстанции, которое является незаконным только потому, что заинтересованное лицо решило не обжаловать решение в полном объеме, а ограничилось подачей жалобы только на часть этого решения?

Представляется, что нет. По нашему мнению, существование нормы, ограничивающей действие принципа диспозитивности, видится уместной и оправданной. Принцип законности следует рассматривать как один из основополагающих принципов правосудия. Какая бы норма процессуального права ни применялась в судебной деятельности, одновременно должен соблюдаться и принцип законности. Все иные принципы хозяйственного процесса имеют более узкий и в достаточной степени специализированный аспект действия, которые направлены на соблюдение принципа законности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-З) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 04.01.2022, 2/2861;

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь 11 января 1999 г. № 238-з (в ред. Закона Республики Беларусь от 27 мая 2021 г. № 113-З // (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 29.05.2021, 2/2833).

МУСАТЕНКО Артур Эдуардович,
Санкт-Петербургская юридическая академия,
магистрант; musatenko10@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье особое внимание уделено исследованию элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: *способы совершения преступления, обстановка совершения преступления, личность преступника, информационно-телекоммуникационные технологии, компьютерная информация, криминалистическая характеристика.*

В настоящее время становится все больше информации, которая передается, обрабатывается и хранится в компьютерных системах. Глобализация способствует увеличению значения телекоммуникационных технологий, изменяет повседневную жизнь во всех сферах жизнедеятельности человека. Новые технологии позволили человечеству ускорить обмен информацией, увеличить рост экономических процессов как государств, так и частных компаний. Однако необходимо отметить, что с появлением нового вида деятельности и его расширением в планетарном масштабе появились люди, которые используют телекоммуникационные технологии в своих корыстных интересах. Так, в России рост преступлений, связанных с телекоммуникационными технологиями разного уровня, увеличивается год от года [4, с. 34].

Государственные, муниципальные и негосударственные учреждения в своей деятельности используют телекоммуникационные технологии, очень большой объем информации находится на электронных носителях, в том числе информация о деятельности организации, информация о личных данных работников, информация о финансовых операциях. Утрата, уничтожение либо утечка вышеуказанной информации может нанести вред не только конкретным организациям, но и государству. Для лиц, имеющих корыстный преступный умысел, получения вышеуказанной информации имеет большое значение, в целях дальнейшего незаконного обогащения. Тем более, при использовании специальной техники и программного обеспечения преступник, находясь при значительной удаленности от потерпевшего, может совершить противоправные действия в отношении потерпевшего, даже находясь в другой точке планеты, что существенно осложняет выявление и расследование таких преступлений без использования специальных знаний в области телекоммуникационных технологий.

Стоит отметить, что понятие «преступления в сфере компьютерной информации» в научной литературе подвергается обоснованной критике [9, с. 649-652].

Способ совершения преступления, конкретные приемы его реализации, используемые при этом орудия и средства совершения преступления, их конструктивные особенности и методы использования при подготовке, исполнении преступления и последующем сокрытии его следов относятся к криминалистической характеристике преступлений [10, с. 202].

Представляется, что способ совершения преступлений в сфере компьютерной информации недостаточно проработан. В работах криминалистов можно выделить два основных направления классификации способов совершения преступлений:

1. Совершение преступления, связанного с непосредственным незаконным воздействием на информацию. Например, с помощью специальных технических средств, либо специализированных

программ технического компьютерного обеспечения, преступник осуществляет управление техническим средством потерпевшего.

2. Совершение преступления, связанного с удаленным воздействием на информацию. Например, с использованием информационно-телекоммуникационной сети, преступник вводит чужие реквизиты для получения имущественных выгод [1, с. 104].

Вопрос способа совершения информационно-телекоммуникационных преступлений рассмотрел Ю.М. Батурин, который выделил следующие виды способов: к первой группе относится хищения, связанные с прямым воздействием на имущество потерпевшего, а именно хищение компьютерной техники, телефонов и иных электронных носителей информации, которые выступают в качестве предмета преступного посягательства. Ко второй группе способов Ю.М. Батурин отнес способы совершения преступлений, связанные с перехватом компьютерной информации. Третья группа, по мнению Ю.М. Батурина, связана с совершением преступлений, характеризующихся в получении неправомерного доступа к средствам компьютерной техники. Четвертая группа способов основывается на использовании методов манипулирования информацией и командными средствами компьютерной техники. Пятая (и последняя группа способов) является совокупностью нескольких предыдущих способов совершения преступлений, используемых для достижения своих преступных целей [3, с. 210].

Безусловно, иными учеными выделяются и другие точки зрения по вопросам классификации способов совершения компьютерных преступлений, однако все они требуют детальной проработки совместно с экспертами в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Стоит отметить тот факт, что с каждым годом растет количество преступлений, связанных с совершением хищений денежных средств с банковских счетов, электронных кошельков и иных платежных систем граждан. В связи с этим необходимо учитывать, что преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий имеют две стороны: с одной стороны, эти преступления связаны с совершением преступлений в сфере компьютерной информации и безопасности, с другой – это преступления против личности, собственности и т.д., совершаемые в технологической среде.

При рассмотрении криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации необходимо изучить обстановку совершения преступления. Обстановка включает в себя элементы взаимодействия между собой до и в момент совершения преступления объекты, процессы и явления, характеризующие время, место, вещественные и иные условия окружающей среды, поведение непрямых участников преступления и другие факторы, определяющие возможность, условия и обстоятельства совершения, преступления.

Одной из особенностей совершения информационно-телекоммуникационных преступлений является их динамичность. Органы, проводящие расследование этого вида преступлений, сталкиваются с обстановкой, которая сложилась уже после совершения преступления, в большинстве случаев она имеет естественные изменения, в связи с различными факторами [2, с. 210].

Специфичным фактором обстановки совершения информационно-телекоммуникационных преступлений являются время и место их совершения. При совершении рассматриваемого вида преступления действие преступника происходит в виртуальном мире, а сам преступник может находиться в любом месте, в том числе и в другом городе и стране, а также может использоваться несколько технических средств, расположенных в различных точках земного шара. Также необходимо отметить, что при совершении преступления важным элементом является время совершения преступления, однако при использовании различных программ время, установленное на компьютере потерпевшего, может быть изменено на другое.

Совершению преступлений в сфере компьютерной информации, как правило, предшествует предварительная подготовка, которая заключается в сборе и изучении информации о средствах защиты, имеющихся технологиях. Чаще всего преступник, обладая специальными знаниями в области телекоммуникационных технологий, адаптирует свои программы под средства защиты и осуществляет ее обход для совершения преступления.

При совершении кибепреступлений в обстановке могут оставаться электронно-цифровые следы, которые обладают своей спецификой, заключающейся в том, что они проявляются в практически незаметных, трудновыявляемых изменениях.

Киберпреступления отличаются тем, что потерпевшие зачастую имеют слабую информационную защиту и знания в области информационно-телекоммуникационных технологий. Кроме того, А.А. Зайцев и В.В. Поляков выделили еще один важный фактор, что косвенным образом способствует противоправной деятельности преступников недостаточный уровень квалификации правоохранительных органов [5, с. 61].

Обстановка как криминалистический элемент совершения информационно-телекоммуникационного преступления несет в себе огромную информационную базу для лиц, расследующих преступление. Знания об обстановке, особенностей ее изменения и влияния на само совершение преступления является важным фактором для составления криминалистической характеристики информационно-коммуникационных преступлений [6, с. 94].

Важным фактором криминалистической характеристики преступления является личность преступника. К данной характеристике можно отнести сведения о социальных, социально-демографических, социально-психологических свойствах преступника [7, с. 33].

В криминалистике имеется множество классификаций личности преступников, совершающих информационно-телекоммуникационные преступления. Наиболее интересной является классификация А.В. Кузнецова, который разделил личности преступников на три группы: к первой группе он отнес лиц, у которых главной особенностью является устойчивое сочетание их профессиональных качеств в области знаний компьютерных технологий и навыков компьютерного программирования с элементами его личностного фанатизма, изобретательности и оригинальности. Данный тип личности преступника воспринимает совершение компьютерных преступлений

как вызов самому себе и проверке своих знаний в области компьютерных технологий. Ко второй группе указанный автор отнес лиц, которые имеют ряд психических и физиологических заболеваний, связанных с информационными или компьютерными фобиями. К третьей группе А.В. Кузнецов отнес лиц, которых назвал профессиональными преступниками в области компьютерных технологий. Они отличаются тем, что имеют ярко выраженный корыстный мотив совершений преступлений. Эта группа имеет наибольшую опасность для общества [8, с. 304].

А.Н. Косенков и А.Н. Чернов в своей совместной работе выделили следующие типы киберпреступников в зависимости от их мотивации: к первому типу были отнесены преступники с корыстной мотивацией. Кроме того, стоит отметить то, что авторы относят сюда, помимо обычного личного обогащения. Преступления могут совершаться для получения специфических предметов, которые имеют свое значение в телекоммуникационной сети «Интернет». Второй тип, выделенный авторами, является насильственным и характеризуется тем, что при отсутствии физического контакта могут быть совершены такие преступления, как доведение до самоубийства и угроза убийством. Третий тип – сексуальный. Его особенностью является совершение через информационно-телекоммуникационные сети преступлений сексуального характера. Четвертым является социально-дезорганизующий тип. Примером здесь является распространение ложной информации о проведении специальной операции на Украине. Следующий выделенный тип – это идеологически или политически мотивированный тип. Особенностью данного типа являются убеждения преступника, то есть совершение преступления либо по идеологическим, либо политическим убеждениям. Шестым типом является статусный тип. Основная задача преступников этого типа – получение уважения среди киберпреступников. Седьмой и последний тип – исследовательский. Основная особенность данного типа заключается в поиске и изучении возможностей программного обеспечения и компьютерной техники потерпевшего.

Детальное изучение криминалистической характеристики лиц, совершающих информационно-телекоммуникационные преступления, может дать значительное улучшение концепций предупреждения и профилактики совершения преступлений, развитие используемых и разработки новых криминалистических методик расследования компьютерных преступлений.

Таким образом, изменения в жизни человека внесли и изменения в виды совершаемых преступлений. Преступники стали использовать в свою пользу и выгоду новые технологии, подстроившись под нынешние реалии жизни, однако правоохранительные органы не всегда успевают подстраиваться под новые реалии. Неэффективность органов предварительного следствия не всегда связана с плохой осведомленностью или недостаточным знанием работников правоохранительных органов. Зачастую это связано с недостаточным уровнем технического обеспечения.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что особую роль в предупреждении, раскрытии и расследовании информационно-телекоммуникационных преступлений сотрудниками полиции играет

методика расследования преступлений в сфере компьютерной информации, неотъемлемой частью которой является криминалистическая характеристика. При этом следует отметить, что отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации нуждаются в дальнейшем исследовании и детализации.

Список литературы:

1. Аверьянова, Т.В. Криминалистика: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. – М.: Инфра-М, Изд-во Норма, 2017. – 520 с.
2. Александров, И.В. Криминалистика. Тактика и методика: задачник. учеб. пособие для вузов / И.В. Александров. – М.: Юрайт, 2017 – 354 с.
3. Батурин, Ю.М. Что делает виртуальные преступления реальными / Ю.М. Батурин, С.В. Полубинская // Труды Института государства и права РАН: науч. Журнал. – М.: Изд-воФедеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук. – 2018. – Вып. № 2. – С. 210-216.
4. Далинин, А.В., Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А.В. Далинин, Е.А. Зорина, О.А. Рослякова. – СПб.: ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП», 2015. – 179 с.
5. Зайцев, А.А. Следы киберпреступлений / А.А. Зайцев, А.В. Смолин // Проблемы правовой и технической защиты информации. Вып. VIII / АлтГУ; ред. кол.: В.В. Поляков (гл. ред.) [и др.]. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. – С. 61-65.
6. Ищенко, Е.П. Криминалистика: учебно-методическое пособие / Е.П. Ищенко. – М.: Проспект, 2021 – 504 с.
7. Ищенко, Е.П. Криминалистика XXI века. Стратегия и тактика развития: монография / Е.П. Ищенко, Н.Н. Егоров, О.В. Волохова. – М.: Проспект, 2018. – 208 с.
8. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации: учебник / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во БЕК, 1998. – 593 с.
9. Ушатов, Д.В. К вопросу о квалификации преступлений в сфере компьютерной информации / Д.В. Ушатов // Защита субъективных прав: история, и современные проблемы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 649-659.
10. Ушатов, Д.В. Криминалистическая характеристика способа и механизма следообразования при совершении похищений людей преступными группами / Д.В. Ушатов // Актуальные проблемы юридической науки и практики. VII Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. В 2-х томах. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 201-209.

НАДЕИН Константин Валерьевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
nadein_1993@mail.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НИЧТОЖНЫХ СДЕЛКАХ

В статье рассматриваются особенности становления и развития правового регулирования недействительных (ничтожных и оспоримых) сделок.

Ключевые слова: *недействительная сделка, абсолютная недействительность, относительная недействительность, ничтожная сделка, оспоримая сделка.*

Истоки учения о недействительности сделок, имеющими достаточно долгую историю, уходят своими корнями к римскому праву. Римское частное право уже выделяло такую правовую категорию, как недействительность, хотя и не содержало единой концепции недействительности. Право Древнего Рима не включало в себя системную теорию о юридической сделке, не говоря уже о теории недействительности сделки. Не существовало, в том числе, и единой терминологии для обозначения действий, направленных на определенный правовой результат. По этому поводу Д.О. Тузов, ссылаясь на Р. Циммермана, говорит, что около 30 различных терминов, обозначающих в настоящее время недействительность, ничтожность и оспоримость, можно обнаружить в источниках римского права. При этом систематизировать тем или иным образом данную терминологию «было бы безнадежным делом» [1, с. 30]. Не смотря на это, многие ученые-романисты по результатам анализа данного правового явления и на основании источников римского права осуществляют даже некоторую систематизацию недействительных сделок. Например, Д.В. Дождев классифицирует сделки в зависимости от их способности порождать правовые последствия на следующие виды:

• «ничтожность сделки – сделка признается несуществующей; свойства правовых характеризующих элементов, которые в свою очередь выступают правовыми аспектами деление которых определяет структурные элементы непосредственно являющихся законодательными актами закрепление субъектами которых исходит из формирования

• недействительность – сделка не производит ожидаемого эффекта и требования кредитора лишено исковой защиты, однако исполнение по такой сделке не считается исполнением недолжного; при восполнении отсутствующих реквизитов в дальнейшем такая сделка может получить юридическую силу; свойства правовых характеризующих элементов, которые в свою очередь выступают правовыми аспектами деление которых определяет структурные элементы непосредственно являющихся законодательными актами закрепление субъектами которых исходит из формирования

• обратимость – сделка действительна, но по требованию одной из сторон ее эффект может быть отменен; свойства правовых характеризующих элементов, которые в свою очередь выступают правовыми аспектами деление которых определяет структурные элементы непосредственно являющихся законодательными актами закрепление субъектами которых исходит из формирования

• оспоримость – эффект, производимый сделкой, может быть блокирован решением суда по заявлению одной из сторон» [2, с. 126].

И. Пухан и М. Поленак-Акимовская, проводят разграничение недействительных сделок в римском праве, выделяя следующие виды:

• несуществующие – договоры, в которых не соблюдались правила о форме;войства правовых характеризующих элементов, которые в свою очередь выступают правовыми аспектами деление которых определяет структурные элементы непосредственно являющихся законодательными актами закрепление субъектами которых исходит из формирования

• абсолютно недействительными признавались договоры, имеющие недостатки, которые судья обязан был принимать во внимание по своей должности, а именно – договоры, которые заключались неправомочными лицами, по притворным и аморальным условиям и другие; исходит из формирования данные договоры признавались недействительными с момента их заключения и не обладали юридической силой; свойства правовых характеризующих элементов, которые в свою очередь выступают правовыми аспектами деление которых определяет структурные элементы непосредственно являющихся законодательными актами закрепление субъектами которых исходит из формирования

• относительно недействительными или нарушенными договорами являлись договоры, обладающие недостатками, за которые судья не обязан был их аннулировать, если того не требовало заинтересованное лицо. К ним относились договоры, заключаемые по ошибке, обманом или под угрозой, а также убыточные договоры несовершеннолетних лиц [3, с. 184-185].

Подобное разнообразие является следствием особенностей построения самого римского права. В нем как бы существовали две нормативные системы, взаимодействовавшие и дополнявшие друг друга. Многие ученые видят в этом истоки появления некоторых разновидностей недействительных сделок: ничтожных и оспоримых [4, с. 20-21].

С одной стороны, исторически первой правовой системой Древнего Рима было цивильное право, рассчитанное на регулирование отношений между гражданами Рима. Данная правовая система была ориентирована на патриархально-натуральное хозяйство, пользоваться этими правами по мере усложнения экономического оборота становилось все более затруднительно. Например, одной из наиболее распространенных сделок являлась купля-продажа, однако при заключении данной сделки возникали определенные трудности, было необходимо привлекать весовщика, весы, медь, проговорить строго определенные формулы и совершать иные действия, установленные цивильным правом. Данная процедура превращается в тяжелое препятствие, когда акты приобретают массовый характер. Нарушение

же данных процедур влекло за собой отсутствие соответствующей сделки и не порождало никаких правовых последствий и, следовательно, если пользоваться категориями современного гражданского права, такую сделку можно условно охарактеризовать как ничтожную. Причем более интересным является то, что при соблюдении всех формальных условий цивильное право не предоставляло возможности в последующем ссылаться на имеющиеся к моменту совершения сделки пороки воли. То есть, если волеизъявление было совершено в требуемой форме и отвечало всем требуемым условиям, с соблюдением которых цивильное право связывало определенный эффект, то, однажды возникнув, последний, согласно первоначальному римскому представлению, уже не мог быть впоследствии устранен, например, по причине обнаружения того обстоятельства, что воля лица к моменту совершения сделки сформировалась неправильно.

С другой же стороны, развитие общественной жизни, усложнение экономических отношений в целом вызвало необходимость упрощения правового опосредования гражданского оборота, а также нейтрализации тех негативных явлений, которые имели место при формальном действии цивильного права. Данная потребность стала основой для появления и развития системы преторского права. Основным субъектом выработки такой системы права стал претор, наделенный высшей административной властью, который с помощью эдиктов формировал особые средства правовой защиты. При этом он не был уполномочен отменять нормы цивильного права. Применительно к совершению сделок претор, обнаруживая внутренние дефекты сделки, совершенные с соблюдением формы, предусмотренной цивильным правом, был вправе аннулировать правовые последствия сделки и восстановить первоначальное состояние лиц, руководствуясь соображениями справедливости, а не нормами цивильного права. С помощью данного правового средства претор, в частности, оказывал защиту лицам, заключившим договор под влиянием принуждения, ошибки или обмана, а также молодым людям, совершившим не выгодную для себя сделку вследствие своей неопытности. Претор не был уполномочен отменять нормы цивильного права, но он обладал правом отказать в защите основанным на сделке отношениям.

С развитием частного права при Юстиниане происходило постепенное слияние цивильного права с преторским. Сделки, которые ранее не имели юридической силы, но являющиеся действительными в соответствии с преторским правом, стали анализироваться с позиции единой правовой системы. В итоге сформировалось понятие условной действительности (оспоримости).

В дальнейшем происходит окончательное закрепление деления недействительных сделок на ничтожные и оспоримые, хотя и со своеобразной терминологией. Так, Г.Ф. Пухта, формируя основу своих дальнейших рассуждений о недействительности сделок, пишет: «Юридическая сделка недействительна тогда, когда, вследствие неудовлетворения ее какому-нибудь существенному условию, или вовсе исключается ее действительное возникновение, или же становится невозможным ее дальнейшее бытие... С формальной

стороны, прежде всего, следует различать ничтожность (Nullitaet) сделки и отменяемость, спорность ее (Anfechtbarkeit). 1) сделка ничтожна, если она, вследствие известного порока не существует и как бы никогда не существовала (nullumnegotium)... 2) сделка является стороною отменяемой, когда, несмотря на ее действительное существование, какое-либо обстоятельство дает известному лицу право ее уничтожить» [5].

В дальнейшем именно германская правовая доктрина о недействительности сделок и ее видах стала источником формирования учения о недействительности в российском гражданском праве, да и основ российской цивилистики в целом.

В русском законодательстве, а также правовой теории вплоть до XIX в. недействительность сделки как самостоятельной правовой категории не выделялась. Тем не менее, русское средневековое право также не могло не учитывать возможные пороки при совершении сделок. Поэтому, хотя никакой самостоятельной роли теории недействительности в нем не отводилось, можно выделить отдельные эпизодические нормы, которые отказывают в юридическом признании правовых последствий некоторых видов действий. Обычно подобные последствия связывались с пороками воли и волеизъявления при совершении юридически значимого действия. Например, Псковская ссудная грамота 1467 г. (ст. 114) предусматривала недействительность договора, совершенного при отсутствии ясного сознания (например, в состоянии опьянения). Также указывалось на недействительность обязательств, основанных на ошибке либо обмане. Соборное уложение 1649 г. (гл. 10 ст. 251) предоставляло возможность оспаривания сделки, совершенной под влиянием насилия. Законодательно требование сводилось к тому, чтобы о таких событиях было заявлено и был возбужден спор о вынужденности обстоятельства в срок не свыше недели. Появляются нормы, которые отказывали в предоставлении правовой защиты, например, по взысканию долга, возникшего по карточной игре (ук. 1761 г. июня 15, п. 5) [6, с. 687-690].

Можно согласиться с И.О. Кондратенко в том, что, несмотря на неразвитость правовой системы того времени, «нельзя отрицать наличие, хотя бессистемных и разрозненных, но самостоятельных попыток русского законодателя урегулировать отношения по недействительным сделкам (договорам) этого периода» [7, с. 14].

Выделение учения о сделке в составе общей части гражданского права в русской цивилистической науке стало традиционным со второй половины XX в. Основы этой теории были заимствованы в первую очередь в трудах немецких цивилистов того периода. Хотя т. X ч. 1 Свода законов (законы гражданские) и не давал общих положений о сделках, сенатская практика создала систематическое учение о совершении сделок и их действительности [8, с. 77]. Это учение весьма значительно повлияло на формирование соответствующих норм проекта Гражданского уложения, которое так и не стало законом.

Особый вклад в развитие теории недействительности в дореволюционной России внес Н. Растеряев, издавший монографию «Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и особенная. Догматическое исследование», которая комплексно рассматривает вопросы недействительных сделок. Н. Растеряев не

только констатирует факт деления недействительных сделок на два вида, но и пытается провести между ними материальное разграничение. «В науке, – пишет он, – существуют два вида недействительности сделок: ничтожность и оспариваемость. В основании различия этих двух категорий недействительных сделок положены следующие принципы: если сделка нарушает нормы, охраняющие права лиц и запрещающие известные действия в интересе общественном или государственном, то есть нарушает права публичные, то нарушение этих норм поражает сделку ничтожностью; если же сделки нарушают нормы, охраняющие интересы частного лица, то есть право частное, признать сделку недействительной можно лишь по требованию потерпевшей стороны» [9].

Большинство дореволюционных цивилистов рассматривали ничтожность сделки как недействительность, имеющая место в отношении всех лиц и не подлежащая по общему правилу исправлению. Так, К.П. Победоносцев пишет, «что само по себе ничтожно, то ничтожно с самого начала, когда бы эта ничтожность ни обнаружилась» [10, с. 29]. В.М. Хвостов утверждает, что ничтожная сделка не может получить силу [11, с. 188].

Таким образом, можно отметить, что развитие доктрины ничтожности сделок в дореволюционной России происходило в русле классического учения о недействительности.

Первая попытка провести в российском законодательстве разграничение между ничтожностью и оспоримостью была предпринята в начале XX века в проекте российского Гражданского уложения, которому так и не было суждено стать законом. Проект еще не знал четкой терминологии и классификации в области ничтожности и оспоримости, практически не употребляя в отношении сделок и договоров терминов «ничтожный», «оспоримый». Для обозначения ничтожности в нем использовались такие выражения как: «недействительны сделки, противные...» или «недействительны сделки, совершенные...», а для указания же на оспоримость – «сделка может быть оспорена как недействительная, когда...» (ст. 60 гл. III «Принуждение, ошибка, обман»). При этом сами составители все же оперировали категориями ничтожности и оспоримости, что видно из объяснений к Проекту [12, с. 116-128, 156-165] .

В то же время такая теория имела своих критиков. В частности, Е. Годэмэ предлагал разграничивать ничтожные и оспоримые сделки только по кругу лиц, имеющих право ссылаться на недействительность. Оспаривание же и ничтожных и оспоримых сделок должно осуществляться одинаково [13]. В.П. Шахматов считал, что для объявления ничтожных сделок недействительными судебное решение необходимо, но поскольку недействительность их заранее предрешена законом, то это имеет практическое значение, главным образом для установления последствий недействительности [14]. Н.В. Рабинович по этому поводу отмечала, что ничтожные сделки нуждаются в объявлении недействительными судом, так как «только суд или арбитраж могут констатировать наличие условий и предпосылок, согласно закону приводящих в обязательном порядке к недействительности сделки». Кроме того, решение суда о недействительности сделки является основанием и для всех

последствий, которые закон с этим связывает. Если же стороны не приступили к исполнению ничтожной сделки, то объявление ее судом недействительной подчеркивает принципиальную недопустимость ее исполнения [15].

Отсутствовало единство мнений и по иным признакам ничтожных сделок (например, возможность их квалификации как юридического факта, как сделки, как правонарушения). Такое же положение сохраняется до сегодняшнего дня. В этом плане вполне можно согласиться с авторами, указывающими, что «сегодня лишь очень немногие положения общей теории недействительных сделок можно было бы назвать общепризнанными или, по крайней мере, господствующими в российской цивилистике; свойства правовых характеризующих элементов, которые в свою очередь выступают правовыми аспектами деление которых определяет структурные элементы непосредственно являющихся законодательными актами закрепление субъектами которых исходит из формирования и, пожалуй, почти невозможно обнаружить таких, которые бы никогда не подвергались критике - иногда обоснованной, иногда вызванной недостаточным пониманием объекта, но, как бы то ни было, зачастую весьма радикальной» [16, с. 49].

Таким образом, к настоящему времени можно сказать, что единой теории ничтожности сделок как правовой категории не сложилось. В том числе, нет единства мнений по поводу большинства концептуальных вопросов, обосновывающих правовую природу ничтожности, что обуславливает необходимость дальнейшей проработки отдельных проблем теории ничтожных сделок.

Список литературы:

1. Тузов, Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право / Д.О. Тузов. – М.: Статут, 2006. – 204 с.

2. Дождев, Д.В. Римское частное право / Д.В. Дождев; под ред. проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА.М-НОРМА, 1996. – 704 с.

3. Пухан, И. Римское право: учебник / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская; под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2000. – 411 с.

4. Данилов, И.А. Классификация составов недействительных сделок / И.А. Данилов // Нотариус. – 2009. – № 5. – С. 20-24.

5. Пухта, Г.Ф. История римского права / Г.Ф. Пухта. – М.: Типография Семена, 1864 // СПС «ГАРАНТ».

6. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.

7. Кондратенко, Л.О. Недействительность сделок, совершаемых юридическими лицами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.О. Кондратенко. – Иркутск, 2012. – 28 с.

8. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

9. Растеряев, Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и особенная. Догматическое исследование / Н. Растеряев. - СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1901 // Научно-практическая электронная библиотека «Наука права». – URL: https://naukaprava.ru/catalog/297/982/16125 (дата обращения: 15.02.2022).

10. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 3 / К.П. Победоносцев. – М.: Зерцало, 2003. – 622 с.

11. Хвостов, В.М. Система римского права: учебник / В.М. Хвостов. – М.: Спарк, 1996. – 522 с.

12. Гражданское уложение. Кн. 1. Положения общие: проект Высочайшей учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И.М. Тютрюмова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 664 с.

13. Годэмэ, Е. Общая теория обязательств / Е. Годэмэ. – М.: Юриздат МЮ, 1948 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie11490.html (дата обращения: 15.02.2022).

14. Шахматов, В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / В.П. Шахматов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/article1032346.html (дата обращения: 15.02.2022).

15. Рабинович, Н.В. Недействительность сделок и ее последствия / Н.В. Рабинович. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie12053.html (дата обращения: 15.02.2022).

16. Суслин, Э.В Актуальные проблемы договорного права: учебное пособие / Э.В Суслин, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 118 с.

ОЛЬШЕВСКИЙ Максим Дмитриевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
olshevagreen@yandex.ru

ЗУЕВ Андрей Вячеславович,
кандидат исторических наук, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданского права;
univerandrey@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются отдельные актуальные вопросы соотношения юридических и нравственных аспектов в регулировании медицинской деятельности.

Ключевые слова: *медицинская деятельность, нормы морали, нормы права, пациент, медицинское учреждение, медицинская этика, медицинская деонтология, юридическая ответственность, нравственная ответственность.*

В процессе эволюции регулирование общественных отношений претерпевало различные изменения, медицинская сфера в том числе. В медицинской деятельности сформировалась целостная картина того, каким образом происходит взаимодействие между субъектами медицинских правоотношений с учетом её характерных особенностей.

Нормы морали становятся основополагающими при возникновении отношений с пациентами. Соотношение морали, медицины и права обусловлено единой целью регулирования – упорядочиванию общественных отношений в сфере здравоохранения, слиянию интересов личности и общества, обеспечению реализации человеком своих законным прав в сфере охраны и защиты здоровья. Поведение врача и его действия должны подчиняться этическим нормам и положениям кодекса профессиональной этики, действующего в различных государствах. Для блага пациентов национальные медицинские ассоциации должны добиваться соблюдения этических норм [1, с. 41]. Следует адекватно реагировать на их нарушения, виновные в подобных нарушениях должны нести дисциплинарные наказания с возможностью последующей реабилитации. Таким образом, можно сделать вывод о том, что регулирование этического поведения врача относится не только к государственному ведению, но и общественному, что проецирует регулирование на разных уровнях.

Со стороны медицины нравственная ответственность всегда выражается в приоритете интереса пациента, высокой квалификации медицинских сотрудников, выбор более эффективного метода лечения и минимизация причинения вреда при оказании медицинских услуг. Появление такого важного направления как медицинская этика,

приравнивается к морально-нравственным основам и правилам поведения медицинских работников.

Опираясь на теорию медицинского права, принято выделять как субинститут медицинской этики, так и медицинскую деонтологию, которая занимается проблемами поведения медицинского работника по отношению к пациенту при выполнении непосредственно своих профессиональных обязанностей [2, с. 52]. Основоположником врачебной этики является Гиппократ, который определил в своих трудах и систематизировал правила медицинской этики на основании имевшегося опыта. В России же приоритет в области врачебной этики принадлежит С.П. Боткину, который впервые обосновал необходимость создания кодекса нравственной этики русского врача [3, с. 137].

На протяжении длительного времени кодификация нравственной составляющей профессии не подвергалась должному вниманию, а имела форму либо преобразования отдельных положений и высказываний. На современном этапе развития кодификация этических норм приобрела иное значение.

Так, Женевская Декларация Всемирной Медицинской Ассоциации принятая в 1948 году [4] (далее – Декларация) содержит направления в осуществлении медицинской деятельности, которые и являются базисами медицинской деятельности. Морально-нравственные аспекты, отраженные в положениях Декларации, в дальнейшем использованы в некоторых медицинских нормативно-правовых актах. К таковым можно отнести обязанность врача вне своих моральных, национальных, религиозных устоев оказывать помощь пациенту. При неоказании таковой наступает основание для возникновения юридической ответственности.

Также прослеживается связь морально-этических и правовых норм в Международном кодексе медицинской этики, принятом Генеральной Ассамблеей Всемирной медицинской ассоциации в 1948 г. [5] (далее – Кодекс), поскольку в нем отражены положения коллегиального принятия решений при возникновении вопроса, выходящего за рамки компетенции конкретного врача, сохранение врачебной тайны, выраженной в положении Кодекса: «Врач должен сохранять абсолютную секретность во всем, что касается пациентов, которые ему доверяются».

Этический кодекс российского врача 1994 г. [6] декларирует ответственность каждого врача за осуществляемую им деятельность перед врачебным сообществом, а врачебное сообщество несет ответственность перед обществом в целом. Следует подчеркнуть принцип неприкосновенности пациента, закрепленный в ст. 12 Кодекса. Неоспоримое право пациента на физическую и психическую целостность не должно подвергаться какому-либо посягательству.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наряду с позицией современного российского законодательства закрепление обязанности медицинского работника следовать нормам морали рассматривается мораль как источник права. Практическая сущность данного принципа заключается в следующем: пациент обладает правом требования соблюдения по отношению к нему норм медицинской этики, вправе требовать этого от медицинского персонала. В

противном случае игнорирование медицинским работником требования может послужить основанием для искового производства и компенсации морального вреда ввиду претерпеванием пациентом психических страданий из-за негуманного отношения [7, с. 74].

Вопросы относительно гражданско-правовой ответственности лечебных учреждений все чаще занимают главенствующее положение. Внедрение коммерческой составляющей в систему здравоохранения путем активного возникновения частной медицины, развития договорных отношений, широкого применения платных услуг, происходит в одно время с реформированием той самой системы, что увеличивает необходимость гражданско-правового регулирования ответственности в данной сфере общественных отношений.

Этические нормы в качестве самостоятельного регулятора проявляются в личных убеждениях врача по отношению к пациенту. Однако, руководствуясь нормами ст. 1069, 1064 ГК РФ, а именно о необходимости соблюдения основ нравственности при совершении сделок и причинении вреда, также о компенсации морального вреда, подтверждают необходимость учитывать в правоприменении морально-этические нормы, принятые в медицинском сообществе.

Динамичность развития технологий и увеличения возможностей в сфере медицины влечет за собой такую проблему, как квалифицированность медицинского работника при осуществлении лечения пациента. То есть мы видимо прямую обязанность работника проявлять на практике высокие знания в своей сфере деятельности. Правовое подкрепление данного тезиса можно найти в соответствующем нормативно-правовом акте, а именно в Приказе Минздравсоцразвития РФ от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» [8], который по своему значению призван обеспечить правильный подбор и расстановку кадров, повышению квалификационных требований и умений при занимаемой должности, а также недопущению допуска к медицинской деятельности субъекта, не обладающего в полной мере должными знаниями в поставленной перед ним задаче.

В разделе «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» изложен перечень манипуляций и необходимых мануальных навыков для представителей прямо поименованных специальностей.

Изучив представленный раздел, можно прийти к выводу о том, что на его основании в дальнейшем формируются должностные инструкции, регламенты по которым обязан осуществлять свою деятельность специальный субъект – медицинский работник. С юридической точки зрения, выход за пределы полномочий грозит применением мер дисциплинарного воздействия, с нравственной же точки зрения, описанное действие или же допуск к пациенту лица, не обладающего соответствующей квалификацией, можно рассмотреть как умаление приоритета пациента на получение квалифицированной медицинской помощи.

Закрепление нравственной составляющей при подходе к приоритету пациента можно найти в Кодексе профессиональной этики врача, принятом на Первом национальном съезде врачей Российской

Федерации в г. Москва 05.10.2012 [9] (далее – Кодекс профэтики). Кодекс профэтики закрепляет важные обязанности врача по отношению к обществу в целом, к своему пациенту при оказании медицинской помощи, к врачебному коллективу.

Главной проблемой применения юридической ответственности в сфере медицинской деятельности является факт отличия врачебной ошибки от не врачебной ошибки. К врачебным можно отнести диагностические, лечебно-тактические, организационные ошибки, ошибки поведения медицинского персонала. Не врачебные представляют собой халатность, невнимательность и своего рода медицинское невежество. Последнее же может быть выражено в том же отказе от осуществления медицинской помощи, что по всем рамкам морали, нравственности и правовой применимости недопустимо.

Несомненно, что при возникновении летального исхода ответственность работника приобретает иное, более глобальное значение. К сожалению, имеет место быть такой фактор, именуемый как «врачебная ошибка», и она может произойти с каждым специальным субъектом данной деятельности. Если мы говорим о «врачебной ошибке, то нам стоит обратиться к нормам уголовного права и обратить внимание на ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [10] (далее – УК РФ) «Причинение смерти по неосторожности»; ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности». Основаниями ответственности по Российскому уголовному праву являются противоправность деяния и вина лица, совершившего это деяние. В тех случаях, когда врач обвиняется в нарушении профессиональных обязанностей, повлекшем тяжелые для больного последствия, его действия принято исследовать судебно-медицинской экспертной комиссией [11, с. 75].

Гражданско-правовая ответственность характеризуется наличием вины, противоправного характера деяния, наступления вреда, причинно-следственной связью. Повышение эффективности гражданско-правовой ответственности медицинской организации обусловлено своего рода базисом, а именно возможностью компенсации полного возмещения убытков, также компенсация морального вреда [12, с. 142]. Медицинская деятельность и предоставляемые в рамках её проведения услуги регламентируются договором возмездного оказания услуг. Заказчик в договоре будет определен как заведомо слабая сторона, и обязанность законодателя выступает в прямой защите интересов ущемленной стороны [13, с. 84].

Гражданско-правовой метод регулирования применим на основании положения ст. 779-783 ГК РФ, поскольку медицинские услуги приобретают имущественный и возмездный характер, что позволяет применять к ним гражданско-правовой метод регулирования и устанавливать порядок и условия возмещения причиненного ущерба жизни или здоровью пациента и компенсации морального вреда в случае ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Суды вправе накладывать штрафные санкции (компенсация морального вреда) на клиники, поскольку это является нарушением положений Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [14]. Постановление Пленума Верховного Суда

Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [15] закрепляет названное право в п. 45: «При решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя».

Будет верным утверждение, что бремя доказывания обстоятельств освобождающих от ответственности лежит на медицинской организации. Ответственность за причиненный вред жизни и здоровью пациента несет работодатель. Законодателем предусмотрено право предъявления регрессивного требования к работнику, совершившему неквалифицированное деяние, повлекшее причинение вреда жизни и здоровья. Это квалифицируется по нормам трудового законодательства, в рамках которого происходят удержания в соответствующей процентной ставке при предъявлении обратного (регрессного) требования.

Если установлено наличие нескольких субъектов – медицинских работников, по вине которых произошло причинение вреда жизни и здоровью пациента, то работодателю необходимо устанавливать степень вины каждого из причастных субъектов.

В современном мире при динамичном и прогрессивном развитии технологий, наличии нормативно-правовой базы и регламентам по осуществлению той или иной деятельности сложно представить тот факт, что к пациенту будет допущен неквалифицированный сотрудник. Жизнь и здоровье являются конституционными принципами, а право на медицинскую помощь также закреплено в ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, нравственный аспект в медицинской сфере является не менее важным. Развитие правомерного поведения и уважительного отношения между пациентом и медицинским работником складывалось довольно давно. Необходимость кодификации лишний раз подчеркнула важность видоизменения модели данных отношений, уклон в которых будет сделан в сторону наименее защищенной стороны. Сам по себе медицинский работник несет весомую ответственность при работе с человеческой жизнью. Это начинается от своевременного оказания медицинской помощи на этапе выезда скорой помощи вплоть до успешной операции на хирургическом столе врача-хирурга. Именно нравственные идеи отражены в Кодексе профэтики. Остальные же аспекты медицинской деятельности и оказания медицинских услуг урегулированы нормами права, закрепленными в соответствующих нормативных правовых актах.

Список литературы:

1. Созинов, А.С. Осведомленность медицинских работников по этико-правовым вопросам медицинской практики / А.С. Созинов, И.Л. Максимов // Медицинское право. – 2010. – № 2. – С. 3-5.

2. Коваленко, А.И. Мораль и право в медицине / А.И. Коваленко, А.И. Пискун, Т.В. Тимошенко. – Благовещенск: Изд: ГОУ ВПО Амурская государственная медицинская академия, 2007 – 149 с.

3. Федорова, М.Ю. Взаимодействие норм права и медицинской этики в регулировании труда медицинских работников / М.Ю.Федорова // Российский юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 132-143.

4. Женевская Декларация Всемирной Медицинской Ассоциации 1948 г. // Студопедия. – URL: https://studopedia.ru/7_41420_zhenevskaya-deklaratsiya-vsemirnoy-meditsinskoy-assotsiatsii.html (дата обращения: 12.03.2022).

5. Международный кодекс медицинской этики 1948 г. // Студопедия. – URL: https://studopedia.ru/6_21467_mezhdunarodniy-kodeks-meditsinskoy-etiki.html (дата обращения: 12.03.2022).

6. Медицинское право: учебное пособие / К.В. Егоров, А.С. Булнина, Г.Х. Гараева и др. – М.: Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Шевчук, С.С. Особенности оказания медицинских услуг в условиях пандемии / С.С. Шевчук, С.Е. Барило // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 74-78.

8. Приказ Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» (ред. от 09.04.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации, г. Москва, 5.10.2012) // Urist-edu.ru. – URL: https://urist-edu.ru/akts/16715/index.html (дата обращения: 12.03.2022).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2022) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

11. Сергеев, Ю.Д. Медицинское право: теория и практика / Ю.Д. Сергеев. – М.: Национальный институт медицинского права, 2015. – 251 с.

12. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

13. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.

14. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.

ОЛЬШЕВСКИЙ Максим Дмитриевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
olshevagreen@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются особенности правового регулирования защиты прав граждан в сфере медицинской деятельности.

Ключевые слова: *медицинская деятельность, медицинская помощь, медицинская услуга, качество медицинской услуги, пациент, заказчик, исполнитель, оценка качества, договорная ответственность, внедоговорная ответственность.*

Применение законодательства, регулирующего защиту прав и интересов граждан в сфере медицинской деятельности, показало наличие некоторых проблем. Практика указывает на необходимость повышения уровня правового регулирования защиты гражданских прав потребителей медицинских услуг, требуется их детальное изучение с целью принятия действенных решений [1, с. 77].

Одной из главных проблем правового регулирования отношений в сфере медицинской деятельности является отсутствие единой системы законодательства. Такая ситуация приводит к серьезным трудностям в правоприменительной практике, вследствие чего возможность осуществления всестороннего контроля в целом за медицинской деятельностью усложняется.

В ГК РФ урегулированы только отношения по возмездному оказанию медицинских услуг. Но в регулировании указанных отношений необходимо также детально и обстоятельно решать целый ряд вопросов, которые возникают в теории и практике использования договора возмездного оказания медицинских услуг. Нужно еще обращать внимание на отсутствие необходимого опыта партнерства в сфере оказания медицинской помощи, что получило свое отражение в правовых нормах. Если обратиться к нормативным источникам, регулирующим данный вопрос, можно заметить отсутствие фактического равенства исполнителей медицинских услуг в лице медицинских учреждений и пациентов. Именно из этого следует вывод о недостаточной защищенности пациента в отстаивании своих прав и законных интересов.

Пробелы правового регулирования в медицинской деятельности способствуют неправильной оценке поведения врача и пациента, и соответственно их законных прав и интересов. Пробелы в законодательстве приводят к сковыванию инициативы исполнителя медицинской услуги и появлению мотивации для отказа в оказании решительных и рискованных медицинских услуг. Доверительные отношения между пациентом и врачом, основанные на четких правовых регуляторах, стали бы основой в эффективном лечении и обеспечении их взаимных прав и интересов [2, с. 129].

Чтобы успешно осуществлять медицинскую деятельность, необходимо разработать системную правовую базу. Медицинская деятельность требует формирования цивилизованного права, которое обеспечит возможность защиты прав и интересов пациентов, а также установит гарантии в форме правовых норм, регулирующих профессиональную деятельность исполнителя медицинских услуг. Другими словами, необходимо предпринять попытки в разработке специального, обоснованного правового механизма для регулирования рынка медицинских услуг. Такой рынок простимулирует медицинскую деятельность и направит на то, чтобы полно и всесторонне удовлетворить потребности граждан в этой сфере [3, с. 49]. Создание такого механизма находится сейчас на начальном этапе.

Существует еще один фактор, который помешает успешно развивать сферу медицинской деятельности. В медицинской деятельности возникают сложные ситуации, которые требуют внесения специальных нормативных актов, способных урегулировать те или конкретные ситуации, что и послужило бы фактором урегулирования правил, существующих де-факто.

Наиболее острыми вопросами, не получившими закрепления в законодательстве, являются правовая база в проведении трансплантации органов и тканей человека, клонирования, не получили закрепления границы возможности использования генной инженерии, нет регулирования в создании и использовании банка трансплантационных органов, эмбриональных тканей, проведения экспериментов. На сегодняшний день сложно определить момент смерти человека, эвтаназию, использование органов и тканей абортируемых зародышей, защитить права нерожденных детей, проводить коррекцию пола [4, с. 33].

В качестве основы регулирования отношений между исполнителем медицинских услуг и пациентом является гражданско-правовой договор. Правовая суть этого регулирования состоит в том, чтобы установить порядок заключения договора, исполнение обязательств с двух сторон, ответственность их при нарушении обязательств по договору.

Основные положения, которые касаются договора возмездного оказания услуг (с учетом медицинских) находит свое отражение в ГК РФ. Соотношение норм ГК РФ и других нормативных правовых актов находит свое отражение в ст. 3 ГК РФ, которая требует соответствия норм гражданского права, закрепленных в других законах, указах Президента, постановлениях Правительства, нормам ГК РФ [5, с. 79].

Несмотря на это, положения гл. 39 ГК РФ или содержание других нормативных источников по вопросам регулирования медицинской деятельности содержат замечания, которые тоже необходимо урегулировать на законодательном уровне.

Недостатки законодательства в вопросах правового регулирования предоставления медицинской помощи касаются ответственности сторон при заключении договора возмездного оказания медицинских услуг. Статья 781 ГК РФ «Оплата услуг» нацелена на решение некоторых вопросов, связанных с ответственностью сторон. При нарушении условий договора со стороны заказчика услуги будут оплачены в полном объеме. Если,

конечно, не было других оговорок в договоре. Такие случаи должны свидетельствовать о невозможности совершения исполнителем условий договора в силу нарушений со стороны заказчика. При таких нарушениях можно взыскать не только стоимость услуг по договору. Если расходы в силу отказа или нарушений условий со стороны заказчика потребуют от исполнителя дополнительных трат, то стоит взыскать все убытки в полном размере.

Согласно ст. 781 ГК РФ, с заказчика взыскиваются фактически понесенные исполнителем расходы. Речь идет о прямых убытках, которые возникли в силу невозможности исполнения договора, и при вине именно со стороны заказчика. Необходимо учитывать, что закрепленное выражение «обстоятельства, за которые ни одна из сторон не отвечает» толкуется расширительно, подразумевая под ними еще и непреодолимую силу. По ст. 16 ГК РФ расходы рассматриваются в качестве разновидности убытков, а это представляет основную форму гражданско-правовой ответственности. Таким образом, п. 3 ст. 781 ГК РФ закрепил норму в виде «суперповышенной» ответственности заказчика в виде возмещения убытков, которые нельзя устранить не только его невиновностью, но и с использованием иных обстоятельств, за которые ни одна из сторон не будет нести ответственность [6, с. 40]. Подобную позицию законодателя невозможно соотнести с принципом гражданско-правовой ответственности, которая ставит в качестве основополагающего наступление вины, не имея ничего общего с Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [7] (далее – Закон о ЗПП). Но мы говорим о п. 3 ст. 781 ГК РФ как диспозитивной норме, значит, в договоре можно оговорить другие условия. В любом случае, в качестве специального закона, регулирующего последствия невозможности исполнения условий договора по оказанию медицинской помощи, возникших не по вине сторон, должно быть предусмотрено иное правило. Глава 39 ГК РФ не определила последствия по неисполнению условий договора со стороны исполнителя, если говорить о невозможности исполнения им. Поэтому при решении вопроса об ответственности исполнителя нужно учитывать общие и специальные правила, которые определит законодательство, нацеленное на регулирование предоставления услуг потребителям медицинских услуг. Ответственность исполнителя услуг перед потребителями закреплена ст. 13 Закона о ЗПП, которая дает право на взыскание полных убытков с исполнителя в пользу потребителей, независимо от вины исполнителя.

Подобное решение относительно ответственности исполнителя нашло свое отражение в п. 19 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утв. Постановлением Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 [8] (далее – Правила). Эта норма свидетельствует об освобождении медицинского учреждения от ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения платных медицинских услуг при доказанности факта неисполнения в следствии непреодолимой силы или же по другим основаниям, которые предусмотрены законом.

При принятии специального закона, нацеленного на регулирование отношений по предоставлению медицинской помощи,

необходимо будет закрепить повышенную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинских услуг со стороны исполнителя.

Стоит обратить внимание на то, что исполнитель не может отступать от принципа ответственности исполнителя медицинских услуг за вину, если учитывать низкий уровень оказания медицинской помощи, крайне недостаточное финансирование медицинской деятельности при становлении рынка медицинских услуг и при отсутствии конкуренции на рынке на такого рода услуги. Такой процесс может нести в себе крайне вредные последствия. Договорная ответственность в этих вопросах должна быть определена (согласно ст. 401 ГК РФ), при этом только закон определяет иные основания ответственности. Это свидетельствует о противоречии п. 19 Правил, а именно нормы о повышенной ответственности исполнителя медицинских услуг ч. 1 ст. 401 ГК РФ, в той части, где речь идет о предоставлении платных медицинских услуг некоммерческими организациями – государственными и муниципальными медицинскими учреждениями.

Это же правило применимо, если предпринять сформировать принципы внедоговорной ответственности за вред, причиненный при исполнении медицинских услуг. При повышенной ответственности за причинение вреда здоровью или жизни пациента будет ослаблена превентивная роль ответственности, понизит возможность принятия всех возможных мер для предотвращения вреда, в силу того, что обязанность его возмещения при такой ответственности является неизбежной. Законодательство требует закрепления дополнительных оснований освобождения от ответственности исполнителя медицинских услуг, что связано с характером медицинской деятельности, мы говорим о высоком риске причинения вреда пациенту даже при добросовестном медицинском вмешательстве. В качестве таких оснований можно назвать «врачебную ошибку», ятрогению (непреднамеренное причинение вреда здоровью), обоснованный медицинский риск [9, с. 46].

Одной из теоретических и практических проблем остается необходимость в определении правового механизма оценки качества предоставляемых медицинских услуг. Медицинские услуги отличают от других только то, что они не имеют материальных результатов, не имеют осязаемого реального результата. Оказание услуги и ее потребление представлены в качестве единого неразрывного процесса, результат услуги невозможно отделить от самой услуги. К тому же, исполнение медицинской услуги представлено неоднородным и изменчивым процессом. Качество и объем медицинской услуги напрямую относятся к тому, кем и кому услуга будет предоставлена. Обстоятельства по предоставлению медицинской помощи могут быть усложнены ее исполнением, профессионализмом, специальными знаниями, мастерством исполнения, тем самым затрудняя такую оценку услуги пациентом на соответствие ее качеству [10, с. 36]. Объектом, на который нацелена медицинская услуга, является организм человека [11, с. 151]. Объяснением этому служит ее специфический характер. В предоставляемую пациенту услугу вкладывается профессиональный труд специалиста, который также

направлен на достижение определенного результата. Оказание медицинской помощи поможет стать отсутствием ожидаемого результата или же надлежащим образом.

На основании этого и можно сделать вывод о проблемах квалификации специалистов в лице исполнителя. Профессиональная деятельность специалистов, анализ и оценка качества услуги остаются правовыми. Содержащийся в гражданском законодательстве механизм по оценке качества оказания медицинских услуг оказался недостаточным для защиты прав пациентов. Данные вопросы должны быть отражены в специальном законе, регламентирующем вопросы предоставления медицинских услуг.

Список литературы:

1. Шевчук, С.С. Особенности оказания медицинских услуг в условиях пандемии / С.С. Шевчук, С.Е. Барило // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 74-78.
2. Данилов, Е.О. Медицинская деятельность как объект правового регулирования / Е.О. Данилов // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 126-136.
3. Малеина, М.Н. Человек и медицина в современном праве: учебное пособие / М.Н. Малеина; под ред. М.Н. Малеина. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1999. – 175 с.
4. Данилов, Е.О. О необходимости совершенствования правового обеспечения государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности / Е.О. Данилов // Административное право и процесс. – 2020. – № 5. – С. 32-35.
5. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.
6. Фарбер, Е.В. Юридическая ответственность в сфере осуществления медицинской деятельности / Е.В. Фарбер // Медицинское право. – 2019. – № 6. – С. 38-44.
7. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
8. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // СЗ РФ. – 2012. – № 41. – Ст. 2658.
9. Флоря, В.Н. Врачебная ошибка с тяжкими последствиями и ее юридическая квалификация (сравнительно-правовой анализ) / В.Н. Флоря // Медицинское право. – 2014. – № 6. – С. 44-47.
10. Шевчук, С.С. Правовое регулирование оказания медицинских услуг: проблемы совершенствования / С.С. Шевчук // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 35-40.
11. Шевчук, С.С. Объекты гражданских прав: учебное пособие / С.С. Шевчук, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 212 с.

ПАЦЮК Анастасия Игоревна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент; bagira-spb99@yandex.ru

МАЗУРИН Станислав Фёдорович,
кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская юридическая академия, доцент кафедры гражданского процесса; svyatoslav53@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые проблемы цифровизации отрасли здравоохранения применительно к медико-социальному обеспечению населения.

Ключевые слова: *цифровизация, здравоохранение, медицина, препятствия, электронная медицинская карта, социальное обеспечение.*

«По всей справедливости, медицина есть самая благороднейшая из всех наук и искусств. Но от невежества людей, занимающихся ею, или тех, которые не стыдятся дерзновенно судить о враче безотчетным образом, она, с давнего времени, начала терять своё высокое достоинство». – Гиппократ.

Цифровая трансформация – это уже естественный процесс наполнения «цифрой» действительности всего того, что нас окружает. Она должна сделать жизнь людей комфортнее и безопаснее, обеспечить конкурентоспособность любой отрасли экономики [7].

И одним из важнейших направлений развития системы социального обеспечения, прежде всего медицинского обслуживания населения, на современном этапе развития инновационных технологий должна стать цифровизация всех организационных процессов.

В целях обеспечения доступа граждан к услугам в сфере здравоохранения в электронной форме развивается и эксплуатируется единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ). Она свяжет информационные системы всех медицинских организаций и профильных ведомств, позволит вести унифицированные электронные медицинские карты и регистры лиц с определенными заболеваниями. Данная система включает 13 подсистем (п. 4 Постановления Правительства РФ от 05.05.2018 № 555 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения»), с помощью которых есть возможность записаться на прием к врачу онлайн, смотреть расписания специалистов в медицинской организации и др.

Электронные медицинские карты, основанные на стандартизированных протоколах и значительно упрощающие сбор и

обмен данными пациентов. Они уже внедрены во многих крупных городах России. Первостепенно электронная медицинская карта предназначается врачам, которым необходим полный доступ к данным о состоянии здоровья пациента. Доступ граждан к услугам в сфере здравоохранения осуществляется с помощью электронного сервиса: личный кабинет «Мое здоровье» на едином портале госуслуг.

Но есть проблемы, мешающие полноценному внедрению информационных технологий в медицину.

Для начала реализация проекта по устранению цифрового неравенства, который предполагает создание условий для оказания услуг связи на всей территории Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»), сталкивается с объективными сложностями в финансировании для подключения к Интернету для жителей сельских, удаленных и труднодоступных районов [3, с. 75].

Однако можно заметить, что цифровизация позитивно действует на лечение и уход за маломобильными людьми. В то же время у пожилых людей, тем более одиноких, использование компьютера не только вызывает большие затруднения, но и вообще недоступно их пониманию, поэтому записаться к врачу через сеть Интернет могут не все.

Важно отметить, что существует проблема сроков оказания помощи пациентам. Так, согласно Постановлению Правительства РФ от 7 декабря 2019 г. № 1610 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» сроки ожидания приема врачами-терапевтами участковыми, врачами общей практики (семейными врачами), врачами-педиатрами участковыми не должны превышать 24 часа с момента обращения пациента в медицинскую организацию, а сроки проведения консультаций врачей-специалистов (за исключением подозрения на онкологическое заболевание) не должны превышать 14 рабочих дней со дня обращения пациента в медицинскую организацию, но каждый день врачи сталкиваются с ситуацией, когда пациенты приходят без записи, т.к. талонов либо нет совсем, либо есть, но значительно позже, чем требуется больному пациенту. Довольно часто врачи не могут оказать своевременную медицинскую помощь из-за значительной перегрузки, возникающей по причине большого наплыва пациентов, требующих срочной медицинской помощи. Соответственно, с оказанием срочной медицинской помощи врачам приходится задерживаться или принимать пациента на следующий день, но не позже (в случае с врачами-терапевтами); если пациент пытается попасть к врачу-специалисту, талонов, к которому нет, ему приходится ждать 14 дней или пока талон снова не появится. Такие ситуации происходят практически каждый день.

Вместе с тем существует ряд рисков в отношении цифровизации здравоохранения: увеличение количества ошибок, связанных с применением электронных технологий при оказании помощи, сбой в системе, утечка данных, связанных с медицинским обслуживанием, которая является, как верно отмечает В.Н. Залогов, проблемой серьезной [3, с. 76]. Киберпреступники могут испортить, украсть

персональные данные пациентов. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий не только остается высоким, но и растет с каждым днём [8]. Отказ от бумажного документооборота в пользу электронного, как справедливо отмечает глава Совета по правам человека Валерий Фадеевым, может привести к слежке за частной жизнью людей, утери или подделке электронных документов [9]. Ведь именно защита персональных данных – не только одна из современных важнейших проблем, но и препятствие на пути реализации идей цифровой медицины.

Кроме того, имеются негативные последствия использования искусственного интеллекта для пациентов и врачей. Так, использование данных технологий ради эффективности лечения приводит к проблеме нарушения права пациентов на частную жизнь и сохранение конфиденциальности личных данных, к обнародованию врачебной тайны, что угрожает утратой приватности. Работодатель может отказать в трудоустройстве соискателю, если будет владеть информацией о наличии у него хронических болезней и/или генетической предрасположенности к определенным видам заболеваний. Как справедливо отмечает Е.В. Введенская, появляется реальная угроза дискриминации людей по физическим и генетическим характеристикам [2, с. 109]. При этом возникает вопрос о том, какова юридическая ответственность за ошибки компьютера. А также есть не только технические, но и политические, финансовые, культурные и другие препятствия на пути развития искусственного интеллекта.

Необходимо отметить, что 29 июля 2017 года были приняты в России поправки к нескольким законодательным актам, которые для простоты понимания назвали «Закон о телемедицине». Так, в соответствии со ст. 36.2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» первичный диагноз и назначение лечения допускаются только на очном приеме (осмотре, консультации).

При любом методе оценка качества медицинской помощи зависит от наличия точной и достоверной информации, основным источником которой является, как правило, медицинская документация.

Следует заметить, что только на цифровые технологии врач не может полностью полагаться. У технологий могут возникать проблемы с качеством и объемом медицинской информации. Накопленные в медкартах пациентов данные могут быть неполными, содержать ошибки, неточности и нестандартные термины. В них недостаточно записей о жизни пациента, его привычках и поведении.

Еще в 1966 г. А.И. Рыбаков указывал на то, что, несмотря на всю важность такого документа, как история болезни, врачи в абсолютном большинстве относятся небрежно к ее оформлению, что в дальнейшем приводит ко многим организационным и лечебным ошибкам, а врачи могут быть привлечены к ответственности [1, с. 24]. Эта проблема актуальна и по сей день.

Как верно отмечают С.Р. Шапиро и В.З. Абдрахимов, одним из технических вопросов, которые необходимо решить, является надежность данных [6, с. 256]. Например, если артериальное давление

измеряется с помощью сфигмоманометра (тонометр для неинвазивного измерения артериального давления), то нет никаких сомнений в показаниях. Однако если пользоваться компьютерами, то нет гарантии, что информацию никто не исказил или взломал систему. И чем сложнее система, тем серьезнее вопрос.

На наш взгляд, компьютерную историю болезни нельзя считать юридически действительной, большинство авторов придерживаются такого же мнения [1, с. 30]. Не могут быть исключены случаи, когда врач может допустить ошибку при внесении в электронную медицинскую карту, например, ежедневная переработка может вызывать проблемы со здоровьем как физические, так и психологические (стресс, усталость, соответственно, и снижение производительности и профессиональным выгоранием), что влияет на работоспособность и внимательность врачей. Как показывают исследования, большинство врачей и примерно половина пациентов сталкивались с врачебными ошибками [4, с. 71]. Так, например, если врач по ошибке внес ложный диагноз в его электронную медицинскую карту, это может повлечь последствия: назначение противопоказанного лекарства; трата времени, сил, нервов пациента на доказывание отсутствия в реальности неверных сведений, внесенных уже в электронную базу; а в случае экстренной ситуации последствия могут быть непредсказуемыми. Также, к примеру, вместо «гипотония» внести «гипертония» в карту пациента, что в корне меняет лечение пациента и может лишь ухудшить его состояние.

За несоблюдение установленных требований к оформлению и ведению амбулаторных карт предусматривается административная ответственность (ч. 2 или 3 ст. 19.20 Кодекса об административных правонарушениях РФ), уголовная ответственность (ст. 292 Уголовного кодекса РФ), а также может приниматься дисциплинарное взыскание (ст. 192 Трудового кодекса РФ).

Существует гражданско-правовая ответственность в случае причинения вреда, связанного с врачебной ошибкой. Граждане имеют право на возмещение и компенсацию вреда в судебном порядке. Вследствие причинения вреда возникают деликтные обязательства, общие положения которых определены главой 59 ГК РФ. Согласно положениями п. 1 ст. 1064 ГК РФ, деликтным считается обязательство, в силу которого лицо, причинившее вред личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица, обязано его возместить, и возникает в отсутствие договорных отношений между сторонами правоотношения [10, с. 56].

Искусственный интеллект никогда не сможет заменить контактное взаимодействие врача с пациентом, на что указывают многие авторы, исследующие проблемы оказания скрой и первичной медицинской помощи нуждающейся части населения [2, с. 117-118].

Для пациентов медицинские услуги должны быть максимально упрощены, чтобы записаться на приём к врачу было так же просто, как купить билет на проезд через Интернет. Однако мы постоянно сталкиваемся с определенными трудностями, препятствующими развитию цифровой медицины, а также повсеместному эффективному внедрению цифровых медицинских технологий в жизнь общества, их необходимо решить в кратчайшие сроки, потому что формирование и

развитие системы здравоохранения играет ключевую роль в благополучии и стабильности страны.

Список литературы:

1. Медицинское право: правовая грамотность врача: учебное пособие для вузов / Е.Х. Баринов [и др.]; под редакцией Е.Х. Баринова. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 117 с.
2. Введенская, Е.В. Этические проблемы цифровизации и роботизации в медицине / Е.В. Введенская // Философские науки. – 2020. – Т. 63. – № 2. – С. 104-122
3. Залогов, В.Н. Цифровизация медицины: реалии и статистические оценки / Залогов В.Н. // В сборнике: Статистика в условиях формирования цифровой экономики. Материалы Международной научно-практической конференции. Оргкомитет: И.В. Парамонова (сопред.), Т.А. Салимова (сопред.), О.В. Пожарицкая (сопред.) [и др.]. – 2019. – С. 74-77.
4. Конаныхина, А.К. Право на ошибку: врачебные ошибки глазами врачей и пациентов / А.К. Конаныхина, Г.А. Комаров, А.В. Кочубей // Клиническая практика. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 70-73.
5. Морозова, Ю.А. Цифровизация как глобальный, страновой и отраслевой процесс в повышении результативности и эффективности здравоохранения и медицины / Ю.А. Морозова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 4. – С. 44-53.
6. Шапиро, С.Р. Особенности цифровизации медицины в России / С.Р. Шапиро, В.З. Абдрахимов // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвузовский сборник научных трудов. – 2021. – № 1. – С. 254-259.
7. Интервью TAdviser: вице-премьер Дмитрий Чернышенко – о стратегии и тактике цифровой трансформации государства: TADviser – портал выбора технологий и поставщиков, 2021. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интервью_Заместителя_Председателя_Правительства_Российской_Федерации_Дмитрия_Николаевича_Чернышенко_изданию_TAdviser (дата обращения: 09.10.21).
8. Тимофей Баженов считает киберпреступность одной из главных угроз национальной безопасности // Российская газета, 2021. URL: https://rg.ru/2021/09/04/reg-cfo/timofej-bazhenov-schitaet-kiberprestupnost-odnoj-iz-glavnyh-ugroz-nacionalnoj-bezopasnosti.html (дата обращения: 09.10.21).
9. За пять лет число киберпреступлений выросло в 25 раз // Российская газета, 2021. URL: https://rg.ru/2021/09/02/za-piat-let-chislo-kiberprestuplenij-vyroslo-v-25-raz.html (дата обращения: 09.10.21).
10. Попова Е.С. Условия ответственности за вред, причиненный государственными органами / Е.С. Попова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. − № 3 (52). − С. 55-60.

ПЕТРОВ Олег Александрович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; o.petrov@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассмотрены особенности развития законодательства о коммерческой тайне в зарубежных странах.

Ключевые слова: *интеллектуальная деятельность, проприетарная концепция, концепция исключительных прав, конфиденциальность, коммерческая тайна, ответственность.*

В разные времена руководителями государств разрабатывались специальные законы, которые были направлены на защиту интересов производителей, их хозяев и государств от возможных разглашений секретов.

Еще в Древнем Риме существовал закон, который предусматривал наказание штрафом, размером с двукратную величину причиненных убытков, за принуждение чужих рабов выдавать секретные сведения своего хозяина [1, с. 51].

Еще в античном мире появились торговые книги. Тайна в этих торговых книгах считалась коммерческой тайной.

В то время промысловой тайной считались индивидуальные особенности производства и купечески организованного предприятия, которые включали сведения, являвшимися фабричной, торговой и промышленной тайнами. Под производственной тайной понималось внесение чего-то нового в процесс производства благ. Фабричной тайной считались не только сведения о патенте (к слову, впервые патент был введен в Англии, Германии и Франции), но и любая особенность производства (в наше время – «ноу-хау»). Торговая тайна состояла из элементов индивидуальности: к примеру, списки партнеров, покупателей, места закупки товаров и сырья.

Нельзя оставить без внимания, что в то время зародились два основных направления, которые были посвящены установлению правового режима результатов интеллектуальной деятельности.

Первым направлением являлась проприетарная концепция. Она была положена в основу патентного и авторского права. Суть ее заключалась в том, что право собственности на вновь созданный результат творческой деятельности относится автору, но не издателю, производителю или продавцу. Право собственности на такой результат деятельности действует отдельно от его признания государством [2, с. 8].

Вторым направлением стала концепция исключительных прав. Суть ее заключалась в том, что исходным положением являлось положение о необходимости разграничения единого субъективного права интеллектуальной собственности на два вида субъективных прав, в определенной степени существующих независимо друг от друга. Это личные неимущественные права, которые неотделимы и неотчуждаемы от автора, и имущественные права, которые отделимы

от автора и поэтому обладают свойством передачи другим участникам правоотношений и возможностью выступления в роли самостоятельного объекта торгового оборота. По своей природе и происхождению имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности, которые получили название исключительных прав, основываются на законе, который в свою очередь устанавливается государством. Именно поэтому они не имеют связи с естественными правами человека.

В конце XIX – начале XX в. начал развиваться процесс сближения указанных направлений субъективных прав на результаты интеллектуальной деятельности через совмещение понятий исключительных прав и права интеллектуальной собственности. Совмещенное понятие указанных прав стало называться интеллектуальной собственностью. С таким названием оно используется в Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20.03.1883, Стокгольмской конвенции, которая учредила Всемирную организацию интеллектуальной собственности от 14.07.1967.

В настоящее время во многих заграничных странах, за исключением США и Великобритании, отсутствует какой-либо единый закон, который определяет понятие «коммерческая тайна» и, соответственно, регулирует данный вопрос.

В США действует Единообразный закон о деловых секретах 1979 года, а в Великобритании действует Закон «О конфиденциальности». Нормы, которые касаются регулирования отношений по вопросу коммерческой тайны, находятся в различных нормативно-правовых актах (к примеру, уголовный кодекс, закон о свободе доступа к информации, закон о недобросовестной конкуренции и др.). В США большая часть нормативно-правовых актов по вопросу коммерческой тайны уходит на уровень каждого штата по-отдельности. Не все штаты одобрили Единообразный закон о торговых секретах 1979 года, но законодательство штатов зависит от данного закона и соответствует ему. Определение коммерческой тайны (торгового секрета) в законодательстве Америки, по сути, подобно определению коммерческой тайны в России. Коммерческая тайна – информация (в том числе формулы, программы, модели, механизмы, технологии, способы), обладающая самостоятельной экономической ценностью (фактической или потенциальной) и недоступна для остальных лиц, которые могли бы извлечь экономическую выгоду путем ее использования или распространения, и в отношении которой приняты меры по охране ее конфиденциальности [3, с. 24].

Субъектами прав на коммерческую тайну, согласно Единообразному закону, являются физические лица, юридические лица, объединения юридических лиц, товарищество, совместное предприятие, правительство и правительственный отдел или агентство. Указание круга субъектов считается достоинством данного закона. Тем не менее, в данном кругу прослеживается необъяснимое смешение субъектов разного рода. К примеру, в данном перечне есть субъекты, носящие коммерческий характер лиц, которые могут обладать коммерческой тайной, но в то же время в данном перечне находится место правительству и его агентствам, конфиденциальная информация

которых является, скорее всего, государственной тайной, нежели коммерческой.

На практике защита торгового секрета в Америке учитывает заключение соглашения о сохранении торгового секрета, которое подписывается в ходе устройства на работу сотрудника, а также проводятся специальные разъяснительные мероприятия, которые регламентированы соответствующими документами. Устраивающийся сотрудник обычно сообщает, что он должен сохранять конфиденциальность секретов, о которых он узнал на прежней работе, а также срок сохранения данной информации. Сотрудник ставит в известность нового работодателя о том, что конфиденциальные сведения, полученные на предыдущей работе, он не вправе раскрывать и использовать на новом месте работы. Увольняющийся работник обязан написать заявление, в котором он ставит в известность организацию касательного того, что им взяты обязательства по сохранению конфиденциальности коммерческой тайны. В данном заявлении работник сообщает, что обязательства по охране коммерческой тайны им выполнены, а в процессе своей работы он не принимал участия в какой-либо деятельности, составляющей конкуренцию или противоречащей его обязательствам как работника. Руководство организации, из которой увольняется служащий, может известить нового работодателя касательно информированности о коммерческой тайне организации, принятого на службу работника. Помимо этого, руководство организации напоминает увольняющемуся работнику об обязательствах по сохранению коммерческой тайны, которые были подписаны при устройстве на работу.

Также еще одной отличительной характеристикой законодательства Америки о защите коммерческой тайны является акцент на уголовной ответственности, которая является эффективным средством в обеспечении прав и интересов владельца коммерческой тайны. Смысл уголовной ответственности заключается в том, что в отличие от нее, гражданская ответственность, заключающаяся в возмещении убытков, не носит достаточного превентивного характера в вопросе предотвращения преступления по этому вопросу. Уголовная ответственность предусматривается Федеральным законом «Об экономическом шпионаже», принятым в 1996 году. Согласно данному закону, уголовная ответственность предусматривается за присвоение кем-либо коммерческой тайны для своих интересов или для интересов других лиц, если данное лицо было в курсе того, что его действия наносят ущерб владельцу коммерческой тайны, и за приобретение, покупку или владение коммерческой тайной другого лица, которая была присвоена или передана без ведома ее обладателя. Присвоение информации – это любое незаконное действие (мошенничество, кража, несанкционированное копирование и т.д.). Законом установлено наказание в виде штрафа в размере до пяти ста тысяч долларов США и лишения свободы сроком до десяти лет. В случае если преступление совершилось юридическим лицом (в США юридические лица могу привлекаться к уголовной ответственности), штраф может доходить до пяти миллионов долларов США [4, с. 15].

В Чехии коммерческая тайна относится к сведениям, которые составляют хозяйственную или деловую тайну. Например,

коммерческой тайной является любая формула, информационная компиляция устройства, образцы продукции, компьютерная программа, технология или процесс, которые используются или могут быть использованы в сфере деловых интересов правообладателя и которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность, будучи неизвестными третьим лицам и конкурентам правообладателя.

В немецком законодательстве употребляется термин «ноу-хау», который может характеризоваться техническим и коммерческим содержанием. К техническому содержанию ноу-хау относят чертежи, формулы и рецептуры, результаты опытов, статистические и математические расчеты, списки деталей, данные о производственных усовершенствованиях и т.д. К коммерческому содержанию ноу-хау относят данные об организации производства, списки клиентов, поставщиков, данные о финансировании, данные маркетинговой стратегии и др. В соответствии со ст.10 («Секретность») трудового соглашения между организацией и служащим, применяемого в Германии, работник обязуется сохранять конфиденциальность всех ставших ему известными в его работе производственных дел, особенно деловые секреты. Обязательство сохранения конфиденциальности действует также после прекращения трудовых отношений. В данном вопросе опыт защиты коммерческой тайны в Германии очень схож с практикой США.

Намного интереснее регулирование вопроса коммерческой тайны устроено в Японии, где нет ни законов, ни нормативных актов, которые предусматривали бы ответственность за разглашение коммерческой тайны. Данный вопрос решается по-другому. В организации на отдел кадров возлагается обязанность контролировать постоянное и неукоснительное соблюдение режима конфиденциальности, который основан на кодексе поведения служащих. В данном кодексе находятся положения, которые запрещают: передавать посторонним лицам сведения, содержащие коммерческую тайну, находить работу по совместительству без разрешения текущего руководства, заключать сделки, подрывающие доверие клиентов к организации, заниматься дачей и получением взяток, преднамеренно наносить экономический ущерб. К слову, японские организации менее всего страдают от раскрытия коммерческой информации, благодаря присущей этой стране системе «пожизненного найма» и воспитанию у работников чувства патернализма, то есть японцы считают себя членами одной семьи внутри одной организации [5, с. 64].

Интересным образом устроено законодательство Франции. Там нет отдельного специализированного нормативно-правового акта, касающегося коммерческой тайны. Защита права на коммерческую тайну осуществляется за счет общих норм трудового, гражданского и уголовного права.

Во Франции выделяют следующие тенденции защиты коммерческой тайны:

1) в рамках трудовых отношений на служащего возлагается обязанность сохранять режим конфиденциальности информации;

служащий не имеет права вступать в конкуренцию с работодателем после увольнения;

2) существует гражданско-правовая ответственность за так называемое «злоупотребление доверием», то есть за разглашение коммерческой тайны лицом, которому она доверена владельцем этой тайны;

3) уголовная ответственность для государственных служащих и должностных лиц, которые контролируют органы за разглашение конфиденциальной информации [6, с. 39].

Похожим образом вопрос защиты коммерческой тайны регулируется во многих европейских странах, например, в Швейцарии, Финляндии и в других государствах.

Подводя итог, можно сказать, что законодательство о коммерческой тайне в том или ином виде существует во всех развитых странах. Что касается сравнения российского законодательства с международным, то здесь следует отметить тот факт, что наше законодательство в общем соответствует международной практике, хотя, что в нашем законодательстве, что в законодательстве других стран, есть поле для совершенствования и улучшения законодательства.

Список литературы:

1. Хвостов, В.М. Система римского права: учебник / В.М. Хвостов; вступ. ст. Е.А. Суханов, В.А. Томсинова. – М.: Спарк, 1996. – 522 с.

2. Толстова А.Е. Право промышленной собственности: учебное пособие / А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 184 с.

3. Барило, С.Е. Актуальные проблемы торгового права: учебное пособие / С.Е. Барило, К.О. Брикса, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 136 с.

4. Дораев, М.Г. Защита коммерческой тайны в США в контексте глобальной технологической конкуренции / М.Г. Дораев // Предпринимательское право. – 2021. – № 2. – С. 14-25.

5. Козлов, В. Сохранение коммерческой тайны в организации / В. Козлов // Управление персоналом. – 2008. – № 7. – С. 61-66.

6. Карташян, А.Г. Коммерческая информация в гражданском праве России / А.Г. Карташян // Юрист. – 2016. – № 7. – С. 37-41.

ПЛЕХОВА Светлана Леонидовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
plehova_80@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

В статье рассматриваются особенности договорного регулирования отношений по оказанию медицинских услуг.

Ключевые слова: *медицинская помощь, договорные отношения, медицинская услуга, пациент, заказчик, исполнитель, оказание медицинских услуг.*

В связи с переходом экономики нашей страны к рыночным отношениям монополия государства на предоставление медицинской помощи населению исчезла. Активно формируется и развивается рынок медицинских услуг со своими профессиональными особенностями. Ориентация на административно-правовое регулирование возникающих между врачом и пациентом отношений становится неприемлемой в новых условиях рынка медицинских услуг, и, как следствие, перевода медицины в сферу сугубо возмездных отношений.

Первоочередными вопросами становятся возникающие проблемы обозначения условий договора с отражением качества и существа медицинской помощи, оказываемой пациенту, его своевременное информирование и, как следствие, порядка разрешения споров и применения соответствующих мер в случае возникновения гражданско-правовой ответственности. Установление объективных критериев с целью применения мер имущественной ответственности становится одной из приоритетных задач, которые в последующем дает возможность решать единообразно и справедливо дела в медицинской сфере. Кроме того, такие критерии смогут одномоментно защищать пациентов и медицинские учреждения (врачей) от произвола друг друга и от судебных ошибок.

Развитие договорных отношений в медицине, увеличение количества медицинских учреждений частной формы собственности, расширение спектра оказания медицинских услуг, расширение механизма судебной защиты граждан и иные предпосылки обусловили, что вопросы гражданско-правовой ответственности медицинских учреждений в последние годы приобрели значительную актуальность [1, с. 3].

Обращаясь к вопросу оказания услуг в сфере здравоохранения, остается открытым вопрос в части возмездных правоотношений, поскольку «бесплатных» медицинских услуг в нашей стране давно нет. Часть их оплачивается государством, например, в рамках обязательного медицинского страхования (далее – ОМС), другая часть – за счет собственных средств российских граждан, потребителей медицинских услуг.

В настоящее время нормативные правовые акты, надлежащим образом регулирующие вопросы отношений, возникающих между участниками договора на оказание услуг медицинского характера, которые определяли бы конкретный метод защиты прав граждан, устанавливали определенные правовые критерии оценки качества оказываемых медицинских услуг и мер ответственности для исполнителей за их объемы и качества, отсутствуют, поскольку специфика таких отношений, обусловленная с благами, определяемыми как высшие блага человека, закрепленными Конституцией РФ. Согласно этому, требуется установление более детальных правил для регламентации правил предоставления граждан медицинских услуг в рамках специального регулирования.

Гражданско-правовой договор, заключаемый на оказание медицинских услуг, становится наиболее универсальным способом для урегулирования вопросов относящихся к правам, обязанностям сторон, заключивших такой договор на условиях оказания и предоставления одной из сторон услуг медицинского содержания, а так же конкретизация положений участников в нем [2, с. 74].

Договор между пациентом и лечебным учреждением на оказание медицинской помощи может заключаться как устно, так и письменно, посредством составления нескольких экземпляров для каждой из сторон. Заметим, что договор об оказании медицинских услуг заключается между исполнителем и заказчиком, как правило, в письменном виде, а несоблюдение письменной формы сделки лишает ее стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, не лишая их права приводить иные доказательства. В целях защиты прав и законных интересов каждой из сторон такой документ должен содержать условия, объемы предоставляемых услуг и перечень, фиксирующий их права и обязанности [3, с. 59].

Договор может быть как возмездным, так и безвозмездным, последнее, учитывая, что почти каждый пациент имеет полис ОМС, и страхователь из его заработной платы ежемесячно делает отчисления в счет этого договора. Из чего тоже следует, что безвозмездность такого расчета ставится под сомнение, поскольку услуги, предоставляемые в рамках ОМС, ограничены и регулируются отдельным Перечнем застрахованных лиц, имеющим определенные ограничения медицинских услуг. Таким образом, можно сделать вывод, что «безвозмездных» услуг гражданин по факту не получает, услуги предоставляются в ограниченном объеме при их финансировании из бюджета в медицинские учреждения, и, как ранее отмечено, за счет поступления денежных средств с ежемесячной заработной платы гражданина.

На наш взгляд, рассматривая закрепленные в сфере здравоохранения виды оказания услуг в рамках договорных отношений, стоит резюмировать, что бесплатные медицинские услуги оказываются в рамках договора ОМС, и такой договор является гражданско-правовым. На основании этого договора одна сторона (лечебное учреждение, частнопрактикующий врач) берет на себя обязательства по обеспечению квалифицированной медицинской помощи для пациента, в то время как другая сторона (пациент)

обязуется следовать указанным предписаниям лечебного учреждения (частнопрактикующего врача). Вместе с тем пациент имеет право требовать качественного и квалифицированного оказания медицинской помощи, сообщения достоверной информации о поставленном ему диагнозе, методах предпринятого лечения, возможных последствиях производимых манипуляций.

Под платными медицинскими услугами понимаются услуги, предоставляемые на возмездной основе за счет личных денежных средств граждан, бюджета юридических лиц и иных средств, согласно договору, в том числе договоров добровольного медицинского страхования. Такие услуги оказываются помимо программы государственных гарантий оказания медицинской помощи по усмотрению пациента.

На наш взгляд, оба этих вида предоставления услуг по факту не могут считаться прозрачными, поскольку четкое определение и грань между ними провести не представляется возможным ввиду того, что потребители услуг медицинского характера осуществляют оплату предоставляемых им услуг в обоих случаях за счет собственных средств [4, с. 72].

Существует мнение, что потребители, пользующиеся исключительно платными медицинскими услугами, вправе предъявлять требования о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением условий договора, возмещении ущерба в случае причинения вреда здоровью и жизни, а также о компенсации за причинение морального вреда [5, с. 40]. Однако имеет смысл дать некоторые разъяснения к этому убеждению и в очередной раз указать на факт гражданско-правовых отношений между пациентом и медицинским учреждением, оказывающим такие услуги.

И платные, и бесплатные медицинские услуги можно адаптировать под права потребителей медицинских услуг, следовательно, при обнаружении недостатков оказания той или иной медицинской услуги гражданин может руководствоваться ст. 29 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [6] и заявить соответствующие требования.

Под понятием договора возмездного оказания услуг стоит понимать соглашение сторон, в соответствии с которым обязательством заказчика выступает оплата услуги в полном объеме в соответствии с п. 1. ст. 779 ГК РФ, которую исполнитель должен представить по требованию заказчика.

Сторонами такого договора могут выступать как юридические, так и физические лица, поскольку особенных ограничений по субъектному составу в Главе 39 ГК РФ не содержится. Вместе с тем такой документ может подлежать расторжению по инициативе любой из сторон, его заключившего, но стоит учесть, что, принимая такое решение, не стоит забывать о предусмотренных Законом компенсаций, объемы которых должны соответствовать объемам понесенных расходов. Исключениями в этом случае может послужить причина отсутствия возможности в предоставлении заказчику конкретного вида услуги, согласно п. 3 ст. 426 ГК РФ.

Регламентация содержания договора возмездного оказания медицинских услуг имеет существенное значение как в практическом, так и теоретическом значении, поскольку с этим связаны особенности возникающих у участников договора взаимных субъективных гражданских прав и обязанностей, а также условий их реализации в надлежащем виде.

Договор возмездного оказания услуг, в своей нормативной основе урегулированный в гл. 39 (ст. 779-783) ГК РФ, на наш взгляд, изначально не вызывает сложностей для понимания. Однако по факту возникает множество вопросов относительно его правовой сущности, о необходимости особого выделения такого вида договора в гражданском праве с определением его четких границ, возможности практического применения. Основной целью соответствующего договора «является регламентация взаимоотношений между пациентом и медицинским учреждением» [7, с. 51].

В юридической литературе отмечены особенности норм гл. 39 ГК РФ, которые, во-первых, носят преимущественно общий характер, не отражающий специфики отдельных разновидностей договоров возмездного оказания услуг, что обуславливает необходимость дальнейшего развития и совершенствования специального законодательства, регулирующего особенности предоставления различных видов услуг, а во-вторых, большинство из них носит императивный характер [8, с. 14].

Таким образом, договорные отношения в сфере оказания услуг медицинского характера на сегодняшний день не достаточно доработаны в партнерских отношениях. Правоотношения, складывающиеся в текущем положении дел, не совершенны и требует выработки определенной концепции, направленной на достижение нужных договорных результатов. До настоящего времени в практике правоприменения пациент и исполнитель медицинских услуг находятся в неравных условиях, ощущается состояние незащищенности (или, по крайней мере, недостаточной защищенности) пациента. Вне меньшей степени в правовой защите нуждается и исполнитель медицинской услуги. Возрастающее количество судебных исков по поводу ненадлежащего оказания медицинской помощи «обуславливает особую важность грамотного составления договоров на предоставление платных медицинских услуг с учетом положений действующего законодательства» [9, с. 73].

Кроме того, отношения, складывающиеся между пациентами и медицинскими учреждениями, предоставляющими медицинскую помощь на безвозмездной основе, не регулируются нормами гражданского права, так как такие отношения не имеют признаков гражданских правоотношений, которые могли бы быть закреплены в действующем законодательстве.

Согласно законодательству Российской Федерации, вопрос договорных отношений в сфере здравоохранения развит слабо и требует отдельного внимания, а возможно и выделения целой области медицинского права. Законотворческая деятельность в этой области должным образом могла бы повлиять как на качество получаемых медицинских услуг для граждан, так и на значительное сокращение

числа жалоб и судебных тяжб в вопросах предоставления медицинских услуг.

Список литературы:

1. Старичков, М.Ю. Основания освобождения медицинских организаций от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика / М.Ю. Старичков. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 224 с.

2. Шевчук, С.С. Особенности оказания медицинских услуг в условиях пандемии / С.С. Шевчук, С.Е. Барило // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 74-78.

3. Суслин, Э.В Актуальные проблемы договорного права: учебное пособие / Э.В Суслин, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 118 с.

4. Килимова, Л.В. Региональный рынок медицинских услуг: социологический анализ / Л.В. Килимова, В.А. Белкина // Вестнтник Тамбовского университета. Сер.: Обществ. науки. – 2017. – Т. 3. – № 3 (11). – С. 69-75.

5. Иванченко, Е.А. К вопросу о важности исследования всех обстоятельств причинения вреда здоровью пациента медицинским работником / Е.А. Иванченко // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Гомель, 2020. – С. 39-44.

6. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

7. Соколов, П.Л. Договор с пациентом в частной клинике - фактор обеспечения прав и законных интересов пациента и врача / П.Л. Соколов // Юрист. – 2003. – № 10. – С. 49-53.

8. Кабалкин, А. Договор возмездного оказания услуг. / А. Кабалкин // Росс. юстиция. – 1998. – № 3. – С. 12-16.

9. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.

ПОЛИН Юрий Владимирович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
historu333@yandex.ru

ВНЕСУДЕБНОЕ БАНКРОТСТВО КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В статье рассматривается современный процесс внесудебного банкротства, как более упрощенный и удобный для гражданина способ погашения долгов.

Ключевые слова: *внесудебное банкротство, признание банкротства, погашение долга, банкротство через МФЦ.*

Первого сентября 2020 года вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» [1]. Данный нормативный правовой акт ввел в российское законодательство небывалый правовой институт внесудебное банкротство гражданина, который призван уменьшить нагрузку на суды, а также увеличить открытость и упростить процедуру банкротства граждан. Новым нормам отдан партикулярный параграф 5 в гл. X Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон о банкротстве).

Оформить услугу банкротства через МФЦ может гражданин, у которого общий размер долгов варьируется в диапазоне от 50 000 до 500 000 рублей. Если сумма больше, банкротство можно оформить только в судебном порядке.

В общую сумму входят следующие виды долгов: по займам и кредитам (включая проценты); по алиментам; по договорам поручительства (включая суммы, по которым основной должник платит вовремя); по возмещению вреда жизни и здоровью; по налогам и сборам.

Сумма долга считается независимо от наступления хронологии платежа, задолженностей и заявления кредитора в суд для возмещения задолженности. Достоверную сумму долга по кредитам можно затребовать у каждого кредитора, по налогам – проверить на веб-сайте nalog.ru, по автоштрафам – на сайте ГИБДД, по исполнительным производствам – на сайте ФССП. Все вместе комфортно проверять и оплачивать на портале по следующему алгоритму взаимодействий Госуслуг: Налоговая задолженность – Автоштрафы – Судебная задолженность – Размер долга, что определяется на дату подачи заявления в МФЦ.

Процедура внесудебного банкротства не будет реализована в случаях:

1. В отношении должника завершено исполнительное производство в связи с тем, что у него отсутствует имущество, на которое можно устремить взыскание, то есть на основании п. 4 ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [3]. Исполнительный документ возвращается взыскателю.

2. После завершения исполнительного производства по подобному основанию не было возбуждено новое. Наличие исполнительных производств и обоснования их окончания можно просмотреть на сайте Федеральной службы судебных приставов или на сайте Госуслуг. Заявление нужно подать в письменном формате в МФЦ по месту проживания или пребывания. К нему необходимо приложить перечень всех известных заёмщику кредиторов по установленной конфигурации.

Следует акцентировать внимание на то, что кредиторы или обязательства, которые не обозначены в перечне, процедуры

внесудебного банкротства не коснется, эти долги впоследствии будет необходимо выплачивать в обычном порядке. Также важно правильно указывать корректные сведения о налогах и сборах, точные суммы долгов.

МФЦ просмотрит соблюдение истца установленным параметрам и в течение 3 рабочих дней внесёт его в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. С этого момента возникает процедура внесудебного банкротства.

Процедура внесудебного банкротства продолжается 6 месяцев. На этот промежуток приостанавливается выполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям и прекращается начисление процентов и штрафов, за исключением требований: а) не обозначенных в перечне кредиторов, который прилагался к заявлению о внесудебном банкротстве: если долг не был обозначен в списке, по нему может продолжаться исполнительное производство и списание денег со счета; б) о возмещении вреда жизни и здоровью; в) о выплате зарплаты и выходного пособия; г) о возмещении морального вреда; д) о взыскании алиментов.

При этом на протяжении шестимесячной процедуры внесудебного банкротства гражданин не может брать новые кредиты и займы, выдавать поручительства и оформлять другие обеспечительные сделки [4, с. 102].

В это время кредитор может направить запрос в госорганы, которые оформляют и ставят на учет имущество. Это нужно для проверки нахождения у заёмщика имущества или имущественных прав. Например, через Росреестр можно посмотреть, нет ли у должника дачи, а через ГИБДД – автомобиля.

Если в течение срока процедуры внесудебного банкротства у должника в собственности появится имущество или доход, нахождение которых позволит целиком или в существенной части погасить долги, об этом нужно в течение 5 рабочих дней сообщить в МФЦ. Процедура внесудебного банкротства в таком случае прекратится. В течение 3 рабочих дней это будет зафиксировано в Едином федеральном реестре. В отношении заёмщика вновь будет возможно взыскание в границах исполнительного производства и изъятие денег со счетов. При этом гражданин сумеет инициировать процедуру судебного банкротства, что позволит реструктуризировать долги [5, с. 72]. Если не известить в МФЦ об имуществе или доходах, кредиторы могут санкционировать банкротство в судебном порядке.

Пока осуществляется внесудебное банкротство, может быть инициировано судебное. Это право есть у кредиторов в таких случаях: а) кредитор не указан в списке, прилагавшийся к заявлению о внесудебном банкротстве; б) задолженность указана, но занижена; в) обнаружено имущество или имущественные права должника; г) суд признал сделку должника недействительной по иску кредитора; д) должник не направил в МФЦ сведения об улучшении имущественного положения.

Если в течение срока процедуры внесудебного банкротства начнется судебное, внесудебная процедура прекращается – МФЦ вносит соответствующую запись в реестр.

Когда должник совершил все необходимые действия безукоризненно, и у кредиторов не нашлось оснований перейти к процедуре судебного банкротства, то через 6 месяцев МФЦ включает в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве информацию о завершении процедуры. С этого момента гражданин освобождается от долгов. То есть по этим долгам будет невозможно принудительное взыскание.

Согласно ст. 213.30 Закона о банкротстве, на внесудебного банкрота распространяются все ограничения, которые предусмотрены при банкротстве в судебном порядке, а именно: а) в течение 5 лет с момента оформления банкротства нельзя брать кредиты без указания на то, что вы банкрот; привести это может к повышенной процентной ставке, отказу, занесению в черный список банковских учреждений и другим последствиям; б) на протяжении 3 лет с момента оформления банкротства запрещается занимать должности в органах управления предприятиями, а в кредитных и страховых организациях – в течение 10 и 5 лет соответственно; в) в течение 10 лет с момента признания банкротом нельзя начинать повторную процедуру банкротства; г) если гражданин перестал быть индивидуальным предпринимателем менее чем за один год до подачи заявления о внесудебном банкротстве, то в течение 5 лет после его завершения нельзя осуществлять предпринимательскую деятельность и руководить юридическим лицом.

Если схожесть банкротства во внесудебном порядке проявляется в последующих ограничениях и требованиях после завершения процедуры, то различия наблюдаются уже в самом процессе: а) оформление происходит через МФЦ, исключая судебные действия; б) является полностью бесплатным, в то время как судебное банкротство – это платная услуга; уплачивается госпошлина в размере 300 рублей, депозит в суд – 25.000 рублей, также в стоимость включается расходы финансового управляющего – от 15.000 рублей, публикация в СМИ и почтовые издержки; в) есть определённые условия в размере суммы долга; у судебного банкротства нет ограничений ни по нижней, ни по верхней границе суммы долга; г) в обязательном порядке необходимо постановление об окончании исполнительного производства; в судебном порядке это условие исключено; д) срок процедуры сокращенный – не более 6 месяцев.

Отечественные заёмщики с ведением новейшего варианта оформления банкротства активизировались для списания своих долгов, но значительное количество схлестнулось с рядом трудностей. Чтобы определиться с ними, посмотрим на самую релевантную статистику.

По сведениям Юридической фирмы «Арбитраж.ру» и Единого федерального реестра сведений о банкротстве анализируются результаты рассмотрения 10 961 заявлений о внесудебном банкротстве, поданных в МФЦ в промежуток с 01.09.2020 по 30.06.2021 [6].

Анализ продемонстрировал, что 63% заявлений о внесудебном банкротстве было возвращено. Граждане не всегда осознают, кто, как, когда и по какой причине может обратиться с заявлением о банкротстве. Исходя из этого, назовем самые распространённые ошибки:

1. Ошибочное оформление заявления. При его написании требуется применить эрудированные трактовки, которые должны быть написаны в соответствии с актуальным законодательством РФ. Подать новое заявление можно будет лишь через месяц.

2. Ложная информация о кредиторах, суммах долговых обязательств. В заявлении непременно нужно обозначить всех кредиторов, иначе долги перед неназванными кредиторами списаны не будут. Кроме того, неуказанные в заявлении кредиторы вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении стандартной процедуры признания гражданина несостоятельным через суд.

3. Неполный перечень документов. Непосредственно перед сдачей или отправкой документов требуется перепроверить их с полным перечнем. Так заёмщик может значительно ускорить процесс оформления банкротства, а также облегчить работу государственных служащих.

4. Неточные или недостоверные сведения об имуществе, доходах и сделках должника. При выявлении фальсификации документов и иных погрешностей последует не только отказ в банкротстве, но и к возможному возбуждению уголовного дела по ст. 195 Уголовного кодекса Российской Федерации «Неправомерные действия при банкротстве».

5. Несоответствие портрету «честного» заемщика. В процессе исследования банковской истории и в целом финансового состояния должника государственные органы при нахождении несовпадений вправе отказать в оформлении внесудебного банкротства. Также отказ будет получен, если заемщик изначально знал о своей несостоятельности, но брал кредиты с целью их погашения через процедуру банкротства.

Стоит обратить внимание на важную информацию о долгах, от которых не избавит внесудебное банкротство. В перечень таких долгов входят не указанные в списке кредиторы, который прилагался к заявлению о внесудебном банкротстве. Не указанные в списке суммы придется погашать даже после завершения банкротства; возникших в период процедуры внесудебного банкротства; по возмещению вреда жизни или здоровью; по выплате зарплаты и выходного пособия; по возмещению морального вреда; по алиментам; при привлечении к субсидиарной ответственности; о возмещении убытков, умышленно или неосторожно причиненным юридическому лицу, участником которого был гражданин; о возмещении вреда имуществу, причиненного умышленно или по неосторожности [7, с. 39].

Также физическое лицо не избавляется от долгов при любом из следующих обстоятельств: вступило в силу решение суда о его привлечении к уголовной или административной ответственности за неправомерные деяния при банкротстве или фиктивное банкротство; подтверждено, что при формировании или исполнении обязательств гражданин работал нелегально; осуществил мошенничество, злостно избегал от платежей, предоставил кредитору изначально ложные сведения, скрыл или уничтожил имущество [8, с. 40].

Специалисты полагают, что новшество не решает проблему окончательно. В качестве главного недочёта самостоятельного оформления банкротства подчёркивают следующую тонкость –

заёмщику придется обратиться к юристу или единолично разбираться во всех аспектах процедуры и подачи заявления. Невзирая на то, что главенствующей идеологией новой процедуры рассматривается социальная задача предоставления «freshstart» в лучших англо-саксонских обычаях, законодатель не обошёл новейший институт изъянами, которые прямо этой концепции противоречат.

Институт внесудебного банкротства гражданина, как и любой иной новейший для национального права институт, пока не в полной мере расценён юридическим сообществом. В целом благоприятно оценивая саму концепцию государственной помощи граждан, угодивших в тяжкое материальное состояние, их реабилитацию и возвращение в экономический оборот многие аналитики пока не видят в алгоритме внесудебного банкротства тех посылов, которые, преследуя всеобщую цель уменьшения загруженности на суды, позволят в существенной мере повысить доступность и эффективность банкротства для граждан. Такой скепсис в немалой мере соединён с несовершенством введенного правового регулирования.

Невзирая на то, что в законе появился целый параграф, закрепляющий порядок внесудебного банкротства гражданина и уже начинает сформировываться подзаконная нормативная правовая база, некоторые вопросы требуют дополнительной детализации. Вероятно, восполнить насчитывающиеся правовые пробелы и разрешить неоднозначные нюансы помогут разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемой теме.

Как видим, несмотря на вышеперечисленные недостатки процедуры внесудебного банкротства, ее положительные стороны свидетельствуют о социализации банкротного законодательства. Хочется верить, что в перспективе внесудебное банкротство поможет «начать новую жизнь» многим заёмщикам и станет связующим звеном к принятию наиболее продуманного законодательства о несостоятельности граждан.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (ч. 1). – Ст. 5048.

2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

3. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

4. Толстова, А.Е. Обеспечение исполнения гражданско-правовых обязательств: учебное пособие / А.Е. Толстова, С.Е. Барило. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2022. – 140 с.

5. Шварц, Л.В. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве: презумпции и нюансы привлечения лиц, контролирующих должника / Л.В. Шварц, Э.Т. Майборода // Вестник

Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 69-73.

6. Внесудебное банкротство граждан // Юридическая фирма Арбитраж.ру // URL: https://arbitrageru.legal/analytics/view/bankruptcygraph/ (дата обращения: 01.03.2022).

7. Шеншин, В.М. Актуальные вопросы банкротства бывших участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» / В.М. Шеншин // Право в вооруженных силах. – 2016. – № 6. – С. 38-45.

8. Назарова, И.С. Совместное банкротство супругов – бывших участников накопительно-ипотечной системы: отсутствие четкого правового регулирования и неоднозначность судебной практики / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // Право в Вооруженных силах. – 2018. – № 6. – С. 35-43.

ПРЯДКО Анна Александровна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; anna_tvs@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НЕВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОГО ТОКЕНА

В статье раскрывается понятие невзаимозаменяемых токенов (NFT), их отличие от криптовалюты, а также рассматриваются актуальные проблемы в определении правового статуса NFT-токенов.

Ключевые слова: *правовой статус, правовое регулирование, невзаимозаменяемый токен, взаимозаменяемый токен, распределительные реестры, блокчейн, криптовалюта, NFT, NFT-токен.*

В последнее время аббревиатура NFT стала звучать все чаще в информационном поле, однако далеко не все понимают, что в данном случае речь идет о технологии NFT (non-fungible tokens), с помощью которой любой желающий может получить право владения любым цифровым арт-объектом. Если обратиться к статистике на сайте NonFungible.com, то по графикам можно заметить, что продажи NFT-токенов стремительно растут в сравнении с предыдущими годами, что подтверждает ажиотажный спрос на NFT-объекты [1]. Так, по подсчетам разных ресурсов, ведущих статистику по блокчейнам, объем продаж NFT в 2021 году по разным оценкам приблизился к показателям от 18,3 млрд. до 25 млрд. долларов США. Эти значения сильно превышают показатели предыдущего года, которые, по данным ресурса DappRadar, составляли 94,9 млн. долларов США. Аналитики данного ресурса считают, что ключевым фактором, вызвавшим такой резкий скачок, стало активное участие в использовании NFT крупнейшими мировыми брендами, к которым относятся Coca-Cola, Nike, Adidas и Gucci [2]. Ажиотаж вокруг NFT не прошел мимо и

российского рынка. В сентябре прошлого года на NFT-маркетплейсе блокчейн-экосистемы Binance прошел аукцион по продаже цифровых произведений из коллекции Государственного Эрмитажа. Итоговая сумма ставок составила 440 000 долларов США [3, с. 87].

Мы видим, что интерес к NFT только возрастает, однако специалисты в правовой сфере сходятся в том, что правовой статус NFT до сих пор не определен. В Российском законодательстве существуют пробелы для определения юридического статуса как самих NFT-токенов, так и сделок, проводимых с ними, что дает возможность определить перспективы развития российского законодательства в области NFT.

Чтобы все-таки попробовать разобраться с правовым статусом NFT токенов, сначала необходимо дать определение для понимания сути этого явления, выделить отличительные особенности и определить место NFT в системе криптоактивов.

С английского аббревиатура NFT расшифровывается как Non-fungible token, то есть невзаимозаменяемый или уникальный токен. Впервые они появились еще в 2017 году на специальной платформе криптовалюты Ethereum, которая позволяет выпускать валюту (эфир), а также создавать автономные децентрализованные организации, программировать самоисполняющиеся смарт-контракты, осуществлять регистрацию и учет собственности [4, с. 74].

Изначально технология NFT была создана на основе смарт-контрактов, которые были привязаны непосредственно к упомянутой криптовалюте. Смарт-контракты являются цифровым аналогом знакомым и понятным бумажным договорам, то есть они дают возможность прописать в блокчейне условия соглашения и механизм его определенного выполнения. Закрепить за человеком владение каким-либо активом по смарт-контракту можно при помощи токенов. В данном случае это уже будет цифровым аналогом ценных бумаг.

Большинство существующих токенов – взаимозаменяемые, то есть они эквивалентны друг другу, используются в качестве валюты. Термин «взаимозаменяемость» пришел из экономической литературы и обозначает возможность обмена актива на аналогичные ему. К примеру, взаимозаменяемыми являются деньги или единицы драгоценных металлов, поскольку одинаковые суммы этих активов имеют равную ценность. Если же приводить пример не из экономической среды, а, скажем, из технической сферы, то стоит упомянуть о взаимозаменяемости деталей машин, обладающих идентичными характеристиками, что позволяет эксплуатировать оборудование, собранное из деталей от разных производителей [5, с. 74].

Существуют и наполовину взаимозаменяемые токены, у которых присутствует какое-то особое свойство, наделяющее их отличительными признаками.

В случае NFT речь уже идет о невзаимозаменяемых токенах, которые существуют в единственном экземпляре и не могут заменять друг друга.

В качестве невзаимозаменяемого объекта реального мира часто в пример приводят аренду автомобиля. Взяв одну конкретную машину, лицо не сможет вернуть другой автомобиль.

До недавнего времени в цифровом пространстве нельзя было создать уникальный невзаимозаменяемый объект, поскольку было невозможно определить оригинальность таких объектов, а также легкости их копирования и передачи. Ситуация изменилась с появлением технологии блокчейн, которая позволила определять оригинальный, уникальный цифровой объект, что решает полностью проблему копирования.

В качестве NFT на данный момент можно продавать любое цифровое искусство: иллюстрации, 3D-модели, фото, видео; музыканты продают свои альбомы, а кто-то даже выставляет на продажу свои сообщения из социальной сети «Twitter» и многое другое.

Независимо от формата объекта, созданный NFT регистрируется в системе блокчейн, как и все последующие операции с данным цифровым активом. Тут стоит указать принципиальное отличие между криптовалютами и NFT-токенами. Оба этих актива основываются на технологии блокчейн, однако криптовалюта в первую очередь используется как универсальное средство обмена, а, как отмечалось ранее, NFT отличаются уникальностью. Стоимость одного такого токена никаким образом не зависит от стоимости другого, и, соответственно, такие активы не могут быть взаимозаменяемыми. В данном случае невзаимозаменяемость – ключевой термин для понимания сущности NFT [6, с. 116].

Для определения правового статуса невзаимозаменяемых токенов необходимо сначала определить, к какому они относятся виду объектов гражданского права, закрепленных в ст. 128 ГК РФ. В данном случае, поскольку законодатель не дал легального определения для вещи, и в российской научной литературе доминируют мнения, что к вещам могут относиться только объекты материального мира, то NFT нельзя отнести к категории «вещь». Следовательно, невзаимозаменяемые токены будут относиться к иному имуществу. Проверим это. Очевидно, невзаимозаменяемые токены не являются результатом работ или оказания услуг. Определенный перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации содержится в ст. 1225 ГК РФ. В этом перечне можно выделить такие результаты интеллектуальной деятельности, как произведения искусства, фонограммы, исполнение. Как было отмечено ранее, NFT представляют собой запись в реестре блокчейн с информацией о правах на тот или иной объект. То есть сам NFT нельзя признать результатом интеллектуальной деятельности, он лишь подтверждает права владельца токена на иной объект. Стоит отметить, что в случае, когда сам NFT внутри содержит произведение искусства, как в случае с Государственным Эрмитажем, следует считать их как два разных цифровых объекта, соединенных вместе. То есть одним будет само произведение искусства, а другое – запись в реестре блокчейн, заверяющая права на произведение, то есть сам NFT. Нельзя отнести NFT и к категории безналичных денежных средств и бездокументарным ценным бумагам, поскольку они не указаны в таком качестве в законе.

Теперь уделим внимание категории цифровых прав. В ст. 141.1 ГК РФ сказано, что цифровыми правами являются только те объекты,

которые прямо указаны в законе в данной роли. На данный момент в российском законодательстве предусмотрено две разновидности цифровых прав, а именно цифровые финансовые активы (ЦФА) и утилитарные цифровые права.

Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (закон о ЦФА), цифровая валюта – это совокупность электронных данных, которые можно использовать в качестве средства платежа, не являющегося рублем или иностранной валютой [7]. А цифровые финансовые активы – это цифровые права, включая денежные требования, права на ценные бумаги, на участие в капитале организаций, существующие в виде записей в информационной системе. Еще стоит отметить, что порядок выпуска ЦФА устанавливается этим же законом, а Банк России ведет отдельный реестр выпускающих операторов. К ним могут относиться только юридические лица, осуществляющие свою деятельность в рамках российского права. Как можно заметить, NFT не относится ни к цифровой валюте, поскольку не является средством платежа, ни подпадает под определение ЦФА, так как его выпуск осуществляется далеко не только российскими юридическими лицами.

Если рассматривать утилитарные цифровые права, то тут обратимся к Федеральному закону от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. В данном случае к утилитарным будут относиться следующие цифровые права: право требовать передачи вещи, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг. То есть утилитарное цифровое право представляет собой токен, заверяющий права инвестора на получение определенной выгоды от проекта, в который он вложился. Однако такие токены выпускаются в большом количестве и являются уже взаимозаменяемыми.

Если говорить об операциях, проводимых с NFT-токенами, то в рамках российского законодательства их можно рассматривать только как сделки без оформления письменного договора (согласно п. 2 ст. 159 ГК РФ). Если дело дошло до рассмотрения в суде, то возможно оперировать только лишь публичным соглашением с Интернет-площадкой, где была проведена сделка с NFT, и распечатками из блокчейна (ч. 1 ст. 162 ГК РФ).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что учет авторских прав посредством NFT для российского законодательства не существует, а существуют только те авторские права, которые передаются не с помощью блокчейна, а путем договорных отношений в рамках ГК РФ.

Наиболее близкой к NFT-токенам можно назвать категорию цифровых прав, поэтому российский законодатель может пойти по пути признания NFT одной из их разновидностей. По своей сути цифровые права – цифровые записи в системе распределенного

реестра, заверяющие права держателя на тот или иной объект. Несомненно, невзаимозаменяемые токены отвечают такой характеристике.

Таким образом, в России NFT-токены, выпущенные на отечественных цифровых площадках, могут относиться к категории иного имущества и имеют такой же правовой статус, как и криптовалюта, до принятия специального законодательства. Если же NFT был выпущен на зарубежных платформах, то он автоматически выходит из-под действия норм российского законодательства. Поэтому в спорных ситуациях при отсутствии дополнительных доказательств у владельцев таких токенов возникнут затруднения в защите своих прав на соответствующие объекты.

Подытожив, можно сказать, что на примере NFT можно заметить, что действующее гражданское законодательство не содержат универсальных норм, которые бы регулировали цифровую сферу в целом. Из-за этого возникают трудности в классификации как самих объектов, так и возникающих новых правоотношений. Поэтому целесообразным является введение легальных определений для категорий цифровой сферы в гражданское законодательство. Это бы позволило уже непосредственно применять законодательство о вещном праве для обеспечения более стабильного оборота внутри цифрового пространства.

Список литературы:

1. Market Overview // NonFungible. – URL: https://nonfungible.com/market/history (дата обращения: 14.02.2022).

2. NFTs Overview // DappRadar. – URL: https://dappradar.com/nft (дата обращения: 14.02.2022).

3. Цыгулева, М.В. Первый опыт реализации цифровых изображений произведений из собрания музея и передачи прав на них с использованием невзаимозаменяемых токенов / М.В. Цыгулева // Имущественные отношения в РФ. – 2021. – № 9 (240). – С. 84-95.

4. Долматов, А.В. Особенности и проблемы правового регулирования приложений на основе распределенных реестров / А.В. Долматов, Е.А. Долматов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: VIII Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2021 года. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – С. 72-77.

5. Емельянов, Д.С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования / Д.С. Емельянов, И.С. Емельянов // Имущественные отношения в РФ. – 2021. – № 10 (241). – С. 71-76.

6. Шевчук, С.С. Объекты гражданских прав: учебное пособие / С.С. Шевчук, А.Е. Толстова; Санкт-Петербургская юридическая академия. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 212 с.

7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5118.

8. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2018. – № 31. – Ст. 4418.

САВЕЛЬЕВА Алина Викторовна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студентка;
lina.krasovskix@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Проблемы, возникающие в области законодательного регулирования антиконкурентных соглашений, на сегодняшний день являются достаточно актуальными. В антимонопольной практике вопросы предотвращения сговоров и согласованных действий занимают едва ли не самое важное место, так наиболее благоприятного развития рынок достигает в условиях здоровой конкуренции.

Ключевые слова: *антимонопольное законодательство, современная рыночная экономика, конкуренция, Федеральная антимонопольная служба, Российская Федерация.*

На сегодняшний день рынок рассматривается как саморегулирующая структура, самостоятельно настраивающаяся на оптимальный режим функционирования. Однако в реальности всегда существует опасность превращения закрытого рынка в монополистический, а такой рынок всегда работает крайне неэффективно. Как правило, сам по себе рынок не может справиться с такой ситуацией, поэтому для поддержания на рынке конкурентной среды, необходимо вмешательство государства. В антимонопольной практике вопросы предотвращения сговоров и согласованных действий занимают едва ли не самое важное место. История развития мировых экономических систем показала, что наиболее благоприятного развития рынок достигает в условиях здоровой конкуренции.

Антиконкурентным соглашением (сговором) в юридической литературе называется форма монополистического объединения хозяйствующих субъектов, результатом которого является их противоестественное взаимовыгодное сотрудничество вместо ожидаемого потребителями соперничества между ними. Это может привести к негативным последствиям, таким как, искусственный рост

цен, сокращение ассортимента товаров, отсутствие у хозяйствующих субъектов мотивов для развития, внедрения инноваций, создание барьеров для входа на рынок новых участников [7, с. 25].

Современная рыночная экономика, основанная на принципах свободы договора и добросовестной конкуренции, является весьма уязвимой в случае заключения конкурентами на товарном рынке соглашений, которые реализуются не в интересах потребителей и приводят к ограничению конкуренции.

Антимонопольное законодательство представляет собой систему правовых актов в странах с рыночной экономикой, направленных на поддержание конкурентной среды, противодействие монополизму и недобросовестной конкуренции [9, с. 3].

Все соглашения, в отношении которых антимонопольным законодательством предусмотрены запреты, можно условно разделить на следующие виды:

– горизонтальные соглашения (картели) – соглашения между конкурентами, работающими на одном рынке, создаваемые с целью ограничения конкуренции, обмана потребителей и извлечения сверхприбылей;

– ценовой картель – соглашение между конкурентами о единообразных манипуляциях с ценами;

– сговор на торгах – соглашение между хозяйствующими субъектами об условиях победы на торгах;

– раздел клиентов и рынков – это соглашение между хозяйствующими субъектами о распределении между собой клиентов, территорий, объемов продаж или закупок, ассортимента реализуемых товаров;

– вертикальные соглашения – соглашение между хозяйствующими субъектами, которые не конкурируют между собой, один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом;

– конгломератные соглашения – это соглашения между хозяйствующими субъектами, которые не конкурируют между собой, и осуществляют деятельность на разных товарных рынках.

Первый антимонопольный закон был принят в США в 1890 году (закон Шермана). С конца XIX века такие законы стали приниматься и в других странах с развитой рыночной экономикой (Канаде, Австралии и др.). Эти законы дополнялись, все более ограничивая власть монополий над потребителем, их господство в производстве и на рынке. Однако закон Шермана впоследствии был дополнен рядом других нормативных актов, в частности, законом Крейтона 1914 года и Законом о Федеральной торговой комиссии 1914 года. В начале 1920-х годов антимонопольное законодательство в странах Запада сформировалось окончательно как антитрестовское законодательство [9, с. 3]. После Второй мировой войны его приняли многие страны мира.

Антитрестовские положения содержатся, например, в Римском договоре 1957 года о создании ЕЭС [1]. Законодательство о создании Европейского Союза запрещает «согласованные действия», отличающиеся от соглашений как таковых. Данный термин не был

изначально определен в Римском договоре, его правовое содержание определялось в решениях суда.

Основные принципы антимонопольного законодательства сводятся к ограничению деятельности монополий в области установления монопольных цен, раздела рынка на сферы влияния, находящиеся полностью под контролем крупных монополистов, запрещения действий монополистов, ограничивающих конкуренцию.

Различают две системы антимонопольного законодательства: американскую (принятую также в Японии) и европейскую (действующую и в некоторых африканских странах). Наиболее разработанной и строгой из них считается американская система. Она запрещает не только тресты и другие объединения, направленные на ограничение торговли между штатами, сдерживание конкуренции, диктат над рынком и потребителями, но также использование в конкурентной борьбе нечестных методов. В европейской системе антимонопольное законодательство запрещает не саму монополию как таковую, а злоупотребление монопольной властью. Оно исходит из того, что крупные монополистические объединения полезны для развития национальной экономики.

Несмотря на то, что антимонопольное законодательство Российской Федерации имеет уже практически двадцатилетнюю историю, применение запретов на антиконкурентные соглашения не имеет такой богатой практики, как, например, реализации запретов на злоупотребление доминирующим положением или недобросовестную конкуренцию. Активное применение антимонопольными органами ФАС в последние годы ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) и формирование судебной практики в этой сфере породило широкую дискуссию как о сфере действия запретов в отношении антиконкурентных соглашений и согласованных действий, так и о порядке их пресечения антимонопольными органами [2].

При этом отличительной чертой российского законодательства о защите конкуренции является установление в нем норм о недопустимости антиконкурентного поведения органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц. Однако это не означает, что российской экономике не присущи эти опасные тенденции монополистической деятельности на товарных рынках [8, с. 25].

Ст. 6 Закона о защите конкуренции также запрещает антиконкурентные соглашения, но борьба с ними отодвинута как бы на второй план. На первый план, учитывая чрезвычайно высокую монополизацию в России производства и торговли, выдвигается в ст. 5 о борьбе со злоупотреблением монополистами их доминирующим положением.

В соответствии с российским законодательством и правоприменительной практикой выделяют следующие три основные модели антиконкурентного поведения ассоциаций:

1. Координация экономической деятельности участников ассоциации (без возникновения антиконкурентных соглашений между участниками ассоциациями и третьими лицами), что недопустимо в силу ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

2. Координация экономической деятельности участников ассоциации одновременно с возникновением «горизонтальных» соглашений между участниками ассоциации: о ценах, об участии в торгах, разделе рынка, создании дефицита и бойкоте, что недопустимо в силу ч. 1 и 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

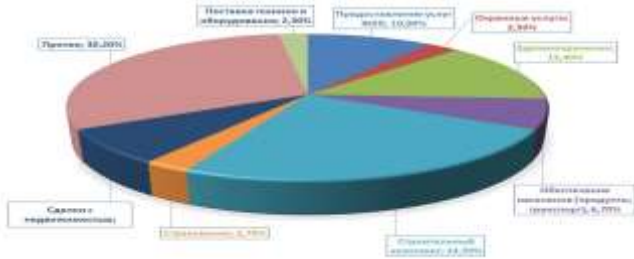
3. Координация экономической деятельности участников ассоциации одновременно с возникновением соглашений между ассоциацией и третьими лицами. [6, с. 2].

Рассмотрим на практике примеры моделей антиконкурентного поведения ассоциаций.

1. Типичным примером «первой модели» выступают действия Ассоциации «Управляющие и эксплуатационные организации в жилищно-коммунальной сфере», рассмотренные Комиссией Управления Федеральной антимонопольной службы по Волгоградской области в рамках дела № 14-01-11-368 о нарушении антимонопольного законодательства. Ряд граждан обратились в адрес Управления с заявлениями, указывающими на признаки нарушения антимонопольного законодательства. Заявители указали, что с 2013 года все управляющие организации г. Волжского стали отказываться от функций исполнителя коммунальных услуг в части расчетов с ресурсоснабжающими организациями за коммунальные ресурсы, поставленные по договорам ресурсоснабжения, и организовывать работу по переводу всего жилого фонда города на непосредственный способ управления.

2. «Вторая модель» антиконкурентного поведения была рассмотрена в деле № 2/А-11-2009 о нарушении антимонопольного законодательства Управления Федеральной антимонопольной службы по Кемеровской области. Членами Алкогольного союза «Гарантия качества» было заключено соглашение о систематизации деятельности по оптовой торговле организаций, являющихся членами Союза. Союз незаконно координировал экономическую деятельность своих членов и контролировал одновременно реализацию антиконкурентного соглашения.

3. Иллюстрацией «третьей модели» является прецедентное дело об импортерах пангасиуса, рассмотренное Комиссией Федеральной антимонопольной службы. По итогам рассмотрения дела Комиссия ФАС России пришла к выводу, что российские предприятия-импортеры пангасиуса заключили антиконкурентное соглашение (картель), которое привело к установлению цен на пангасиус, разделу товарного рынка по объему продажи и покупки товара, составу продавцов и покупателей. Ассоциация производственных и торговых предприятий рыбного рынка координировала деятельность картеля. В ходе рассмотрения дела было установлено, что Ассоциация в интересах участников картеля заключила антиконкурентное соглашение с Управленческим комитетом Вьетнама по экспорту пангасиуса на российский рынок [6].

Статистика антиконкурентных соглашений 2015-2016 годов по данным, взятым за основу с доклада «О состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год» [5].

При этом данные статистики не в полной мере отражают те процессы, которые происходят в сфере картелизации экономики и государственных закупок [3, с. 86].

Необходимо отметить, что антиконкурентные соглашения имеют место быть и по сей день. Ежегодно Федеральная антимонопольная служба России выявляет многочисленные антиконкурентные соглашения, которые противоречат Федеральному закону о защите конкуренции.

На наш взгляд, изменению такой ситуации могло бы содействовать проведение ряда мер: во-первых, увеличение в антимонопольных учреждениях пропорции юристов, во-вторых, предоставление российским судам большей свободы в толковании и применении наших антимонопольных актов.

Первая мера необходима потому, что в российских антимонопольных органах юристы, как правило, в меньшинстве, в то время как в США и странах ЕС они обычно в подавляющем большинстве. Такая разница сказывается на качестве работы наших органов. Для увеличения доли юристов необходимо дальнейшее расширение преподавания антимонопольного права в российских вузах, причем в качестве обязательного предмета.

Вторая мера оправдывается в значительной мере тем, что российские антимонопольные акты при всех их достоинствах далеки от совершенства и лучше всего они могут быть истолкованы и применены судами, где юристы обычно наиболее квалифицированны.

На наш взгляд, есть необходимость ужесточения наказаний, применяемых судами по отношению к нарушениям по данным соглашениям, т.к. без здоровой конкуренции невозможно говорить о рыночной экономике, и поэтому необходимы эффективные методы борьбы с антиконкурентными соглашениями.

Список литературы:

1. Римский договор от 25 марта 1957 года (вступил в силу 1 января 1958 г.) // URL: https://bigenc-ru.turbopages.org/turbo/bigenc.ru/s/world_history/text/3510148 (дата обращения: 02.03.2022).

2. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // URL: http://allstatepravo.ru/konkurentnoe-pravo/statii-po-konkurentnomu-paravu/1399-antimonopolnoe-zakonodatelstvo-v-rf.html (дата обращения: 05.03.2022).

3. Бородушко, И.В. Малый бизнес в России: актуальные проблемы и вопросы правового регулирования / И.В. Бородушко // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2014. – № 1 (22). – С. 86-91.

4. Доклад «О состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год». – М., 2017. – 655 с. // URL: https://m.newsru.com/finance/27jul2006/fasopsos.html (дата обращения: 26.02.2022).

5. Зыкова, В.П. Экономика: учебное пособие / В.П. Зыкова. – Краснодар: Качество, 2007. – 56 с. // URL: http://studopedia.su/14 170632 antimonopolnoe-zakonodatelstvo.html (дата обращения: 06.03.2022).

6. Методология педагогического исследования: лекция по конкурентному праву. – М., 2012. // URL: https://studopedia.su/1 36627 ponyatie-antikonkurentnogo-soglasheniya.html (дата обращения: 03.03.2022).

7. Пузыревский, С. Антиконкурентные соглашения и согласованные действия / С. Пузыревский. – 2015. // URL: http://www.cljournal.ru/nomer03/66.html (дата обращения: 05.03.2022).

8. Толоконников, А.Н. Правовая защита конкуренци в Европейском союзе / А.Н. Толоконников. – М., 2007. – 200 с. // URL: https://lawbook.online/evropeyskoe-pravo-uchebnik/soglasheniya-soglasovannyie-deystviya-15423.html (дата обращения: 09.03.2022).

9. Энциклопедический словарь: антимонопольное законодательство – 2010 // URL: https://dal.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/306649 (дата обращения: 05.03.2022).

СЕРИКОВА Вера Анатольевна,
Северо-Кавказский федеральный университет, аспирант;
vera.serickova@yandex.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТКАЗА ОТ ПРАВА В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье характеризуются отдельные аспекты правового регулирования института отказа от права в зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: *отказ от права (waiver), принцип справедливости, договорное право, принцип отказа от права (concept of waiver), эстоппель.*

Наиболее проработанной, а потому представляющей повышенный интерес для исследования, является доктрина отказа от права (waiver) в английском и американском праве. Многие российские авторы акцентируют внимание на устоявшемся характере «waiver», его судебной проработанности и считают, что англо-американская концепция «waiver» заслуживает рецепирования российским правом. Так, например, Т.С. Бойко считает, что «в англосаксонской системе отказ от права представляет собой самостоятельный институт, который детально разработан и описан в доктрине на основе подходов, выработанных судами на протяжении уже не одного десятка лет» [1, с. 135].

В то же время английская и американская доктрины, напротив, не столь радужны при оценке концепции «waiver». Так, профессор Оксфордского университета Andrew Burrows считает, что следует избегать путаницы термина «waiver», поскольку им обозначается слишком много совершенно различных ситуаций. А профессор университета Дюкейн (Пенсильвания, США) John Edward Murray после анализа практики применения waiver'a и смежных с ним механизмов отмечал, что стоило бы лишь приветствовать исчезновение в третьем тысячелетии понятия «waiver» из юридического словооборота, но в то же время признавал, что оно, «к сожалению», имеет все шансы в нем остаться [2, с. 52].

Обращает внимание межотраслевой характер англо-американского «waiver», используемого и процессуальными правовыми образованиями – уголовный и гражданский процесс, и материальными отраслями – трудовое право, гражданское право (в частности, вещное право, договорное право, деликтное право). Соответственно, отказ от права в различных отраслях не может соответствовать общим требованиям: в каждом правовом образовании «waiver» имеет свою специфику. В связи с изложенным перед зарубежной доктриной стоит задача формирования целостной концепции отказа от права, а также доктринального обоснования того, почему судами в различных ситуациях для оценки допустимости waiver'a используются различные стандарты.

Конечно же, зарубежная правовая наука старается решить обозначенные задачи, предлагая различные концепции. Так, идея Edward L. Rubin основывается на том, что субъективные права суть элементы, придающие общественным отношениям некую структуру. Тем не менее, в ряде случаев более целесообразным, чем реализация права, является отказ от субъективного права. В качестве примера Edward L. Rubin рассматривает ситуацию отказа от права лица на обращение с иском в рамках гражданского судопроизводства с выплатой ему контрагентом денежной компенсации. Размер денежной компенсации определяется исходя из размера возмещения, обычно присуждаемого за аналогичные нарушения, за вычетом судебных расходов. Итогом является экономия у обеих сторон. Однако основным критерием допустимости waiver'a является установление сторонами альтернативного механизма структурирования правоотношения при отказе от права. В целом использование конструкции waiver'a допустимо лишь при достижении результата близкому к тому, к которому бы пришел суд, разрешая дело. Таким образом, waiver

возможен, если характер и вид правоотношения это позволяет. Изложенное позволило автору прийти к выводу об отсутствии универсальных критериев waiver для всех отраслей [3, с. 87].

Отказ от права как самостоятельный правовой механизм сформировался в англо-американской правовой системе и явился важнейшим договорным элементом, который позволяет в первую очередь минимизировать негативные последствия правовой неопределенности, которую могут создавать заявления или действия одной из сторон договорных отношений. Являясь частью договорного права, тем не менее, отказ транслирует принципы права справедливости в систему общего права.

В общепринятом понятии отказ (waiver) представляет собой добровольный и преднамеренный отказ от известного права, преимущества, привилегии, отказ от права подачи иска или иного дополнительного права. Отказ совершается правоспособным субъектом в отношении права, наличие которого для него известно, с целью лишиться выгод, извлекаемых из этого права. Во многих судебных решениях происходит смешение доктрины отказа и эстоппеля, которые используются в некоторых ситуациях как взаимозаменяемые элементы (там, где нет возможности применить договорный механизм, используются принципы права справедливости) [4, с. 32].

Если попытаться выделить общие признаки отказа от права, которые сформировались в судебной практике, то к ним относятся следующие: односторонний характер отказа, который не предполагает действий стороны, в чью пользу он совершается; отказ чаще всего предполагает явное, недвусмысленное действие стороны, которая в форме, не вызывающей сомнений, демонстрирует свою цель – отказаться от права; защитный характер механизма отказа от права, который направлен на минимизацию негативных последствий, вызванных непоследовательным поведением субъекта, который отказывается от права.

Принцип отказа от права (concept of waiver) предполагает, что стороне, которая отказалась от определенных прав по договору на определенный период времени, может быть отказано в принуждении исполнить соглашение другой стороной в соответствии с первоначальным текстом договора [5, с. 97]. Одним из самых наглядных примеров действия механизма отказа от права является подход, отраженный в деле Hartley v. Hymans, в котором поставщик направил запрос разрешить поставку товара в сроки, более поздние, чем предусмотренные контрактом. Покупатель согласовал данную поставку, однако впоследствии покупатель отказался принять товар, ссылаясь на нарушение сроков поставки. Действие механизма отказа от права в данном случае предполагает сохранение за поставщиком права на возмещение убытков, несмотря на поставку за пределами срока, предусмотренного в договоре, а покупатель, обещавший согласовать позднюю поставку, во-первых, лишается права ссылаться на нарушение условий договора в этой части, во-вторых, лишается права на компенсацию за несвоевременную поставку [6, с. 98].

Это классический пример отказа от права, сформированный еще в начале XX в. и, возможно, самый простой с точки зрения его

правовой идентификации. Развитие договорных моделей, очевидно, приводит к эволюционированию и защитных договорных механизмов, в том числе отказа от права, и в настоящее время выделено несколько видов отказа со своими индивидуализирующими признаками и элементами. Необходимо отметить, что доктрина относит отказ от права к частным проявлениям доктрины права справедливости (equitable doctrine) и дискреционной доктрины или доктрины действия по своему усмотрению (discretionary doctrine). Это приводит к тому, что отказ от права, применяемый судами общего права, используется судами лорд-канцлера. Здесь важно отметить, что отказ не постоянен с точки зрения своего правового эффекта, с течением времени он также изменяется. Действия, направленные на отказ от права, оснований для ответственности не создают и направлены на реализацию только защитных функций данного правового механизма. Следует отметить наличие специального периода или вневременных ограничений, которые действуют на возможность стороны, во-первых, использовать свое право, во-вторых, отказать от него и, в-третьих, попытаться восстановить утраченное право [7, с. 30].

Ключевыми элементами отказа от права, анализ которых необходим для описания правового механизма waiver, являются субъектный состав, условия отказа, форма отказа, действие и правовой эффект (правовое последствия) отказа от права.

Определить субъектный состав waiver – означает выявить круг лиц, которые имеют право отказаться от своих прав. По общему правилу отказаться от права может только лицо, имеющее правомочие получить и осуществить это право. Для физических лиц отказаться от права – это достижение совершеннолетия либо наличие подтвержденных правомочий, позволяющих действовать от имени другого лица.

Однако участие субъекта в специальных правоотношениях или квалификации стороны в правоотношении, как «слабой», несколько нивелирует вышеобозначенное общее правило. Общераспространенной позицией зарубежной доктрины является отнесение к слабой стороне потребителей – физических лиц и субъектов, вступающих в правоотношение без возможности согласования условий сделки (российский аналог – публичный договор или договор присоединения). «Специальные правила, регламентирующие отказ от права для таких договорных моделей, отсутствуют, однако выведение за пределы регулирования таких правоотношений принципами и правилами договорного права (contract law) осуществляется путем закрепления специальных механизмов и средств правовой защиты для слабой стороны в нормативно-правовых актах» [8, с. 64].

Еще одна рассматриваемая категория «специальных» правоотношений связана в первую очередь с наследственными и семейными обязательствами. Так, представитель лица или наследник может отказаться от права на конфиденциальность переписки умершего с его адвокатами или отказаться от законодательных ограничений в отношении оплаты долгов умершего с истекшим сроком исковой давности. Запрет на отказ от права установлен в отношении всех прав ребенка или существенных прав душевнобольной стороны и

действует на неограниченный круг лиц, включая генеральных опекунов и попечителей. В гражданском процессе истец по основному предмету иска не может своим отказом отказаться от прав, приобретенных сторонами, подававшими производный иск. Основной принцип, действующий в рамках процесса с множественностью лиц, а именно отказ одного из участников процесса от своих процессуальных прав не влечет отказа от прав другим участником процесса (соответчиком или соистцом).

Отдельно в США регулируется вопрос отказа от своих прав штатами и другими государственными учреждениями. Общий принцип сводится к ограничению состава прав, от которых государственное образование может отказаться, а государственные служащие не имеют полномочий отказаться от применения права от имени государства или совершать иные косвенные действия, направленные на отказ государства или штата от своих прав.

Допустимость факта отказа от права напрямую связана с наличием необходимых и достаточных условий. Универсальными условиями, несмотря на специфику процедуры определения отказа в Англии и США (в том числе в отдельных штатах), являются (a) существование права; (b) знание права; (c) намерение стороны отказаться от права. Одновременное соответствие отказа от права этим требованиям обязательно для признания waiver действительным.

Право существует, поскольку лицо обладает субъективным правом, подлежащим защите и правом на предъявление иска. Если право основано на законе, оказаться от него можно только с момента легитимации права.

Знание права означает, что субъект на момент совершения отказа знал о существовании у него субъективного права.

Намерение стороны говорит о совершении субъектом таких действий, которые свидетельствуют напрямую или о его желании отказаться от права, или об одобрении таких действий контрагента, которые ведут к отказу от права.

Отказ от права может быть совершен в формах: (a) устной; (b) письменной; (c) путем совершения конлюдентных действий. Если отказ не зафиксирован документально, это не влечет его недействительности. О совершении отказа от права посредством поведения (конклюдентные действия) должно свидетельствовать явное намерение лица не сохранять право и отказаться от его реализации. Молчание или бездействие в течение длительного периода времени, явно превышающего разумный срок, также могут быть квалифицированы как отказ от права (подразумеваемый отказ).

Отдельную категорию подразумеваемого отказа составляют ложные заверения и гарантии, которые вводят противоположную сторону в заблуждение относительно планов по осуществлению своих прав. Очевидно, что установить подразумеваемый отказ значительно сложнее, поэтому судами предъявляются более высокие требования к доказательной базе сторон в случае утверждения подразумеваемого отказа. Истец должен доказать такие факты поведения со стороны ответчика, которые носят безусловный (однозначный) характер. Молчание в данном случае не рассматривается как подразумеваемый отказ от права до тех пор, пока у противоположной стороны не

появится обязанность сообщать определенную информацию, или молчание длится столь длительный период времени, что может демонстрировать только утрату права. Что касается бездействия, то права, которые являются основанием для совершения действия, не аннулируются бездействием самостоятельно. Бездействие рассматривается как намерение отказаться от права только при совокупности нескольких обстоятельств, в том числе бездействие и молчание в течение длительного срока, если реализация права должна быть осуществлена в определенный период времени.

Отказ от права работает таким образом, чтобы воспрепятствовать последующему утверждению права, от которого сторона отказалась, или требованию, основанному на нем. Иными словами, если своим поведением или словами сторона согласилась или заставила контрагента поверить, что она акцептует исполнение с просрочкой или исполнение, совершенное иным образом, чем предусмотрено в контракте, то она не вправе будет впоследствии отказаться от принятия такого исполнения.

Список литературы:

1. Бойко, Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы / Т.С. Бойко // Закон. – 2012. – № 3. – С. 133-145.

2. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

3. Власова, Е.Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правопорядках / Е.Д. Власова // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 85-97.

4. Беляева, К.К. Институт отказа от права в сравнительно-правовом контексте / К.К. Беляева // Вестник гражданского права. – 2017. – № 3. – С. 7-51.

5. Суслин, Э.В Актуальные проблемы договорного права: учебное пособие / Э.В Суслин, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 118 с.

6. Саркисян, А.В. Об отказе от права и его последствиях / А.В. Саркисян, Д.А. Новосельнов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 4. – С. 93-131.

7. Буркова, А.Ю. Waiver: отказ от прав в международной практике и как новелла российского законодательства / А.Ю. Буркова // Право и экономика. – 2015. – № 7. – С. 29-31.

8. Седова, Ж.И. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации / Ж.И. Седова, Н.В. Зайцева. – М.: Статут, 2014. – 159 с.

СМАГИН Евгений Игоревич,
Санкт-Петербургская юридическая академия», магистрант;
smagin_85@yandex.ru

ПОНЯТИЕ И СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

В статье рассматривается понятие и сфера применения медиативного соглашения.

Ключевые слова: *медиативное соглашение, договор, гражданско-правовая сделка, соглашение, материальное право, процессуальное право, процедура медиации.*

Медиативное соглашение представляет собой одно из оснований прекращения процедуры медиации. Однако считается, что его подписание – наиболее положительный результат, так как именно им производится оформление дальнейших взаимоотношений сторон, направленных на разрешение возникшего спора. Более того, медиативное соглашение в связи с его материальностью и требованиям к исполнимости гарантирует соблюдение сторонами договоренностей.

В Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] (далее – Закон о медиации) имеется определение понятия медиативного соглашения. Дефиниция сформулирована посредством перечисления основных признаков: статус соглашения: связанность с процедурой медиации; содержание договоренностей; форма.

Рассматриваемый результат проведенной процедуры назван соглашением, а не договором и даже не сделкой, тогда как именно последние в соответствии с гражданским законодательством выступают основаниями возникновения прав и обязанностей. Однако нельзя исключить это обстоятельство для соглашений, следует вспомнить, например, соглашение о разделе общего имущества или соглашение о защите прав. Естественно, возникшая терминологическая путаница порождена Законом о медиации.

Необходимо обратиться к ГК РФ, который, к сожалению, не содержит однозначного ответа на данный вопрос, а местами, наоборот, усугубляет сложившееся положение вещей. В ст. 420 ГК РФ закреплено понятие договора, которое определяется через понятие соглашения: «договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Создается впечатление об их синонимичности. Однако это неверно. Интересна позиция А.А. Демина о разграничении понятий договора и соглашения. Автор обращает внимание на тот факт, что первый всегда преследует определенное количество целей в зависимости от количества его участников, тогда при помощи второго стороны стремятся организовать какие-либо общие, а не встречные действия. Как правило, соглашение не оформляет основное обязательство, возникает обязательство производное, меняется

участник или обязательство прекращается. На основании вышеизложенного автор в своей работе делает вывод, что понятие соглашения шире понятия договора, а в рамках договора соглашение есть взаимное согласие сторон об обязательстве [2, с. 27]. Данная позиция позволяет объяснить употребление законодателем термина «медиативное соглашение». Следует учитывать, что в таком соглашении могут быть указаны действия только одной из сторон, например, дарение, а назвать это медиативной сделкой теоретически неверно.

Закон позволяет выделить два вида медиативных соглашений: заключенные по спорам до обращения в суд и после. Первый характеризует его как гражданско-правовую сделку, второй – относит к процессуальному праву.

Согласно Закону о медиации, медиативное соглашение, заключенное в целях урегулирования спора, возникшего из гражданских правоотношений, до обращения сторон в суд в силу своей материальной природы направлено на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. К нему применимы положения гражданского законодательства о новации, об отступном, об ответственности за неисполнение и другие. Норма, констатирующая данный факт, сформулирована так, что допускает неоднозначное толкование. Создается впечатление о возможности применения данных положений только на стадии исполнения медиативного соглашения. Но при его составлении допустимо внести в текст условие об отступном или новации, прощении долга. Следует согласиться с А.Н. Яковлевой в том, что в целях недопущения путаницы в рассматриваемом вопросе необходимо изменить норму, указав на возможность использования указанных положений гражданского законодательства как на стадии заключения медиативного соглашения, так и на стадии его исполнения [3, с. 4].

Если стороны подписали медиативное соглашение после проведения процедуры по спору, находящемуся на рассмотрении в суде, оно автоматически не становится элементом процессуального права и не считается вторым видом. Это будет иметь место только в случае утверждения третейским, общим или арбитражным судом медиативного соглашения в качестве мирового. При этом говорить о том, что именно медиативное соглашение приобретает процессуальный характер, на наш взгляд, неверно, так как при утверждении его в качестве мирового, оно трансформируется в него, приобретает совершенно другой статус. Этот новый статус и является основанием прекращения производства по делу в суде или вынесения третейским судом соответствующего решения, отражающего текст мирового соглашения. Таким образом, фактически медиативное соглашение с момента его утверждения судом теряет все свои свойства, утрачивает свое значение, тем самым отдавая свое содержание другому документу. Утвержденное судом мировое соглашение становиться элементом процессуального права, позволяющим прекратить производство по делу, вернуть половину уплаченной государственной пошлины, обратиться за выдачей исполнительного листа.

А.Н. Яковлева акцентировала внимание на необходимости выделения ещё одного вида [4, с. 97]. К нему должны относиться медиативные соглашения, заключенные после обращения к суду, не утвержденные им, но являющиеся надлежащим основанием завершения производства по делу. Это, например, может иметь место, когда стороны в таком соглашении укажут на отказ от иска на соответствующую сумму долга или на признание иска.

Но и в данном случае медиативное соглашение не приобретет процессуального характера. Суд вправе использовать медиативное соглашение только в том случае, если признает необходимость его утверждения в качестве мирового. В случае отказа от иска или признания исковых требований, суд примет данные ходатайства только в судебном заседании в письменном или устном виде и лишь после этого вынесет решение по делу. Медиативное соглашение, содержащее такие условия, будет считаться обычной сделкой. На его основании суд не сможет принять соответствующий судебный акт, особенно, если одна из сторон от этих условий в судебном заседании откажется.

Возникает вопрос о правовой природе медиативного соглашения. Следует отметить, что он носит дискуссионный характер. Одни авторы говорят о материально-правовой природе [5, с. 57], другие – о процессуально-правовой [6, с. 93], третьи акцентируют внимание на её смешанный характер [7, с. 35].

Считаем, что правовая природа медиативного соглашения имеет только материальный характер, в связи с чем выделение видов медиативных соглашений по данному критерию не представляется возможным. Необходимо подразделять медиативные соглашения на заключенные до обращения в суд и после по критерию обстоятельств обращения к процедуре. Последние, в свою очередь, следует разграничивать на подлежащие утверждению в качестве мировых, и на не подлежащие утверждению в качестве мировых.

Продолжая рассуждения о видах медиативных соглашений, следует обратить внимание на ст. 1 Закона о медиации, отражающую сферу действия закона. Из смысла данной нормы следует, что медиативное соглашение может быть заключено при наличии следующих обстоятельств: (а) спор возник из гражданских правоотношений, в том числе, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности; (б) спор возник из семейных правоотношений; (в) спор возник из трудовых правоотношений, за исключением коллективных трудовых споров; (г) имеется прямое указание в федеральном законе о возможности урегулирования спора посредством процедуры медиации; (д) спор рассматривается в порядке гражданского судопроизводства или судопроизводства в арбитражных судах; (е) спор не затрагивает и не может затронуть права и законные интересы других лиц, не участвующих в процедуре медиации; (ж) спор не затрагивает и не может затронуть публичные интересы.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что Законом о медиации установлены не только группы правоотношений, при возникновении споров по которым возможно применение процедуры медиации, но и обстоятельства, при которых

использовать данный способ урегулирования конфликтов недопустимо.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что заключить медиативное соглашение по спору, относящемуся к уголовно-правовой сфере или затрагивающему административно-правовые отношения невозможно. Соответственно, если споры подлежат рассмотрению или рассматриваются в рамках уголовного, административного или конституционного судопроизводств, к ним процедура медиации не применима, следовательно, заключить по ним медиативное соглашение недопустимо.

Некорректно сформулировано положение закона о том, что он не применим к спорам, в рамках которых могут быть затронуты права и законные интересы других лиц, не участвующих в процедуре. Исходя из буквального толкования данной нормы, следует, что недопустимо использовать процедуру по семейным спорам, например, о воспитании детей, так как в данном случае затрагиваются интересы несовершеннолетних, которые самостоятельно в споре не участвуют. Тогда как, согласно справке о практике применения процедуры медиации за 2019 год, данный вид споров следует вторым в рейтинге применения медиации к спорам, возникающим из семейных правоотношений.

В рамках рассматриваемого вопроса возникает сомнение о возможности применения процедуры к спорам, возникающим в рамках дел о банкротстве. В юридической литературе встречаются высказывания о том, что, хотя спор и вытекает из гражданских правоотношений, дело рассматривается в порядке судопроизводства в арбитражных судах, решение по нему может затронуть права и законные интересы третьих лиц. Однако судебной практикой данный вывод не поддержан, суды ссылаются на то, что споры о несостоятельности (банкротстве) из сферы действия закона не исключены [8].

Споры, которые могут быть урегулированы при помощи медиативного соглашения, могут возникнуть из гражданских, семейных и трудовых правоотношений. При этом закон устанавливает возможность расширения сферы его применения посредством прямого указания на это в другом федеральном законе. Следует отметить, что до настоящего времени данное положение использовано не было. Ни в один федеральный закон не внесена норма о возможности применения к тому или иному спору процедуры медиации.

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что как допустимо расширение сферы применения, так и исключение из нее. В законодательстве не содержится положений о невозможности урегулирования спора при помощи процедуры медиации. Однако указание на то, что, например, усыновление, признание безвестно отсутствующим, недееспособным возможно только по решению суда и исключает допустимость применения примирительных процедур, в том числе и медиации, к данным видам спора.

Заключить медиативное соглашение можно по спорам о защите прав потребителей, жилищным, земельным, наследственным, страховым, возникающим из имущественных, как договорных (взыскание долга), так и внедоговорных отношений (возмещение

вреда), и личных неимущественных отношений (защита чести, достоинства, деловой репутации), корпоративных, защите интеллектуальных прав, семейным, трудовым.

Таким образом, в законе содержится понятие «медиативное соглашение», позволяющее выделить основные его признаки: статус соглашения; связанность с процедурой медиации; содержание договоренностей; форма. На наш взгляд, природа медиативного соглашения имеет только материально-правовой характер. Процесс применим при утверждении его в качестве мирового, но уже на тот момент времени медиативное соглашение утрачивает свой статус, передавая свое содержание другому документу. Медиативные соглашения можно подразделить на виды в зависимости от критерия обстоятельств их заключения и сферы применения. Согласно первому критерию, следует выделить медиативные соглашения, заключенные до обращения в суд и после. В рамках вторых необходимо разграничивать те, которые подлежат утверждению в качестве мировых, и те, которые хотя и не подлежат утверждению, но выступают основаниями прекращения спора по делу. По критерию сферы применения следует выделить медиативные соглашения, заключенные по гражданским правоотношениям, по семейным правоотношениям, по трудовым, а также непосредственно связанным с ними правоотношениям.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

2. Демин, А.А. Договор и соглашение: соотношение понятий / А.А. Демин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. – 2 (78). – С. 25-34.

3. Яковлева А.Н. Правовой режим медиативного соглашения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Яковлева. – М., 2016. – 28 с.

4. Яковлева, А.Н. Влияние принципа добровольности на возможность принудительного исполнения медиативного соглашения / А.Н. Яковлева // Вестник исполнительного производства. – 2016. – № 2. – С. 94-99.

5. Толстова, А.Е. Медиативное соглашение как гражданско-правовая сделка / А.Е. Толстова // Вестник Санкт-петербургской юридической академии. – 2020. – № 4 (47). – С. 56-62.

6. Загайнова, С.К. Соотношение медиативного и мирового соглашений: актуальные вопросы судебной практики / С.К. Загайнова // Российский юридический журнал. – 2018. – № 5. – С. 92-96.

7. Илюшина, М.Н. Актуальные вопросы нотариального сопровождения медиативного соглашения / М.Н. Илюшина // Гражданское право. – 2020. – № 3. – С. 34-38.

8. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2021 № 06АП-3146/2021 по делу № А73-822/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

СМИРНОВА Диана Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
grandediana@bk.ru

СПЕЦИФИКА ДОГОВОРА ПОДРЯДА

В статье рассматриваются особенности договора подряда и его нормативно-правовое регулирование Гражданским Кодексом РФ.

Ключевые слова: *предпринимательский договор, договор подряда, правовой институт, подряд, договор, законодательство, правовые нормы.*

Усложнение хозяйственных связей напрямую влияет на всю предпринимательскую деятельность и систему взаимоотношений между предпринимателями, а также предпринимателями и частными лицами. Все это приводит к возникновению новых видов договоров. Именно так в свое время произошло с договором подряда, который является одной из старейших форм деловых соглашений в российской экономической жизни.

Как пишет об этом А.А. Гогин, исторической датой возникновения договора подряда считается 27 декабря 1714 г. Именно тогда был официально закреплен его статус Именным указом Петра I «О подрядах» [5, с. 41]. Главной особенностью данного законодательного документа было то, что он устанавливал обязательную отчетность по заключенным обязательствам выполнения поставки товаров и произведенных работ для государственных нужд. За более чем трехсотлетнюю историю своего существования он, конечно, претерпел определенные изменения. Однако неизменным остается то, что договор подряда продолжает быть одним из самых востребованных предпринимательских договоров.

На данный момент времени основным документом, регламентирующим данный правовой институт, является ГК РФ, в котором договору подряда уделено 67 статей гл. 37. Глава 37 не содержит в себе исчерпывающего перечня всех возможных соглашений подобного типа, так как в перспективы возможно возникновение каких-либо иных форм договора подряда, которые ранее не практиковались. По большинству юридических критериев данные нормы отвечают запросам складывающихся рыночных отношений, основывающихся на п. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой гарантируется не только свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, но также и свобода экономической деятельности [2, с. 28].

Легальное определение договора подряда содержится в ст. 702 ГК РФ, в соответствии с которой при договоре подряда одна из сторон (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его. По своей правовой конструкции договор подряда признается возмездным (подразумевает взимание оплаты за его исполнение), консенсуальным

(вступает силу только после согласования всех существенных условий) и двусторонним (правами и обязанностями наделяются обе стороны).

В отдельные виды договора подряда выделены бытовой подряд, строительный подряд, подряд на выполнение проектных и изыскательских работ, подрядные работы для государственных нужд. Ключевой особенностью всех видов договора подряда является то, что они не являются шаблонными, статичными договорами. Они относятся к категории так называемых «живых» сделок, что подразумевает под собой динамичное взаимодействие между его субъектами на всем протяжении исполнения. Сторонами подрядного договора по отечественному законодательству могут выступать не только юридические, но и физические лица [3, с. 54].

Важно отметить, что договор опирается на принцип подряда, закрепленный в ст. 706 ГК РФ. Это означает, что привлеченные третьи лица для исполнения автоматически будут являться субподрядчиками, а подрядчик будет иметь статус генерального подрядчика [4, с. 93]. Помимо этого, сам заказчик по согласованию с генеральным подрядчиком имеет право заключать прямые договоры для выполнения каких-либо работ, то есть заключать договоры с другими лицами. Все стороны, вовлеченные в такие взаимоотношения, несут друг перед другом полную ответственность.

Договор подряда, как и любой другой предпринимательский договор, обладает обязательными условиями, которые определяют его сущность, а также права и обязанности сторон. Среди существенных условий необходимо выделить следующие: предмет, сроки, а также условия, выдвигаемые одной из сторон в целях выполнения определенной работы или действий. Только при согласовании всех существенных условий между субъектами договор признается заключенным, в противном случае он будет являться ничтожным. На практике такие ситуации возникают, к сожалению, достаточно часто, что приводит к судебным спорам.

Важнейшим существенным условием договора на выполнение работ выступает предмет, поэтому его необходимо согласовывать. Как следует из определения договора подряда, приведенного выше, его предметом является создание подрядчиком какого-то продукта, вещи (строительство дома, бурение скважин, металлических конструкций), обработка вещи (покраска автомашины), либо достижение определенного результата в интересах заказчика [5, с. 45]. Таким образом, результатом является создание новой вещи или увеличение потребительской ценности существующей вещи.

Значение также имеет цена, которая может быть определена на основании сметной документации. Она должна быть предельно подробной и включать в себя все возможные составляющие (затраты на оплату труда работников, стоимость материалов, инструмента, машин, механизмов и т.д.). Если смета составлена грамотно и учитывает все планируемые затраты (или по крайне мере, большинство из них), то в таком случае расхождение проектной стоимости от реальной по завершении работ будет незначительным. Для составления смет разработано достаточное количество методик, основной из которых является Методика определения стоимости строительной продукции на территории Российской Федерации [6].

Нормы ГК РФ устанавливают необходимость обозначения в договоре начального, промежуточного и конечного сроков исполнения хода работ. Это сделано для того, чтобы обезопасить договор подряда за счет наличия дополнительного контроля заказчиком исполнителя. Тем не менее, этот пункт можно опустить при отсутствии в нем необходимости или невозможности заказчиком осуществлять контроль.

Как уже выше упоминалось, договор подряда является двусторонним, поэтому каждая из сторон наделяется собственными правами и обязанностями. Субъекты несут ответственность за надлежащее выполнение обязательств. Так, обязанность подрядчика заключается в предупреждении заказчика обо всех обстоятельствах, препятствующих нормальному выполнению работы и оказывающих влияние на их качество и срок завершения. Обязанностью заказчика является принятие соответствующих мер (дача указаний, замена материалов и пр.) для устранения возникших затруднений. Подрядчик вправе требовать оплаты выполненной работы даже за непригодный результат, если причиной послужили некачественные материалы заказчика, не обнаруженные при их приемке. Также обязанностью заказчика является в установленном в договоре порядке и сроке осмотреть и принять результат работ, произвести оплату труда. ГК РФ предполагает ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами своих обязательств в виде штрафа, неустойки, пени и удержания. Убытки и упущенная выгода возмещаются независимо от наличия указанных положений в договоре. Необходимо подчеркнуть, что при возникновении форс-мажорных обстоятельств субъекты освобождаются от ответственности.

Значительной трудностью для правовой системы является необходимость отграничения договора подряда от смежных сделок. Так, он имеет сходство с договором купли-продажи, возмездного оказания услуг, трудовым договором, договором поставки [7, с. 23].

Например, для отграничения подряда и договора об оказании услуг необходимо в качестве критерия рассматривать действие и результат, так как в услугах действие и его результат неотделимы друг от друга, а в работах отделимы. Поэтому, когда оказывается услуга, то фактически продается не результат как таковой, а совершенные для его реализации действия.

На практике не менее трудно разграничить также договор подряда и трудовой договор, хотя между ними и имеются существенные отличия. Определяющую роль играет именно осуществление трудовой деятельности, что влечет и разницу в оплате труда. Так, по трудовому договору оплата будет производиться за процесс ее выполнения как таковой, а не за фактическую работу, как в договоре подряда. Кроме того, для подрядных работ могут приглашаться субподрядчики, а трудовой договор требует только личного исполнения. Современные работодатели могут прибегать к умышленному применению иных гражданско-правовых договоров (договор подряда, возмездного оказания услуг, агентский договор), что напрямую запрещается ст. 59 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [8].

Для дифференциации договоров подряда и поставки необходимо обратиться к самому предмету договора. В первом случае – это изготовление индивидуально определенного изделия, а во втором – имущество, характеризуемое родовыми признаками. Условия договора подряда определяют взаимоотношение сторон во время производства работ, а при поставке значение имеет передача товара (предмета договора) покупателю.

В целом важно отметить, что очень часто договор подряда тесно переплетается с иными договорами, что приводит к правовым коллизиям. Во избежание данных ситуаций критически значимо выработать четкие критерии отграничения одного от другого, которые сейчас в юридической практике отсутствуют. Особенно это важно с учетом того, что развитие предпринимательских правоотношений предполагает и одновременное развитие законодательства, чтобы правовое регулирование соответствовало запросам современного общества. Поэтому на данном этапе остро назрела потребность внесения необходимых поправок в законодательство.

Таким образом, среди гражданско-правовых договоров наиболее востребованным является договор подряда. Данный вид договора является консенсуальным, возмездным и взаимным. Существенными условиями являются предмет и сроки выполнения работ. Согласование предмета подразумевает необходимость определения содержания, объема и результата выполняемых работ. Договор подряда имеет схожие черты с другими гражданско-правовыми конструкциями, что вызывает трудности в отграничении от трудового договора (разница оплате, которая производится за сам процесс работы, а не за результат как в подряде); от договора поставки (отличие в предмете договора) и от договора о возмездном оказании услуг (при оказании услуги продаются действия, приведшие к результату, а не сам результат).

Список литературы:

1. Гогин, А.А. Договор подряда: историко-правовые периоды становления, развития и современного состояния / А.А. Гогин, А.Н. Федорова // Основы управления, экономики и права. – 2021. – № 2 (27). – С. 38-44.

2. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

3. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.

4. Гринштейн, А.И. К вопросу о содержании договора подряда по законодательству Российской Федерации / А.И. Гринштейн. – 2020. – № 44. – С. 92-98.

5. Суслин, Э.В Актуальные проблемы договорного права: учебное пособие / Э.В Суслин, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 118 с.

6. Приказ Минстроя России от 04.08.2020 № 421/пр «Об утверждении Методики определения сметной стоимости строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов

капитального строительства, работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Степанова, И.Р. Вопросы разграничения договора подряда от иных видов договоров / И.Р. Степанова, М.В. Сербин // Трибуна ученого. – 2019. – № 4. – С. 21-26.

8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.00.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

СТРОКОВА Анастасия Сергеевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
nastya_sova96@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАКАЗАНИИ ЗА КРАЖУ

В статье описан путь установления ответственности и наказания за кражу.

Ключевые слова: *кража, ответственность за кражу, история, наказания за кражу.*

Уголовное право различных эпох и народов всегда уделяло должное внимание охране собственности от преступных посягательств, поскольку собственность существовала в любом историческом обществе. Однако вопросы охраны имущественных отношений разрешались законодателем всегда по-разному. В 2021 году кражи собственности, хотя и уменьшились на 2,4% по сравнению с 2020 годом, но, тем не менее, продолжают оставаться в числе основных противоправных деяний, обращающих на себя внимание общества [5].

В процессе применения наказания происходит соотнесение масштаба кары с масштабом нанесенного вреда, либо создаваемой опасности его нанесения, и ценностью блага, на которое совершено посягательство [2, с. 85].

Наказание за кражу прошло долгий путь исторического развития. В договоре между Русью и Византией 911 года вор должен был не только вернуть украденное, но и оплатить стоимость похищенного в качестве наказания [4]. Причем, оплата иногда составляла двойной или даже тройной размер от похищенного.

Усиление ответственности за кражу происходило за кражу из посада, церкви или за повторную. Избные, земские наказы наказанием за повторные кражи устанавливали смертную казнь. Согласно нормам Русской Правды, ночная кража считалась наиболее опасной. Вора в этом случае можно было убить при поимке на месте преступления.

В последующем наказанием за кражу были битье кнутом с отрезанием левого уха, 2 года в тюрьме с изъятием его имущества (по Соборному Уложению 1649 года), смертная казнь (в случае

квалифицированных видов кражи), предусматривалось наказание и в виде членовредительства (ст. 9 главы III, ст. 29 главы VII, ст. 9 главы XXI, ст. 10 главы XXI Соборного Уложения 1649 г.) [7]. При Петре I наказание за кражу было несколько смягчено: были отменены пытки, но усиливалась ответственность за многократные кражи. Для вора наказанием при многократных кражах становилась смертная казнь.

1715 год ознаменовался принятием Артикулов Воинских, а вместе с ними и новых вариантов наказаний за кражу. 189 артикул, разграничивая наказание за первую и вторую кражи с последующими, определял наказанием за первую кражу по сумме меньше 20 рублей «шестью сквозь полк прогнать шпицрутен», за вторую – «в другорядь двенадцатью», за третью - «отрезав нос и уши, сослать на каторгу, а украденное всегда от него отобрать». Если же сумма кражи составлял больше 20 рублей, или была совершена в четвертый раз, вору грозила смертная казнь через повешение [1].

Екатерининский Указ «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» пошел далее и определял три вида воровства: грабеж, кражу, мошенничество. По сути, в этом документе впервые кража была отграничена от смежных преступлений против собственности – от грабежа и мошеннических действий. Наказания за кражу в Екатерининском документе также представляли собой новую систему санкций. В качестве них уже применялась отсылка в рабочий дом с возмещением стоимости украденного с процентами, телесные наказания в виде ударов плетью с возмещением стоимости похищенного [8, с. 66].

Уложение 1845 года уже разграничивало наказание за кражу, исходя из ее признаков. Наиболее тяжелым наказанием было наказание за кражу, совершенное организованной группой. Наказанием организаторам кражи становилось лишение всех прав и преимуществ и отправка их в исправительные арестантские отделения на срок от пяти до шести лет, либо они подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на срок от четырех до шести лет. Другие соучастники преступления приговаривались к лишению всех прав и преимуществ и направлялись в исправительные арестантские отделения по первой степени ст. 31 Уложения, то есть на работы на срок от трех лет шести месяцев до четырех лет.

В советское время наказание за кражу встречалось уже в первых декретах советской власти. Оно учитывало личность вора: совершено ли оно было преступником-профессионалом, повторно или впервые.

Наказание за кражу совершенствовалось и дифференцировалось, исходя из выделения новых видов краж. Так, впервые в советское время была установлена ответственность за кражу электроэнергии (УК РСФСР от 1926 года) [6, с. 121]. В это время смертная казнь за кражу была исключена из системы наказаний за нее. В качестве примера наказания за кражу приведем ст. 162, устанавливающую ответственность за кражу. П. «в» ст. 162 наказанием за личную кражу назначал лишение свободы на срок до одного года, за кражу из государственных и общественных складов при особо отягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок до пяти лет п. «д» ст. 162. При этом максимальный срок лишения свободы составлял 10 лет. Вскоре объектами кражи также стали социалистическая

(государственная, колхозная, кооперативная) собственность, грузы на железнодорожном и водном транспорте, колхозное и кооперативное имущество. Наказанием за последнее был расстрел с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества.

В военное время усилилась ответственность за кражи во время воздушных налетов, при оставлении населенного пункта, кражу личного имуще¬ства эвакуированных как в пути, так и оставленного на прежнем месте жительства. Она признавалась кражей при отягчающих обстоятельствах и приравнивалась к кражам во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия.

В послевоенное время наказание за кражу дифференцировалось в зависимости от вида кражи и ее объекта. Различалось хищение государственного имущества, хищение колхозного, кооперативного и другого общественного имущества, а также наказанию подвергалось недонесение о квалифицируемом хищении [6, с. 122].

Наказанием за кражу государственного имущества было заключение в исправительном трудовом лагере от 7 до 10 лет с конфискацией имущества либо без нее, а за хищение общественного имущества наказанием назначалось лишение свободы. Верхняя граница срока лишения свободы в этом случае устанавливалась в 20 лет.

Восстановление экономики в послевоенное время повлияло на систему наказаний за кражу. В 1954 году Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» наказанием за кражу личного имущества стало за простую кражу – заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 6 лет, за квалифицированную – на срок от 6 до 10 лет. Уголовный кодекс РФ 1960г выделяет значительность ущерба, причиненного кражей (ч. 2 ст. 144), и повторность. Ст. 144 УК РСФСР максимальный срок наказания за кражу устанавливала в виде лишения свободы на десять лет [6, с. 122].

Законом РСФСР 1962 года Уголовный кодекс был дополнен статьей 93, которой допускалось применение смертной казни за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах при стоимости похищенного свыше 10 000 рублей.

В настоящем Уголовном кодексе РФ, принятом в 1996 году, статья о краже расположена в гл. 21 УК РФ среди ряда статей о хищениях, мошенничестве, вымогательстве, грабеже, разбое и других посягательствах на собственность. Уголовный кодекс 1996 года различает квалифицирующие составы кражи, им дифференцируются и меры наказания.

К категории тяжких относятся кража вооруженной группой, кража в особо крупном размере. Такие виды краж, согласно УК РФ, наказываются лишением свободы на срок до 10 лет со штрафом в размере до 1 млн. руб. или в размере заработной платы, или иного дохода, осужденного за период до 5 лет, либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет, либо без него.

На сегодня ч. 1 ст. 158 УК РФ выделяет следующие виды наказания за совершение простой кражи: штраф, размер которого может достигать восьмидесяти тысяч рублей, либо составлять сумму

заработной платы осужденного за шесть месяцев, либо менее; альтернативой этим видам наказания являются обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, либо арест или лишение свободы до двух лет.

Изучение судебной практики 2021 года показало, что суды применяют условное наказание в 15% дел, примерно в 20% дел наказание устанавливают по совокупности преступлений, примерно в 36% дел при назначении наказания применяют испытательный срок.

Назначение наказания за кражу подчиняется общим правилам назначения наказания, обозначенным в нормах Уголовного Кодекса РФ. Наказание назначает суд, обязанностью которого является определение наказания в пределах санкции нормы. Назначением такого наказания является достижение целей, указанных в УК РФ. Они закреплены в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Это, во-первых, восстановление социальной справедливости; во-вторых, исправление осуждённого, в-третьих, предупреждение совершения новых преступлений.

Важнейшим и определяющим сущность процесса квалификации преступлений является правило тождества между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом [3, с. 104].

Кроме того, при назначении наказания за кражу суд принимает во внимание и квалификационные признаки статьи, которые определяют квалификацию преступного деяния (по сумме нанесённого ущерба, по совершению одним лицом или несколькими лицами и т.д.), из-за чего может последовать более суровая санкция за совершение кражи. Учитывается также совокупность преступлений и правило сложения санкций.

Из исследованных материалов видно, что суд может назначать наказание за кражу в виде лишения свободы условно с назначением испытательного срока, применяя статью 73 УК РФ.

При назначении условного осуждения суд принимает во внимание характер и степень общественной опасности кражи, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Приведем пример.

Так, ответственность за кражу автотранспорта предусмотрена ст. 158 УК РФ. Квалификация кражи зависит от стоимости автомобиля: ч. 2 ст. 158 УК РФ – если стоимость не превышает 250 тысяч рублей, ч. 3 ст. 158 УК РФ – если стоимость не превышает 1 млн. рублей и ч. 4 ст. 158 УК РФ – если стоимость от 1 млн. и выше. Дополнительно квалификация кражи в таком случае принимает во внимание количественный и качественный признак лиц, совершивших его.

Из практики видно, что квалифицированные виды кражи автотранспорта реализуются обычно двумя и более лицами, их совместная преступная деятельность может быть квалифицирована в двух вариантах: как совершенная в составе группы по предварительному сговору, либо организованной преступной группой.

В последнем случае квалифицирующий признак кражи, согласно ст. 63 УК РФ, выступает отягчающим обстоятельством, поэтому должен усиливать уголовное наказание. Но на практике обстоятельства

совершенных краж и личности воров не всегда оцениваются объективно, поэтому суд может назначить более мягкое наказание.

Так, направляя уголовные дела в суд, кражи, совершенные группой лиц по предварительному сговору, несмотря на установку в ходе расследования характерных признаков организованной преступной группы в виде постоянства состава преступной группы, многоэпизодности, подготовки к совершению кражи и чёткости распределения ролей, могут быть расценены как кража группой лиц по предварительному сговору. Этот признак уменьшает размер максимального наказания с 10 до 6 лет лишения свободы, поэтому квалификация преступления дается не по ч. 4, а по ч. 3 ст. 158 УК РФ (в случае если группа занималась кражами автотранспорта средней ценовой категории, до 500 тысяч рублей).

Таким образом, наказание за кражу прошло долгий путь развития, неоднократно оно дополнялось, исходя из новых условий, дифференцировалось в зависимости от видов кражи, объектов кражи, повторности и др. В итоге кража всегда оставалась самым распространенным видом преступлений, и наказание за нее всегда было в центре внимания общественности и юристов.

Список литературы:

1. Артикул воинский: Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.

2. Варушкин, А.А. Концептуальные проблемы релевантности целей института уголовного наказания / А.А. Варушкин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 85-89.

3. Пусурманов, Г.В. Об общих правилах квалификации преступлений / Г.В. Пусурманов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 1 (50). – С. 103-109.

4. Русско-византийский договор: 100 главных документов российской истории // URL: https://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/ (дата обращения: 01.03.2022).

5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. – М.: МВД РФ, 2022. – 67 с.

6. Синчук, В.Ю. Эволюция в советский и постсоветский периоды отечественного уголовного законодательства об ответственности за совершение краж / В.Ю. Синчук // Вестник Московского государственного лингвистического университета: общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 121-136.

7. Тихомиров, М.Н. Соборное Уложение 1649 г. / М.Н. Тихомиров. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – 444 с.

8. Устюгов, С.Н. История развития российского уголовного законодательства об ответственности за кражу / С.Н. Устюгов // COLLOQUIUM-JOURNAL. – 2019. – № 18-7. – С. 66-69.

ТВЕРДОХЛЕБОВ Алексей Владимирович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; 905203.spb@mail.ru

ПРАВА УЧАСТИЯ В ИМУЩЕСТВЕ КОРПОРАЦИИ

В статье рассматриваются отдельные проблемы правового режима прав участия в имуществе корпоративных юридических лиц.

Ключевые слова: *корпорация, корпоративное имущество, право участия, право на дивиденд, объявленный дивиденд, ликвидационная квота, имущественные выплаты, выход из корпорации.*

Участие в образовании общего (корпоративного) имущества может быть основанием возникновения права участия не только в ведении дел за (на) счет такого имущества, но и права участия в самом этом имуществе.

Отличительной чертой всех без исключения форм имущественного участия в корпорациях – коммерческих организациях – является неопределенность предмета такого участия. Лучше всего это видно на примере так называемого права на дивиденд – часть чистой прибыли корпорации, приходящаяся, согласно решению о ее распределении, на одну акцию или одного участника. Ни одна корпорация не может гарантировать своим участникам получение стабильного дохода заранее определенной величины, а значит, не может гарантировать не только систематические выплаты определенного размера, но и сами факты этих выплат. Распределение прибыли – это возможность, но не необходимость и тем более не обязанность для корпорации [1, с. 62].

То же самое относится и к другим формам участия лица в корпоративном имуществе – ликвидационному остатку и имущественным выдачам «выходного» назначения: размер таковых будет определяться действительной стоимостью имущества корпорации (общего имущества) в соответствующий момент времени. Участники одной и той же корпорации, покинувшие ее в разное время, могут оказаться в принципиально различном имущественном положении: Так, тот, кто «предал» общее дело, «бросив» корпорацию в неблагоприятный для нее момент времени, может выйти, не получив из имущества корпорации ровно ничего за отсутствием такого имущества; но тот, кто пережил все невзгоды и дождался тучных для корпорации лет, может, покинув таковую, забрать имущество, по стоимости многократно превышающее стоимость его вклада [2, с. 56-57].

Право на участие в распределении прибыли (право на дивиденд) представляет собой способность участника производственного кооператива, хозяйственного товарищества (юридического лица) или хозяйственного общества быть субъектом права требования выплаты ему части чистой прибыли от деятельности корпорации, при условии наступления фактов – оснований возникновения такого права [3, с. 105]. Центральной цепью этих фактов является само наличие чистой прибыли по итогам определенного финансового периода и ее

направление (по крайней мере, в какой-то части) на распределение между участниками решением их общего собрания. Часть прибыли акционерного общества, приходящаяся на одну акцию, нередко называется дивидендом, этим же словом обозначается также и общая сумма выплат по всем акциям, а в корпорациях иных, чем акционерное общество, – еще и сумма выплат, приходящаяся на одного участника. Решение общего собрания участников корпорации о распределении части ее чистой прибыли между участниками называется объявлением дивидендов.

Выплата уже распределенной прибыли (объявленных дивидендов) становится содержанием обязанности, входящей в «нормальное» обязательственное правоотношение. Возникновение и существование такового не погашает корпоративного права (способности приобрести аналогичные требования дивиденда в будущем): требование выплаты конкретного (объявленного) дивиденда продолжает существовать рядом с правом на дивиденд вообще до тех пор, пока не прекратится своим осуществлением – выплатой (получением) объявленного дохода. Разница между обязательственным и корпоративным правом на дивиденд видна не только благодаря определенности объекта первого и неопределенности второго, но и тому, что данные права могут принадлежать различным лицам [4, с. 168].

Право на ликвидационную стоимость выражается в возможности каждого участника ликвидируемой корпорации – коммерческой организации – получить часть ее имущества, оставшегося после удовлетворения ею всех требований кредиторов. Для владельцев привилегированных акций право на ликвидационную стоимость точнее называть правом на ликвидационную квоту, ибо размер ликвидационной стоимости, которую акционерное общество обязано выплатить акционерам – владельцам привилегированных акций, не может быть ниже суммы, определенной уставом общества (квоты). Как и в случае с правом на дивиденд, владельцы привилегированных акций занимают здесь положение скорее кредиторов, чем собственно акционеров.

Право на ликвидационную стоимость существует в двух формах: как элемент корпоративной правоспособности и как субъективное обязательственное право (требование). Пока корпорация «работает» и не планирует ликвидироваться, право на ликвидационный остаток, подобно растению, «дремлющему» в семени, сокрыто в одноименном элементе корпоративной правоспособности [5, с. 119].

К числу случаев, подлежащих рассмотрению в рамках характеристики права участия в имуществе оставляемой (покидаемой) корпорации – коммерческой организации, относятся имущественные выплаты (выдачи), которые должны быть произведены при выходе участника из корпорации (т.е. в ситуации, когда участник покидает корпорацию), исключении участника из нее (корпорация покидает участника), а также при непринятии наследника участника в корпорацию.

Аналогичный элемент появляется и в составе общей гражданской правоспособности наследника участника в такой корпорации, на вступление в которую требуется согласие других ее

участников. Возникая в момент принятия наследства и распространяя свое действие на все время, прошедшее с момента его открытия, данный элемент правоспособности трансформируется в субъективное право (требование) выплаты стоимости доли наследодателя (выдачи соответствующего ей имущества в натуре) в том случае, когда в согласии на вступление в корпорацию будет отказано (абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК РФ).

В соответствии с законодательством о некоммерческих организациях полученная некоммерческой организацией прибыль не подлежит распределению между участниками (членами) некоммерческой организации». Этим предписанием устраняется хотя и центральная, но лишь единственная форма участия в корпоративном имуществе некоммерческих организаций право участия в их прибыли. Что же касается иных форм, то возможность их признания законом не исключена, поскольку понятие «некоммерческий» (не приводящий к обогащению) отнюдь не равнозначно понятию «неимущественный» [6, с. 51]. Иными словами, некоммерческая цель, преследуемая корпорациями, не исключает способности их участников к приобретению прав на имущество этих корпораций – лишь бы реализация таких прав не приводила бы к обогащению участников. Но если последняя оговорка верна по отношению к членам некоммерческих корпораций, то она должна быть еще более верной и категоричной (превратиться из оговорки в общее правило) по отношению к их бывшим членам. Практически это должно означать принципиальную недопустимость включения в состав корпоративной правоспособности членов некоммерческих корпораций способностей иметь права на имущественные выдачи оставляемой им ликвидируемой корпорации.

Последнее обстоятельство не всегда находит понимание нашего законодателя: с одной стороны, он не усматривает каких бы то ни было проблем в том, чтобы признать способности к приобретению прав участия в корпоративном имуществе за членами потребительских кооперативов, с другой – ограничивает максимально возможную сумму такого участия стоимостью имущества, в свое время внесенного в корпорацию (для членов некоммерческого партнерства).

Нормой абз. 2 п. 2 ст. 48 ГК РФ потребительские кооперативы отнесены к категории юридических лиц с «обязательственными правами» их участников на их имущество. Согласно п. 5 ст. 116 ГК РФ, «доходы, полученные потребительским кооперативом от предпринимательской деятельности, осуществляемой кооперативом в соответствии с законом и уставом, распределяются между его членами». В свете, по сути, совершенно правильного общего запрещения прямого участия в прибылях некоммерческих корпораций эту формулировку следовало бы уточнить в том смысле, что распределению подвергаются все-таки не сами доходы, а приобретенное (созданное) на них имущество потребительского кооператива.

Одна из форм распределения имущества потребительских кооперативов – поступление индивидуально-определенных вещей, соответствующих профилю деятельности кооператива в собственность их членов, полностью внесших свои паевые взносы. Способность

члена потребительского кооператива к приобретению права собственности на предмет накопления путем внесения паевого взноса будет основным имущественным элементом его корпоративной правоспособности. Кроме того, в некоторых видах потребительских кооперативов способность к приобретению вещи кооператива в собственность может сосуществовать со способностью к ее приобретению в постоянное или срочное пользование [7, с. 981].

Таким образом, способности к приобретению таких имущественных прав, как право пользования (кооперативным имуществом) и право собственности (на вещи, принадлежащие кооперативу), составляют имущественные элементы корпоративной правоспособности членов всяких потребительских кооперативов. Впрочем, особенности характера деятельности некоторых видов потребительских кооперативов могут приводить к тому, что один или оба элемента имущественной корпоративной правоспособности будут заменены иными возможностями, соответствующими такой специфике. Так, например, членам кредитных кооперативов приобретать в собственность и пользование просто нечего; главным элементом имущественной корпоративной правоспособности их членов является способность «получать займы на условиях, предусмотренных положением о порядке предоставления займов членам кредитного кооператива (пайщикам), утвержденным общим собранием членов кредитного кооператива (пайщиков), пользоваться иными услугами, предоставляемыми кредитным кооперативом».

Следует ли к элементам имущественной корпоративной правоспособности членов потребительских кооперативов прибавлять также способности к приобретению прав требования возврата суммы паенакопления в случае выхода из кооператива, исключения из него или прекращения членства в кооперативе по иным основаниям, а также выдачи части имущества ликвидируемого потребительского кооператива, оставшегося после расчетов с кредиторами (ликвидационного остатка)?

Как следует применять норму п. 2 ст. 1177 ГК РФ, предусматривающую возникновение у сонаследников члена потребительского кооператива (общества), не ставших его членами, права потребовать от кооператива «выплаты… причитающихся …сумм или выдачи вместо них имущества в натуре»? Возникновение вопроса объясняется тем, что не вполне понятно, что за «выплаты» и «выдачи» имеет в виду ГК РФ. Откуда они могут взяться, если один из сонаследников в члены кооператива принимается, наследуя при этом пай, принадлежавший наследодателю, в полном его размере? Если кто и обязан в такой ситуации рассчитаться с сонаследниками, оставшимися вне потребительского общества, – так это сонаследник, которому «повезло» такое членство сполна приобрести, но уж никак не сама корпорация. Толковаться же в том смысле, что сонаследник, принимаемый в кооператив, получает только приходящуюся на него часть пая, в то время как все другие части выдаются (их стоимость выплачивается) остальным сонаследникам, данная норма не может, поскольку такое «наследование» во многом теряет смысл для сонаследника, принимаемого в кооператив, и может потребовать поворота вспять ряда юридических последствий, вызванных

действиями правопредшественника-наследодателя. Непонятно и то, почему бы (найдя описанный подход допустимым) не допустить большего, если и не раздела пая между сонаследниками, то, по крайней мере, признания за ними общего права на пай – права участия общей (коллективной) принадлежности?

Участники некоммерческих партнерств имеют права: (1) получать при выходе из некоммерческого партнерства часть его имущества или стоимость этого имущества в пределах стоимости имущества, переданного членами некоммерческого партнерства в его собственность, за исключением членских взносов, в порядке, предусмотренном учредительными документами некоммерческого партнерства; (2) получать в случае ликвидации некоммерческого партнерства (а также в случае исключения из него) часть его имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, либо стоимость этого имущества в пределах стоимости имущества, переданного членами некоммерческого партнерства в его собственность [8, с. 7].

Основной принцип – недопустимость обогащения членов некоммерческих партнерств (по причине некоммерческого характера деятельности корпорации); здесь, по-видимому, соблюдается: получить больше, чем вносил, член партнерства никогда не сможет.

Список литературы:

1. Коренев, П.В. Актуальные проблемы корпоративного права: учебное пособие / П.В. Коренев, А.Е. Толстова; Санкт-Петербургская юридическая академия. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2022. – 163 с.
2. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; научн. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – 989 с.
3. Синицын, С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита / Синицын С.А. // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 91-131.
4. Глазунов, А.Ю. Право на получение дивидендов: экономический анализ и правовое регулирование / А.Ю. Глазунов // Закон. – 2017. – № 7. – С. 160-174.
5. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова; Санкт-Петербургская юридическая академия. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.
6. Кулик, А.А. Корпоративные права в системе гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Кулик. – М., 2009. – 27 с.
7. Белов, В.А. Гражданское право. Т. IY. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 1085 с.
8. Калинина, О.Е. Тенденции реорганизации и ликвидации некоммерческого партнерства / О.Е. Калинина // Вестник арбитражной практики. – 2013. – № 2. – С. 5-10.

ТЕРЕНТЬЕВА Арина Евгеньевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
terentyeva_arina@mail.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

В статье рассматривается период, когда впервые появилась уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Ключевые слова: *половая неприкосновенность, половая свобода, уголовная ответственность, несовершеннолетние, ребенок, уголовное законодательство.*

Каждое государство, которое существует в мире, имеет свои нормативно-правовые акты, регулирующие ту или иную сферу жизни общества. Любой гражданин имеет право защищать от преступных посягательств свою собственную жизнь, здоровье, личную свободу, честь, достоинство, жилище, имущество и другие правоохраняемые интересы, а также общественные и государственные интересы [1, с. 105]. Любое правовое явление имеет свою историю, проходит определенные этапы развития и меняется с течением времени. Одни и те же явления в различных временных эпохах воспринимаются по-разному, и если говорить применительно к уголовному праву, одним и тем же деяниям в разные исторические периоды присваивается различная степень общественной опасности, появляются новые виды преступлений, а старые перестают считаться таковыми и становятся общественной нормой.

Законодательство в сфере регулирования ответственности за насильственные посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста, является еще сравнительно молодым. Ребенок долгое время вообще не считался полноценным участником общественных отношений. Длительный период времени он рассматривался как собственность родителей или опекунов, которые могли без какого-либо контроля со стороны подчинять его себе и управлять им, что зачастую приводило к родительскому произволу, проявлению жестокого, грубого обращения в отношении ребенка и его вовлечению в противоправные действия с целью дальнейшей эксплуатации [2, с. 93].

Нормативного регулирования уголовной ответственности за ненасильственные половые преступления в X-XVII вв. вообще не было [3, с. 86].

Эпоха Петра I ознаменовалась тем, что государство изменило свое отношение к половым преступлениям в отношении детей. Стали иметь место новые уголовно-правовые нормы, которые нашли свое закрепление в Воинском артикуле (1716 г.); среди данных норм стали иметь место нормы и о защите половой неприкосновенности и

нравственности несовершеннолетних. Этот нормативно-правовой акт закрепил ответственность за «осквернение отрока». В Воинских артикулах был сформулирован и состав инцеста (арт. 173) [2, с. 114]. Но всё же масштабных изменений в регулировании половых преступлений против несовершеннолетних не произошло.

Активные изменения в данной области появились в XIX в., так как было принято новое уголовное законодательство в данной сфере. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. половые преступления стали делиться по объекту, то есть на «блуд естественный» и «блуд противоестественный». Впервые в уголовном законодательстве появляется ссылка на «добровольность» совершения данных деяний. Вместе с тем блуд с лицами, не достигшими узаконенного возраста (13-14 лет), даже если он и был совершен по взаимному согласию сторон, считался насильственным и наказывался как таковой. Так, ст. 1524 предусматривала «растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, учиненное без насилия, но по употреблению во зло ее невинности и неведения» [5, с. 86].

Непосредственно плотское развращение несовершеннолетних предполагало два независимых друг от друга состава: благоприятствование склонности малолетних или несовершеннолетних к непотребству и другим порокам, а также побуждение их к тому внушениями или обольщениями (ст. 993), а также умышленное развращение нравственности детей и потворство их разврату (ст. 1588). Субъектами ст. 993 считались лица, которые осуществляли надзор за несовершеннолетними или малолетними или же находящиеся в услужении их родственников, родителей или опекунов. Законодатель за совершение преступления, предусмотренного ст. 993, навсегда запрещал данным лицам право иметь надзор за несовершеннолетними и малолетними. Субъектами ст. 1588 могли быть только родители потерпевших [3, с. 64].

Именно в это период впервые произошло появление достаточно обоснованного и развернутого института, определяющего ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста, а также закрепление достаточно подробного регулирования всех обстоятельств совершения подобных преступлений.

Следующим основополагающим законодательным актом, определяющим наказание за половые преступления, явилось Уголовное Уложение 1903 г., которое продолжало вносить изменения в уголовное законодательство. Гл. 27 «О непотребстве» предусматривала ряд составов, регламентирующих ответственность за половые преступления, направленные против несовершеннолетних [4, с. 223].

Так, ст. 513, а также ч. 3 ст. 515 предусматривали наказание за «любострастное действие, сопровожденное растлением, но без плотского сношения», совершенное в отношении ребенка, не достигшего 14 лет, или несовершеннолетнего от 14 до 16 лет, «с его согласия, но по употреблению во зло его невинности». Имело место наказание и за добровольное любодеяние с несовершеннолетней от 14 до 16 лет (ч. 1 ст. 520). Полагалась и ответственность для лиц, «виновных в принятии в притон разврата лица женского пола заведомо моложе двадцати одного года» (ст. 529). Предусматривало Уложение и

ответственность за мужеложство, совершенное с несовершеннолетним от 14 до 16 лет с его согласия, но по употреблению во зло его невинности, а также с ребенком, не достигшим 14 лет, или с лицом, находящимся под властью или попечением виновного (ст. 516) [4, с. 227].

Нормы уголовного права России XIX – начала XX вв., которые ставили своей целью обеспечение охраны свободы и прав несовершеннолетних в данный период времени, представляли собой продуманную и развитую систему. Совершенствование гуманистической направленности идей той эпохи и юридической техники позволили законодателю воплотить в правовых нормах научные представления об «идеале уголовно-правовой защиты детства» [5, с. 544].

Новый советский уклад жизни и социальные ценности, которые пришли на смену существовавшим, перевернули общественное представление о сфере половых отношений. К тому же большая путаница в законодательстве и отсутствие сдерживающих факторов вызвали необходимость усилить влияние именно уголовно-правовых норм в области половой неприкосновенности и половой свободы в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста [2, с. 129].

Первый советский Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в гл. 5 разд. 4 предусматривал ответственность за преступления в области половых отношений. Нормы кодекса были направлены на защиту несовершеннолетних в половой сфере от негативного воздействия. Так, ч. 1 ст. 166 предусматривала ответственность за половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости; ч. 2 ст. 166 – за половое сношение с данными лицами, сопряженное с растлением и удовлетворением половой страсти в извращенных формах; ст. 168 – за развращение малолетних и несовершеннолетних [6]. Тем не менее, возраст не рассматривался в качестве квалифицирующего признака данных составов.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. предусматривал отдельный состав, касающийся непосредственно половой неприкосновенности несовершеннолетних. Так, в ч. 1 ст. 151 данного акта предусматривалась ответственность за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах. Несколько позже Постановлением Пленума ЦИК СССР от 7 марта 1934 г. УК 1926 г. был дополнен статьей 154 «Мужеложство», предусматривавшая ответственность, как за насильственное, так и добровольное мужеложство. К квалифицированным составам такого преступления Закон как раз и относил мужеложство в отношении несовершеннолетнего (вне зависимости, было оно добровольным или нет) или в отношении зависимого от виновного лица [3, с. 98].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., как и УК РСФСР 1926 г., не закрепил раздела, который касался половых преступлений, содержал составы этих преступлений в основном в гл. 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Кодекс 1960 г., как и предыдущий, устанавливал ответственность за понуждение женщины к вступлению в половую связь (ст. 118), ответственность за изнасилование. Особо квалифицированным признавалось

изнасилование, совершенное группой лиц либо особо опасным рецидивистом или повлекшее тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней. Таким образом, речь шла обо всех несовершеннолетних – от малолетних до достигших семнадцатилетнего возраста (ст. 117), о половом сношении с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 119, без состава с квалифицирующими обстоятельствами) [7]. Позднее ст. 117 УК РСФСР 1960 г. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. «О порядке применения статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении уголовной ответственности за изнасилование"» была дополнена еще одним особо квалифицирующим признаком – изнасилование малолетней (т.е. изнасилование девочки, не достигшей четырнадцати лет).

УК РСФСР содержал необходимое количество уголовно-правовых норм, которые были направлены на защиту интересов несовершеннолетних в части против половой свободы и половой неприкосновенности в отношении лица, не достигшего 16-летнего возраста [8, с. 89].

По сравнению с ранее действующими основными уголовными законами, принятый УК РФ 1996 года является более удачным. И не только в смысле четкости, последовательности и полноты описания основных и квалифицирующих признаков каждого состава преступления, но и с точки зрения использованных законодателем принципов конструирования всей системы рода деяний. В новом Уголовном кодексе РФ в качестве отправного признака нужно рассматривать насильственный и ненасильственный характер посягательства. На первое место помещены три состава насильственных деяний (изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера), а на второе – два ненасильственных (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и развратные действия). Основываясь на содержании положений части 1 статьи 134 УК РФ, можно заключить, что совершеннолетнее лицо, вступая в половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, совершает уголовно-наказуемое деяние [9, с. 100].

В структуре основных составов и квалифицирующих признаков в УК РФ 1996 г. учтены выявившиеся при применении ранее действующего закона недостатки, закон приведен в соответствие с реалиями жизни. Так, предусмотрен новый состав – насильственные действия сексуального характера, понятие половой зрелости потерпевшего лица в качестве признака состава заменено возрастным критерием. Кроме того, законодатель выделяет в качестве особо охраняемых интересы несовершеннолетних и малолетних.

Изменения в данной главе законодателями вноситься постоянно. Одним из последних нововведений является принятие Федерального закона от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». С 8 февраля 2022 года ужесточена ответственность за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. За изнасилование несовершеннолетнего или совершение в отношении него действий

сексуального характера лицу, ранее судимому за подобные преступления, может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что законодательство, которое предусматривает уголовную ответственность за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, требует своего законодательного совершенствования в нашей стране с учетом исторического опыта.

Список литературы:

1. Павлов, В.Г. Еще раз о необходимой обороне как обстоятельстве, исключающем преступность деяния/ В.Г. Павлов, Д.В. Павлов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021г. – № 4 (53). – С. 101-108.
2. Бимбинов, А.А. Ненасильственные половые преступления: монография / А.А. Бимбинов. – М.: Проспект, 2017. – 157 с.
3. Авдеев, В.А. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в России: монография / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 248.
4. Цыганова, Л.О. История становления ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в российском законодательстве / Л.О. Цыганова // Молодой ученный. – 2018. – № 52. – С. 221-224.
5. Загрядская, Е.А. Проблемные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / Е.А. Загрядская // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. – Москва, 2020. – С. 543-545.
6. Уголовный кодекс РСФСР. 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153 (утратил силу).
7. Успенская, М.Д. Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / М.Д. Успенская // Право. Общество. Государство. – Санкт-Петербург, 2021. – С. 86-89.
8. Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591 (утратил силу).
9. Пусурманов, Г.В. О проекте нового Уголовного кодекса Российской Федерации / Г.В. Пусурманов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 2 (47). – С. 97-102.

ТИХАНОВ Петр Геннадьевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
tikhanov1975@bk.ru

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассмотрены современные тенденции развития отечественного гражданского законодательства.

Ключевые слова: *гражданское законодательство, Гражданский кодекс РФ, кодификация, гражданский оборот, реформа.*

Сложившаяся в России к концу XX в. социально-экономическая и политическая обстановка закономерно повлекла за собой возникновение качественно новых подходов к концептуальным основам гражданского законодательства. Принятие Конституции РФ, провозглашение России правовым государством остро потребовали переоценки ценностей, признания приоритетности защиты безопасности личности, охраны прав и свобод граждан, утверждения новых экономических и социальных отношений.

Проведенная в нашей стране на рубеже XX-XXI веков кодификация гражданского законодательства преследовала такие цели, как создание законодательства, которое бы в полной мере обеспечивало стабильную правовую регламентацию рыночной экономики, закрепление начал частноправового регулирования имущественных отношений, объединение, систематизация и оптимизация уже существующего гражданского законодательства с целью устранения отрицательно влияющей на гражданский оборот противоречивости норм и положений, возникших как в результате имевшегося в тот момент времени «сосуществования» нормативных правовых актов разных эпох (советской и современной), так и из-за несовершенства некоторых законов новой России [1, с. 62]. Разработка и принятие ГК РФ происходило в условиях перехода к рыночной экономике, который сопровождался существующим в тот период времени системным общественно-политическим и социально-экономическим кризисом.

Как справедливо отмечено некоторыми исследователями, реформы в нашей стране начались в условиях практически полного отсутствия современного гражданского законодательства, в отличие от других стран, в которых ныне доминируют развитое рыночное хозяйство [2, с. 87]. Это значит, что именно новому ГК РФ отводилась центральная роль по созданию такого законодательства, и данное обстоятельство важнейшим образом оказало влияние как на содержание этого документа, так и на сам процесс его создания и принятия. Как указывает И.М. Брагинский, ГК РФ подготавливался и принимался в период, когда произошел окончательный отказ от любых идеологических ограничений [3, с. 65].

ГК РФ в качестве акта кодификации гражданского права обладает основополагающим значением для дальнейшего развития и

совершенствования всей гражданско-правовой законодательной системы, что предопределяется прежде всего её содержанием. В юридической литературе некоторые авторы порой ГР КФ называют «экономической конституцией», «кодексом цивилизованного рынка» [4, с. 32]. В целом с такой позицией нельзя не согласиться, однако при этом недопустимо отрицать и его важную социальную роль. Р. Кабрияк, исследуя социальную роль кодификации, обосновывал её существование и важность: «Если рассуждать на концептуальном уровне, то кодификация выглядит некой носительницей основных ценностей того общества, которое ее породило. Иначе говоря, она есть продукт исторического и культурного развития данного общества, и ее совершенно невозможно от общества отделить. В данном контексте кодификация бесспорно обладает политическим и социальным потенциалом...» [5, с. 112].

Создавая ГК РФ, законодатель впервые в отечественной законотворческой практике предпринял попытку построить целостную гражданско-правовую законодательную систему. Это выражается, во-первых, в наличии в целом ряде его статей отсылок к законам и иным правовым актам, во-вторых, в положениях ст. 3 ГК РФ, закрепляющих соотношение нормативных правовых актов различного уровня. По нашему мнению, факт включения в отдельные статьи ГК РФ «отсылок к закону» необходимо рассматривать в качестве важной меры, направленной на повышение роли закона в регулировании имущественных отношений. В частности, тем самым происходит исключение регулирования соответствующих отношений подзаконными актами; существенно расширена сфера прямой законодательной регламентации; предусмотрено создание системы, содержащей в себе согласованные друг с другом законы. Следовательно, можно сделать вывод, что эти «отсылки к закону», содержащиеся в ГК РФ, обладают более широким значением, чем принято считать. Действенность и результативность функционирования общественных отношений в форме подзаконных нормативных актов может быть достигнута только при соблюдении определенного условия, которое заключается в том, что они (акты), по мнению В.А. Лаптева, развиваются не параллельно, а «внутри сферы, очерченной законом» [6, с. 14]. В гражданско-правовой области действие данного методологического вывода следует распространить и на построение собственно системы гражданских законов: гражданские законы «второго уровня» должны быть «внутри сферы», очерченной ГК РФ. Таким образом, в ГК РФ был изначально заложен принципиальный вектор развития гражданско-правовой законодательной системы.

В настоящее время все большее значение приобретают общетеоретические проблемы, связанные с определением основных направлений совершенствования, оптимизации и развития гражданского права нашей страны в условиях непростой рыночной и мировой ситуации. Основная роль в этом процессе отводится модернизации ГК РФ.

30.12.2012 был принят Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7] – первый из

федеральных законов, содержащих важнейшие изменения и дополнения ГК РФ. За ним последовало принятие целой серии федеральных законов, которые кардинальным образом поменяли всю устоявшуюся систему представлений о многих институтах гражданского права и позволявших судить о реальных масштабах предстоящей законотворческой деятельности.

В течение 2013 года рядом федеральных законов в ГК РФ были внесены масштабные изменения, которые коснулись положений об ассоциациях (союзах), принципа добросовестности, государственной регистрации сделок с недвижимостью, достоверности сведений, содержащихся в ЕГРЮЛ, недействительности сделок.

В марте 2014 года был принят Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], которым внесены изменения в четвертую часть ГК РФ, затронувший сферу исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

С 01.09.2014 вступили в силу положения Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [9]. Были внесены изменения в положения о юридических лицах.

Последующие масштабные изменения гражданского законодательства внесены Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [10] и затронули положения об обязательствах, об обеспечении их исполнения, о договорах.

Федеральным законом от 23.05.2016 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об организации страхового дела в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] были внесены изменения в части первую и вторую ГК РФ и затронули сферу страхования.

В настоящий момент это основные поправки, внесенные в ГК РФ. Можно смело утверждать, что этот период активных изменений можно считать новым витком качественного изменения основного гражданского закона, поскольку данные изменения носят принципиальный характер и касаются практически всех институтов гражданского права. Как отмечают эксперты, реформа гражданского законодательства проводилась с такими целями, как сближение правовой системы Российской Федерации и стран мира, обеспечение стабильности гражданского оборота посредством укрепления гражданских прав, совершенствование понятийного аппарата, и придание большей определенности тем нормам, которые были далеки от совершенства [12, с. 33].

Проанализировав общую картину изменений ГК РФ, которые уже сделаны, можно составить мнение о реформе гражданского права в целом. Некоторые изменения уже активно подвергаются критике и вполне обоснованно, а другие изменения порой вызывают недоумение. Есть все основания полагать, что в недалеком будущем нынешние

поправки также могут быть подвергнуты тем самым «точечным» изменениям от которых первоначально хотели уйти [13, с. 7].

Проведенная реформа гражданского законодательства затронула огромный массив нормативных актов. По нашему мнению, внесенные изменения стоит признать самыми масштабными за всю историю его существования. Законодатель не просто постарался сгладить шероховатости в применении норм права и «залатать дыры», но и радикальным образом прописал детальную регламентацию отдельных процедур. Внесение за последнее время в ГК РФ большого количества изменений является индикатором существования множества проблем.

Одной из целей проведенного реформирования гражданского законодательства являлась проведение унификации действующего в России законодательства с законодательством стран, обладающими высокоразвитыми правовыми системами.

Работы по обновлению ГК РФ 2008-2021 гг. привели к увеличению его объема и сложности восприятия: многие статьи недоступны для понимания, им недостает четкости формулировок, и на стадиях реализации и применения права не обойтись без дорогостоящей юридической помощи. Уместно обратить внимание и на допущенные стратегические просчеты кодификации:

- ориентация на заимствование зарубежного опыта не учитывает объективную невозможность единовременного перевода правовой системы из одного качества в другое;

- подвижники реформ законодательства начала и середины 1990-х гг. под влиянием идей Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса видели основную задачу в разгосударствлении публичной собственности и формировании класса частных собственников; в результате именно это привело к выбытию объектов собственности из сферы общественных интересов, концентрации их у преступных элементов, перманентному переделу;

- определяя многообразие гражданских правоотношений в ГК РФ, законодатель пользуется устаревшей и едва ли оправданной схемой их структурирования по горизонтали, игнорируя реальность их организации по вертикали;

- новаторские предложения о введении в ГК РФ особой модели владельческой защиты требуют широкого обсуждения, поскольку из проектируемых норм совершенно не ясно, какую именно (римскую или германскую) модель предлагают закрепить разработчики в российском законе.

Расширение владельческой защиты порождает вопрос: разве суд не имеет возможности самостоятельно установить правоотношения сторон по поводу принадлежности имущества, не ограничиваясь при этом установлением и защитой только факта?

Несмотря на остроту ведущихся споров и высокий градус научной полемики, российские цивилисты при всей пестроте и несовпадениях взглядов имеют одну цель – создание современного и эффективного ГК РФ. Соответственно, для построения правового и социального государства нужно сплотиться в усилиях, умении воспринимать конструктивную критику, увидеть здравое начало в воззрениях оппонентов, вместе идти и приближать достижение единой искомой цели.

Список литературы:

1. Кодификация российского частного права 2015 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2015. – 447 с.

2. Рузанова, В.Д. Значение Гражданского кодекса РФ для дальнейшего развития гражданско-правовой законодательной системы / В.Д. Рузанова // Власть Закона. – 2015. – № 1. – С. 82-92.

3. Брагинский, М.И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» / М.И. Брагинский // Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. Вып. 5. – М.: Городец, 2000. – С. 46-80.

4. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. / И.А. Покровский. – М.: Статут, 2016. – 352 с.

5. Кабрияк, Р. Кодификация / Р. Кабрияк. – М.: Статут, 2007. – 476 с.

6. Лаптев, В.А. Подзаконные акты федерального уровня в системе норм, регулирующих предпринимательскую деятельность / В.А. Лаптев // Юрист. – 2015. – № 23. – С. 11-17.

7. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 04.03.2013) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7627.

8. Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 11. – Ст. 1100.

9. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.

10. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

11. Федеральный закон от 23.05.2016 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. – 2016. – № 22. – Ст. 3094.

12. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

13. Витрянский, В.В. Очередной этап реформы гражданского законодательства: потери и достижения / В.В. Витрянский // Хозяйство и право. – 2017. – № 10. – С. 3-9.

ТИХАНОВА Юлия Юрьевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студентка;
tikhanova_2021@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

В статье рассматриваются особенности нормативно-правового регулирования механизма организации оборота цифровых валют в Российской Федерации.

Ключевые слова: *цифровая валюта, криптовалюта, нормативно-правовое регулирование, Концепция.*

Правовое регулирование оборота криптовалюты в России стало актуальной с 2021 года. Распространение электронных валют на финансовых рынках стран интернационального сообщества стремительно возросло. На протяжении многих лет выпуск негосударственных денег регламентировал единственный акт – Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» [1] (далее – Закон о ЦБ РФ), а если быть точнее, то статья 27.

Приведенный довод указывает на проблемность нормативного правового регулирования исследуемой темы, поскольку российское законодательство данную тему не затрагивало. Также немаловажной проблемой считается то, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует понятийный минимум. Многие граждане считают, что понятия «цифровая валюта» и «криптовалюта» являются синонимами, но такое суждение ошибочно. Криптовалюта децентрализована, правила сети в ней формируются большинством членов криптосообщества, а цифровая валюта, наоборот – централизована [2, с. 118].

В Конституции Российской Федерации содержится постулат, согласно которому официальной денежной единицей в Российской Федерации является рубль, поэтому, с юридической точки зрения, рассматривать криптовалюту как легальную валюту мы не можем.

Легальное понятие «криптовалюта» отсутствует, но ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [3] дает определение электронным деньгам, под которыми понимаются имущественные обязательства одного лица, предварительно принявшего денежные средства другого лица для исполнения его будущих денежных обязательств.

Целью государственного регулирования деятельности по организации оборота цифровых валют считается интеграция механизма оборота цифровых валют в финансовую систему и обеспечение контроля за денежными потоками. Для защиты прав и интересов инвесторов предлагается разделить их на квалифицированных и неквалифицированных. Необходимо создать условия для лицензирования криптовалютных площадок, которые

будут обязаны иметь финансовые подушки безопасности по ликвидности и достаточности капитала, что в свою очередь будет обеспечивать интересы граждан. Осуществление нормативно-правового регулирования цифровых валют гарантирует формирование необходимой нормативно-правовой базы, дает возможность вывести из тени индустрию и создать возможность для осуществления легальной предпринимательской деятельности [4, с. 73].

Следует отметить опасности при отсутствии мер правового регулирования криптовалюты, которые могут ожидать граждан и государство: во-первых, криптовалюта может быть использована в качестве средства для уклонения от уплаты налогов; во-вторых, все финансовые криптовалютные операции производятся анонимно, что дает возможность преступникам использовать цифровую валюту в личных целях.

В 2014 году Министерство финансов Российской Федерации разместило на портале общественных обсуждений проект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому были внесены предложения по изменению и редакции ст. 27 Закона о ЦБ РФ. В данном проекте было предложено полностью запретить выпуск денежных суррогатов (в их число входит и криптовалюта). Изменения предусматривали уголовную и административную ответственность за любые финансовые операции, в которых использовалась цифровая валюта. В данный законопроект были внесены поправки, но одобрения со стороны Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации проект так и не получил [5, с. 49].

Отметим, что в нижнюю палату парламента регулярно вносятся проекты различных федеральных законов, не является в данном случае и исключение, в соответствии с которым в 2018 году на рассмотрение депутатов был представлен Законопроект от 20.03.2018 «О цифровых финансовых активах» (далее – Законопроект № 419059-7), в котором предлагалась общая концепция регулирования отношений, возникающих при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также при осуществлении прав и исполнении обязанностей по смарт-контрактам [6, с. 105]. Возникло множество споров о положениях законопроекта с точки зрения содержания юридической техники. После принятия в первом чтении Законопроект № 419059-7 более двух лет находился на рассмотрении Государственной Думы, но все же был принят.

Одним из важнейших нормативных правовых актов в правовом поле по регулированию правовых отношений криптовалюты и иных видов цифровой валюты на территории Российской Федерации является Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] (далее – Закон № 259-ФЗ).

Закон № 259-ФЗ посвящен регулированию финансовых активов и цифровых валют. Заметим, что, несмотря на свое название, цифровым валютам указанный акт внимания практически не уделяет, в нем акцентировано внимание на определении и правилах оборота цифровых валют. Так, ч. 1-3 ст. 14 Закона № 259-ФЗ содержат

дефиниции «организация выпуска цифровой валюты», «выпуск цифровой валюты» и «организация обращения цифровой валюты», а ч. 4 ст. 14 Закона № 259-ФЗ содержит бланкетную норму, согласно которой перечисленные действия регулируются иными федеральными законами, которые на момент написания настоящей статьи не приняты. Закон № 259-ФЗ включает в себя запреты и ограничения, непосредственно связанные с оборотом цифровых денежных единиц. В сравнении с общим количеством норм, посвященных цифровым финансовым активам, положения, связанные с регулированием обращения цифровых валют, выглядят рудиментарным образованием в Законе № 259-ФЗ [8, с. 13].

К главным его положениям можно отнести закрепление следующих норм:

• государственные служащие не могут иметь цифровые финансовые активы и валюты, выпущенные за рубежом;

• цифровые валюты, согласно законодательству, выступают в качестве платежного средства, но они не могут быть использованы в качестве средства оплаты товаров или услуг, т.к. криптовалюты на территории Российской Федерации не являются государственной денежной единицей и т.д.

Положение о запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами нашло отражение в Указе Президента Российской Федерации от 10.12.2020 № 778 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» [9]. 08.02.2022 Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [10], в которой нашли свое отражение такие вопросы:

• контроль за платежами и идентификация всех клиентов осуществляется с помощью операторов, любые действия с криптовалютами производятся исключительно через российские банки;

• введение организатора системы обмена цифровых валют (банки), информационной системы организаторов системы обмена цифровых валют и оператора обмена цифровых валют;

• банки с текущей универсальной лицензией смогут получить статус организаторов системы обмена цифровых валют, в их обязанности входит контроль за операциями с криптовалютами, идентификация клиентов, предоставление информации в государственные органы (при необходимости);

• среди инвесторов будут выделены квалифицированные и неквалифицированные вкладчики в цифровые активы;

• обязательному декларированию подлежат операции с криптовалютами на сумму свыше 600 тысяч рублей.

• возможна работа иностранных криптобирж на территории России, при условии соблюдения законодательства.

Контроль за регуляторными ограничениями криптовалют в Российской Федерации будут Центральный Банк Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации, Федеральная служба по финансовому мониторингу Российской Федерации, Федеральная налоговая служба Российской Федерации, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации. Для контроля и отслеживания платежей в криптовалюте предлагается использовать сервис Росфинмониторинга «Прозрачный блокчейн». Данный сервис позволит устанавливать параметры «нормальных», сомнительных и высокорисковых транзакций, отлеживать цепочки перемещения цифровых финансовых активов, сформировать базу данных криптовалютных кошельков, связанных с осуществлением противоправной деятельности и финансированием терроризма [11, с. 35-36].

В судебной практике присутствуют случаи, в которых криптовалюта представляется как объект гражданского права или же, как имущественное право. Так, например, в делах «о банкротстве физических лиц» часто криптовалюта обозначается как «иное имущество», оно может быть включено в массу должника [12, с. 71].

Анализ доктринальных источников и правоприменительной практике позволяет нам прийти к выводу, что, с точки зрения гражданского права, не представляется возможным определить правовую природу криптовалюты. Криптовалюта – товар в цифровом формате. Процесс обмена биткоинов на товары следует рассматривать как заключение между сторонами договора мены, а на услуги – смешанного договора с элементами купли-продажи и возмездного оказания услуг.

Гражданские споры, в которых оспариваются сделки с криптоактивами, нашли отражение в судебной практике по делам о криптоактивах. Основаниями для возникновения такой категории дел могут являться: административное производство о блокировках Интернет-ресурсов; споры о включении криптоактивов в ту или иную имущественную массу: прежде всего в бракоразводных процессах [13, с. 37] или процедур банкротства.

Перед судами возникают технические проблемы доказывания, так как принадлежность соответствующего кошелька конкретному лицу не представляется возможным. Выписка об истории транзакций не подтверждает факт владения криптоактивами. Руководствуясь мнением некоторых судов, отсутствие криптоактивов в перечне объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, позволяет лишить стороны обязательств с криптоактивами судебной защиты.

Анализ правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о том, что суды, пользуясь отсутствием нормативного правового регулирования криптовалют, апеллируют к тому, что сделки, связанные с криптовалютой, не подлежат судебной защите, что стороны обязаны доказывать факт отсутствия у них криптовалюты.

Актуальные вопросы, которые пока остаются без ответа и, очевидно, будут предметом рассмотрения вышестоящих инстанций: 1) возможность в принципе взыскания неосновательного обогащения в виде криптовалюты, возврат которой в натуре не предусмотрен

законом в силу особенностей самого спорного имущества. 2) возможность в принципе истребовать индивидуально-определенные вещи – криптокошельки (пароли от них) инвесторами (контрибьюторами) или площадками для инвестиций у ответчиков.

Законодательное урегулирование необходимо в первую очередь с целью предотвращения противозаконного использования цифровых валют. Для этого Минфином России предлагается введение идентификации, декларирования, а также судебной защиты обладателей таких активов.

Владельцы цифровых валют, декларирующие свои активы, не будут привлекаться к уголовной ответственности. Такая ответственность может быть применена в случае правонарушения с применением цифровой валюты.

Итак, рынок виртуальных активов набирает быстрый темп роста, отсюда следует, что полного запрета со стороны государства не может быть. Легализация криптовалют рано или поздно наступит. Возможно, это может привести к валютным и налоговым злоупотреблениям и другим опасностям для государства и граждан. Для предотвращения негативных последствий от легализации необходим жесткий государственный контроль и вступление в силу законов, регулирующих цифровую валюту. Реализация концепции законодательного регулирования механизмов организации оборота цифровых валют обеспечит создание необходимой нормативной правовой базы, позволит вывести из тени индустрию цифровых валют и создать возможность осуществления легальной предпринимательской деятельности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.

2. Шевчук, С.С. Объекты гражданских прав: учебное пособие / С.С. Шевчук, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2021. – 212 с.

3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

4. Толстова, А.Е. Особенности правового регулирования инновационной деятельности / А.Е. Толстова, М.М. Трапезникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2018. – № 3 (40). – С. 72-76.

5. Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. – М.: Издание Государственной Думы, 2019. – 160 с.

6. Ситник, А.А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования / А.А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 11. – С. 103-113.

7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (часть 1). – Ст. 5018.

8. Ефимова, Л.Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства / Л.Г. Ефимова // Банковское право. – 2021. – № 5. – С. 7-20.

9. Указ Президента Российской Федерации от 10.12.2020 № 778 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 50 (часть IV). – Ст. 8185.

10. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют // СПС «КонсультантПлюс».

11. Шеншин, В.М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В.М.Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6 (70). – С. 31-41.

12. Шварц, Л.В. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве: презумпции и нюансы привлечения лиц, контролирующих должника / Л.В. Шварц, Э.Т. Майборода // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 2 (51). – С. 69-73.

13. Назарова, И.С. Совместное банкротство супругов – бывших участников накопительно-ипотечной системы: отсутствие четкого правового регулирования и неоднозначность судебной практики / И.С. Назарова, В.М. Шеншин // Право в Вооруженных силах. – 2018. – № 6. – С. 35-43.

ТОГУЛЕВА Александра Сергеевна,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, студентка; aleksandra.toguleva@mail.ru

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В СТРАНАХ СНГ

В статье дана характеристика основных международных правовых источников в области правового регулирования статуса мигрантов, основных тенденций развития миграционного законодательства в странах СНГ и форм их сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова: *миграция, миграционное законодательство, статус беженцев, правовая защита, дети-мигранты.*

Современные глобализационные процессы, наличие социального и экономического неравенства в развитии государств, вооруженные конфликты, обусловленные во многом дискриминационной государственно-правовой политикой ряда стран, – то немногое, что привело к образованию миграционного кризиса, захлестнувшего весь мир в последнее десятилетие. Одним из основных направлений эффективного разрешения сложившейся ситуации и предотвращения ее последствий следует искать в совершенствовании миграционного законодательства, общеправовые принципы которого закреплены в международных правовых актах. Среди них можно выделить Конвенцию о статусе беженцев 1951 г., Нью-Йоркскую декларацию о беженцах и мигрантах 2016 г., Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. и др. Следует отметить, что данные документы закрепляют наиболее общие положения, касающиеся мигрантов и беженцев в целом. Существуют также и более узконаправленные акты, закрепляющие нормы в отношении определенной группы, например, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Тем не менее, защита прав и свобод отдельных категорий мигрантов, в частности детей, до сих пор не получила должного закрепления как на международном, так и национальном уровнях миграционного законодательства.

Правовое положение детей-мигрантов осложнено совмещением ими одновременно двух статусов – они являются несовершеннолетними, т.е. наиболее уязвимой категорией населения, и лицами, которые находятся за пределами своего государства, при этом нередко нелегально. Защите детей уделяется большое внимание со стороны всего мирового сообщества, что отражается в принятии многочисленных правовых документов. Однако существующие пробелы в международном и национальном регулированиях рассматриваемого двойного статуса и отсутствие должной систематизации в данной сфере ставят в зависимость положение детей-мигрантов от сложившейся практики в работе уполномоченных органов в каждом отдельном государстве.

Понимать правовые тонкости несовершеннолетним фактически невозможно, это бремя лежит на лицах, ответственных за ребёнка. Тем не менее, человеку, несвязанному с юриспруденцией, достаточно непросто самостоятельно разбираться во всех правовых вопросах, которые осложнены при этом своими национальными особенностями, неизвестными переселенцу. Если делами несовершеннолетних, оказавшихся за пределами своего государства без сопровождения взрослых, занимаются специализированные службы, то в поддержку остальных детей-мигрантов в лучшем случае служит проведение юридических консультаций для их семей. В настоящее время участились случаи нахождения несовершеннолетних иностранных граждан либо же детей, установить гражданство которых вовсе не представляется возможным, на территории чужого государства без сопровождения взрослых. Например, только за июнь 2021 г. в палаточном лагере на военной базе Форт Блисс в Эль-Пасо (штат Техас в США) расположилось более 2000 детей, прибывших в страну в одиночку [1]. Более 150 детей за 2021 г. прибыли без родителей в

Панаму [2]. Свойственна такая тенденция и для Евразийского континента: в мае 2021 г. на берега Италии высадилось более 1500 человек, среди которых также было много несопровождаемых детей [3].

В данной ситуации положительную роль может сыграть проведение систематизации разрозненных международных правовых актов и принятие единого, обновлённого с учётом современных реалий, нового НПА, касаю-щегося правовой защиты как мигрантов в целом, так и детей-мигрантов в отдельности. В результате таковой деятельности, по мнению П.Ю. Гордиенко, будет осуществлено «упрощение процесса поиска необходимой нормы (совокупности норм), что обеспечит широкую доступность законодательства для любых субъектов и, тем самым, удобство его использования» [4, с. 68]. Однако, к сожалению, попытка реализации подобного подхода фактически «провалилась» в 2018 г., когда многие страны, в том числе и ЦЮВЕ, отказались подписать Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, предусматривающий расширение возлагаемых на государства обязанностей по обеспечению надлежащей правовой защищённости лиц, обратившихся с ходатайством о статусе беженцев.

Позитивным шагом в развитии регионального миграционного законодательства служит принятие в 2021 г. МА государств – участников СНГ Модельного Миграционного кодекса. Необходимо отметить, что данный систематизированный акт носит лишь рекомендательный характер, однако он является значимым для законодателей, т.к. при его составлении учитывались нормы международного права и национальные особенности государств-членов, что позволяет брать за основу положения модельного кодекса при разработке национальных правовых документов. Несмотря на постоянные видоизменения в способах миграции, её целях, причинах и составе субъектов, председатель Постоянной комиссии МПА СНГ по социальной политике и правам человека А. оглы Рагимзаде заключил, что данный акт не следует подвергать постоянным пересмотрам и внесениям дополнений, его роль заключается в содержании фундаментальных устоев, наиболее значимых правил, применяемых в сфере миграции: «Нельзя объять все в одном законе… Важно дать главные правила строго в рамках темы» [5].

Положения, которые содержит кодекс в отношении детей, отражают одну из наиболее актуальных проблем, связанных с обеспечением безопасности. Для стран СНГ случаи злоупотреблений в отношении несовершеннолетних на данный момент единичны, однако законодательство должно быть готово к внештатным ситуациям. Такого рода предусмотрительность прослеживается в ст. 49 указанного кодекса, закрепляющей особенности въезда в государство несовершеннолетних иностранных граждан без сопровождения взрослых. Так, согласно статье, предусмотрены обязательное прикрепление к каждому из них сопровождающего «специалиста в сфере защиты прав ребёнка», «установление при необходимости личности … и обстоятельств его въезда…». Данная статья возлагает на принимающее государство большую ответственность за обеспечение прав детей-мигрантов, за «представительство, необходимую защиту его интересов и уход, …размещение в центре для несовершеннолетних

лиц» и др., предлагает различные механизмы их защиты, в т.ч. репатриацию и переселение в третьи безопасные страны, если это соответствует интересам ребенка и принципу воссоединения семьи. Прогрессивными являются и нормы, касающиеся защиты персональных данных, т.к. документом также предусмотрен сбор и учет определенного рода информации о мигрантах и их семьях (ст. 7). Следует отметить, что без осуществления деятельности по сбору личной информации детей невозможен поиск их родственников, что ставит под угрозу соблюдение принципа единства семьи [6].

Национальное законодательство Республики Беларусь в сфере миграции соответствует международным стандартам, к основным источникам правового регулирования данной сферы относятся Конституция Республики Беларусь, законы «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» 2010 г., «О внешней трудовой миграции» 2010 г., «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» 2008 г., постановления Совета Министров, например, Положение о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Бела-русь 2006 г. и др. Относительно защиты детей также применяется Закон Республики Беларусь от 19.11.1993 «О правах ребенка». Представленная законодательная база достаточно обширна, что, к сожалению, значительно затрудняет работу с ней. Более того, положения, посвященные одной сфере отношений и находящиеся в различных источниках, могут ввести в заблуждение юридически неподготовленных лиц. Нередки и случаи существования коллизий норм права в отсутствии своевременной систематизации.

Позитивный опыт кодификации миграционного законодательства из числа стран – участниц СНГ имеет Азербайджан. Миграционный кодекс Азербайджанской Республики был принят 2 июля 2013 г. и состоит из 6 разделов, включающих 95 статей. Тем не менее, внутренняя трудовая миграция и вопросы предоставления, лишения или потери статуса беженца вынесены за рамки кодекса и регулируются другими НПА.

Разработанный в 2021 г. МВД России проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» в научной и публицистической литературе нередко называют будущим миграционным кодексом, т.к. он затрагивает многие аспекты в миграционной сфере. По мнению А.С. Прудникова, прийти к созданию единого кодифицированного акта позволяют основные критерии реализации Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г. путем упорядочивания и систематизации категорий и институтов законодательства в данной сфере, согласования правового понятийного аппарата и соответствующей терминологии с общепризнанными принципами и нормами международного права, закрепления компетенции государственных органов в сфере миграции и т.д. [7]. Упомянутый проект НПА при его принятии заменит собой 2 иных действующих акта, но, на наш взгляд, будет лишь переходным этапом к созданию полноценного миграционного кодекса.

Таким образом, систематизация миграционного законодательства на международном и национальном уровнях будет положительным шагом в развитии системы защиты мигрантов, упрощении для понимания мигрантами их основных прав, свобод и обязанностей, повышении уровня безопасности как прибывающих в страну, так и местного населения. Существующее миграционное законодательство многих государств достаточно обширно, что осложняет работу с ним. Законодательство по отношению к детям-мигрантам вовсе не представляется возможным полноценно выделить в единый комплекс из числа нормативных актов в сферах миграции и защиты прав детей. Неурегулированность данного вопроса в первую очередь на международном уровне ставит положение детей в сильную зависимость от национального законодательства принимающего государства и сложившейся практики среди государственных служб, работающих с детьми-мигрантами. Для повышения эффективности в совершенствовании системы защиты детей-мигрантов предлагается выделение отдельных разделов в уже функционирующих международных правовых документах и актах национального миграционного законодательства, содержащих детализацию норм, касающихся регулирования всесторонней защиты несовершеннолетних лиц, находящихся за пределами своего государства.

Список литературы:

1. «Душераздирающие» условия в американском лагере для детей-мигрантов // BBC News. – URL: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-57561760 (дата обращения: 09.03.2022).

2. ЮНИСЕФ встревожены резким ростом числа детей-мигрантов, пробирающихся через джунгли между Колумбией и Панамой // Новости ООН. – URL: https://news.un.org/ru/story/2021/10/1411632 (дата обращения: 05.03.2022).

3. В ООН предупреждают: все больше мигрантов гибнут при попытке пересечь Средиземное море // Новости ООН. – URL: https://news.un.org/ru/story/2021/05/1402292 (дата обращения: 04.03.2022).

4. Гордиенко, П.Ю. Техника систематизации права: теоретические ос-новы и инструментарий: Монография / П.Ю. Гордиенко; под науч. ред. М.Л. Давыдовой. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2016. – 320 с.

5. Миграционный кодекс СНГ – каким он будет и для чего нужен // Sputnik Таджикистан // URL: https://tj.sputniknews.ru/20191023/kodeks-migrant-cis-1030089243.html (дата обращения: 07.03.2022).

6. Модельный миграционный кодекс для государств-участников СНГ: принят на 52-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ: Постановление № 52-3 от 16.04.2021 // URL: https://iacis.ru/baza dokumentov/modelnie zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 06.03.2022).

7. Прудников, А.С. О предполагаемой концепции миграционного кодекса Российской Федерации / А.С. Прудников // Международный

журнал конституционного и государственного права. – 2017. – № 4. – С. 67-69.

ТУРГАЕВА Камилла Куангалиевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент, kturgayeva@bk.ru

О КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается нормативное закрепление формы государства России с точки зрения ее исторической практики и преемственности правовых форм организации власти.

Ключевые слова: *форма государства, политические традиции, идеальное государство.*

Кардинальные реформы политической и экономической системы российского государства в 90-х гг. XX столетия привели к принятию в 1993 г. Конституции Российской Федерации, закрепившей принципиально новую форму правления – полупрезидентскую республику, сочетающую в себе признаки сильной президентской власти и парламентской республики. После принятия Конституции прошло почти 30 лет. С исторических позиций это небольшой период, но при этом значительный. Четкого определения формы республиканского правления в Российской Федерации к настоящему моменту (президентская или полупрезидентская) не существует.

Соотношение президентских и парламентских полномочий – явно не в пользу российского парламента, тем не менее, эта форма правления представляется наиболее оптимальной.

Почему она является более оптимальной:

1. Парламентская форма правления характерна для стран со сложившимися демократическими институтами, устойчивыми парламентскими традициями. К сожалению, к числу таких стран Российскую Федерацию пока отнести сложно.

2. Парламентская форма правления объективно имеет недостатки, связанные с естественной инерционностью при принятии оперативных решений, особенно если необходимо принимать быстрые управленческие решения при возникновении чрезвычайной или экстраординарной ситуации. В Российской Федерации также не все так просто в плане стабильного развития общественно-политических процессов.

3. Нельзя не учитывать исторические традиции России, а они во все времена предполагали четкую персонифицированность власти, что нехарактерно для парламентской формы правления. Как отмечает А.А. Опалева, персонификация власти предполагает восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности, в которой эта власть воплощается. Личным качествам представителя власти

придается большее значение, чем законотворчеству, устройству и функционированию госаппарата [1].

4. Данная форма правления предполагает четкую вертикаль власти, когда отношения в системе органов исполнительной власти строятся на принципах субординации и подчинения. И это тоже российские реалии. К сожалению, на данном этапе исторического развития без сильной вертикали властных отношений Россия как единое государство существовать не сможет, либо его будут сотрясать перманентные кризисы, сопровождающиеся снижением уровня управляемости общественными, политическим и социально-экономическими процессами в стране.

Правовые основы обеспечения безопасности российской государственности гарантируются, прежде всего, Конституционными актами. Конституция имеет решающее значение в системе правовых средств сбалансированного обеспечения безопасности личности, общества и государства. При этом, согласно позиции Н.С. Бондаря, безопасность как определенный режим статусного состояния соответствующих субъектов приобретает конституционные характеристики, становится конституционной безопасностью [2]. Скажем более, по мнению С.А. Авакьяна [3], практически все институты конституционного права оказывают прямое влияние на обеспечение системы национальной безопасности. Это находит подтверждение практически во всех функциях Конституции – учредительной, организаторской, внешнеполитической, идеологической и, конечно, юридической.

Концепция идеальной формы российского государства имеет свои проблемы и перспективы. Если говорить о форме государства, то это конструкция, которую можно создать теоретически и к которой можно (по мере поэтапного развития) приблизиться. В современном понимании идеал государства (выраженный в Конституции Российской Федерации) – это демократическое, правовое, социальное государство. Современную Россию можно считать смешанной (парламентско-президентской) республикой, федерацией, асимметричной и конституционной с национально-территориальным признаком и демократическим политическим режимом. Она основывается на исторических, культурных особенностях развития государства.

Современное развитие России с учетом международных стандартов должно двигаться в направлении уже провозглашенных в Конституции РФ идеалов с обязательной установкой на культурные, традиционные и исторические особенности развития.

Обычно претензии общества к государству сводятся к следующим утверждениям: оно «обязано», оно «могло», оно «призвано». Эта позиция имеет право на существование. Однако необходимо задаться и другим немаловажным вопросом, удается ли государству всегда быть таким, не отстает ли оно от темпов мирового и национального развития.

Под формой государства понимаются форма правления, форма государственного устройства и политический режим. Экономика, культура, исторические традиции, национальные особенности оказывают несомненное влияние на форму государства. Проводимая в

России политико-правовая реформа показала, что эффективность развития страны зависит от значения конституционных норм, обновленной роли государства, утверждения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

По форме государственного устройства, то есть политико-территориальному устройству Россия наряду с такими странами, как США и Канада, относится к федерации. В таких государствах совместно с федеральными органами имеются органы власти субъектов федерации, функционируют две системы законодательства, двойное гражданство, двухканальная система налогов и др.

На практике и в теории существуют различные подходы к классификации федераций. Например, по национальному и территориальному признакам. Кроме того, выделяют симметричные и асимметричные федерации. Речь идет о правовом положении различных частей федерации. Считается, что абсолютно симметричных федераций нет, так как определенные различия между субъектами всегда имеют место быть. Исходя из предложенных классификаций, считаем, что Россию можно отнести к федерации асимметричной и конституционной с национально-территориальным признаком.

В соответствии с Конституцией Россия считается демократическим государством. Для государств с демократическим политическим режимом характерны: рыночная экономика, принцип разделения властей, выборность и сменяемость государственной власти, ее децентрализация, политическая активность граждан. Считается, что Россия относится к полудемократическим государствам. Такие государства характеризуются объединением преобладающих черт демократии и отдельных элементов авторитаризма. В них нарушен принцип взаимодействия властей, не отработана система сдержек и противовесов, политическая активность граждан не развита на должном уровне, существует проблема реализации и защиты прав граждан.

Достигла ли Россия идеальной формы государства? Выделим основные вызовы современного мирового развития:

- изменения политической карты мира;
- бурное развитие экономики, науки, техники;
- перемены в социальной структуре государств (в связи с миграционными потоками людей и возникновением необходимости обеспечения консолидации разных слоев населения);
- широкомасштабная интеграция;
- глобализация и цифровизация;
- сближения правовых систем.

Объективные процессы подвержены различным факторам воздействия: экономическим, финансовым кризисами, в том числе вызванными пандемией COVID-19, социальными и политическими потрясениями. Ввиду этого представляется сложным выстроить планомерное воздействие на них.

В научной литературе существуют два основных подхода к определению идеальной формы правления для современной России с учетом вызовов времени. Представители первого направления считают, что для современной России наиболее приемлемым

вариантом развития является ограниченная монархия, либо что Россия может успешно существовать только как державное, централизованное государство, решая все те проблемы и задачи, которые ставит перед ним время и его вызовы. Представители второго подхода полагают, что современное развитие российского государства должно осуществляться в рамках уже заданного Конституцией РФ вектора с позиции демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления.

Тот идеал, который сформулирован в Конституции Российской Федерации, а именно правовое демократическое государство, не является идеалом для многих стран, и далеко не всегда он формирует тот тип личности в обществе, который возможно принять. Необходимо учитывать культурные, традиционные, исторические особенности развития страны [4].

Причем их реализация должна происходить постепенно, поэтапно путем реформирования. Следовательно, мы можем с течением времени максимально приблизиться к провозглашенному в Конституции РФ идеальному государству. К тому же идеальности, так или иначе, присуща доля субъективности, которая применима к каждому государству в отдельности. Конституция РФ провозгласила Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Несомненно, что принятие в 1993 г. Конституции РФ представляло собой радикальный разрыв с прошлым, отказ от его норм и ценностей.

Считаем, что только с поправкой на них можно говорить о возможности реализации конституционных идеалов с тем, чтобы достойно ответить на современные вызовы времени.

Список литературы:

1. Опалева, А.А. Свобода человека как форма выражения единства личности, права и государства / А.А. Опалева // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 2 (58). – С. 140-146.

2. Бондарь, Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? / Н.С. Бондарь // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 20-34.

3. Авакьян, С.А. К вопросу о понятии публичной власти / С.А. Авакьян // Публичная служба: правовой и управленческий аспекты: сб. материалов по итогам научно-практической конференции с международным участием. – Екатеринбург, 2021. – С. 5-9.

4. Павлова, С.В. Империя как политико-правовая категория (к 300-летию провозглашения России империей) / С.В. Павлова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 4 (53). – С. 18-22.

УСАЧЁВ Вячеслав Игоревич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
slavausachev@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

В статье актуализируются теоретические и практические вопросы правовой защиты прав и законных интересов предпринимателей.

Ключевые слова: *предприниматели, метод защиты, права и интересы граждан, нормативно установленные меры.*

В экономике каждой страны действуют крупные, средние и малые предприятия, масштабы работы которых зависят от специфики сферы деятельности и особенностей технологических процессов. При этом всемирная экономика свидетельствует, что малый бизнес в значительной степени влияет на формирование финансовой системы, от него зависят решения многих общественных проблем. Мы можем не раз убедиться, что предприниматели являются мотором экономики, потому что непрерывно адаптируются к реальностям прогрессивно меняющегося мира (например, изменения в условиях COVID-19 стимулировали переход многих предпринимателей с «offline» на «online» формат предоставления своих услуг с применением Интернет-ресурсов).

Интересы бизнеса должны быть учтены и обеспечиваться государством, следовательно, реализовать эти интересы возможно в большей степени путем обращения за судебной защитой.

Судебная защита легитимных прав бизнесменов и их законных интересов в РФ постоянно зависит от деятельности органов власти по защите нарушенных прав или по защите оспариваемых интересов предпринимателей, уполномоченных реагировать и принимать требуемые меры для восстановления нарушенных прав, либо принимать необходимые действия для пресечения правонарушения [1, с. 42].

Конституция РФ гарантирует реализацию конституционного права на защиту в суде. В целях практического применения предоставленного и гарантированного конституционного права государство обеспечивает своевременное развитие механизма правовой защиты и создает подходящие обстоятельства для его функционирования.

Гарантия судебной защиты прав и законных интересов предпринимателей определена Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 46). Предметом защиты в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности могут быть ущемленные или оспариваемые права, а также законные интересы лиц, осуществляющих эту деятельность.

Правовая защита включает в себя меры материального и процессуального принуждения. С их помощью осуществляется

восстановление нарушенных прав и осуществление определенного воздействия на виновного.

Материальные методы защиты корпоративных прав – это определенные методы действий, направленные на защиту прав в соответствии с нормами защиты материального права.

К превентивным методам относятся методы, связанные с принудительным прекращением противоправной деятельности, влекущей за собой убытки, определенный ущерб и другие негативные последствия, несущие немалый риск последствий [2, с. 72].

В случаях нарушения прав и законных интересов граждан и юридических лиц принимаются различные меры на уровне правоохранительных органов и уголовного преследования.

К методам восстановления относятся методы, направленные на признание определенных прав субъекта, а также на возможность восстановления ситуации, существовавшей до нарушения права.

Под формой правовой защиты понимается деятельность уполномоченных органов, чьи обязанности определены законом и другими нормативно правовыми актами.

Формы защиты прав предпринимателей в зависимости от вида делятся на судебные и внесудебные.

Судебные формы защиты прав и законных интересов предпринимателей включают отдельные виды деятельности таких органов, как: Конституционный Суд РФ; арбитражные суды; суды общей юрисдикции.

Судебный характер защиты в России был и остается основной универсальной и эффективной формой. Преимущественно распространены следующие формы исков, используемые для защиты в суде:

1. Иск о присуждении. В данном иске истец обращается в арбитражный суд с целью обязать ответчика передать ему определенное имущество, денежную сумму для совершения определенного действия. Специфика такого иска в том, что арбитражный суд принимает во внимание фактические обстоятельства дела; решить вопрос о наличии прав и обязанностей сторон, которые законом, договором предусмотрены. Если ответ на этот вопрос утвердительный, – поручить ответчику передать спорное дело истцу, выплатить оспариваемую сумму и т.д.

2. Преобразовательные иски. Настоящий иск подается с целью прекращения, изменения, в том числе возникновения материальных правоотношений. Следовательно, постановление суда выступает в качестве правового акта в сфере материального права, меняя структуру такого правоотношения, как в случае запроса об изменении условий договорных обязательств.

Арбитражный суд не выносит решения, не обязывает ответчика совершить какие-нибудь действия или воздерживаться от принятия решения о преобразовании. Например, после расторжения хозяйственного контракта суд не обязывает ответчика к каким-нибудь действиям, т.е. нет обязательства, которое суд может выполнить. При внесении изменений в соглашение стороны, согласно решению третейского суда, должны будут оформить вытекающие из соглашения правоотношения с новыми условиями.

Также нельзя забывать о такой проблеме, как чрезвычайная загруженность судов. Этот факт ощутимо уменьшает эффективность правовой защиты граждан и предпринимателей в арбитражных судах [3, с. 73].

Существует и другая важная проблема – порядок выполнения экспертиз. Проанализировав цены на осуществление судебной экспертизы, можно сделать вывод о том, что процесс экспертизы является достаточно дорогим.

Зачастую сроки для проведения экспертизы превышают все целесообразные пределы, что порождает удивление и недовольство предоставленным процессом. К тому же судьи критически относятся к ходатайствам лиц, участвующих в деле, о назначении судебных экспертиз, расценивают их как «преждевременные» или «направленными на затягивание рассмотрения дела» [4, с. 624].

Важной особенностью арбитражного суда является то, что одним из принципов его работы является принцип конфиденциальности и, как показывает практика, конфиденциальность очень важна в бизнесе, особенно в спорах в целом. Если государственный суд объявляет судебное разбирательство закрытым только в исключительных случаях, принцип конфиденциальности арбитражной процедуры означает, что, если стороны не договорились об ином, дело должно рассматриваться в закрытом заседании. Однако это не единственное выражение принципа конфиденциальности. В законе есть норма, устанавливающая свидетельский иммунитет арбитров. Это означает, что арбитра нельзя допросить об обстоятельствах, которые стали ему известны в ходе разрешения спора.

Процедура судебного иска для защиты прав и законных интересов может быть использована или предписана только в тех случаях, когда она предусмотрена договором или предусмотрена законом, в противном случае она не является обязательной для сторон.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что, невзирая на проблемы, сопряженные с защитой прав предпринимателей, суды благополучно и в полном объеме осуществляют свою работу. Судебная защита прав и интересов предпринимателей была и остается одной из самых универсальных, результативных и преимущественно удачных форм защиты, несмотря на то, что данный способ имеет некоторые трудности и объективные проблемы.

В том числе стоит обратить внимание на урегулирование трудностей, связанных с осуществлением правосудия, следовательно, уместно выполнить следующий комплекс мер по содействию предпринимательству в РФ:

- углубленно исследовать процессуальное законодательство РФ, и на этих основаниях разработать предложения по его совершенствованию;
- увеличить судейский персонал с целью улучшения эффективности выполнения обязанностей;
- улучшить качество мониторинга за соблюдением сроков судебного разбирательства в процессе разрешения деловых споров.

Основные формы внесудебной защиты прав и интересов предпринимателей:

- нотариальная защита;

- медиация;
- третейское разбирательство;
- досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров [5, с. 564].

Нотариус представляет права и интересы предпринимателей в пределах своей компетенции в случаях, когда неопровержимость закона очевидна и основана на соответствующих документах. Нотариус устанавливает факты, и такое заявление может быть в форме актовых свидетельств, исполнительного листа, предъявления платежного чека и подтверждения отказа в оплате [6, с. 32].

Нотариальная форма правовой защиты является обязанностью нотариуса. Эта форма используется, когда права человека доказаны и основаны на соответствующих документах. Важное отличие состоит в том, что нотариус устанавливает факты, а не принимает решение по существу спора между сторонами. Нотариальное установление фактов может иметь форму исполнительного листа, удостоверения документов, предъявления чеков и отказа в оплате.

Нотариальная защита прав предпринимателя осуществляется путем установления права с целью защиты нарушенного права или предотвращения его нарушения. Примером может служить нотариальное подтверждение того, что лицо уполномочено взыскать определенную сумму денег с должника. Эта процедура упрощает и сокращает время, необходимое для восстановления нарушенного права.

Так же интерес представляет медиация – возможность договориться о многих вопросах. В такой процедуре не выясняется, кто был прав, а кто виноват. Процедура ориентирована на будущее, что позволяет сохранить партнёрские отношения, несмотря на произошедший конфликт. Часто возникает вопрос: «В каких случаях может быть применима медиация?».

Как правило, споры между предпринимателями больше других подходят для урегулирования посредством медиации. Начиная от небольших споров по поставке грузов и до строительства сложных комплексов, – обо всем этом можно договориться. Споры в таких сферах, как торговля, финансы, недвижимость, энергетика, трудовые отношения и даже спорт находятся в зоне потенциально возможных решений с помощью независимой третьей стороны.

Конечно, медиация – не панацея, но уж точно – привлекательная альтернатива судам в современных реалиях. Законодатель предоставил возможность рассматривать споры не только арбитражным судам, но и третейским. Эта форма защиты нами отнесена к внесудебным. Ведь не случайно третейский суд называют альтернативной формой (термин вполне официален и используется не только в теории, но и в правотворчестве и юридической практике) по урегулированию юридико-правовых конфликтов [7, с. 57].

Третейский суд не является государственным судом, т.е. не входит в судебную систему (иерархию государственных судов), однако его решения обеспечены силой государственного исполнения. Решения третейского суда по своей правовой силе приравнены к решениям государственных судов и являются обязательными для сторон. Заметим, что итоги работы Третейских судов в России относительно

стабильны, но явно недостаточны, чтобы заявлять об активном росте их популярности.

Стоит отметить, что, если процедура рассмотрения претензий не соблюдается, жалоба может быть оставлена без внимания. При составлении претензии необходимо четко определить предмет спора, по какой причине, а также четко обосновать свою позицию и аргументы.

Претензионный порядок урегулирования спора представляет собой особую (письменную) примирительную процедуру, процедуру урегулирования спора самими спорящими сторонами, осуществляемую посредством предъявления претензии и направления ответа на нее.

Суть претензионного порядка урегулирования разногласий заключается в том, что ответчику заранее (то есть до его обращения в арбитражный суд за защитой нарушенных прав) предъявляются требования, касающиеся наличия у организации каких-либо претензий к нему.

Претензионный порядок в определенной степени охраняет интересы самого ответчика, поскольку позволяет ему удовлетворить предъявленные требования в добровольном порядке и, следовательно, избежать дополнительных расходов в случае передачи спора на разрешение арбитражного суда.

Из этого можно сделать вывод, что процедура внесудебного урегулирования споров была создана для того, чтобы побудить стороны самостоятельно урегулировать возникшие разногласия, чтобы обеспечить возможность восстановления нарушенных прав в относительно короткий период времени. При этом существует судебный порядок разрешения споров, если стороны не могут урегулировать возникшие разногласия, поэтому вынуждены использовать третьих лиц, специализирующихся на этих вопросах.

Внесудебные формы защиты прав и интересов предпринимателей выбираются только с согласия сторон и способствуют судебной защите и развитию деловой практики.

Список литературы:

1. Толстова, А.Е. Актуальные проблемы корпоративного права: учебное пособие / А.Е. Толстова, П.В. Коренев. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2022. – 163 с.

2. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

3. Лысов, П.К. Проблемы, возникающие при осуществлении защиты прав предпринимателей в арбитражном процессе / П.К. Лысов // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 1 (50). – С. 71-74.

4. Тимонина, Д.А. Защита прав и законных интересов предпринимателей: способы и формы защиты; судебная и внесудебная защита / Д.А. Тимонина // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. – № 12 (39). – С. 622-626.

5. Фадеев, А.В. Внесудебные формы защиты прав и интересов предпринимателей / А.В. Фадеев, Н.Е. Хомяков // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 6 (45). – С. 563-565.
6. Денисова, Ю.Н. К вопросу о российской модели нотариата / Ю.Н. Денисова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – № 4 (53). – С. 31-37.
7. Толстова, А.Е. Медиативное соглашение как гражданско-правовая сделка / А.Е. Толстова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. № 2 (47). – С. 56-62.

ФОКИН Сергей Вячеславович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант; s.phokin@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье рассматриваются особенности развития современного российского законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: *гражданский оборот, государство, иммунитет, ответственность, казна, судебный иммунитет.*

Одним из первых нормативных актов в российском правовом пространстве, упоминающих понятие несостоятельности, является Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [1], определявший в п. 3 ст. 24, что предприятие, не выполнявшее свои обязательства по расчетам, могло быть в судебном порядке объявлено банкротом в соответствии с законодательством РСФСР. Однако соответствующий судебный порядок не был установлен, и не было норм права, конкретно определяющих юридические признаки несостоятельности, в связи с чем указанное положение закона не применялось [2, с. 4].

14 июня 1992 года был принят указ Президента № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур» [3] (далее – Указ), который должен был действовать до принятия закона о несостоятельности (банкротстве) и регулировать общие моменты, касающиеся вопросов несостоятельности.

В 1992 г. был принят Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [4] (далее – Закон 1992 г.), который в условиях рыночной экономики создавал механизм, помогающий исключить из гражданского оборота неплатежеспособных субъектов. В отличие от Указа факт признания субъекта несостоятельным признавался не государственным органом, а арбитражным судом, субъект также мог самостоятельно объявить себя банкротом.

Однако в связи с принятием в 1994 г. ГК РФ многие положения Закона 1992 г. устарели и не могли должным образом отражать действующую правоприменительную практику. Данные противоречия послужили одним из оснований реформирования законодательства о банкротстве [5, с. 12].

В 1998 г. был принят Федеральный закон 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [6] (далее – Закон 1998 г.), который учитывал зарубежный опыт применения института несостоятельности и специфику российского законодательства. Основным отличием от действовавшего ранее закона был отказ законодателя от принципа неоплатности долга при определении критерия банкротства в пользу принципа неплатежеспособности.

Положительной стороной нового закона стало введение предварительной процедуры банкротства, позволяющей исследовать финансовое состояние субъекта банкротства и сохранность его имущества до окончательного разрешения вопроса арбитражным судом.

Стоит отметить, что Закон 1992 г. применял стандартную процедуру банкротства ко всем субъектам банкротства на основании единого критерия.

По мнению некоторых специалистов, Закон 1998 г. создавал прецеденты для быстрого развала предприятий [7, с. 53]. Он был направлен на защиту интересов кредитора и не мог обеспечить должную защиту интересов других субъектов гражданского оборота. Вместо того чтобы провести процедуру финансового оздоровления предприятия и вернуть предприятие в хозяйственный оборот, кредиторы были заинтересованы в его банкротстве и разделе имущества.

Несмотря на недостатки Закона 1998 г., среди ученых он получил положительную оценку. Отмечалось, что банкрот получал возможность возобновить бизнес, а кредитор мог максимально удовлетворить свои интересы [8, с. 5], также был обеспечен баланс дел и интересов участников конкурсного процесса [9, с. 33].

Приведенный перечень недостатков конкурсного производства, не являлся исчерпывающим, что подталкивало к коренному реформированию законодательства о банкротстве. Это послужило основанием к разработке и принятию Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [10] (далее – Закон о банкротстве).

В отличие от ранее действующего законодательства, Закон о банкротстве выполняет две важнейшие задачи: с одной стороны, исключает из хозяйственного оборота несостоятельных субъектов, а с другой – предоставляет добросовестным субъектам вновь достичь финансовой стабильности. Также можно наблюдать баланс между интересами субъекта банкротства и его кредиторов.

В Законе о банкротстве была взята за основу правовая конструкция относительной неплатежеспособности, предполагающая признание субъекта банкротом при наличии формальных признаков.

В отличие от конструкции абсолютной несостоятельности, которая предполагает превышение пассивов над активами, новая

модель позволяет в большей степени удовлетворить требования кредиторов.

Также Закон о банкротстве устанавливает, что дело о банкротстве юридического лица может быть возбуждено арбитражным судом, если требования к должнику составляют не менее чем триста тысяч рублей, дело о банкротстве физического лица может быть возбуждено арбитражным судом, если требования к должнику составляют не менее чем пятьсот тысяч рублей и указанные требования не исполнены в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. «Таким образом, российский закон кроме факта неплатежей и временного их отрезка устанавливает и минимальную задолженность. Аналогичный подход содержит законодательство Англии, в отличие от права Франции, где достаточно формального признака несостоятельности – прекращения платежей» [11, с. 38].

Стадии конкурсного производства и мирового соглашения были установлены всеми тремя законами. Однако Закон о банкротстве ввел новую стадию финансового оздоровления субъекта банкротства, которая позволяет защитить указанного субъекта от недобросовестных кредиторов и восстановить его платежеспособность. Для этого в законе предусмотрено введение моратория на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, сроки исполнения которых наступили до введения внешнего управления.

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что Закон о банкротстве устранил много пробелов в ранее действовавшем законодательстве, в него регулярно вносятся изменения, что позволяет развивать институт несостоятельности (банкротства) в соответствии с меняющимися требованиями социально-экономического пространства [12, с. 31].

Отдельного внимания заслуживает Федеральный закон от 24.06.1999 № 122-ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса» [13] (далее – Закон 1999 г.), действовавший в период с 1999 г. по 2009 г., который был посвящен несостоятельности субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Принятие данного закона было предусмотрено ст. 189 Закона 1998 г., которая прописывает, что особенности проведения процедур банкротства в отношении субъектов естественных монополий могут быть установлены специальными федеральными законами. Это объясняется особым статусом данных субъектов, который выражается в отсутствии конкуренции производителей и незаменимости выпускаемой продукции. Применение к данным субъектам общих оснований конкурсного производства могло отрицательно сказаться на экономической ситуации в регионе. Стоит отметить, что применение данного закона носило приоритетный порядок, остальные нормативные акты подлежали применению в субсидиарном порядке.

Закон 1998 г. исходил из критерия неоплатности, что отличало его от других законов, действовавших на тот период, также срок неисполнения обязательств перед кредиторами увеличивался с трех до

шести месяцев. Вступивший в силу пар. 6 гл. IX Закона о банкротстве придерживается общего признака несостоятельности с определенными особенностями для субъектов естественных монополий, взяв за основу конструкцию неплатежеспособности. В пар. 6 гл. IX Закона о банкротстве установлено, что данный субъект считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и об уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение шести месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, а также, что требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей должны составлять не менее одного миллиона рублей.

Стоит обратить внимание так же на то обстоятельство, что обратившийся в арбитражный суд кредитор, должен был доказать добросовестность своих требований, например, приложив к исковому заявлению решение суда о взыскании причитающийся ему задолженности. Аналогичное положение содержит пар. 6 гл. IX Закона о банкротстве, указывая, что требования кредиторов, которые не удовлетворены в полном объеме путем обращения взыскания на имущество должника, должны быть подтверждены исполнительными документами.

Круг субъектов, участвующих в деле о банкротстве, также был расширен по сравнению с другими законами о несостоятельности, помимо самого субъекта банкротства сюда входили: органы исполнительной власти и местного самоуправления. Параграф 6 также допускает участие федеральных органов исполнительной власти в качестве лица, участвующего в деле о банкротстве.

В случае если причиной неплатежеспособности послужил акт государственного органа, устанавливающий для субъектов естественных монополий тарифы на товары, работы и услуги, арбитражный суд по заявлению должника может приостановить производство по делу о банкротстве до окончания рассмотрения заявления, оспаривающего такой акт. После рассмотрения заявления производство по делу может быть возобновлено, также суд может вынести решение об отказе в признании субъекта банкротом.

Согласно положениям пар. 6 гл. IX Закона о банкротстве, арбитражный суд также приостанавливает производство по делу, в случае подачи субъектом банкротства искового заявления о признании недействительными актов органов государственной власти об утверждении цен (тарифов) на товары (работы, услуги), производимые и (или) реализуемые в условиях естественной монополии, однако в отличие от Закона 1999 г., данный акт не является причиной неплатежеспособности.

Таким образом, Закон гл. IX Закона о банкротстве помимо стандартной процедуры банкротства на основании единого критерия может прописывать определенные особенности процедуры банкротства для отдельных субъектов.

Если рассматривать, институт несостоятельности применительно к физическим лицам, то можно отметить изначальное отсутствие норм, регулирующих данное направление. Закон 1992 г. предусматривал

нормы конкурсных отношений, ориентированные только на юридических лиц. Закон 1998 г. предусматривал нормы, регулирующие порядок признания гражданина банкротом, но содержал условие, что применение данных норм возможно только с момента вступления в силу федерального закона о внесении соответствующих изменений в ГК РФ.

01.07.2015 вступили в силу поправки в Закон о банкротстве, которые ввели механизм признания гражданина-должника банкротом. Введение в действие данного механизма обусловлено важнейшими факторами:

- в настоящее время в нашей стране сформировался обширный рынок потребительского и ипотечного кредитования, требующий формирование нормативно-правовой базы для защиты прав и интересов физических лиц – заемщиков;

- усложнение экономической ситуации в России и рост валютной инфляции способствовали увеличению процентного соотношения заемщиков, не способных исполнить взятые на себя кредитные обязательства.

Согласно императивным нормам Закона о банкротстве, гражданин не только вправе, но и обязан в случае невозможности удовлетворить требования одного или нескольких кредиторов обратиться в суд с заявлением о признании его банкротом.

До введения в действие механизма признания физического лица банкротом в случае его неплатежеспособности по долговым обязательствам происходило лишь взыскание задолженности в судебном, а далее – в исполнительном производстве. Однако процедура принудительного взыскания не позволяла в полной мере осуществить мероприятия по защите прав должников.

Федеральным законом от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] Закон о банкротстве дополнен статьей 214.1 «Регулирование банкротства индивидуальных предпринимателей». Согласно указанной норме, к отношениям, связанным с банкротством индивидуальных предпринимателей, применяются правила о банкротстве граждан, установленные параграфами 1.1 и 4 гл. X Закона о банкротстве.

Подводя итог, стоит отметить что, несмотря на различные подходы нашего законодательства к пониманию конкурсного производства, Закон 2002 г. закладывает правовую основу банкротства, которая обеспечивает не только цивилизованную ликвидацию неплатежеспособных должников, но и предоставляет возможность сохранить жизнеспособность хозяйствующих субъектов.

Список литературы:

1. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (ред. от 30.11.1994) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1990. – № 30. – Ст. 418 (утратил силу).

2. Козлова Е. Стать банкротом просто… или невозможно? // Бизнес-адвокат. – 1999. – № 17. – С. 3-6.

3. Указ Президента от 14.06.1992 № 623 «О мерах по поддержке и оздоровлению несостоятельных государственных предприятий (банкротов) и применения к ним специальных процедур» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 25. – Ст. 1419 (утратил силу).

4. Закон Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 1. – Ст. 6 (утратил силу).

5. Белых, В.С. Правовые основы несостоятельности (банкротства) / В.С. Белых, А.А. Дубинчин, М.Л. Скуратовский. – М., 2001. – 173 с.

6. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 21.03.2002) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 222 (утратил силу).

7. Попондопуло, В.Ф., Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Слепченко. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 344 с.

8. Дубинчин, А.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридического лица: автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.А. Дубинчин. – Екатеринбург, 1999. – 29 с.

9. Миерманова, С.Т. О развитии института несостоятельности (банкротства) в современных условиях / С.Т. Миерманова // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2010. – № 10. – С. 32-35.

10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

11. Щенникова, Л.В. Банкротство в гражданском праве России: традиции и перспективы / Л.В. Щенникова // Российская юстиция. – 1998. – № 10. – С. 37-39.

12. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

13. Федеральный закон от 24.06.1999 № 122-ФЗ «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса» (ред. от 08.11.2007) // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3179 (утратил силу).

14. Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. – 2015. – № 27. – Ст. 3945.

ХОДАКОВСКИЙ Прохор Дмитриевич,
Санкт-Петербургская юридическая академия, студент;
uapedps2012@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕВОСХОДСТВА В НИХ

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения превосходства РФ в информационных войнах, в том числе законодательные аспекты.

Ключевые слова: *информация, Интернет, безопасность, информационная война, информационное превосходство, средства информационной защиты.*

Как свидетельствует статистика и аналитические обзоры, да и современное положение дел, открытые военные конфликты в большинстве случаев могут быть проиграны, если не обеспечены серьезным информационным прикрытием. Актуальность данной проблемы состоит в том, что Интернет-ресурсы являются неотъемлемой частью жизни современного человека, они постоянно и стремительно трансформируются. Большинство людей на работе, в институте, дома используют мобильный Интернет каждый день, а социальные сети всё больше развиваются и набирают обороты по пользователям.

День сегодняшний кардинально изменил окружающее пространство, отдельные информационные «ручейки» превратились в сплошной поток, зачастую, фейковый и зловредный. Информация, обладая высокой ценностью зачастую становиться объектом посягательств, а все социально-культурное пространство информационно коллапсировалось, так как время на информационное взаимодействие между самыми отдаленными точками приблизилось к нулю. В результате проблема защиты информации и исследований в области информационных войн, многогранность форм и методов этой сферы определяет необходимость создания эффективной системы государственного противодействия операциям информационно-психологической войны, надежно и эффективно подкрепленные правовым законодательством.

На основе национальных интересов РФ в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности [1,2], что предполагает развитие собственных российских информационных технологий, разнообразие форм и методов самой информационной работы. Наступило время, когда и государство, и специальные ведомства должны обратить более пристальное внимание на это направление работы, чтобы перейти на качественно новый уровень в данной сфере деятельности в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации [2], где указано, что информационная безопасность должна быть эффективно обеспечена в рамках единой государственной политики как на

федеральном, так и на региональном уровнях. Так как знания и информация являются сегодня основным стратегическим ресурсом, именно это и определяет направления, перспективы законодательного регулирования в логике развития этой сферы в настоящем и будущем, обучение общества и каждого человека осознанному использованию их в профессиональной и личной жизни [3]. В отношении социальных сетей, специалисты констатируют, что степень их развития почти достигла своего пика, и в данный момент каждый пользователь может в этом убедиться. Поэтому параллельно идет рождение и развитие новых социальных сетей. Причем в последнее время это стали именно российские соцсети по интересам: для топ-менеджеров, любителей собак, инвалидов или памяти близких людей, покинувших этот мир. Это интересная тенденция была вызвана насыщением рынка общими сетями «для всех», но никак не является препятствием для ведения информационной войны. Данный феномен следует рассматривать как целенаправленную тактику всеобъемлющего охвата специально подготовленным психологическим и информационным воздействием на пользователей, что обусловлено современным стилем жизни общества, значимостью и ценностью информации во всех вопросах жизнедеятельности как отдельного человека, так и государства.

Обеспечение превосходства в современных реалиях информационного общества подразумевает не просто согласованную деятельность по использованию информации, информационных процессов и систем как средства противодействий, но и продуманное, серьезное внимание, законодательное обеспечение, денежные вливания, реализацию продуманных стратегий в военной, политической, экономической и социальной сферах.

Одним из важнейших факторов превосходства в информационной войне является доминирование в информационных технологиях. Успех гарантируется возможностями контроля инфраструктуры глобального информационного пространства и транснациональных социальных сетей, тем не менее, важна роль и человеческого фактора как отражения образовательной и воспитательной политики государства в своей стране. Например, современная тенденция снижения образовательного уровня в Украине, является одной из причин такого сильно «зомбированного» поведения части населения, которая безоговорочно доверилась пропаганде и «закрывала глаза» на проблемы ДНР и ЛНР [4]. Выделяют отдельные подвиды информационных войн, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные виды информационных войн

№	Виды ИВ	Содержание понятия
1.	Информационная война в социальных сетях	Предлагается разная и зачастую противоречивая информация, применяемая для запутывания противника.
2.	Психологические операции	Подбор и подача такой информации, которая звучит как контраргумент на настроения, существующие в обществе.
3.	Дезинформация	Продвижение ложной информации с целью направления вражеской стороны по неправильному следу.

4.	Разрушение	Физическое уничтожение или блокировка электронных систем, важных для противника.
5.	Меры безопасности	Усиление охраны своих ресурсов с целью сохранения планов и намерений.
6.	Прямые информационные атаки	Смешение ложной и правдивой информации.

Аналитики подтверждают, что преобразование вооруженных сил с целью достижения всеобъемлющего военного господства сегодня во многом взаимосвязано с инновационным информационным обеспечением как основным фактором, определяющим успех.

Под «информационным превосходством» следует рассматривать возможность оперативного сбора, аналитической обработки и распространение непрерывного потока сведений, данных, материалов и т.д. при пресечении получения и использования этой информации противником. Ключевой фактор достижения информационного превосходства – это наличие возможности организации его в условиях небоевой обстановки, когда нет еще четко обозначенного противника, но присутствует возможность получать информацию, необходимую сторонникам для выполнения оперативных задач. Как показала практика, сегодня, информационное превосходство – это новый уровень боеготовности, абсолютно необходимый в современном мире. Расстановка таких акцентов не случайна. Неоднозначная позиция Соединенных Штатов в международной политике породила ситуацию, в которой их система информационного обеспечения дает частые сбои, например, успех Викеликса. У многих стран мира (в том числе и у союзников НАТО) есть серьезные противоречия с США, которые считали себя абсолютным мировым руководителем.

В настоящее время стремительной трансформации мира для использования информационных возможностей и обеспечения «информационного превосходства» необходима организация состояния дисбаланса одной из сторон, которое следует спланировать, осуществить и поддерживать с помощью специальных операций. Еще в ноябре 2001 г. в Министерстве обороны США было создано Управление стратегического влияния (УСВ) (Office of Strategic Influence), в функции которого входит ведение информационных войн не только против враждебных стран, но и в отношении, казалось бы, союзных им стран на Ближнем Востоке, в Азии и даже в Западной Европе. Об этой структуре до сих пор известно крайне мало, например, бюджет, сформированный из дополнительных 10 млрд. долл., утвержденный Конгрессом тогда же, в далеком 2001 году, для чрезвычайных нужд Пентагона, не раскрывается. Из общедоступных источников известно, что возглавил его бригадный генерал ВВС США Саймон Уорден (Simon P. Worden). Есть сведения о том, что именно УСВ разрабатывало планы тайных операций с использованием иностранных СМИ и Internet. На одной из конференций заместитель начальника управления по оперативной работе Томас Тимме (Thomas A. Timmes) – бывший армейский полковник и специалист по психологическим операциям – сказал, что управление «собирает в министерстве обороны все инструменты влияния на иностранные

аудитории». Последствия сегодня наблюдает весь мир. Помощь управлению оказывает Rendon Group, которая подписала контракт с Пентагоном о неразглашении сведений о работе. Это крупная международная консалтинговая фирма со штаб-квартирой в Вашингтоне. Возглавляете ее Джон Рендон (John W. Rendon) – бывший помощник по проведению избирательной кампании президента Джимми Картера. По распоряжению Пентагона, фирме выплачивали 100 тыс. долларов в месяц за выполненную работу в интересах ЦРУ США, королевской семьи Кувейта и Иракского национального конгресса (оппозиционной группировки).

Концепция защиты США от информационных атак и нападения с любого направления подразумевает не только способность защитить свой личный состав, боевые и материально-технические средства, необходимые для выполнения поставленных задач, но и информационный щит. Обеспечивается такой подход применением «многослойных» активных и пассивных мер защиты в воздушном, наземном, космическом и информационном пространствах в любых условиях и видах военных действий.

Важно отметить, что во всех и каждом разделе концепции, элементах, направления и преобразованиях ВС США, с точки зрения обеспечения боевых возможностей, в качестве наиболее продуктивного и самого мощного фактора влияния выделена информация. Подтверждается старая истина: кто владеет информацией, тот владеет миром. Информационное превосходство опирается на быстродействие и возможность маневра.

Однако информационную сферу и обеспечение информационной защищенности нельзя рассматривать только как составляющую различных направлений военной сферы. Это огромная и самостоятельная область жизнедеятельности людей и государств, требующая очень внимательного к ней отношения. Пренебрежение может стоить очень дорого во всех смыслах. Необходимо уделять серьезное внимание практически всем информационным операциям, прежде всего в социальных сетях и мобильном Интернете. Подразумевается в первую очередь анализ мероприятий, осуществляемых с целью воздействия на содержание информационных сообщений и работу информационных систем противостоящих сил (стран, государств) при одновременной защите своей информации и своих информационных систем [5].

Ни одна сфера жизни современного общества не может функционировать без развитой информационной структуры, в которой информационные операции играют настолько важную роль в достижении превосходства, что необходимо усиление работы в этом направлении, выделение информационных операций как самостоятельного вида боевых действий наряду с другими операциями вооруженных сил (от физического противостояния до психологических воздействий на средства защиты компьютерных сетей). Более того, сегодня их следует классифицировать как перспективный самостоятельный вид боевых действий, а значит, необходимы особые виды вооруженных сил, укомплектованные высококлассными специалистами, получившими соответствующую современную подготовку.

Следует отметить, что уже разработана концепция развития законодательства в сфере информационной безопасности РФ. Тем не менее, как считают специалисты, она недостаточно полно и оптимально урегулирована правовыми нормами. Условия современной жизни выдвигают серьезные требования к законодателю, направленные на повышение эффективности и устранение юридических неточностей, коллизий и пробелов в сфере информационной безопасности с целью обеспечения превосходства в информационной войне. Таким образом, решение проблем нормативного правового регулирования, организационно-технологического обеспечения уже сегодня должно осуществляться в ответ на вызовы с учетом перспектив, прогнозов и реалий социально-экономической жизни страны, развития науки и технологий. Это позволит нашей стране эффективно развиваться и функционировать, обеспечивая осуществление научной, информационной, производственной, юридической деятельности на глобальном рынке.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена распоряжением Президента Российской Федерации от 9 сентября 2000 года № Пр-1895) // Российская газета. – 2000. – 28 сентября.

3. Долматов, А.В. Предпосылки и перспективы трансформации российского законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности / А.В. Долматов, Л.А. Долматова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – №1 (42). – С. 81-89.

4. Долматов, А.В. Проблемы и правовые средства противодействия деструктивным информационным воздействиям в сети интернет / А.В. Долматов, Л.А. Долматова // Менеджмент XXI века: Социально-экономическая трансформация в условиях неопределенности. Сборник научных статей по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 312-322.

5. Долматов, А.В. Стратегия воспитания студентов в условиях геополитических угроз и информационной войны / А.В. Долматов, Л.А. Долматова // Менеджмент XXI века: образование в эпоху цифровой экономки: Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19-21 ноября 2019 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. – С. 153-159.

ХРЕНКОВА Дарья Сергеевна,
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, студентка; darahrenkova157@gmail.com

БИЛИНГВИЗМ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье характеризуются основные научно-теоретические подходы к определению понятия «билингвизм», анализируются особенности конституционного законодательства в сфере регулирования статуса официального языка и языков национальных меньшинств в странах постсоветского пространства.

Ключевые слова: *билингвизм, лингвокультурное многообразие, языковые меньшинства, этнокультурная идентичность.*

Интенсивное и долговременное взаимодействие народов в результате исторических миграционных процессов обусловливает лингвокультурное разнообразие и полиэтничность общества во многих современных государствах. Установлено, что около половины всего населения земного шара является либо двуязычным, либо многоязычным, что часто отражено на конституционном уровне в виде билингвизма (от лат. <bi – «два», lingua – «язык»). В специальной литературе данное понятие имеет множество определений. Например, если У. Вайнрайх называет «двуязычием практику попеременного использования двух языков», то Ю. Розенцвейг даёт несколько расширенное определение билингвизма, под которым «обычно понимается владение двумя языками, регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [1].

В современный период, когда смешение народов, языков и культур достигло значительного «размаха», и как никогда остро встала проблема воспитания либеральности, толерантного отношения к чужим культурам, формирования интереса и уважения к ним, необычайную важность приобретает правовая основа билингвизма в межкультурном общении.

Свободное официальное применение русского языка регламентировано на конституционном уровне в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане. При этом Республика Беларусь представляется единственной прежней советской республикой, где русский считается 2-ым государственным. Данное положение закреплено после обретения независимости в ст. 17 Конституции Республики Беларусь 1994 г. [2]. Русско-белорусский билингвизм рассматривается многими исследователями как уникальный феномен не только потому, что зафиксирован законодательно, но и обусловлен близкородственными и мен-тальными связями граждан, их общим историческим прошлым. Среди бывших советских республик вряд ли можно найти народ, более близкий белорусскому, что частично отражено даже в названии государства.

Уже 26.01.1990 Верховным Советом БССР был принят Закон «О языках в БССР». Он допускал альтернативное применение русского

или белорусского языков, его реализация всецело зависела от языкового выбора лица. Позже, после распада СССР и получения Республикой Беларусь государственной независимости, наблюдались многочисленные изменения в отношении к белорусскому языку, отражавшиеся в разных вариантах проектов Конституции. Так, в 1-ом проекте 1991 г. в ст. 36 было указано, что единственным государственным языком является белорусский язык. В последнем варианте Конституции в преддверии окончательного ее принятия в проекте появилось указание на роль русского языка как средства межкультурного общения. Однако присвоение белорусскому языку статуса единственного государственного языка вскрыло ряд проблем, так как малоиспользуемый до этого в процессе коммуникации белорусский язык обладал явно недостаточной степенью коммуникативной использованности.

Принимая во внимание негативный исторический опыт радикальных изменений в языковой сфере других постсоветских стран, нарастающее недовольство и назревание этноязыкового конфликта, 14.05.1995 вопрос о языках был вынесен на всенародный референдум, в ходе которого 88,3% голосовавших высказались за присвоение русскому языку статуса равного с белорусским. В 1996 г. двуязычие было официально подтверждено в Конституции Республики Беларусь, где русский язык признается государственным наряду с белорусским.

По данным переписи 2019 г. в Республике Беларусь проживают около 140 национальностей, но доминирующей по численности является титульная нация, 84,9% жителей республики идентифицируют себя как белорусы. В качестве родного языка 61,2% опрошенных назвали белорусский. Однако подавляющее большинство участвующих в опросе (71,4%) указали русский как язык бытового общения. Это свидетельствует о том, что у белорусских граждан актуализировано культурно-символическое значение белорусского языка, его ассоциация с их этнической принадлежностью. Реальная картина владения 2-мя языками во многом предопределяются учреждениями образования, где на сегодняшний день более 90% белорусских школьников обучаются на русском языке. Причём показатель повседневного использования белорус-ского языка напрямую зависит от географического пограничного расположения районов страны. Таким образом, представляется, что низкий процент использования белорусского языка в сфере повседневной коммуникации обусловлен отсутствием обязательного требования владения обоими государственными языками на уровне законодательства. Знание обоих государственных языков требуется только от работников органов госуправления.

Относительно правового статуса русского языка в государствах Центральной Азии хотелось бы отметить разные подходы законодателя к его определению. Так, в конституциях Казахстана и Кыргызстана его уровень определён как официальный, в Таджикистане русский провозглашен языком межнационального общения, а в Туркменистане и Узбекистане его статус конституционно не определен.

В соответствии с Конституцией Казахстана 1995 г. русскому языку также гарантируется официальный статус, что отражено и в Законе «О языках в Республике Казахстан» 1997 г. Согласно ст. 5

НПА, он употребляется «в работе органов власти и местного самоуправления наравне с казахским официально …». При этом для повышения образовательного уровня в стране в 2007 г. Указом Президента утверждена государственная программа «Триединство языков», «направленная на создание условий для равноценного применения и изучения» в стране казахского, русского и английского языков. Вместе с тем в 2017 г. главой государства был подписан Указ «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» [3].

Наибольшим законодательным режимом благоприятствования в странах Средней Азии отличается Кыргызстан, в ст. 10 Конституции 05.05.2021 говорится, что государственным языком в стране объявляется киргизский, однако в качестве официального разрешено употреблять и русский. В Законе Кыргызской Республики «Об образовании» 30.04.2003 г. отмечается, что государство «создает условия для обучения граждан государственному, официальному и одному международному языку в учреждениях дошкольного и основного общего образования», обучение в стране может проводиться на любом языке при соблюдении государственных образовательных стандартов и программ. На практике отдаётся предпочтение изучению в школах в качестве второго языка русскому. Однако, согласно КЗ «О государственном языке» 2004 г., им можно пользоваться в официальных госструктурах только «в не-обходимых случаях». В 2021 г. инициированы изменения в него, знаменующие резкий переход в официальном делопроизводстве и иных сферах только на государственный кыргызский язык, почти без использования в них официального русского языка и ограничения поддержки со стороны государства. Исключается пункт о том, что в стране «не допускается ущемление прав и свобод граждан по признаку незнания государственного или официального языка».

Таджикистан в настоящее время является единственным на простран-стве бывшего СССР, где за русским юридически закреплен статус языка международного общения. Согласно п. 5 ст. 8 Закона «Об образовании» 22.07.2013, «во всех образовательных учреждениях обеспечивается изучение иностранных языков, в том числе русского и английского, как средства усвоения научно-культурного наследия человечества, научно-технических достижений и современных технологий».

В Туркменистане позиции русского языка являются сегодня одними из наиболее слабых на постсоветском пространстве. Это касается функционирования его практически во всех сферах жизни туркменского общества. Согласно статистическим данным, 82% населения Туркменистана не знают русского языка, 18% – владеют русским языком в разной степени и представляют собой старшее поколение. В соответствии с Законом Туркменистана «О языке» (1990) русский имел статус языка межнационального общения вплоть до 1996 г., однако, в Конституции его статус не был прописан. С 01.01.2000 г. Указом Президента делопроизводство переведено исключительно на туркменский язык с использованием нового алфавита на латинице, следствием чего, как отмечает Н.В. Калинина, стало дальнейшее вытеснение этнических россиян и русскоговорящих туркменов из

административного аппарата и производственной сферы, что существенно понизило уровень витальности русского языка. Одновременно в стране полностью закрыли школы и классы с казахским и узбекским языком, хотя на территории страны исторически живут большие общины этих народов. Сохранились лишь отдельные классы с русским языком обучения, в основном в столице и некоторых областных центрах. Учитывая количество туркменских студентов в России, Украине, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане, русский язык еще долго будет культурным связующим звеном между этими государствами.

В Узбекистане русский язык имел статус языка межнационального общения вплоть до 1995 г., что было отражено в Законе «О государственном языке», однако в его новой редакции это положение отсутствует. Теперь русский язык упоминается лишь во второстепенной статье «О нотариальных действиях», во всех остальных случаях используется выражение «на других языках». Как отмечает автор Л. Хопёрская, обучение в общеобразовательных школах ведётся на 7 языках: узбекском, русском, казахском, таджикском, киргизском и туркменском, в 695 школах язык обучения – русский [4].

Положение русского языка в государствах постсоветской Центральной Азии позволяет сделать вывод о том, что он продолжает подвергаться дискриминации, хотя уровень его практической востребованности сегодня достаточно высок. Видимо, потребуется определённое время для осознания значимости русского языка в экономическом, геополитическом и социокультурном развитии этих территорий. В других странах постсоветского пространства русский не менее популярен, однако его популярность никак не влияет на его правовой статус.

Таким образом, в настоящее время наблюдаются две противоречивые тенденции законодательного закрепления статуса русского языка в странах постсоветского пространства. Ряд из них закрепляет его как официальный язык общения, а некоторые активно проводят дискриминационную языковую политику, закрывая печатные издания, национальные телевизионные каналы, учреждения образования и культуры, осуществляющие свою деятельность на родном языке. Однако есть страны, напрямую закрепляющие в силу исторических и культурных особенностей на конституционном уровне билингвизм.

Список литературы:

1. Розенцвейг, В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В.Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые конспекты. – М., 1972. – С. 5-24.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года, 17 октября 2004 года, 12 октября 2021 года). – Минск: Амалфея, 2018. – 48 с.

3. Алтынбекова, О. Б. Этноязыковые процессы в Казахстане / О. Б. Алтынбекова. – Алматы: Экономика, 2006. – 415 с.

4. Хопёрская, Л. Нетитульная судьба: Российские соотечественники в Центральной Азии. / Л. Хопёрская. – М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2013. – 312 с.

ЧЕРВЕВА Анна Николаевна,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
anna_cherveva@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье рассматриваются особенности развития института правосубъектности физических лиц.

Ключевые слова: *физические лица, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, сделкоспособность.*

Одними из наиболее важных и основополагающих вопросов науки гражданского права, как, впрочем, и других юридических наук, являются вопросы, связанные с определением понятия и содержание учения о субъектах права. Категория правосубъектности является фундаментом, на котором основываются другие институты права. Разработку данного правового института связывают с римским правом. И хотя сам термин «правосубъектность» появился в средние века, однако предпосылки к выделению данной правовой категории были заложены известными римскими юристами классического периода.

В области частного права так называемая «правоспособность» непосредственно римского гражданина складывалась из права вступать в законный брак (ius connibii) и права торговать, т.е. совершать различного рода сделки, приобретать и отчуждать имущество (ius commercii). Уже в период Римской империи на содержание правоспособности оказывало влияние принадлежность гражданина к определенному сословию. Кроме того, на протяжении практически всей истории римского государства значительные ограничения правоспособности устанавливались в отношении женщин [1, с. 35].

Специально категория дееспособности также не выделялась римскими юристами, поскольку физические лица рассматривались как дееспособные вне зависимости от того, наделялись ли они правоспособностью, либо нет.

Для обозначения дееспособности в римском праве также не было специального термина. Римляне признавали дееспособность в области частного права за физическими лицами вне зависимости от того, обладают они правоспособностью или нет. Таким образом, совершать юридические акты мог не только глава рода, но и подвластные ему лица и даже рабы. Следовало, однако, учитывать, что такие действия подвластных лиц приобретали юридическую силу, если только

таковыми не причинялся вред имуществу лица, в отношении которого они находились в зависимости.

Уже в римский период в рамках дееспособности стали разграничивать деликтоспособность (способность к ответственности за причинение вреда) и сделкоспособность (способность к совершению различного рода юридических сделок). Таким образом, можно сделать вывод, что особенностью римского права было, в том числе и то, что категория дееспособности не всегда отождествлялась с категорией правоспособности. Так, допускалось, что некоторые правоспособные лица при определенных обстоятельствах, например, в силу возраста (дети) либо психического здоровья (душевнобольные), признавались недееспособными, а такие неправоспособные лица, как рабы, считались дееспособными [2, с. 91].

В Древнем Риме, как и в настоящее время, объем дееспособности зависел, в первую очередь от возраста лица. Так же на дееспособность могло повлиять психическое состояние, и при выявлении душевных болезней либо слабоумия под такими лицами устанавливалось попечительство. Недопустимым считалось проявление расточительства, такие расточители считались лицами слабовольными и потому нуждались в руководстве. Кроме того, считалось, что ограничение дееспособности расточителей позволит избежать разорения семьи.

По мере развития права и государства развивается и категория правосубъектности. Изучение зарубежной цивилистической доктрины и особенностей развития зарубежных правопорядков позволяет сказать, что практически во всех зарубежных странах правоспособность физических лиц в рабовладельческий и феодальный периоды определялась в зависимости от сословия, расы, пола, гражданства, при этом рабы не рассматривались субъектами права, поскольку не вообще не наделялись правосубъектностью. С переходом западного общества в капиталистический период развития уже провозглашалось формальное равенство в правах, на которое уже не влияла расовая принадлежность, национальность, социальное положение и т.п. [3, с. 63].

Следует отметить, что в России институт правосубъектности развивался несколько иначе, что объясняют значительными особенностями развития российского государства.

Первоначально в древнейшем русском праве понятие вообще о лице отсутствовало, хотя и использовались переводные термины с греческого и латинского языков, означавшие «лицо» и «особа». Для того времени было характерно полное подавление права частного лица правами общественных союзов. Позднее, в период Московского государства, физическое лицо постепенно высвобождалось из-под влияния различного рода союзов – семейного, родового и общинного союзов, хотя теперь подавлялись правами государства.

Анализ первого писаного источника древнего русского права – Русской правды – показывает, что в период ее действия содержание правоспособности и дееспособности субъекта зависело от пола, социального положения, а также возраста. Холопы же, с одной стороны, не являлись субъектами права, а значит, не отвечали за свои действия и не могли иметь собственности. Однако, с другой стороны,

на них все же распространяли обычаи кровной мести, т.е. в данном случае они все-таки субъектами права считались.

В древнем российском праве не был определен единый возраст совершеннолетия. Возраст, с которым связывалось наступление полной дееспособности, варьировался от 15 до 20 лет. При этом князья своим волевым решением могли как снизить возраст совершеннолетия, так и, наоборот, повысить его.

В московскую эпоху разграничивались гражданская, семейная и процессуальная правоспособность, возраст правоспособности и дееспособности связывался с сословной принадлежностью. Выделялось понятие «окончание дееспособности», которая в юридических документах связывалась не с достижением конкретного преклонного возраста, а с оценкой общего состояния лица. Так, в источниках указывалось, что только совершенная дряхлость отца рассматривалась основанием допустить сына к совершению юридических действий взамен отца и без его уполномочия [4, с. 126].

Правоспособность, согласно русскому гражданскому праву, возникала с момента рождения и прекращалась смертью лица. При этом на объем правоспособности оказывали влияние такие факты, как подданство, национальность, сословная принадлежность. Также стал формироваться институт признания безвестно отсутствующим. Прекращение правоспособности связывалось не только со смертью лица, но и с пострижением его в монашество, а также лишением всех прав состояния. Лишение всех прав состояния, как правовое последствие осуждения на каторжные работы или в ссылку, приравнивалось к естественной смерти.

На объем дееспособности также оказывали влияние различные обстоятельства, например, психические и физические недостатки (слабоумие и глухонемота). Так же устанавливалась возможность ограничения в дееспособности расточителей и несостоятельных лиц.

Значительно влияла на правоспособность принадлежность к определенному сословию. С 1861 года, когда Александром II было отменено крепостное право, в российском гражданском праве было закреплено само понятие «лицо», крестьяне стали наделяться правом на приобретение земли, однако сохранялись сословные различия, которые состояли в разном порядке установления опеки, усыновления, признания лица расточителем, душевнобольным. Кроме того, объем правоспособности и дееспособности для каждого сословия был своим [5, с. 78-114].

Следует отметить, что после революции в октябре 1917 г. значительные изменения были внесены в содержание правоспособности граждан нового российского государства, стиралось сословное неравенство, однако в связи с отказом от частной собственности для граждан стала допускаться, причем в определенных пределах, индивидуальная собственность, ограничивались наследственные права граждан и т.п.

Равенство гражданской правоспособности в советском гражданском праве было впервые закреплено в нормах ГК РСФСР 1922 г. При этом в юридической литературе того времени подчеркивалось, что советский гражданин наделён более широкой правоспособностью, чем гражданин буржуазных государств, поскольку

советское законодательство не придает юридического значения принадлежности лица к определенному полу, расе, национальности, вероисповеданию и т.п. Существовали, однако, и иные мнения. Так, например С.И. Аскназий, наоборот, выражал мнение о том, что правоспособность советских граждан более ограничена по сравнению не только с капиталистическими государствами, но и дореволюционным периодом. Он справедливо полагал, что в силу того, что действовавшее законодательство устанавливает исключительно государственную собственность на землю и основные средства производства, то советский гражданин лишается права участия во внешней торговле, а его возможности участия в гражданском обороте сводятся в основном к бытовым сделкам [6, с. 13].

Цивилисты, признавая такие ограничения, все же поддерживали тезис о более широкой правоспособности советских граждан по сравнению с гражданами зарубежных государство. Некоторые авторы считали, что в этом вопросе следует акцентировать внимание на качественных элементах правоспособности. Так, О.С. Иоффе полагал, что объем правоспособности следует определять на основе элементов, которые ее образуют, оценивать характер проявления в правоспособности социальное, экономическое и правовое состояние лица. Он считал, что в советском гражданском праве юридическое равноправие было не формальным, и все закрепленные права в Советском союзе доступны всем слоям населения [7].

Принцип всеобщего юридического равенства и невозможность отступления от него был закреплен в Конституции СССР 1936 г. Новая конституция не только предоставляла гражданам права, но и возлагала обязанности. В связи с этим С.Н. Братусь в своих работах того времени стал определять правоспособность не только как способность к обладанию правами, но и обязанностями. Кроме того, данный автор признавал, что впервые в правоспособность была включена возможность обладания, наряду с имущественными, также и личными неимущественными правами [8, с. 41].

В советской науке гражданского права институт правосубъектности рассматривался в работах ученых в 40-х и в первой половине 50-х гг., посвященных представительству, безвестному отсутствию, гражданско-правовому положению отдельных категорий граждан. В 1950 г. была опубликована первая советская монография, посвященная общим проблемам правосубъектности граждан [9].

Следует признать, что в настоящее время исследованию категории правосубъектности не уделяется достаточного внимания. Данная правовая категория, как правило, рассматривается в качестве юридического свойства лица, его общественно-юридического состояния, которое по своей природе считается неотъемлемым от конкретного субъекта. Однако правосубъектность не может формироваться сама по себе, именно соответствующий правопорядок и является главным источником возникновения данного юридического свойства субъекта. Чтобы данное свойство стало обязательным, необходимо признание его со стороны государства. Именно законодатель закрепляет за субъектом необходимую совокупность определённых нормативно-правовых формальных требований, которые собственно и призваны обеспечить ему вхождение в правовое

сообщество [10, с. 61]. Правосубъектность отражает способность лица принадлежать к определенной правовой системе, в ней находят свое отражение особенности и нюансы этой системы.

Список литературы:

1. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник / Ч. Санфилиппо; под ред. Д.В. Дождева. – М.: БЕК, 2007. – 464 с.
2. Хвостов В.М. Система римского права: учебник / В.М. Хвостов. – М.: Спарк, 1996. – 522 с.
3. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник / Е.А. Васильев, В.В. Зайцева, А.А. Костин. – М.: Международные отношения, 1993. – 560 с.
4. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Статут, 2016. – 352 с.
5. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1995. – 556 с..
6. Ермолаева, Т.А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания / Т.А. Ермолаева, А.А. Ананьева // Lex russica. – 2019. – № 12. – С. 9-18.
7. Иоффе, О.С. Новый Гражданский кодекс РСФСР / О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/article 1153449.html (дата обращения: 12.02.2022).
8. Зыбина, О.С. Обязательственное право: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 176 с.
9. Братусь, С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – М., 1950 // Юридическая научная библиотека издательства «СПАРК». – URL: http://lawlibrary.ru/izdanie4322.html (дата обращения: 12.02.2022).
10. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

ЧЕРКАШИНА Саида,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
cherkashina.s94@mail.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОГОВОРА КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ И В РОССИИ

В статье анализируются этапы формирования института коммерческой концессии в России и за рубежом.

Ключевые слова: *коммерческая концессия, франчайзинг, договор, гражданское законодательство.*

Договор коммерческой концессии развивался в течение длительного времени. Исследователи придерживаются разных мнений в вопросе о том, в какой стране этот договор появился впервые. Ряд ученых продвигают позицию, что франчайзинг возник в Великобритании, другие – во Франции, в данном случае акцент делается на французских корнях рассматриваемого понятия. При этом большая часть исследователей считает, что термин возник в США. Это обусловлено тем, что Америка является страной с самой развитой системой франчайзинговых отношений. Также разные мнения присутствуют в вопросе, когда возник договор коммерческой концессии [1, с. 29].

В работе С.В. Римской нашла отражение следующая точка зрения: «В Британии король наделял своих приближенных правом сбора налогов на строго обозначенных территориях в обмен на услуги, в качестве примера можно рассмотреть пополнение армии новыми рекрутами. Также король, наделенный исключительным правом собственности на территории, предоставлял своим подданным возможность на добычу ресурсов, для этого они должны были внести соответствующую плату. Свободным людям или гражданам, проживающим в городах, выдавалось разрешение (франшиза) на реализацию произведенных ими товаров на территории города, на рынках и ярмарках» [2, с. 38]. Исследователь не разделяет точку зрения о том, что термин «франшиза» имеет французские корни. По ее мнению, это понятие впервые возникло в Великобритании. Римская апеллирует примером системы связанных домов, которая нашла свое применение в Великобритании в начале XIX века. Основной целевой задачей данной системы было поддержание требуемого объема продаж, ее использовали производители пива. Центральное место в этой системе занимало то, что производитель пива получал постоялый двор в качестве площадки для реализации своей продукции в обмен на предоставленные заем и аренду имущества. Такая система продемонстрировала высокие показатели эффективности и не теряет своей актуальности в наши дни.

Другое мнение по этому вопросу сформировалось у С.В. Поворина. Исследователь в своей статье «Тенденции развития франчайзинга в мировой экономики» обозначил следующую позицию: «Франчайзинг впервые появился в Европе, если быть точнее, то речь идет о Франции в период Средневековья. Слово “франчайзинг” в томе время использовалось для обозначения привилегии или “вольности”, которой наделяли французские короли своих подчиненных: это могло быть право на охоту в лесах, принадлежащих королю, или право на реализацию товаров, право держать рынки и ярмарки, право на содержание паромной переправы, на возведение дорог и заводов по изготовлению пива» [3, с. 31].

На данный момент времени многие исследователи склоняются к мнению о том, что коммерческая концессия возникла в Америке. Ряд ученых твердо убеждены, что концепция по организации бизнеса, предложенная Исааком Зингером, который является основателем всемирно известной компании, занимающейся производством швейного оборудования, максимально приближена к современной модели франчайзинга [4, с. 85]. У компании Зингер возникли

проблемы, закрывающие доступ к расширению бизнеса и сферы влияния. Прослеживалась четкая тенденция к повышению спросом на швейные машинки, темпы их производства увеличивались, при этом возникла необходимость в обучении покупателей продукции ее использованию, еще один проблемный вопрос – налаживание сервисного обслуживания. Основатель компании не имел ресурсов и возможностей для открытия собственных магазинов, им было принято решение объединиться с партнером Эдвардом Кларком. Вместе они создали «Объединение швейных машин». Предприятия, ориентированные на получение прибыли, которые являлись составными частями этого объединения, получали право на продажу продукции под торговой маркой Зингер, в результате компания смогла занять лидирующие позиции на рынке и увеличить свою прибыль [5, с. 16].

Ближе к концу XIX века эту идею взяла на вооружение компания «GeneralMotors», ее представители предложили партнерам дилерство. В соответствии с условиями заключенного договора дилеры лишались возможности для реализации транспортных средств других производителей и брали на себя обязательства по обеспечению высокого уровня обслуживания и поддержания имиджа фирмы. Важно сделать акцент на том, что идея франчайзинга формировалась постепенно, чему способствовала находчивость человека. Она является следствием множества решений большого количества бизнесменов, сталкивающихся с трудностями ведения бизнеса. Идеи, реализованные «Зингер» и «GeneralMotors» заметно ускорили формирование и распространение концепции франчайзинга по всему миру.

В середине прошлого века начали появляться такие компании, работающие в рамках договоров франшиз. Эффективность использования франчайзинга на современном этапе развития рынка можно увидеть в индустрии производства безалкогольных напитков, поставляемых в бутылках такими компаниями «Кока-Кола» (Coca-Cola), «Пепси» (Pepsi), «Севен-Ап» (7-UP).

Развитие коммерческой концессии позволили этим компания наладить и реализовать централизованное производство сиропа с его дальнейшим распределением между местными заводами по розливу, которые являются собственностью и находятся под управлением франчайзи, имеющих право на использование фирменных бутылок и фирменных торговых знаков.

Также концепцию франчайзинга успешно реализовала сеть ресторанов быстрого питания «Макдональдс». В середине прошлого века братья Макдональд, являющиеся владельцами придорожного кафе, приняли решение об улучшении качества обслуживания клиентов. Их основная цель заключалась в увеличении дохода. Первым изменением работы кафе стало сокращение числа позиций в меню до трех, после этого технология приготовления была приведена к единому стандарту, завершающий этап – унификация рецептуры. Такой подход оказал положительное влияние на эффективность, минимизировал финансовые издержки, а стандартизированное меню «Макдональдс» создало клиентскую базу, знающую, что в любом ресторане сети они могут рассчитывать на получение быстрого обслуживания и качественно приготовленных блюд. Положительное влияние на

развитие и распространение франчайзинга в США оказал принятый в 1946 году закон о товарных знаках, что позволило бизнесменам получать прибыль за предоставление права другим компаниям применять свой товарный знак под контролем компании и закона. В странах Европы франчайзинг начал активно развиваться после завершения Второй Мировой войны [6, с. 40-41].

1972 год ознаменовался созданием Европейской Федерации Франчайзинга, которая продолжает свою деятельность до сих пор. В качестве участников этой организации выступает 20 европейских стран: Бельгия, Греция, Турция, Великобритания, Германия, Италия, Австрия, Чехия, Хорватия, Дания, Финляндия, Франция, Венгрия, Нидерланды, Польша, Словения, Швеция, Сербия, Швейцария, Португалия.

Если рассматривать франчайзинг в плоскости отечественного опыта, то ряд исследователей придерживаются мнения о том, что предпосылки возникновения франчайзинга была сформированы в XVII веке при помощи разработки и принятия законодательства об охране товарных знаков [7, с. 97]. Первое упоминание нашло свое отражение в Новоторговом уставе 1667 года (нанесение товарных знаков на продукцию). Принятие такого решения было обусловлено тем, что в этот период наблюдалось активное развитие ремесел и торговли, производители захотели индивидуализировать их, наделяя отличительными знаками. Когда у власти был Петр II, началось активное развитие промышленности, был разработан и выпущен первый правительственный указ об обязательном нанесении торговых знаков на продукции, что позволяло различать товары между собой [8, с. 489]. В 1830 году было выпущено положение о нанесении товарных знаков на изделия, выпускаемые на фабриках, включенное в устав в промышленности фабричной и заводской. Ближе к концу XIX века был введен в оборот термин «товарный знак». К началу XX века франчайзинг начал применяется во многих сферах, включая досуг, гостиничный бизнес, в области розничной торговли товарами. Франчайзинг вышел за пределы крупного производства и начал распространяться на другие сферы. После октябрьской революции в России на законодательном уровне были обозначены условия для развития коммерческой концессии. В ГК РСФСР 1922 года в законе были представлены такие понятия, как понятие частной собственности, создание юридических лиц, с указанием на том, что их учреждение осуществляется под особой наименованием или фирмою. В советский период законодательное регулирование фирменных наименований было закреплено в положении о фирме, которое было разработано и принято по инициативе ЦИК СССР и СНК СССР от 22 июня 1927 года. Открытие экономики для иностранного капитала оказало большое влияние на развитие института франчайзинга в советский период, когда отечественные компании получили возможность для реализации внешнеэкономической деятельности с переходом страны на рыночные методы хозяйствования. Одной из первых компаний в этом направлении стала компания «Кока-Кола» (Coca-Cola), выступающая в качестве поставщика концентрированного сиропа своей продукции во время Олимпийских игр в Москве в 1980 году.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века были приняты законы, запустившие процесс возрождения предпринимательской деятельности: Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986г.), Закон СССР «О кооперации в СССР» (1988 г.), Закон СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» (1991 г.), Закон СССР «О собственности в СССР» (1990 г.).

Активное развитие института коммерческой концессии в России было зафиксировано в конце 90-х годов. Правовое закрепление франчайзинга представлено в ст. 54 ГК РФ, получившее название «коммерческая концессия». Количество отечественных предпринимателей, использующих франчайзинг, постоянно увеличивается. Он успешно реализуется такими сетями, как «Перекресток», «Лента», «Магнит», «Фикс Прайс». В рамках изучения развития института коммерческой концессии в России можно обозначить два основных этапа: с конца 80-х до конца 90-х годов, в этот период начали появляться правовые основы предпринимательства и франчайзинга, и с начала 2000-х по сегодняшний день, для этого этапа характерна тенденция к росту удельного веса национального франчайзинга. Это обусловлено тем, что за последние годы франчайзинг начал восприниматься в качестве выгодного и эффективного способа ведения предпринимательской деятельности, с помощью которого можно снизить риск контрагентов, при этом имеется потребность в доработке правовых норм его регулирования [9].

Исходя из этого, анализ развития франчайзинга в России и за рубежом, позволяет сформировать вывод о том, что на данный момент времени наблюдается активный рост его использования на рынке. Франчайзинг дает малому бизнесу возможность быстро развиться, а среднему и крупному – укрепить свои позиции на рынке и увеличить прибыль. В перспективе институт коммерческой концессии будет продолжать свое развитие и применяться в качестве одного из основных механизмов вывода из кризиса как в России, так и на Западе.

Список литературы:

1. Толстова, А.Е. Правовая природа договора коммерческой концессии / А.Е. Толстова // Сборник научных трудов Sworld. – 2012. – Т. 18. – № 3. – С. 27-33.

2. Римская, С.В. Эволюция института франчайзинга в РФ и странах Западной Европы / С.В. Римская // Право: история, теория, практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). – СПб.: Реноме, 2011. – С. 37-40.

3. Поворин, С.В. Тенденции развития франчайзинга в мировой экономике / С.В. Поворин // Маркетинг в России и за рубежом. – 2003. – № 3. – С. 29-32

4. Денисюк, С.П. Договорное право: учебное пособие / С.П. Денисюк, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2020. – 108 с.

5. Стэнворт, Дж. Франчайзинг в малом бизнесе / Дж. Стэнворт, Брайан. Смит; пер. с англ. под. ред. Л.Н. Павловой. – М.: Аудит: ЮНИТИ, 1996. – 112 с.

6. Дельтей Ж. Франчайзинг / Ж. Дельтей; пер. с франц. под ред. В.И. Черенкова. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – 141 с.
7. Барило, С.Е. Актуальные проблемы торгового права: учебное пособие / С.Е. Барило, К.О. Брикса, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 136 с.
8. Россия и мир: учебная книга по истории. В 2-х частях. Часть I / под общ. ред. проф. А.А. Данилова. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 496 с.
9. Бобков, С.А. История возникновения и развития коммерческой концессии / С.А. Бобков // Superinf.ru. Информационные материалы для студентов. – URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1217 (дата обращения: 13.02.2022).

ШМАТКОВ Игорь Иванович,
доктор юридических наук, ВГУ имени П.М. Машерова, профессор;
Shmatkov1969@gmail.com

ТИМОФЕЕНКО Анна Дмитриевна,
ВГУ имени П.М. Машерова, студент;
timofeenkoanya@gmail.com

СТАТУС ГОСУДАРСТВА-НАБЛЮДАТЕЛЯ ПРИ ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

В статье рассматриваются вопросы правового положения государств-наблюдателей при Евразийском экономическом союзе, а также перспективы взаимодействия этих государств с государствами-членами Союза.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, государство-наблюдатель, интеграция, правовое положение, статус.*

Важную роль в формировании тесного экономического сотрудничества, а также в реализации единой политики играет статус страны в объединении. В настоящее время ЕАЭС состоит из пяти стран: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан и Российская Федерация. Беларусь, Казахстан и Россия заложили основу для создания ЕАЭС. Ключевой предпосылкой для внедрения проекта Евразийского союза была успешная реализация проектов Таможенного союза и Единого экономического пространства [1]. На заседании Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 г. в Астане был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, а 1 января 2015 г. Договор о Евразийском экономическом союзе официально вступил в силу. Впоследствии Армения и Киргизия присоединились к Договору о Евразийском экономическом союзе 2 января 2015 г. и 12 августа 2015 г. соответственно.

Стать членом ЕАЭС может любое государство, разделяющие интересы Союза. Ст. 108 Договора о ЕАЭС регламентирует правила вступления в объединение. Страна-кандидат должна направить обращение на имя Председателя Высшего совета, а затем сформированная рабочая группа координирует процесс выполнения программы действий по вступлению государства-кандидата в Союз. Программа действий предусматривает подготовку документов по результатам анализа состояния страны относительно ключевых сфер деятельности Союза.

Самым простым форматом взаимодействия третьих стран с Евразийским Экономическим Союзом является получение государством статуса наблюдателя при Союзе. Такая форма взаимодействия закреплена Договором ЕАЭС от 29 мая 2014 г. Статьей 109 вышеупомянутого Договора закреплено право любого государства мирового сообщества обратиться с просьбой предоставления ему статуса государства – наблюдателя к Председателю Высшего Совета [1].

Статус наблюдателя даёт возможность уполномоченным представителям государства – наблюдателя при Союзе присутствовать по приглашению на заседаниях органов Союза, получать принимаемые органами Союза документы, не являющиеся документами конфиденциального характера. При этом данный статус не даёт права участвовать в принятии решений в органах Союза.

Одновременно Договор о Союзе устанавливает, что государство, получающее статус государства – наблюдателя при Союзе, обязано воздерживаться от любых действий, способных нанести ущерб интересам Союза и государств-членов, объекту и целям Договора о Союзе.

Статус государства-наблюдателя при ЕАЭС, как следует из устава организации, дает стране возможность присутствовать на заседаниях руководящих органов, но без права принятия решений. Таким статусом на 2022 год обладают Молдавия, Узбекистан и Куба [2, с. 135].

Узбекистан активно расширяет торгово-экономическое сотрудничество со странами ЕАЭС. Так, в 2016-2019 годах общий товарооборот Узбекистана с государствами-членами вырос в 2 раза с 4,5 млрд. долл. до 9,1 млрд. долл. А в настоящее время доля внешней торговли Узбекистана с ЕАЭС составляет 30%, а объем экспорта сельхозпродукции превышает 75%.

Взаимодействие ЕАЭС с Кубой как государством-наблюдателем при Союзе развивает ранее сформированные механизмы взаимодействия ЕЭК с Правительством Республики Куба в рамках заключенного в 2018 году меморандума.

Диалог с ЕАЭС рассматривается кубинской стороной как важный элемент возрождения торгово-экономических связей с традиционными партнерами Республики Куба на евразийском континенте и стимул для выведения сотрудничества на новый достойный уровень.

На основании Решения Высшего Евразийского экономического совета № 8 О Положении о статусе государства – наблюдателя при

Евразийском экономическом союзе решение о предоставлении статуса государства – наблюдателя принимается Высшим советом [3].

Данный статус позволяет стране направлять своего представителя на заседания органов Союза, а также получать доступ к открытым документам. При этом статус наблюдателя накладывает на страну некоторые ограничения, а именно: страна-наблюдатель лишена голоса на заседаниях Союза и обязана воздерживаться от действий, способных нанести ущерб интересам интеграционного объединения.

Стоит отметить, что субъект международного права может иметь, помимо статуса наблюдателя и полноправного члена организации, статус ассоциированного члена.

Исследователями отмечается, что полноценное членство, статус наблюдателя и ассоциированное членство различаются только по степени участия в организации.

Меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве определяют основные направления сотрудничества Евразийского союза с третьими странами. Было подписано 18 таких меморандумов, в том числе и со странами-наблюдателями. Они в первую очередь предполагают взаимный обмен информацией о таможенно-тарифном регулировании, нетарифных ограничениях и т.д.

Из этого следует, что страны-наблюдатели в рамках ЕАЭС могут непосредственно наблюдать за процессами в Союзе и иметь достаточный доступ к документам. [4, с.130].

Однако нельзя не отметить знаковых достижений государств-наблюдателей в рамках сотрудничества с Союзом и в целом с членами ЕАЭС за годы существования интеграции.

Тем не менее, потенциальный статус наблюдателя и переход на новый формат сотрудничества с ЕАЭС не являются гарантией дальнейшего сотрудничества с объединением. После подписания Договора о создании ЕАЭС в 2015 г. около 50 стран выразили заинтересованность в подписании соглашений о ЗСТ с новой организацией. Документ Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2021 год» определяет потенциальных партнеров, с которыми углубление связей является приоритетом. По этой причине Куба и Узбекистан выразили желание получить статус наблюдателя в ЕАЭС. Египет, Израиль и Индия ведут переговоры о подписании соглашений о ЗСТ, а также Филиппины и Лаос заинтересованы в подписании меморандумов о сотрудничестве, что является приоритетом для ЕАЭС.

Переход к более тесному формату сотрудничества с этими странами может обеспечить торговые преимущества, на которые могут претендовать Узбекистан и Куба, получившие статус наблюдателей в ЕАЭС в конце 2020 г.

В ЕАЭС пока не предусмотрен статус ассоциированного члена, однако главы государств – членов Евразийского союза подчеркивают необходимость согласования и гармонизации документов СНГ в соответствии с нормативной базой ЕАЭС, в том числе возможность введения такого статуса.

Для достижения крепкого взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС с третьими странами необходимы более глубокие институциональные форматы взаимодействия. В настоящий момент

существуют три таких формата для выстраивания взаимоотношений с внешними партнерами:

- соглашения о зоне свободной торговли;
- непреференциальные торговые соглашения;
- меморандумы о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями. Соглашения о Зоне свободной торговли, или ЗСТ, с ЕАЭС предусматривают снятие тарифных барьеров, а также в последние годы включают обязательства в области торговли услугами и сотрудничества в области инвестиций, государственных закупок, защиты интеллектуальной собственности и т. д. [5, с. 126].

Важно отметить, что в настоящее время взаимодействие стран-наблюдателей проходит успешно, идет работа над реализацией многих проектов, в частности над проектами в рамках новой Стратегии-2025. Единственный недостаток статуса наблюдателя – отсутствие доступа к процессу принятия решений. Тем не менее, три страны-наблюдательницы используют все возможности, которые дает им их статус для развития экономических отношений.

Список литературы:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.

2. Фаляхов, Р. Окно в высший свет: Куба готова стать наблюдателем при ЕАЭС / Р. Фаляхов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 3 (33). – С. 135-136.

3. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 8 О Положении о статусе государства – наблюдателя при Евразийском экономическом союзе.

4. Серегина, А.А. Роль статуса страны В ЕАЭС / А.А. Серегина, В.Е. Богомолова, А.С. Харланов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. –2021. – № 3 (37). – С. 125-135.

5. Анисимов, А.М. Евразийская интеграция в представлении объективного обществоведения / А.М. Анисимов, С.Ю. Градов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2-2. – С. 125-134.

ШУЛЬЖЕНКО Даниил Андреевич,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),студент;
daniil.shulzhenko@icloud.com

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В статье рассматривается вопрос о применении конституционного права народов на самоопределение.

Ключевые слова: *право народа, равноправие, самоопределение, территориальная целостность государства, этническая общность, федерализм.*

Проблема реализации конституционного права народов на самоопределение в контексте территориальной целостности государства остается наиболее спорной и актуальной в настоящее время. Существуют различия в теоретическом и доктринальном толковании принципа права наций и народов на самоопределение в многонациональных государствах, однако основные трудности все же связаны с его практическим осуществлением.

Следует отметить, что принцип равноправия и самоопределения народов оформился в международном праве в период после Первой мировой войны и был закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций 26.06.1945 [1] (далее – Устав ООН). Дальнейшее развитие принципа связано с принятием Генеральной Ассамблеей ООН 14.12.1960 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам [2] (далее – Декларация), в которой требуется «уважать принцип равноправия и самоопределения всех народов». Декларация в п. 6 утверждает, что «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных наций». Следует понимать, что данный документ был принят с одной конкретной целью – решение вопросов колониальной зависимости и территориального самоопределения в рамках определения статуса зависимых государств. Вопросы самоопределения народов в уже существующем государстве Декларация не затрагивала.

Однако возникшей правовой коллизии не удалось избежать впоследствии принятых международных документах. В результате имеющаяся система без конкретных, до конца оформленных в международном праве четких критериев, де-факто не может гарантировать ни права наций на самоопределение, ни территориальной целостности государств [3, с. 14]. В зависимости от политических интересов выступает то принцип наций на самоопределение, то принцип территориальной целостности. Избирательность, с которой международное сообщество подходит к признанию этого права за одними, тем самым нарушая интересы других, приводит к конфликтам, таким как Косово, Нагорном Карабахе, Южной Осетии и др.

Таким образом, двоякость и неопределенность ситуации на лицо, но так ли это на самом деле? Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24.10.1970 [4] (далее – Декларация 1970 г.) решает эту проблему так: «При толковании и применении изложенные выше принципы (нас интересуют ст. 2 и ст. 6 – «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие», «всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить

национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных наций» соответственно) являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен толковаться в контексте других принципов». В таком контексте рассматриваемые нами принципы не только должны не противоречить друг другу, но и сосуществовать в гармонии, дополняя друг друга.

Принцип территориальной целостности относится к сфере межгосударственных отношений. Он сформулирован и призван для защиты территории и единства государств от посягательств извне. Принцип самоопределения является неотъемлемым правом свободно определять свой политический статус, свое экономическое социальное и культурное развитие.

Как отмечает Ю.Г. Барсегов, высшим правовым титулом территориального разграничения служит право наций на самоопределение. Им определяется не только содержание, но и пределы территориальных прав. Только при свободном согласии народов может быть установлен территориальный статус государства, и только так установленный статус-кво может гарантировать мир и дружественные отношения между народами [5, с. 16].

Во избежание различного рода межэтнических конфликтов и проявлений сепаратизма в Декларации 1970 г. утверждается следующее положение: «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению и к частичному или к полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории».

Д.К. Гуреев обозначил следующие условия, при наличии которых, он считает бессмысленным и недопустимым самоопределение народа: 1) если государство в своих действиях соблюдает принцип равноправия и самоопределения народов, 2) если в государстве есть правительство, которое представляет весь народ, проживающий на его территории, 3) если отсутствуют проявления какой-либо дискриминации [6, с. 4]. При соблюдении всех трех условий приоритет отдается принципу сохранения территориальной целостности и единства государства. В противном случае последний может быть поставлен под сомнение.

Принцип самоопределения и равноправия народов, будучи одним из фундаментальных в международном праве, закрепляет за собой неотъемлемое право народов распоряжаться своей судьбой. Ввиду этого, все народы и нации имеют право на самоопределение, реализуя его путем свободного волеизъявления данного народа и вхождением его на тех или иных условиях в другое государство, реализуя право свободного выбора политического статуса.

Следует сделать вывод, что принцип равноправия и самоопределения нельзя рассматривать как нарушение территориальной целостности и единства государства. Международное

право защищает только целостность территорий тех государств, чьи границы основаны на самоопределении народов. Такое соотношение двух принципов было закреплено в Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также в Венской Декларации и Программе действий, принятой Всемирной конференцией по правам человека 25.06.1993. Согласно Венской Декларации, «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Всемирная конференция по правам человека рассматривает отказ в праве на самоопределение как нарушение прав человека и подчеркивает необходимость эффективного осуществления этого права.

Рассматривая тему самоопределения народов в рамках российского федерализма, следует отметить, что в России созданы условия для обеспечения демократического саморегулирования общества путем конституционно закрепленного распределения публичной власти.

Однако существует ряд противоречий, которые присущи современному российскому федерализму: между административными и этнонациональными принципами субъектного состава; между симметрией и асимметрией статусов субъектов Российской Федерации; между конституционным и договорным типом формирования государства; между предметами ведения Российской Федерации и полномочиями уровней властей. Вопрос о самоопределении народов в составе РФ обусловлен конституционно правовыми принципами единства системы институтов государственной власти, разграничении полномочий между федеральным центром и субъектами федерации и соблюдением принципа равноправия граждан РФ, которые гарантированы гл. 2 Конституции РФ. Статьи 68 и 69, в свою очередь, гарантируют право на использование языка титульной нации субъекта и языков коренных малых народов, защищают культурную самобытность всех народов и этических общностей РФ, гарантируют сохранение этнокультурного многообразия. Это позволяет рассматривать вопрос о самоопределении в рамках соблюдения целостности территории. Право на самоопределение предоставляется в рамках федеративного государства на основе международно-правовых принципов соблюдения и защиты конституционных прав народов, которые населяют Россию и являются ее гражданами.

И.В. Сампиев выделяет три уровня реализации права народов на самоопределение на территории РФ: национально-государственный уровень, уровень национально-территориальной автономии и уровень национально-культурной автономии [7, с. 141].

Несмотря на существующую систему, известны случаи, когда российская действительность демонстрирует декларативность принципа народов на равноправие и самоопределение. Нельзя отрицать, что субъекты, в частности, республики, имеют представительство в федеральных органах власти, свои органы судебной, исполнительной и законодательной власти. Тем не менее, принцип формирования местных органов, назначений на часть ключевых позиций в надзирающих и правоохранительных органах

власти, а также глав республик фактически перечеркивает главное условие самоопределения в виде необходимости учета позиций народа при принятии решений.

В качестве яркого тому примера является Закон Республики Ингушетия от 04.10.2018 № 42-РЗ «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» [8] (далее – Закон № 42-РЗ). Закон № 42-РЗ был принят с нарушением порядка, в течение одной рабочей недели оформлен, проведен через парламент Республики Ингушетия, после оспорен в Конституционном Суде Республики Ингушетии и признан противоречащим статьям Конституции Республики Ингушетия [9]. Несмотря на это, данный закон был официально введен в корпус правовых документов. Конституционный Суд РФ отметил отсутствие необходимости проведения референдума по вопросам установления границ, поскольку их попросту не было (Республика Ингушетия была создана без четких границ, после чего предложения специально созданных в 1995 и 2012 комиссий по вопросам определения границ между Чечней и Ингушетией так и не были применены).

В результате принятия данного соглашения под юрисдикцию Чеченской республики попали ряд населенных пунктов Сунженского района республики Ингушетия.

Закон № 42-РЗ вызвал массовые волнения и протесты ингушского народа. Официально в Конституционный Суд РФ были выслушаны мнения двух граждан из Ингушетии, которые заявили о самостоятельности в вопросе определения принадлежности своей родовой земли. Указания на то, что границы между субъектами могут быть изменены с взаимного согласия республик (ч. 3 ст. 67 Конституции РФ), что вопросы административно-территориального устройства республики должны решаться «с учетом мнения населения соответствующей территории» (ст. 111 Конституции Республики Ингушетия), были проигнорированы. Таким образом, была создана видимость правового решения конфликта, в котором право ингушского народа определять свое будущее было ограничено [10, с. 25].

Если принцип территориальной целостности государства, относящийся к сфере международного права, как было уже отмечено выше, предполагает защиту государства от внешних посягательств, то самоопределение, которое необходимо понимать, как внутреннее, в рамках границ уже существующих государств, должно быть основано на учете мнения народа по главным вопросам, которые определяют его будущее, путем прямого волеизъявления. В демократическом государстве главным условием является возможность свободного сознательного выбора.

Сложившаяся в Ингушетии ситуация показывает избирательность и относительность в российском праве возможности учета позиции народа, его самоопределения, чего, к сожалению, не лишены и реалии международного права (Косово, Абхазия, Нагорный Карабах и др.).

Таким образом, практика реализации права народа на самоопределение демонстрирует прямую зависимость от политической воли государства, от понимания неизбежности и необратимости решения исторически сложившихся территориальных споров.

Ограничение права народа в самоопределении, в свою очередь, подвергает под сомнение тезис о производности государства и государственной власти от волеизъявления народа.

Список литературы:

1. Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 7-33.
2. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята 14.12.1960 Резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».
3. Мазурин, С.Ф. Особенности совершения завещаний в странах романо-германской правовой системы / С.Ф. Мазурин // Вестник Санкт-петербургской юридической академии. – 2020. – № 3 (48). – С. 13-17.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (Принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-ем пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 65-73.
5. Барсегов, Ю.Г. Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения / Ю.Г. Барсегов. – М.: Международный гуманитарный фонд арменоведения, «Армбук-Маштоц», 1993. – 32 с.
6. Гуруев, Д.К. Конституционно-правовые аспекты реализации права на самоопределение народов России / Д.К. Гуруев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 4. – С. 3-5.
7. Сампиев, И.М. Институциализация самоопределения народов в политических процессах на Северном Кавказе в постсоветский период: автореф. дис. … канд. полит. наук / Сампиев И.М. – Краснодар, 2009. – 28 с.
8. Закон Республики Ингушетия от 04.10.2018 № 42-РЗ «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Конституция Республики Ингушетия. Принята 27.02.1994 на основе всенародного голосования в Республике Ингушетия // СПС «ГАРАНТ».
10. Акиева, П.Х. Право народа на самоопределение в России: проблемы теории и реальности / П.Х. Акиева // Либерально-демократические ценности. – 2020. – № 1. – С. 24-27.

ШУСТИК Юрий Олегович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
yurashustik@yandex.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БАНДИТИЗМ

В статье рассмотрен историко-правовой аспект развития норм уголовного законодательства России, предусматривающих ответственность за бандитизм.

Ключевые слова: *бандитизм, банды, преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание.*

В современных реалиях обеспечение общественной безопасности в Российской Федерации является одним из приоритетных направлений работы правоохранительных органов.

Последние десятилетия были отмечены возникновением и ростом организованной преступности, расширением сфер ее деятельности. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время [1, с. 24].

В условиях существования негативных вызовов довольно сложно поддерживать высокий уровень предупреждения преступлений. Однако такая работа должна проводиться с помощью различных инструментов. Одним из таких инструментов является совершенствование норм уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления против общественной безопасности, в частности за бандитизм. Это обусловлено тем, что посягательство вооруженных преступных группировок на жизнь, здоровье и собственность отдельных граждан, а также на имущество юридических лиц создают атмосферу напряженности и формируют у граждан представление об отсутствии защиты со стороны правоохранительных органов, тем самым способствуют дестабилизации общества. Вследствие этого общественность и государство в целом будет более уязвимой для влияния различных негативных факторов. Данные уголовной статистики показывают, что за 2020 год по статьям бандитизм, организация незаконных формирований, банд и преступных организаций или участие в них (ст. 208-210 УК РФ) судами было рассмотрено 233 уголовных дела, а количество лиц, причастным к данным уголовным делам, измерялось численностью 489 человек. [2]

Для исследования генезиса уголовно-правового обеспечения противодействия бандитизму целесообразным будет обратиться к памятникам отечественного права: «Русская правда»; Уставы князей Владимира и Ярослава; УК советского периода. Также следует проанализировать отдельные памятники права Российской империи: Артикул воинский 1715 г., Свод законов уголовных 1832 г., Уложения о наказаниях уголовные и исправительные 1845 г., Уголовное уложение 1903 г. и другие.

Так, для «Русской правды», которой ныне известно более ста списков XIII-XVIII вв., содержащиеся в составе различных сборников и летописей, основными источниками формирования стало обычное право славян и законодательная практика русских князей. Уже во второй половине X в. интегрированное обычное право славянских племен, так называемый Закон Русский, развился в «Правду русскую» – основной закон киевских князей. Впоследствии появляются такие писаные своды, как Правда Ярослава (1016 г.), Правда Ярославичей (1069-1072 гг.) и др. Наиболее известными списками Русской правды является Краткая редакция и Пространная редакция. В «Русской правде» под бандитизмом, в современном значении этого термина, законодатель понимал разбой: «пол в разбои без всякоя свады» [3].

Как правильно отмечает Р.Л. Черный, «в ст. 20 Краткой Правды устанавливается ответственность за разновидность умышленного убийства в разбое: а иже убьют огнищанина в разбои». Это преступление рассматривалось в Древнерусском государстве как особо тяжкое. В ст. 3 и 7 Пространственной Правды также закреплены нормы относительно убийства в разбое. В частности, в ст. 7 указано умышленное убийство, за которое законодателем предусматривалось применение к преступнику и его семье высшей меры наказания – «поток и разграбления» [4, с. 14]. То есть эти нормы можно признать основой для появления в будущем такого вида преступной деятельности, как бандитизм.

Ст. 19 Краткой Правды по Академическим спискам второй половины XV века в одном из обновленных переводов имеет такой вид: «Если убьют огнищанина во время разбойного нападения, а убийцу не будут искать, то виру платит община, где найден убитый» [3]. То есть в данной статье стоит констатировать наличие оснований для ответственности за соучастие в форме пособничества или причастность в виде заранее не обещанного сокрытия преступника.

С 1846 г. начинают расширять свое действие «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (далее – Уложение), что стало основным законодательным актом в области уголовного права Российской империи. Этот кодифицированный акт в редакциях от 1845, 1866 и 1885 гг. содержал систематизированную структуру, предусматривавшую наличие общей и особой частей. Впервые на законодательном уровне употреблено понятие «стая» как форма соучастия. Виды таких «шаек» отличались согласно цели их создания: для совершения государственных преступлений, поджогов, привоза фальшивых денег и тому подобное. Непосредственно основой бандитизма являлась ст. 1148, диспозиция которой изложена, в частности, как: «тот, кто составит шайку для разбоев». [5, с. 470] То есть законодатель установил уголовную ответственность за факт организации банды и участия в ней, то есть как посягательство на общественное спокойствие и порядок. В ст. 1149 предусматривалась, в частности, ответственность за создание «шаек» для «воровства-краж» и «воровства-мошенничества» [5, с. 470].

Определялись 3 формы участия в преступлении: 1) без предварительного соглашения (скоп) – различались главные виновные и участники; 2) по предварительному соглашению (заговор) –

различались зачинщики, сообщники, подговорщики, или подстрекатели, и пособники; 3) шайка [6, с. 117].

Т.е. в тот период шайка (банда) рассматривалась как одна из форм соучастия.

И хотя понятие «банда» в тексте уголовного закона не употреблялось, в теории уголовного права оно начало использоваться именно в период действия Уложения.

Рассмотрев статьи Уложения 1845 г., предусматривавшие ответственность за совершение шайками разбойных нападений, следует отметить, что шайкой признавалась группа лиц (трое и более), предварительно организовавшихся в преступное объединение для реализации специальной цели – совершение нападений, в том числе и на физических лиц. Наличие оружия у такой «шайки» является факультативным признаком. На устойчивость как обязательный признак шайки прямо не указывалось, обязательность ее наличия можно только предполагать. Следует также особо отметить, что сам факт участия в «шайке» представлял собой уголовно наказуемое деяние.

Последним кодифицированным источником уголовного права Российской империи было Уголовное уложение 1903 г. И, хотя этот нормативно-правовой документ в полном объеме так и не вступил в силу, несмотря на высокий уровень законодательной техники, он оказал существенное влияние как на дальнейшее развитие законодательства, так и на формирование уголовно-правовой доктрины.

Так, согласно ст. 279 Уголовного уложения 1903 г., шайки могли создаваться, в частности, для «повреждений чужого имущества, воровства, разбоев, вымогательств или мошенничеств», «приобретение, принятие на хранение, сокрытие, заведение или сбыт чужого имущества, добытого заведомо посредством преступного деяния» и т.д. За такие действия ответственность была самостоятельной, посягающей на общественное спокойствие, поскольку рассматриваемая статья была размещена в гл. 12 «О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие» [7, с. 101].

В дальнейшем уголовно-правовая регламентация бандитизма претерпела существенные изменения. На протяжении всей истории СССР бандитизм был и оставался наиболее тяжким преступлением, при этом к XX-XXI векам можно проследить устойчивую тенденцию его роста, появление новых разновидностей бандитизма, один из них стал бандитизм «политический». УК РСФСР 1922 г. значительно расширил и конкретизировал понятие «бандитизм». [8]

Именно в советский период указанный вид уголовного преступления приобрел свое развитие, появились специфические его виды: «политический», «националистический», «лагерный». К 1960-м годам происходят значительные изменения и в самой социальной сущности бандитизма (был сформирован характер общеуголовного преступления). Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» окончательно отделил состав бандитизма от контрреволюционных преступлений. Данное изменение стало финальным шагом к отделению состава

бандитизма от контрреволюционных преступлений, что позволило изменить вектор развития уголовной ответственности в сторону общеуголовного явления [9]. Фактически указанный период и сформировал современное определение бандитизма в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации. На современном этапе развития уголовного права ответственность за бандитизм предусмотрена 209 статьей Уголовного кодекса Российской Федерации. В указанной статье под бандитизмом понимается создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой), а также участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях [10].

Исследование истории и современного состояния уголовно-правового обеспечения противодействия бандитизма (дореволюционный период) показало, что необходимость существования такого уголовно-правового запрета во многом зависит от общественно-политической ситуации в государстве на определенном этапе ее развития. Наличие уголовной ответственности за бандитизм с достаточно суровой санкцией за его совершение было средством расправы и устрашения как отдельных граждан, так и целых слоев населения, но в современных условиях стало необходимым условием гарантирования надлежащего уровня общественной безопасности в государстве.

Список литературы:

1. Ушатов, Д.В. Отдельные вопросы методики расследования убийств, совершенных в составе банды, на территории Волгоградской области / Д.В. Ушатов // Мы и право. – 2010. – № 1. – С. 24-26.

2. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел // URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1 (дата обращения: 13.03.2022).

3. Краткая русская Правда (по Академическому списку половины XV в.) // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/krp.htm (дата обращения: 13.03.2022).

4. Черный, Р.Л. Бандитизм по уголовному праву / Р.Л. Черный // История государства и права. – 2018. – № 20. – С. 13-21.

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 922 с.

6. Суслин Э.В. История государства и права России в 2-х ч. Ч. 1: учебное пособие / Э.В. Суслин, Е.В. Мишина. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 136 с

7. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. – 250 с.

8. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

9. Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1. – Ст. 8.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // СЗ РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

ЯСАКОВ Михаил Александрович,
Санкт-Петербургская юридическая академия, магистрант;
yasakov_92@yandex.ru

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются особенности противоправности как условия гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: *неправомерное действие, противоправное деяние, ответственность, гражданское правонарушение, крайняя необходимость, необходимая оборона.*

Понятие «противоправное деяние» представляет собой частный случай неправомерного действия. Говоря о противоправном деянии в собственном, узком смысле, мы подразумеваем действие, которое, будучи совершенным в иной ситуации, могло бы быть квалифицировано в качестве правомерного или юридически безразличного, т.е. юридического поступка. Даже такие, казалось бы, заведомо неправомерные действия, как причинение вреда жизни или здоровью, в определенных условиях могут стать правомерными или юридически индифферентными поступками: пример первого случая мы имеем при действиях, совершенных в состоянии необходимой обороны, второго – при действиях, совершенных лицом, которому они не могут быть вменены.

Так же, как и в уголовном праве, понятием «деяния» в праве гражданском охватывается весь возможный арсенал вариантов поведения правонарушителя: активное поведение (действие), воздержание от действия (бездействие) и претерпевание.

Противоправное поведение как элемент состава гражданского правонарушения считается основным объективным обстоятельством наступления гражданско-правовой ответственности. Противоправным будет признанно действие (бездействие), которое не соблюдает и нарушает права и обязанности, которое закреплено, либо санкционировано нормами гражданского права, а кроме того, ещё и не предусмотрено определенной нормой права, однако противоречащие единым началам и смыслу гражданского законодательства [1, с. 82].

Касаемо вопроса о бездействии, оно может быть признано противоправным лишь при том обстоятельстве, что субъект в силу закона или соглашения был обязан осуществить конкретные действия, однако эти действия осуществлены не были.

В случае если законодательно или в договорном порядке обязанность никак не была учтена, то отсутствуют причины заявлять о противоправности бездействия.

Переходя к вопросу о сущности противоправности в составе гражданского правонарушения, то следует отметить, что имеется две разные точки зрения: объективная (несоблюдение нормы объективного права) [2, с. 31] и субъективная (несоблюдение права определенного субъекта) [3, с. 30].

С первой точкой зрения трудно согласится, т.к. если конкретный интерес охраняется правовой нормой, в таком случае это значит, что определенная мера возможного поведения, которая ориентирована на подтверждение и реализацию интереса, гарантирована нормой объективного права. Из этого следует, что обладатель интереса является в тот же период времени и обладателем субъективного права, который направлен на удовлетворение данной заинтересованности.

Говоря о противоправности, стоит говорить только лишь о несоблюдении общепризнанных норм права, не говоря о субъективных правах, так как несоблюдение объективного права, включающего субъективные права, предполагает и их несоблюдение.

Можно привести пример из судебной практики. При причинении ущерба заливом жилплощади имеет значение, является ли лицо виновное в причинении ущерба собственником данного жилого или нежилого помещения или нанимателем этого жилья. Поскольку установление личности, которое будет нести на себе бремя содержания имущества, это играет немаловажную роль, так как от этого будет зависеть точность возложения ответственности.

С.Ю. Репинский замечает, что «для возникновения ответственности за причинение вреда необходимо и достаточно нарушения нормы гражданского права, охраняемого соответствующие имущественные права (в частности, общей обязанности воздержаться от причинения вреда личности и имуществу другого). В рамках гражданского законодательства невозможно предусмотреть все конкретные действия, нарушающие нормы гражданского права и охраняемые ими субъективные права» [4, с. 73].

Также можно согласиться с мнением И.С. Шабуниной считающей, что «при определении понятия противоправности следует исходить из следующих равнозначных условий: (1) противоречие поведения причинителя вреда нормами объективного права; (2) нарушение чужого субъективного права.

Следовательно, противоправность следует определить как нарушение правовых норм посредством причинения вреда абсолютным субъективным правам» [5, с. 6].

Противоправным считается любое поведения, которое противоречит нормам права. При присутствии обязательных двух элементов состава гражданского правонарушения подобное поведение считается одним из условий гражданско-правовой ответственности.

Данное утверждение означает, что вред, который подлежит возмещению в рамках гражданско-правовой ответственности, может быть причинен лишь противоправным поведением. Но еще во время СССР существовало суждение, что само нанесение ущерба считается противоправным (с точки зрения гражданского права). Автором

подобного мнения был В.А. Тархов, но его точка зрения так и не нашла широкого признания в юридической литературе [6, с. 14]. Противоправным должно быть поведение субъекта, которое ориентировано на достижение вредного итога. Вред здесь представляет «цель». Ее достижение возможно осуществлением правомерного поведения, и, напротив, противоправное поведение способно не вызвать наступление вреда. «Правомерность совершаемого действия, – как пишут О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, – не исключает ответственности за результат, но правомерность результата не исключает ответственности за использование запрещенных законом средств» [7].

В современной отечественной литературе не один раз появлялась проблема: является ли противоправным деяние, которое нарушает моральные нормы? Что касается данного вопроса, то нарушение моральных норм только в единственном случае может быть условием наступления гражданско-правовой ответственности: в случае, если мера нравственности возведена в разряд нормы права и гарантирована государственным принуждением. Однако в данном случае моральная норма перестает являться такой и теряет специфику режима самоопределения субъекта.

Отсюда следует, что несоблюдение моральной нормы, которая не является правовой, не может быть основанием гражданско-правовой ответственности. Подобным основанием способно быть лишь нарушение нормы права.

Таким образом, противоправным деянием является действие (бездействие), нарушающее норму права. «Противоправным по нашему гражданскому праву, – как пишет В.П. Грибанов, – признается действие (бездействие), которые нарушают права и обязанности, закрепленные либо санкционированные нормами гражданского права, а также хотя и не предусмотренные конкретной нормой права, но противоречащие общим началам и смыслу гражданского законодательства» [8, с. 241].

Что касается норм морали, то по этому поводу Д.Н. Кархалев отмечает также, что «поведение, нарушающее моральные нормы, может быть признано противоправным, только когда закон придает конкретным моральным правилам правовой характер» [9, с. 45].

В юридической литературе обозначается несколько случаев причинения вреда, которые не являются противоправными, и таких случаев насчитывается пять: исполнение обязанности; осуществление права; согласие потерпевшего; необходимая оборона; крайняя необходимость [10, с. 14].

Выполнение обязанности осуществлять действия, нанесшие вред, ликвидирует противоправность поведения, а отсюда и будет ликвидирована ответственность. Юридическая обязанность вводится нормой права, следовательно, исполнение такого рода обязанности будет являться правовым действием (бездействием). Противоправным в данном случае станет неисполнение данной обязанности.

Осуществление права, равно как основания освобождения от ответственности, способно в некоторых случаях даже совпадать с исполнением обязательств лица. Наделение того или иного органа или должностного лица конкретными полномочиями совершается в целях

осуществления функций этой организации, по этой причине исполнение закрепленных за этой организацией прав предполагает собой ее прямые обязанности. Однако осуществление права не обязательно всегда сопряжено с осуществлением обязательств.

Согласие пострадавшего в осуществлении вредоносного воздействия ликвидирует противоправность данного деяния. Однако это относится только к тому умоляемому благу, каким потерпевший имеет право распоряжаться. Следует сказать, что речь идет не о согласии непосредственно причинить вред, а о согласии на совершение иным лицом действий, что должно повлечь за собой вред конкретному благу.

Необходимая оборона также исключает противоправность вредоносного деяния. Необходимую оборону в гражданском праве нужно определять, как правомерные действия лица, которые были произведены в целях защиты от противоправного посягательства со стороны другого лица путем причинения ему вреда. Вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, обоснован тем, что потерпевший собственными неправомерными действиями лично создает возможность и необходимость причинения ему вреда. Причинение вреда в этом случае считается правомерным способом защиты законодательно охраняемой ценности.

Крайняя необходимость ликвидирует противоправность причиненного вреда, но не исключает возложение прямой обязанности компенсировать его лицом, которое действовало в соответствии с крайней необходимостью. Крайняя необходимость будет представлять ситуацию конфликта двух правоохраняемых интересов, когда во избежание наступления вреда одному из двух лиц возможно лишь путем причинения вреда другому лицу. Деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости, исключает противоправность ввиду осознанного выбора субъекта наименьшего ущерба с целью избежания наибольшего.

Таким образом, можно сделать вывод, что противоправное поведения как элемент состава гражданского правонарушения, также как и вред, является объективным условием наступления гражданско-правовой ответственности. Противоправными признаются действия (бездействие), которые нарушают права и обязанности, закрепленные либо санкционированные нормами гражданского права, а кроме того, хотя и не предусмотренные конкретной нормой права, но противоречащие общим началам и смыслу гражданского законодательства.

Нарушение моральной нормы, не являющейся правовой, не может быть основанием гражданско-правовой ответственности. Подобным основанием может являться только нарушение нормы права.

Список литературы:

1. Зыбина, О.С. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие / О.С. Зыбина, А.Е. Толстова. – СПб.: АНО ВО «СЮА», 2019. – 196 с.

2. Смирнов, Н.Н. Противоправное поведение юридического лица и физических лиц: проблемы квалификации и разграничения / Н.Н. Смирнов // Российский судья. – 2012. – № 9. – С. 30-33.

3. Антонова, Е.Г. Противоправное поведение как основание гражданской ответственности / Е.Г. Антонова // Конкурентное право. – 2020. – № 2. – С. 29-32.

4. Репинский, С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / С.Ю. Репинский. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 229 с.

5. Шабунина, И.С. Понятие и особенности возникновения обязательства в следствии причинения вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Шабунина. – Ульяновск, 2004. – 27 с.

6. Егошин, А.И. Эволюция идеи и института гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств в советском праве 1961-1991 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Егошин. – М., 2011. – 26 с.

7. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М., 1961.

8. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2000. – 411 с.

9. Кархалев, Д.Н. Противоправное поведение как условие ответственности в гражданском праве / Д.Н. Кархалев // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 1. – С. 42-49.

10. Дождев, Д.В. Объективные критерии освобождения от ответственности в гражданском праве / Д.В. Дождев // Гражданское право. – 2017. – № 2. – С. 14-17.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Сборник научных статей по материалам всероссийской студенческой научной конференции с международным участием 20 апреля 2022 г.

Под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента ***НАЗАРОВА СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА***

Редакторы: Ковалева О.А., Семина Т.А.
Оригинал-макет: Маркушева А.А.

Подписано в печать 14.04.2022 г. Печать трафаретная. Формат 60х84 1/16
Объем 25,25 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 625.

Отпечатано в копировальном множительном участке
Санкт-Петербургской юридической академии

400

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская юридическая академия (далее – Академия) создана 7 июля 1997 года по инициативе заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора, Почётного президента Санкт-Петербургской юридической академии Станислава Федоровича Зыбина при участии федеральных и региональных органов государственной власти.

За 24 года образовательной деятельности Академия выпустила более 4800 выпускников. В числе выпускников – депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, депутаты муниципальных образований Санкт-Петербурга и Ленинградской области, государственные служащие, сотрудники Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной таможенной службы, военнослужащие Министерства обороны РФ и др.

Образовательная деятельность в Академии осуществляется на основании Лицензии Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации № 2394 от 20 сентября 2016 года (серия 90Л01, № 0009460) на осуществление образовательной деятельности по указанным в приложениях образовательным программам. Лицензия предоставлена бессрочно.

Академия имеет Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации о государственной аккредитации от 10 декабря 2019 года № 3294 (серия 90А01, № 0003507). Срок действия свидетельства о государственной аккредитации – до 10 декабря 2025 г.

В 2019 году Академия прошла процедуру профессионально-общественной аккредитации образовательных программ в Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и в соответствии с Решением Комиссии Ассоциации юристов России по юридическому образованию от 16 апреля 2019 года, протокол № 28 Академия получила Свидетельства № 53-Б, № 53-М/1, № 53-М/2 о профессионально-общественной аккредитации образовательных программ по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) и 40.04.01 «Юриспруденция» (уровень магистратуры).

Академия с 5 марта 2010 года является членом Ассоциации юридических вузов России (ЮРВУЗ) (Свидетельство № 0264).

В 2007 году Академия награждена Почетным дипломом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга «За выдающийся

вклад в развитие высшего профессионального образования в Санкт-Петербурге».

Образовательная деятельность в Академии осуществляется высококвалифицированным профессорско-преподавательским составом. Более 80% преподавателей Академии имеют ученые степени и ученые звания, среди которых известные научной и юридической общественности, вузовскому и профессиональному сообществу ученые: доктор юридических наук, профессор Э.В. Суслин; доктор педагогических наук, профессор А.В. Долматов; доктор юридических наук, профессор С.А. Роганов; доктор юридических наук, доцент С.Г. Александров; доктор юридических наук, профессор В.Г. Павлов; доктор юридических наук, доцент Е.В. Силина; доктор; исторических наук, доцент Д.Н. Соловьев и др.

Продолжительное время в коллективе Академии трудятся педагоги, награждённые знаком отличия «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»: Л.М. Дулич, П.В. Иванов, В.С. Кувшинов, Э.В. Суслин. Удостоены почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» профессор В.Г. Павлов, профессор П.В. Иванов.

Состояние материально-технического обеспечения и оснащённость образовательного процесса в Академии соответствуют требованиям, установленными федеральными образовательными стандартами высшего образования, и позволяют осуществлять качественную подготовку студентов.

Академия осуществляет обучение по направлениям подготовки:

40.03.01 Юриспруденция - бакалавриат, профили подготовки: гражданско-правовой, уголовно-правовой, государственно-правовой, «судебная деятельность»;

40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность, специализация - «Судебная деятельность»;

40.04.01 Юриспруденция - магистратура, программы подготовки: правовое обеспечение гражданского оборота и предпринимательства, теория и практика применения законодательства в уголовно-правовой сфере.

40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

12.00.01 Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве;

12.00.09 Уголовный процесс;

12.00.12 Криминалистика; Судебно-экспертная деятельность; Оперативно-розыскная деятельность.

44.06.01 Образование и педагогические науки (уровень подготовки кадров высшей квалификации).

Направления подготовки (направленность):

13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

По окончании обучения выдается диплом государственного образца

Вступительные испытания:

Бакалавриат:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ/собеседование по обществознанию, русскому языку, истории/иностранному языку. Срок обучения – 4 года.

Очно-заочная форма обучения:

- На базе высшего образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяцев.

- На базе среднего общего или среднего профессионального (не профильного) образования – собеседование по обществознанию, русскому языку, истории.

Срок обучения – 4 года 6 месяцев.

Заочная форма обучения:

- На базе высшего образования – собеседование по основам конституционного права Российской Федерации, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 2 месяца.

- На базе среднего профессионального (юридического) образования – собеседование по теории государства и права, русскому языку, обществознанию.

Срок обучения – 3 года 6 месяцев.

Специалитет:

Очная форма обучения – результаты ЕГЭ/собеседование по обществознанию, русскому языку, истории/ иностранному языку (срок обучения – 5 лет).

Магистратура:

Очная форма обучения – собеседование по конституционному праву Российской Федерации, гражданскому/уголовному праву (срок обучения – 2 года).

Заочная форма обучения – собеседование по конституционному праву Российской Федерации, гражданскому/уголовному праву (срок обучения – 2 года 5 месяцев).

Аспирантура:

Очная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 3 года).

Заочная форма обучения – вступительные испытания по специальной дисциплине и иностранному языку (срок обучения – 4 года).

Справочная информация:

- В Академии осуществляется обучение по программам дополнительного профессионального образования.
- Студентам очной формы обучения предоставляется отсрочка от призыва на военную службу.
- Действует гибкая система оплаты.
- Студентам очной формы обучения предоставляется общежитие.

Адрес Академии:

192012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д.114 лит. А.

Приемная комиссия:

+7 (812) 677-00-07; +7 (921) 951-34-33; +7 (921) 564-31-01

E-mail: jurac.spb@mail.ru; priem@jurac.ru

Официальный сайт Академии: www.jurac.ru

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НАШУ АКАДЕМИЮ!